

ФГБОУ ВПО «АЛТАЙСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
НИИ гуманитарных исследований
Кафедра археологии, этнографии и музеологии
Лаборатория междисциплинарного изучения
археологии Западной Сибири и Алтая
УПРАВЛЕНИЕ АЛТАЙСКОГО КРАЯ
ПО КУЛЬТУРЕ И АРХИВНОМУ ДЕЛУ

**СОХРАНЕНИЕ И ИЗУЧЕНИЕ
КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ
АЛТАЙСКОГО КРАЯ**

Выпуск XX

Барнаул

Издательство Алтайского
государственного университета
2014

УДК 902(571.150)(08)
ББК 63.48(2Рос-4Алт)я431
С 689

Ответственные редакторы:
А.А. Тишкин, В.П. Семибратов

Редакционная коллегия:
*В.В. Горбунов, Т.Г. Гребенникова, Е.Г. Кабанова,
Ю.Ф. Кирюшин, Г.А. Кубрина, Д.В. Папин, Я.В. Фролов*

С 689   **Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края** : ст. науч. ст. / отв. ред. А.А. Тишкин, В.П. Семибратов. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2014. – Вып. XX. – 288 с.

ISBN 978-5-7904-1626-2

В сборнике научных статей опубликованы материалы докладов XX научно-практической конференции (с международным участием) «Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края». Рассматриваются различные вопросы, связанные с проблемами сохранения, изучения и использования археологических, исторических и архитектурных памятников Алтайского края и сопредельных регионов.

УДК 902(571.150)(08)
ББК 63.48(2Рос-4Алт)я431

*Сборник научных трудов подготовлен в рамках реализации гранта
Министерства образования и науки РФ (постановление №220),
полученного ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет»
(проект №2013-220-04-129 «Древнейшее заселение Сибири:
формирование и динамика культур на территории Северной Азии»)*

ISBN 978-5-7904-1626-2

©Оформление. Издательство Алтайского госуниверситета, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ 1. ПРОБЛЕМЫ ОХРАНЫ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПАМЯТНИКОВ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ

<i>Кубрина Г.А.</i> Об итогах деятельности за 2006–2013 гг. и перспективных направлениях работы по сохранению историко-культурного наследия в Алтайском крае	7
<i>Артамонова Ю.С., Гребенникова Т.Г.</i> Археологические коллекции из памятников Алтая в культурно-просветительской деятельности России	19
<i>Бейсенов А.З.</i> Сохранение археологического наследия в Центральном Казахстане	23
<i>Гребенникова Т.Г., Турло Т.П., Шаталова М.А.</i> Региональная музейная архитектура: особенности использования специально построенных и приспособленных зданий	29
<i>Нестеров Е.А.</i> Опыт коммуникативного использования археологических коллекций краеведческими музеями Алтайского края в 1960–1980-х гг.	34
<i>Паршикова Т.С.</i> Об охране археологических памятников на Алтае в 1940–1950-е гг.	40
<i>Тишкин А.А.</i> Научный потенциал археологического собрания Змеиногорского музея	43
<i>Шелепова Е.В.</i> Формирование представления об археологии Большого Алтая во второй половине XIX в.	48

РАЗДЕЛ 2. ИЗУЧЕНИЕ ПАМЯТНИКОВ АРХЕОЛОГИИ

<i>Бобров Л.А.</i> Научно-историческая реконструкция шлема из Далматовского Успенского монастыря	52
<i>Боброва А.И.</i> Коллекции томского города в фондах ТОКМ	60
<i>Бородовский А.П., Горохов С.В.</i> Археологические памятники долины р. Шибелик и Кулдуайры у южного склона Семинского хребта	64
<i>Гельмель Ю.И.</i> Из истории изучения археологических памятников Славгородского района	70
<i>Головченко Н.Н., Кузнецова Е.А.</i> Мониторинг памятника Кочковатое (Крутихинский район, Алтайский край)	73
<i>Горбунов В.В., Кирюшин К.Ю.</i> Случайные находки средневековых предметов в Павловском районе	76

<i>Горбунов В.В., Тишкин А.А., Ситдииков А.Г.</i> Продолжение исследований курганного могильника Сростки-I	80
<i>Грушин С.П., Фролов Я.В., Миляев Г.А., Леонтьева Д.С.</i> Результаты раскопок 2013 г. на поселении Фирсово-XV	87
<i>Дашковский П.К., Мейкшан И.А.</i> Исследование курганов скифского времени на могильниках Чинета-II и Инской дол	94
<i>Илюшин А.М., Борисов В.А.</i> Средневековое жилище на комплексе археологических памятников Торопово-7	100
<i>Кирюшин К.Ю.</i> Кости со следами обработки в материалах памятника энеолита Новоильинка-III (Северная Кулунда)	105
<i>Кирюшин К.Ю., Фролов Я.В., Редников А.А.</i> Поселение Бойниха-1 – памятник неолита и раннего железного века Барнаульского Приобья	112
<i>Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю., Абдулганеев М.Т.</i> К вопросу об атрибуции памятника Тузовские Бугры-I (Васино-5)	119
<i>Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю., Лихачева О.С.</i> Кинжал раннего железного века из Чернопятково	127
<i>Ковалев А.А.</i> Бронзовое зеркало из Тибета, декорированное точечной гравировкой	132
<i>Ковалевский С.А.</i> Обследование археологических памятников на территории Тувы и Северной Монголии комплексной научно-исследовательской экспедицией ТувГУ в 2013 г.	136
<i>Кунгуров А.Л., Мамадаков Ю.Т.</i> Новые памятники каменного века в предгорьях Алтая	141
<i>Лихачева О.С.</i> Разведка в Бийском районе Алтайского края	150
<i>Омаров Г.К., Толегенов Е.Т.</i> Памятники средневекового населения Казахского Алтая	155
<i>Папин Д.В., Федорук А.С., Черных Д.В., Бирюков Р.Ю.</i> Предварительные результаты электромагнитного изучения поселения Бурла-3	162
<i>Пилипенко С.А.</i> Реконструкция средневекового берестяного сосуда из Кемеровской области (по материалам курганного могильника Саратовка)	164
<i>Пилипенко С.А.</i> Реконструкция средневековых берестяных ножен из Топовских курганов Кольванского района НСО	167
<i>Серегин Н.Н.</i> Охранные раскопки погребальных комплексов раннесредневековых тюрок на территории Алтая (историографический аспект)	171

<i>Ситников С.М.</i> К археологической карте Хабаровского района	177
<i>Тишкин А.А., Матренин С.С.</i> Керамические материалы из раскопок на Алтае курганной группы сянббийско-жужанского времени Степушка-I	185
<i>Фролов Я.В.</i> Новые могильники раннего железного века в Барнаульском Приобье	189
<i>Шалахов Е.Г.</i> Кремневый комплекс Усть-Ветлужского могильника сейминско-турбинского типа	194

РАЗДЕЛ 3. ИЗУЧЕНИЕ ПАМЯТНИКОВ ИСТОРИИ, АРХИТЕКТУРЫ И ЭТНОГРАФИИ

<i>Бельгибаев Е.А.</i> Архивные материалы как источник по этнодемографии, природопользованию и хозяйству коренного тюркоязычного населения северных предгорий Алтая (о результатах архивной работы в 2011–2013 гг.)	199
<i>Воробьева Н.В.</i> Проблемы и перспективы работы с книжными памятниками в Алтайском крае	202
<i>Мамонтова О.С.</i> Предметы культуры и быта телеутов в собрании Алтайского государственного краеведческого музея	204
<i>Мардасова Е.В.</i> Сохранение и изучение спортивного наследия на примере создания музея истории альпинизма на Алтае	208
<i>Мунхбат Д.</i> Верблюжий караван, доехавший из Западной Монголии до Бийска	212
<i>Тадина А.Н., Ябыштаев Т.С.</i> Съезд-«Курултай» на пути трансформации родовой потестарности алтайцев	216
<i>Терентьев В.И.</i> Трансформация самоидентификации «монгольских ойратов» в начале XXI в.	219
<i>Тишкина Т.В., Гусельникова М.В.</i> Деятельность сотрудника Алтайского краевого краеведческого музея Т.А. Полухина	222
<i>Целищева М.А.</i> История здания-памятника архитектуры «Дом купца Поскотинова» в г. Барнауле	227
<i>Целищева М.А.</i> История здания-памятника архитектуры по ул. Пушкина, 58 / ул. Гоголя, 57 в г. Барнауле	236
<i>Цэдэв Наваанзоч Х.</i> Отношение монголов к старшим (на примере пословиц и поговорок)	244
<i>Шмидт А.В., Пермяков В.В.</i> Изучение объектов деревянного зодчества на Ямале	247

РАЗДЕЛ 4. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ОБЪЕКТОВ НАСЛЕДИЯ В СФЕРЕ КУЛЬТУРНОГО ТУРИЗМА

<i>Кимеев В.М.</i> Перспективы создания музея-заповедника «Стан-Бехтемир» в Бийском районе Алтайского края	255
<i>Кузеванова М.Ю., Гребенникова Т.Г.</i> Роль регионального университетского музея в актуализации культурного наследия	258
<i>Мусаева Р.С.</i> О возможностях использования музеефицированных памятников археологии в познавательном туризме (Казахстан)	264
<i>Ротанова И.Н., Тикунев В.С.</i> Историко-культурное наследие Алтайского региона в атласе «Большой Алтай: природа, история, культура»	267
<i>Тишкин А.А.</i> О необходимости музеефикации курганной группы Сростки-I	272
<i>Тулегенов Т.Ж.</i> Направление развития и перспективы работы Государственного историко-культурного заповедника-музея «Иссык» в деле использования историко-культурного наследия	278
<i>Харламов С.В., Харламова Н.Ф.</i> Международный культурно-туристический маршрут «Великий шелковый путь» в Алтайском крае как пример использования объектов наследия в сфере культурного туризма	282

РАЗДЕЛ 1. ПРОБЛЕМЫ ОХРАНЫ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПАМЯТНИКОВ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ

Г.А. Кубрина

*Управление Алтайского края по культуре и архивному делу,
Барнаул, Россия*

ОБ ИТОГАХ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЗА 2006–2013 гг. И ПЕРСПЕКТИВНЫХ НАПРАВЛЕНИЯХ РАБОТЫ ПО СОХРАНЕНИЮ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В АЛТАЙСКОМ КРАЕ

Научно-практическая конференция «Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края» стала традиционной и внесла значительный вклад в дело изучения, сохранения и популяризации историко-культурного наследия региона. Сборник посвящен XX юбилейной конференции, поэтому в предлагаемой информации представлены основные направления деятельности управления Алтайского края по культуре и архивному делу за 2006–2013 гг. по сохранению историко-культурного наследия.

Напомним некоторые этапы формирования системы органов охраны объектов культурного наследия в Алтайском крае.

Решением исполнительного комитета Алтайского краевого Совета народных депутатов №124 от 21.04.1988 г. создана производственная группа по охране и эксплуатации памятников истории и культуры при управлении культуры крайисполкома. В соответствии с решением исполнительного комитета Алтайского краевого Совета народных депутатов №241 от 28.06.1990 г. и во исполнение приказа Министерства культуры РСФСР от 26.01.1990 г. №33 производственная группа реорганизована в Научно-производственный центр по охране и использованию памятников истории и культуры при управлении культуры крайисполкома. В 1992 г. он преобразован в Научно-производственный центр по сохранению историко-культурного наследия Алтайского края (НПЦ «Наследие»), в 2011 г. – в КГБУ «Научно-производственный центр по сохранению историко-культурного наследия Алтайского края» (НПЦ «Наследие»).

В соответствии с законом Алтайского края №32-ЗС от 12.05.2005 г. «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) в Алтайском крае» органом охраны объектов культурного наследия определено управление Алтайского края по культуре и архивному делу. С 2010 г. управление обеспечивает выполнение полномочий Российской Федерации в области государственной охраны, сохранения, использования и популяризации объектов культурного наследия, переданных для осуществления органам государственной власти субъекта Российской Федерации.

Функции по охране, сохранению, использованию и популяризации объектов культурного наследия в управлении выполняет отдел культурного наследия. Отдел также осуществляет поддержку музейного дела и народных художественных промыслов в регионе, курирует строительство и реконструкцию объектов культуры.

К основным направлениям деятельности отдела в сфере сохранения объектов культурного наследия относятся:

- разработка проектов нормативных правовых актов, регулирующих вопросы обеспечения сохранности памятников в регионе;
- согласование проектной документации на проведение работ по сохранению объектов культурного наследия;
- согласование разделов об обеспечении сохранности объектов культурного наследия в составе проектной документации на проведение строительных работ;
- выдача заданий и разрешений на проведение работ по сохранению объектов культурного наследия;
- рассмотрение и согласование документов территориального планирования в части соблюдения требований сохранения объектов культурного наследия;
- оформление охранных обязательств с собственниками и пользователями объектов культурного наследия;
- контроль состояния объектов культурного наследия и соблюдения законодательства в сфере охраны памятников.

КГБУ «Научно-производственный центр по сохранению историко-культурного наследия Алтайского края» (НПЦ «Наследие») находится в ведомственном подчинении управления Алтайского края по культуре и архивному делу и осуществляет работу по выявлению, сохранению и популяризации объектов культурного наследия.

В органах местного самоуправления городских поселений определены структурные подразделения, ответственные за работу по сохранению и охране объектов культурного наследия:

- комитет по культуре города Барнаул, с 2014 г. при комитете по строительству, архитектуре и развитию города Барнаула создано муниципальное казенное учреждение «Архитектура», одним из направлений деятельности которого является осуществление полномочий в указанной сфере;
- муниципальное учреждение «Управление культуры, спорта и молодежной политики администрации города Бийска»;
- муниципальное учреждение «Управление культуры, спорта и молодежной политики» г. Рубцовска.

Для сохранения богатейшего культурного наследия и повышения эффективности работы в Алтайском крае реализуется комплекс мер в рамках реализации концепции сохранения, использования, популяризации объектов культурного наследия в Алтайском крае на период до 2020 г., долгосрочной целевой программы «Культура Алтайского

края» на 2011–2015 гг., краевой адресной инвестиционной программы, ведомственных целевых программ «Сохранение и развитие традиционной народной культуры Алтайского края» на 2012–2014 гг. и «Ремонт и благоустройство памятников Великой Отечественной войны, расположенных в поселениях края» на 2013–2015 гг.

Следует отметить, что в настоящее время в целом завершено формирование нормативной правовой базы в сфере сохранения, использования, популяризации и государственной охраны объектов культурного наследия. Всего за период с 2006 г. утверждено 52 нормативных правовых акта: 3 закона Алтайского края, 9 постановлений Администрации Алтайского края, 1 постановление Алтайского краевого Законодательного Собрания и 39 приказов управления края по культуре и архивному делу. Утверждено 8 административных регламентов по исполнению управлением края по культуре и архивному делу государственных функций и предоставлению услуг по всем основным направлениям работы.

Вопросы *выявления и учета объектов культурного наследия* являются основополагающими в деятельности по сохранению историко-культурного наследия.

На территории Алтайского края расположены 4506 объектов культурного наследия, принятых на государственную охрану в соответствии с законодательством Российской Федерации: 128 памятников истории и культуры федерального и 4378 краевого значения. В числе объектов культурного наследия 1623 памятника истории (из них 1052 памятника, посвященных Великой Отечественной войне), 629 памятников архитектуры, 2254 памятника археологии.

В едином государственном реестре объектов культурного наследия Министерством культуры зарегистрирован 61 памятник истории и культуры Алтайского края, в том числе 3 – федерального значения. В Министерство культуры Российской Федерации в 2013 г. направлены комплекты документов по 157 объектам культурного наследия, в том числе по 14 объектам федерального значения.

Количество пакетов документов объектов культурного наследия, подготовленных для регистрации их в едином государственном реестре объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации		Количество пакетов документов объектов культурного наследия, направленных в Министерство культуры Российской Федерации в целях рассмотрения вопроса регистрации их в едином государственном реестре		Количество объектов культурного наследия, зарегистрированных в едином государственном реестре	
277		157		61	
16 (Ф)	261 (Р)	14 (Ф)	143 (Р)	3 (Ф)	58 (Р)

Примечания: (Ф) – объекты культурного наследия федерального значения; (Р) – объекты культурного наследия регионального значения.

В настоящее время управлением Алтайского края по культуре и архивному делу, при проверке подготовленных НПЦ «Наследие» пакетов документов для регистрации памятника в едином государственном реестре объектов культурного наследия, одновременно с утверждением предмете охраны, границ территории и режимов ее использования, уточняется пообъектный состав комплексов, проверяются данные о местоположении объектов наследия. Управление также направляет информацию об объекте культурного наследия и его территории в муниципальные образования края для ее размещения в соответствующих информационных системах обеспечения градостроительной деятельности.

В 2013 г. подготовлены документы и проведена государственная историко-культурная экспертиза по включению в реестр объекта, обладающего признаками объекта культурного наследия «Дом матери», принадлежащего Всероссийскому мемориальному музею-заповеднику В.М. Шукшина. В настоящее время осуществляется подготовка необходимых документов для рассмотрения Алтайским краевым Законодательным Собранием вопроса включения в реестр указанного объекта.

Большое внимание управлением уделяется *государственной охране объектов культурного наследия.*

В 2013 г. в целях сохранения и развития исторических поселений, защиты культурно-исторических городских и природных ландшафтов внесены изменения в закон Алтайского края от 12.05.2005 г. №32-ЗС «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) в Алтайском крае» и в закон Алтайского края от 29.12.2009 г. №120-ЗС «О градостроительной деятельности на территории Алтайского края». Данные нормативные правовые акты в соответствии с Федеральным законом от 12.11.2012 г. №179-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» и Градостроительный кодекс Российской Федерации» дополнены положениями об особом регулировании градостроительной деятельности на территории исторических поселений краевого значения. Законом Алтайского края от 02.07.2013 г. №42-ЗС «О внесении изменений в закон Алтайского края «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) в Алтайском крае» установлен порядок утверждения перечня исторических поселений краевого значения, предмета охраны и границы территории исторического поселения краевого значения, а также порядок согласования проекта правил землепользования и застройки, подготовленного применительно к территории такого исторического поселения.

Внесены изменения в закон Алтайского края от 10.07.2002 г. №46-ЗС «Об административной ответственности за совершение правонарушений на территории Алтайского края», связанные с урегулированием правоотношений в сфере привлечения к ответственности за нарушение требований сохранения объектов культурного наследия на федеральном уровне.

В административные регламенты управления Алтайского края по культуре и архивному делу по исполнению государственных функций и оказанию услуг в области сохранения объектов культурного наследия внесены изменения, вызванные динамикой федерального и краевого законодательства.

В последние годы на качественно новый уровень поднята работа по осуществлению государственного контроля за соблюдением законодательства в сфере сохранения, использования и охраны объектов культурного наследия, за состоянием государственной части Музейного фонда Российской Федерации, а также работа по привлечению лиц к административной ответственности, активизации судебной практики.

В 2013 г. специалистами отдела культурного наследия управления проведено 27 проверок соблюдения законодательства в сфере сохранения, использования и охраны объектов культурного наследия, по объектам культурного наследия федерального значения – 6 проверок. Выдано 21 предписание об устранении выявленных нарушений (1 – по объекту федерального значения). Составлено 9 протоколов о правонарушениях (2 – по объектам федерального значения), в соответствии с которыми наложено 7 административных наказаний в виде штрафов, в том числе: ООО «Алтайград», ОАО «ИПП «Алтай», ООО «Кино-Люкс. Всего с 2010 по 2013 г. проведено 44 контрольных мероприятия, по итогам которых выдано 39 предписаний об устранении выявленных нарушений, составлено 23 протокола о правонарушениях, в соответствии с которыми наложено 18 административных наказаний.

В рамках осуществления государственного контроля над сохранением объектов культурного наследия с 2010 по 2013 г. проведены 84 проверки состояния объектов культурного наследия федерального значения, в том числе в 2013 г. – 33.

Управление принимает участие в судебных заседаниях в судах общей юрисдикции и арбитражных судах по вопросам соблюдения законодательства в сфере сохранения объектов культурного наследия. К положительным примерам судебной практики по сохранению памятников истории и культуры относятся следующие судебные решения:

- о возложении обязанностей на органы местного самоуправления по оформлению юридических прав на памятники истории и культуры, расположенные на территории муниципальных образований;

- о возложении на собственников (пользователей) объектов культурного наследия обязанностей по заключению с управлением Алтайского края по культуре и архивному делу охранных обязательств;

- о признании незаконными бездействий юридических лиц, являющихся собственниками объектов культурного наследия, по непринятию мер к содержанию и использованию данных объектов в надлежащем противопожарном и техническом состоянии и возложении обязанностей проведения ремонтно-реставрационных работ.

Управлением, как государственным органом охраны объектов культурного наследия Алтайского края, осуществляется работа по оформлению охранных документов для пользователей объектов культурного наследия. В 2013 г. оформлено 402 комплекта охранных обязательств, включая 14 на объекты федерального значения (в 2012 г. – 315).

Начиная с 1998 г. охранные обязательства оформлялись краевым государственным учреждением культуры «Научно-производственный центр по сохранению историко-культурного наследия Алтайского края». С марта 2011 г. документация выполняется в соответствии с Административным регламентом по предоставлению государственной услуги «Оформление охранных обязательств с собственником (пользователем) объекта культурного наследия» отделом культурного наследия управления Алтайского края по культуре и архивному делу. За истекший период оформлено 3046 охранных обязательств, в том числе с 2006 по 2013 г. – 2380.

Целенаправленная работа с территориальным управлением Федерального агентства по управлению государственным имуществом в Алтайском крае привела к определению пользователя объекта культурного наследия «Дом Поскотинова», расположенного по адресу: г. Барнаул, ул. Мало-Олонская, 21 с последующим оформлением охранных обязательств на объект, в котором определены виды и сроки проведения ремонтно-реставрационных работ. По итогам проверки соблюдения законодательства в сфере охраны объектов культурного наследия, проведенной в территориальном управлении в 2013 г., заключено 9 охранных обязательств, в том числе 6 на памятники археологии.

В соответствии с условиями договора купли-продажи объекта культурного наследия федерального значения «Дом Шадрина» (г. Барнаул, просп. Красноармейский, 8) покупателем ООО «Русский чай» заклю-

чено по согласованию с Сибирским управлением Минкультуры России охранное обязательство, условия которого по сохранению, содержанию и использованию объекта утверждены Департаментом контроля, надзора и лицензирования в сфере культурного наследия Министерства культуры Российской Федерации. Перечнем работ по сохранению объекта культурного наследия и благоустройству его территории предусмотрено на разработку проекта комплексной реставрации с приспособлением памятника к современным требованиям и выполнение реставрации объекта с воссозданием первоначального облика.

Первостепенным в деле сохранения культурного наследия является надлежащее оформление права собственности всех муниципальных образований края на объекты культурного наследия (памятники истории и культуры).

Следует отметить, что НПЦ «Наследие» многие годы проводится методическая работа с органами местного самоуправления по вопросам сохранения культурного наследия. Несомненно, это важная часть работы позволяет налаживать взаимодействие с органами местного самоуправления, обеспечивать их нормативно-правовыми документами. Однако существенно изменить ситуацию с оформлением права собственности стало возможным благодаря реализации двух целевых программ по ремонту памятников Великой Отечественной войны, когда обязательным условием является наличие оформленного права собственности на объекты, включенные в программу. Так в 2012 г. было оформлено право собственности на 75 объектов и выполнено 143 кадастровых паспорта земельного участка, в 2013 г. – 27 объектов и 30 паспортов (без учета данных по регистрации права собственности на памятники архитектуры городов Барнаула и Бийска). С целью повышения ответственности органов местного самоуправления управлением инициировано рассмотрение вопроса «О деятельности органов местного самоуправления по оформлению и регистрации права муниципальной собственности на объекты культурного наследия и заключению охранных обязательств с управлением Алтайского края по культуре и архивному делу» на краевой комиссии по местному самоуправлению. Органам местного самоуправления рекомендовано разработать и согласовать с управлением Алтайского края по культуре и архивному делу план-график работ по оформлению права собственности муниципальных образований края с последующей регистрацией прав в Едином государственном реестре прав на недвижимое имущество и сделок с ним. В настоящее время такая работа с муниципалитетами ведется, а решение комиссии поставлено на контроль.

Управлением края по культуре и архивному делу также в 2008 г. была разработана и направлена типовая форма муниципального нормативного правового акта о полномочиях в области охраны, сохранения, использования и популяризации объектов культурного наследия. В на-

стоящее время такие документы приняты во всех муниципальных образованиях.

Используется также практика заслушивания муниципальных образований на коллегии управления по культуре и архивному делу. В 2013 г. рассматривался вопрос «О сохранении объектов культурного наследия, находящихся в муниципальной собственности г. Барнаула».

В соответствии с положениями Градостроительного кодекса Российской Федерации, закона Алтайского края от 29.12.2009 г. №120-ЗС «О градостроительной деятельности на территории Алтайского края», постановления Администрации Алтайского края от 13.06.2007 г. №267 «Об утверждении Порядка согласования проектов документов территориального планирования Администрацией края» осуществляется контроль соблюдения требований сохранения объектов культурного наследия при разработке документов территориального планирования муниципальных образований края.

В 2013 г. рассмотрено 30 схем территориального планирования муниципальных районов, генеральных планов сельских и городских поселений (по итогам 2012 г. – 41 документ территориального планирования). На графических материалах, входящих в состав данных документов, отображаются объекты культурного наследия, а в перечень мероприятий по территориальному планированию включаются предложения по их сохранению и использованию. Сотрудниками КГБУ «Научно-производственный центр по сохранению историко-культурного наследия Алтайского края» за отчетный период подготовлены материалы по объектам культурного наследия для 21 генерального плана. Вопросы, связанные с разработкой документов территориального планирования, регулярно рассматривались на заседаниях краевого Градостроительного совета.

Документами территориального планирования муниципальных образований, схемой территориального планирования Алтайского края, а также планом мероприятий концепции сохранения, использования, популяризации объектов культурного наследия в Алтайском крае на период до 2020 г. предусмотрена разработка проектов зон охраны объектов культурного наследия. Вместе с тем реализация данных положений связана с определенными трудностями, обусловленными недостаточностью средств в муниципальных бюджетах.

В настоящее время подготовлены и проходят согласование изменения, внесенные в долгосрочную целевую программу «Культура Алтайского края» на 2011–2015 гг., предусматривающие разработку проектов зон охраны объектов культурного наследия краевого значения. При подготовке проектов реконструкции объектов культурного наследия, включенных в краевую адресную инвестиционную программу, в техническом задании содержится условие выполнения проектов зон охраны данных объектов. Расходы на разработку проекта зон охраны объектов культурного наследия, расположенных в с. Сростки Бийского района,

включены в бюджетное финансирование КГБУ «Всероссийский мемориальный музей-заповедник В.М. Шукшина» на 2014 г.

В 2012–2013 гг. разработаны проекты зон охраны следующих объектов культурного наследия регионального значения: «Купеческий особняк» (г. Барнаул, ул. Никитина, 78), «Банк» (г. Барнаул, просп. Социалистический, 103 / ул. Молодежная, 38) и объект культурного наследия федерального значения «Здание горной лаборатории» (г. Барнаул, ул. Ползунова, 46). С собственниками и пользователями объектов решаются вопросы проведения историко-культурной экспертизы разработанных проектов, после получения чего пройдет согласование и утверждение проектов зон охраны в установленном законодательном порядке.

В рамках федеральной целевой программы «Культура России (2012–2018 гг.)», долгосрочной целевой программы «Культура Алтайского края» на 2011–2015 гг. и государственного задания в 2013 г. сотрудниками НПЦ «Наследие» выполнен мониторинг состояния и использования 160 памятников истории и культуры, обработана и включена в электронную базу информация о 188 объектах культурного наследия (всего в электронной базе в настоящее время содержится информация по 1520 объектам), оформлены акты о причинении (не причинении) вреда 42 объектам наследия, проведены визуальные обследования 98 памятников деревянного зодчества г. Бийска.

Существенное значение для повышения эффективности работы по *сохранению объектов культурного наследия* имеет создание правовых, организационных и финансовых условий.

В 2013 г. управлением края по культуре и архивному делу выдано 8 заданий и 48 разрешений на проведение работ по сохранению объектов культурного наследия (в 2012 г. – 7 и 42 соответственно), в том числе на объекты федерального значения 8 разрешений. Согласовано 57 комплектов проектной документации на проведение работ по сохранению объектов культурного наследия (в 2012 г. – 25), включая 5 – на объекты федерального значения. В целях обеспечения сохранности памятников археологии при проведении строительных работ управлением по культуре и архивному делу согласовано 47 разделов об обеспечении сохранности объектов культурного наследия в проектах проведения указанных работ (в 2012 г. – 69).

В 2013 г. более 176 млн. руб. из бюджетов всех уровней и внебюджетных источников было направлено на проведение ремонтно-реставрационных работ на памятниках архитектуры и истории:

- 136,1 млн. руб. из краевого бюджета;
- 24,5 млн. руб. из бюджетов муниципальных образований;
- 9,4 млн. руб. из федерального бюджета;
- 6,3 млн. руб. из внебюджетных источников.

За счет всех источников финансирования проводились работы на 269 объектах культурного наследия, имеющих важное градостроитель-

ное значение и формирующих облик центральных улиц и площадей населенных пунктов региона (в 2012 г. направлено 145,4 млн. руб. на ремонт 140 объектов наследия).

Основные показатели работы отдела приведены в таблице:

Год	Согласовано комплектов проектной документации	Согласовано разделов обеспечения сохранности объектов культурного наследия	Выдано заданий	Выдано разрешений	Рассмотрено документов территориального планирования	Оформлено охранных обязательств
2006	н.д.	н.д.	н.д.	8	н.д.	305
2007	н.д.	н.д.	н.д.	13	н.д.	307
2008	н.д.	н.д.	н.д.	5	н.д.	185
2009	н.д.	н.д.	4	17	н.д.	206
2010	12	10	2	14	35	267
2011	32	35	11	11	26	405
2012	25	69	7	42	41	315
2013	57	47	8	48	30	402
Итого:	114	161	32	158	132	2380

* Отсутствие данных по некоторым позициям, объясняется тем, что унифицированный учет ведется с момента утверждения административных регламентов.

На ремонт объекта культурного наследия федерального значения «Церковь святителя Димитрия Ростовского» и объекта культурного наследия краевого значения «Здание административное» (здание ФГБОУ ВПО «Алтайская государственная академия культуры и искусств») направлены средства федерального бюджета в сумме 9424,3 тыс. руб.

В рамках краевой адресной инвестиционной программы осуществлялась реставрация объектов культурного наследия краевого значения «Средняя школа» (г. Барнаул, просп. Калинина, 1 / просп. Ленина, 88), «Здание бывшей школы, в которой учился М.Т. Калашников, дважды Герой Социалистического труда, Лауреат Государственной премии СССР, изобретатель стрелкового оружия» (с. Курья Курьинского района) и разработка проектно-сметной документации на капитальный ремонт объекта культурного наследия краевого значения «Клуб в честь 10-летия Октября» (г. Рубцовск, ул. им. Карла Маркса, 141). Финансирование перечисленных работ из краевого бюджета составило 116965,9 тыс. руб.

В 2013 г. в рамках мероприятий ведомственной целевой программы «Ремонт и благоустройство памятников Великой Отечественной войны, расположенных в поселениях края» (на 2013–2015 гг.) проведены восстановительные работы на 21 мемориальном сооружении, созданном в память о защитниках Отечества, павших на полях сражений.

На реализацию программных мероприятий из краевого бюджета выделено 9420,4 тыс. руб. Специалистами управления края по культуре и архивному делу совместно с сотрудниками НППЦ «Наследие» проведены обследования 51 памятника Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., ремонт и благоустройство которых предусмотрены программными мероприятиями в 2014 г.

В ходе ремонта производственной базы ГУП ДХ АК «Колыванский камнерезный завод им. И.И. Ползунова» в с. Колывань Курьинского района на сумму 8422,3 тыс. руб. выполнены работы по сохранению объектов культурного наследия федерального значения, входящих в состав комплекса Колыванской шлифовальной фабрики. НППЦ «Наследие» (1355,3 тыс. руб.) из средств, поступивших от сдачи в аренду имущества, находящегося в оперативном управлении учреждения, проведены ремонт кровли и внутренних помещений на объекте культурного наследия «Магазин Трубицина».

С 2006 по 2013 г. в рамках краевой адресной инвестиционной программы было реконструировано и построено 39 объектов культуры в 27 муниципальных образованиях (24 Дома культуры, 8 музеев, 4 библиотеки, 3 театрально-концертных учреждения), из них 12 являются объектами культурного наследия. Общий объем финансирования по программе составил 1319977,0 тыс. руб.

На мероприятия по сохранению объектов культурного наследия за указанный период из средств краевого бюджета направлено 918482,0 тыс. руб., в том числе:

– реконструкция 12 объектов культурного наследия по краевой адресной инвестиционной программе – 882196,0 тыс. руб.;

– ремонт и благоустройство 75 памятников истории по ведомственной целевой программе «Ремонт и благоустройство памятников Великой Отечественной войны» на 2008–2010 гг. – 36286,0 тыс. руб.

Органами местного самоуправления на проведение текущего ремонта 238 памятников истории и культуры направлено 30851,7 тыс. руб., в том числе из средств муниципальных бюджетов – 24496,9 тыс. руб., из иных источников (средства спонсоров) – 6354,8 тыс. руб. (в 2012 г. – 41106,4 тыс. руб. на 96 памятников).

В ряде муниципальных образований приняты и реализуются свои программы. Например, ведомственные целевые программы «Ремонт и благоустройство памятников, памятных знаков и мемориальных досок, расположенных на территории г. Алейска, на 2012–2014 гг.», «Новый облик города Барнаула на 2013–2014 гг.»; муниципальная целевая программа «Культура города Заринска на 2012–2014 гг.»; районные целевые программы «Культура Благовещенского района на 2011–2015 гг.», «Культура Косихинского района 2014–2015 гг.», «От сохранения к устойчивому развитию» на 2011–2015 гг. (Краснощечковский район), «Память наших сердец» на 2011–2013 гг. (Кытмановский район).

Деятельность по *популяризации объектов культурного наследия* способствует привлечению внимания к проблемам их сохранения.

Наиболее значимым мероприятием в сфере популяризации объектов культурного наследия является проведение научно-практической конференции «Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края». Вопросы сохранения историко-культурного наследия неоднократно выносились на обсуждение в рамках работы различных конференций. Так, в 2013 г. управлением организована работа секции «Участие музеев в развитии культурно-познавательного туризма» Сибирского культурно-туристического форума.

С 2011 г. проводится ежегодный краевой конкурс на лучшую организацию работы по популяризации объектов культурного наследия среди муниципальных учреждений культуры.

Традиционными стали Дни культурного наследия, в рамках которых проходят круглые столы, презентации проектов реставрации объектов культурного наследия, тематические программы, выставки. Например, в октябре 2013 г. в с. Сростки прошел круглый стол, на котором обсуждались вопросы, связанные с разработкой проекта зон охраны памятников Всероссийского мемориального музея-заповедника В.М. Шукшина.

Главным событием 2013 г. стало завершение реставрации памятника истории и архитектуры «Здание бывшей школы, в которой учился М.Т. Калашников, дважды Герой Социалистического труда, Лауреат Государственной премии СССР, изобретатель стрелкового оружия» в с. Курья Курьинского района, в котором 15 ноября состоялось торжественное открытие мемориального музея М.Т. Калашникова.

Таким образом, в деятельности по сохранению историко-культурного наследия региона с 2006 по 2013 г. имеются положительные тенденции. В дальнейшем основные направления работы будут направлены на реализацию концепции сохранения, использования, популяризации объектов культурного наследия в Алтайском крае на период до 2020 г.

На 2014 г. перед управлением стоят следующие задачи:

– продолжение работ по реконструкции объекта культурного наследия краевого значения «Средняя школа» (г. Барнаул, просп. Калинина, 1 / просп. Ленина, 88);

– выполнение проектно-сметной документации на капитальный ремонт объектов культурного наследия краевого значения «Клуб в честь 10-летия Октября» (г. Рубцовск, ул. им. Карла Маркса, 141) и «Дома культуры «Химик» (г. Яровое, ул. Ленина, 9);

– продолжение работ в рамках ведомственной целевой программы «Ремонт и благоустройство памятников Великой Отечественной войны, расположенных в поселениях края» на 2013–2015 гг.;

– организация работы по выполнению зон охраны объектов культурного наследия в рамках ДЦП «Культура Алтайского края».

Ю.С. Артамонова, Т.Г. Гребенникова

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

**АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ КОЛЛЕКЦИИ ИЗ ПАМЯТНИКОВ
АЛТАЯ В КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РОССИИ**

Глубочайший системный кризис уходящей эпохи заставил и общество, и власть искать способы его преодоления. Путь духовного воспитания – один из них. И опорой на этом пути является культурное наследие предков. Вот почему отношение к этому наследию за последние полтора-два десятка лет значительно изменилось в лучшую сторону в части понимания обществом ценности историко-культурных памятников.

Память служит механизмом передачи социального опыта от предыдущих поколений к последующим и обеспечивает преемственность, которая является гарантией и движущей силой развития человеческой цивилизации. Поэтому стремление сохранить память является естественным и необходимым условием жизни как отдельного человека, так и общества в целом. Память – это, конечно, предельно общее, абстрактное понятие. Ее наиболее полным воплощением являются все же объекты реального мира – «генераторы духовной энергии». В русскоязычной нормативно-правовой и делопроизводственной лексике сейчас их называют «объектами историко-культурного наследия». Поскольку общество всегда осознавало, что сохранение памяти, в том числе и овеществленной, является гарантией его дальнейшего существования и развития, оно не жалело сил для этой деятельности. Способы сохранения наследия были разными – каждая эпоха, сообразуясь с уровнем своей экономики, моделью социальной организации и своеобразием традиций, создавала свои механизмы и институты.

В настоящее время становится актуальным и модным продвижение регионов за счет популяризации их культурно-исторического наследия, в том числе археологического. На примере памятника Пазырык, расположенного на южном склоне Чулышманского хребта в Восточном Алтае, нам бы хотелось продемонстрировать, что использование в различных сферах деятельности материалов по данному памятнику может дать неплохой результат в формировании имиджа региона.

Изучением археологических памятников Алтая занималось не одно поколение исследователей и ученых начиная с XVIII в. Но систематические исследования на территории Алтая были развернуты в 20–30-е гг. XX в. В них принимали участие профессиональные исследователи-ученые из центральных научных учреждений Москвы и Ленинграда, таких, как Академия истории материальной культуры, крупнейших музеев – Этнографический отдел Русского музея в Ленинграде, Музей народов СССР, Государственный исторический музей.

С 1924 по 1929 г. под руководством Сергея Ивановича Руденко полевыми изысканиями занималась Алтайская экспедиция Этнографического отдела Русского музея, в работе которой принимали участие многие видные советские археологи [Тишкин, 2004, с. 24]. Небольшая группа исследователей проделала огромный объем работы, в том числе были проведены археологические разведки и раскопки: открытие Пазырыкских курганов, изучение могильника Кудыргэ, курганов долины р. Улаган. В составе его отряда работал М.П. Грязнов, исследовавший большой Шибинский курган в долине р. Урсул. В результате этого был накоплен колоссальный объем информации, состоявший не только из археологических результатов и наблюдений, но и содержащий этнографические, географические и другие сведения [Кирюшин, 1997, с. 12].

Исследование памятника Пазырык началось в 1929 г., когда под руководством М.П. Грязнова был раскопан первый из «царских» курганов этого могильника. По результатам исследований Михаилом Петровичем были опубликованы несколько небольших статей и монография. Только в 1950 г. был издан обобщающий труд «Первый Пазырыкский курган» [Грязнов, 1950]. Уникальные археологические находки поступили в Государственный Русский музей, а в 1934–1937 гг. были переданы на хранение в Государственный Эрмитаж. В 1947 г. работы на памятнике продолжил С.И. Руденко. В течение двух лет он провел раскопки еще четырех «царских» курганов. Труды его деятельности нашли отражение в серии статей и монографий разных лет [Второй Пазырыкский курган, 1948; Горноалтайские находки и скифы, 1952; Культура населения Горного Алтая..., 1953; Культура населения Центрального Алтая..., 1960; Искусство Алтая и Передней Азии..., 1961; Древнейшие в мире художественные ковры..., 1968].

Сегодня в Государственном Эрмитаже можно видеть целиком перенесенный сюда из Пазырыка огромный сруб, в котором был похоронен алтайский вождь. В условиях вечной мерзлоты сохранились деревянные предметы, остаток войлочного ковра, колесница, изделия из кожи, тела людей с татуировкой и многое другое. Чрезвычайно богатый материал дали нетронутые и хорошо сохранившиеся конские погребения. Весь погребальный инвентарь насыщен предметами изобразительного искусства [Смирнова, 1990, с. 239–240].

Уникальные материалы не были отправлены в фонды и в ближайшее время нашли отражение в постоянной экспозиции Эрмитажа. Помимо научных публикаций в свет начали выходить и научно-популярные альбомы, и путеводители, рассчитанные на широкий круг читателей [Галанина, Грязнов, Доманский и др., 1966, с. 89–166]. Первые выставки начались с 1960-х гг., уникальные находки стали активно экспонироваться и за рубежом [Кирюшин, Тишкин, 1997, с. 89–166].

В настоящее время продолжается научное изучение материалов Пазырыкского памятника. Благодаря новым разработкам и технологиям становится возможным более глубокое изучение находок. Так в 2005 г.

на конференции, посвященной памяти академика Б.Б. Пиотровского, был представлен доклад «Татуировки на Пазырыкских мумиях. Новые материалы» научных сотрудников Л.Л. Барковой и С.В. Панковой. В Лаборатории научно-технической экспертизы Эрмитажа мумия была сфотографирована в отраженных инфракрасных лучах. На снимках едва заметные изображения стали видны значительно ярче и четче, кроме того, «проявились» другие, не видимые глазу татуировки [Баркова, 2005, с. 15–26]. В том же году вышла монография Н.В. Полосьмак и Л.Л. Барковой «Костюм и текстиль пазырыкцев Алтая (IV–III вв. до н.э.)» [Полосьмак, 2005]. В ней рассматриваются костюм и текстиль из неразграбленных «замерзших» пазырыкских погребений Горного Алтая. Благодаря современным физико-химическим методам анализа были определены неорганические компоненты, а также красящие вещества в составе текстиля, что существенно повлияло на выводы авторов. Книга иллюстрирована цветными фотографиями археологических вещей, реконструкциями костюмов, выполненных на основе реального материала, обнаруженного в погребениях.

Современные технологии позволяют и по-новому отразить пазырыкские находки в постоянной экспозиции. В 2010 г. после реконструкции открылась постоянная экспозиция «Древняя Сибирь. Пятый Пазырыкский курган» из собрания Государственного Эрмитажа. Центральное место на экспозиции занимает погребальная камера, древняя повозка и большой войлочный ковер. Все предметы экспонируются в новых витринах и с новым освещением, подчеркивая уникальность археологических находок¹.

Кроме этого, на сайте Государственного Эрмитажа в разделе «Цифровая коллекция Эрмитажа. Пазырыкский курган» можно ознакомиться с высококачественными фотографиями предметов. Интерес вызывает раздел «Виртуальный Эрмитаж», где, совершив виртуальное путешествие, можно посмотреть круговую панораму зала культуры и искусства кочевых племен Алтая.

Как отмечалось ранее, в последнее время идет продвижение регионов за счет популяризации их культурно-исторического наследия. Еще в 1998 г. в с. Улаган был открыт историко-этнографический музей «Пазырык». Музей располагает копиями и фотографиями изделий пазырыкской культуры. Гордость музея составляет копия древней пазырыкской колесницы в натуральную величину. Также у туристов есть возможность посетить сами курганы, расположенные в этом районе².

На сайтах различного уровня можно встретить информацию о Пазырыкских курганах. Это не только справочные сайты, но все больше

---

¹ Дни Эрмитажа – 2010. Открытие постоянной экспозиции после реконструкции: Древняя Сибирь. Пятый Пазырыкский курган // http://www.hermitagemuseum.org/html_Ru/11/2010/hm11_5_65.html (дата обращения: 27.02.14).

² Историко-этнографический музей «Пазырык» // <http://apartos.ru/altay/landmarks/altay-129-istoriko-etnograficheskiy-muzey-pazyryk.html/> (дата обращения: 23.01.14).

сайтов туристических агентств включают информацию об уникальных находках в урочище Пазырык, стараясь тем самым привлечь новых клиентов. Современные научно-популярные издания также публикуют всевозможные материалы по данной теме.

В последние годы с активным развитием туризма в Горном Алтае все большие обороты набирает производство сувенирной продукции. Конечно, в предлагаемых поделках не обходится без вариаций на тему предметов изобразительного искусства из Пазырыкских курганов. Так, в большом количестве представлены различные магниты, медальоны, панно и т.д. Даже становится популярным нанесение оригинальных татуировок с пазырыкских мумий³.

В заключение хотелось бы отметить, что использование в различных сферах деятельности материалов по Пазырыку является возможным благодаря тому, что находки не закрыты в фондах музея, а информация о них широко доступна. Несмотря на то, что уникальные археологические коллекции с Алтая хранятся в центральном музее Санкт-Петербурга, популярность данного собрания находит отражение и на своей исторической родине. Память о предках живет на Алтае и наполняет новым духовным содержанием жизнь далеких потомков.

Библиографический список

Баркова Л.Л., Панкова С.В. Татуировки на пазырыкских мумиях. Новые материалы // Эрмитажные чтения памяти Б.Б. Пиотровского: сб. докл. СПб., 2005. С. 15–26.

Боди-арт акция «Обличия свободы» // http://ks.ukrci.org/gallery/bodi-art_akcija_oblichchya_svobod_i_na_iii_mizhnarodnomu_festivali_krok_u_maibutne.html (дата обращения: 24.01.14).

Второй Пазырыкский курган: Результаты работ экспедиции ИИМК АН СССР в 1947 г. Предварительное сообщение. Л., 1948. 64 с.

Галанина К., Грязнов М.П., Доманский В., Смирнова Г.И. Скифия и Алтай. «Культура и искусство скифов и ранних кочевников Алтая». Л., 1966. 120 с. Горноалтайские находки и скифы. М.; Л., 1952. 268 с.

Грязнов М.П. Первый Пазырыкский курган. Л., 1950. 192 с.

Дмитриева О.Б. Пять Алтайских курганов // В мире сокровищ: по залам Эрмитажа. Л., 1961. С. 78–87.

Дни Эрмитажа – 2010. Открытие постоянной экспозиции после реконструкции: Древняя Сибирь. Пятый Пазырыкский курган // http://www.hermitagemuseum.org/html_Ru/11/2010/hm11_5_65.html (дата обращения: 27.02.14).

Древнейшие в мире художественные ковры и ткани из оледенелых курганов Горного Алтая. М., 1968. 136 с.

Искусство Алтая и Передней Азии. Середина I тысячелетия до н.э. М., 1961. 68 с.

---

³ Комус «Тигр Пазырыка» // <http://www.kezer.ru/node/195> (дата обращения: 28.02.14); Картины «Скифский цикл» // <http://etnomagazin.ru/25-cikl-skifskij> (дата обращения: 25.02.14); Боди-арт акция «Обличия свободы» // http://ks.ukrci.org/gallery/bodi-art_akcija_oblichchya_svobod_i_na_iii_mizhnarodnomu_festivali_krok_u_maibutne.html (дата обращения: 24.01.14)

Историко-этнографический музей «Пазырык» // <http://apartos.ru/altay/landmarks/altay-129-istoriko-etnograficheskiy-muzeu-pazyryk.html/> (дата обращения: 23.01.14).

Картины «Скифский цикл» // <http://etnomagazin.ru/25-cikl-skifskij> (дата обращения: 25.02.14).

Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. Культура населения в раннескифское время. Барнаул, 1997. Ч. 1. 232 с.

Комус «Тигр Пазырыка» // <http://www.kezer.ru/node/195> (дата обращения: 28.02.14).

Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.; Л., 1953. 402 с.

Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.; Л., 1960. 360 с.

Полосьяк Н.В., Баркова Л.Л. Костюм и текстиль пазырыкцев Алтая (IV–III вв. до н.э.). Новосибирск, 2005. 232 с.

Смирнова Г.И. Отдел археологии // Эрмитаж: история и современность. М., 1990. С. 239–240.

Тишкин А.А., Дашковский П.К. Основные аспекты изучения скифской эпохи Алтая. Барнаул, 2004. 238 с.

А.З. Бейсенов

Институт археологии им. А.Х. Маргулана, Алматы, Казахстан

СОХРАНЕНИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ В ЦЕНТРАЛЬНОМ КАЗАХСТАНЕ

В настоящее время сохранение археологического наследия, представленного разными памятниками древности, – как единичными объектами, так и их группами, нередко создающими большие, органически вписанные в природный ландшафт ансамбли, – повсеместно имеет особое значение. Сама археологическая наука перестала быть отдельным направлением, нацеленным, главным образом, на проведение раскопок. Неизмеримо возросла роль естественно-научных методов и мультидисциплинарных подходов в целом [Роль естественно-научных методов..., 2009], также в настоящее время идею сохранения культурного наследия нельзя рассматривать в отрыве от деятельности археологов. В этом плане огромное значение имело в Казахстане принятие и реализация Государственной программы «Культурное наследие», инициированной президентом Н.А. Назарбаевым. Программа исходила из ряда важных аспектов: разработка и создание целостной системы изучения культурного наследия, исследование и воссоздание значительных историко-культурных, археологических и архитектурных памятников; разработка серий изданий национальной и мировой научной мысли, культуры и литературы. В ходе реализации Программы не раз отмечалось, что сама идея сохранения культурного наследия не должна развиваться в рамках каких-либо мероприятий, кампаний,

напротив, она должна стать частью современной культурной и общественной жизни страны. Одна из важнейших задач Программы – обратить внимание общественности на необходимость сохранения исторического наследия как на всеобъемлющий, понятный для всех и постоянный процесс. Если исходить отсюда, можно сказать, что Программа «Культурное наследие» в Казахстане достигла своей основной цели. Прделана и делается большая работа в данном направлении. Отметим, что помимо многочисленных научно-исследовательских, реставрационных проектов, выполненных в последнее десятилетие, открытие ряда музеев-заповедников также является результатом реализации этой программы. Созданы музеи-заповедники Иссык, Азрет-Султан, Отрар, Тамгалы, Берел, значительно улучшена работа в ранее существующих учреждениях.

Важная составляющая в реализации Программы «Культурное наследие» – работа областных учреждений. Речь идет об областных, региональных программах по культурному наследию. Примечательной стороной областных программ является обращение внимания на местные памятники.

Сказанное относится и к Центральному Казахстану – огромного по своей территории географического региона Республики. Административно сюда относится Карагандинская область, занимающая основную его часть, а также входит ряд районов Акмолинской, Восточно-Казахстанской (западные районы бывшей Семипалатинской области), Павлодарской областей. В геоморфологическом отношении территория региона, протянувшегося с Улытауских гор на западе до Чингизстауского хребта на востоке, занимает основную часть Казахского мелкосопочника.

Важные шаги в деле сохранения и использования археологического наследия сделаны в Карагандинской области, где археологи успешно сотрудничают с областным управлением культуры и областной госинспекцией охраны историко-культурного наследия. Нельзя не отметить, что некоторые результаты этого взаимодействия могут стать образцом для ряда других областей Казахстана. За счет областного бюджета в Карагандинской области был исследован целый ряд памятников, давших важные научные материалы. Помимо ежегодного финансирования научных археологических исследований, управление культуры и госинспекция постоянно выступают инициаторами проведения рекультивационных и реставрационных проектов, нацеленных на обеспечение сохранности памятников археологии, истории.

Так, среди археологических объектов следует отметить восстановительные и реставрационные работы на таких памятниках, как могильники Бегазы, Ащису, Аксу-Аюлы-2, Бугулы-3, комплекс Тегисжол, группы памятников Кызылкенеш. На 2014 г. планируются начать рекультивационные и реставрационные работы на памятниках Атасуского комплекса. Некоторые результаты многолетних комплексных науч-

но-практических мероприятий были обобщены в сборниках [Историко-культурное наследие..., 2007; Сакская культура..., 2011; Археология и история..., 2012; Археологические исследования..., 2013].

В течение последнего десятилетия проводилась работа по восстановлению могильника Бегазы и сплошного обследования района расположения данного памятника. Это были многоплановые изыскания, основной частью которых являлись мероприятия по проведению рекультивационных, консервационных и реставрационных работ на могильнике, особо известного своими скальными мавзолеями позднебронзового века. Это были усыпальницы, которые служили местом захоронения знати. По материалам могильника Бегазы и ряда других важных памятников была открыта и охарактеризована яркая и самобытная культура эпохи поздней бронзы, получившая название бегазы-дандыбаевской [Маргулан, 1979]. Могильник Бегазы номинирован Республикой Казахстан в Список Всемирного культурного наследия. Восстановительные работы здесь в настоящее время в основном завершены (рис. 1), за исключением работ по благоустройству территории могильника. Вместе с тем, помимо основных работ на могильнике по консервации и реставрации, в окрестностях Бегазы проводились разведочные изыскания, результатом чего явилось обнаружение десятков памятников эпох камня, бронзы, раннего железного века и средневековья [Бейсенов, Варфоломеев, 2008].

Рис. 1. Мавзолей №5 могильника Бегазы. После реставрационных работ

В 2011 и 2013 гг. проводились рекультивационные и реставрационные работы на погребально-поминальном комплексе Корпетай («Курган 37 воинов»). Это уникальный памятник, который включает боль-

шой курган со спутником с восточной стороны, двумя «усами» длиной свыше 100 м, 37 округлых сооружений погребального и поминального назначения, а также большое количество кольцевидных жертвенников и менгиров. По словам старожилов, когда-то здесь стояли около полторы сотни менгиров, разрушенных впоследствии: часть была разбита, исчезла, а большая часть упала (свалена). Археологические изыскания проводились в 1950-х гг. Центрально-Казахстанской экспедицией, когда были раскопаны основной курган (сильно ограбленный), спутник и несколько сооружений из числа указанных 37 объектов [Кадырбаев, 1959]. В ходе новых исследований были восстановлены раскопанные объекты, расчищены и подняты многочисленные менгиры, раскопаны новые погребально-поминальные сооружения. Одно из последних содержало ограбленную могильную яму с дромосом, ориентированным на юго-восток. В лаборатории Королевского Университета г. Белфаст (Великобритания) по костному образцу из человеческого скелета получена радиоуглеродная дата, по 2 Сигма укладывающаяся в интервале 750–407 гг. до н.э. На восстановленном комплексе насчитывается 120 менгиров (рис. 2).

Рис. 2. Менгиры комплекса Корпетай («Курган 37 воинов»)

По инициативе Управления культуры Карагандинской области начаты работы по созданию Государственного историко-культурного и природного заповедника-музея «Кызыларай-Бегазы». В этой связи с целью разработки естественно-научного обоснования (ЕНО) проекта в 2008–2010 гг. проводили работы Институт археологии им. А.Х. Маргулана и Центр дистанционного зондирования и геоинформационных систем (ЦДЗ и ГИС) «Тегга» [Бейсенов, Жамбулатов, Огарь, 2011, с. 402].

Сотрудниками Института археологии им. А.Х. Маргулана на территории проектируемого заповедника были выполнены полевые работы по поиску и фиксации археологических памятников. На выявленных объектах были сняты планы, составлено подробное описание, осуществлена фотофиксация и взяты GPS координаты. Характеристику природного ландшафта, рельефа, флоры и фауны подготовили сотрудники предприятия «Тегга». Необходимо отметить богатство флоры и фауны обследованного района. Здесь зарегистрировано более 500 видов растений, 20 видов которых являются редкими, в том числе 4 значатся в списках Красной книги, 6 являются эндемичными, 3 бореальных реликтовых и 7 растений с сокращающимся ареалом. Животный мир данной территории насчитывает около 300 видов, из которых в Красную книгу занесены архар и 18 видов птиц. Все это свидетельствует о высокой природоохранной ценности территории.

На территории заповедника находятся многочисленные и яркие памятники археологии. Основная часть памятников условно объединена в 5 больших групп (кластеров) по компактности своего расположения. Это 150 местонахождений, объединяющих 571 разновременный объект [Бейсенов, Жамбулатов, Огарь, 2011, с. 404].

Экспозиционно археологические памятники вошли в следующие кластеры:

1) *группа памятников Балапан* располагается к СВ от с. Сона, в ущелье, на правом берегу одноименного ручья, всего в кластер входят 13 местонахождений;

2) *группа памятников Жинишке* протянулась с севера на юг на 18 км вдоль реки Жинишке, в кластер входят 30 местонахождений;

3) *группа памятников Ушкаты* располагается в местности Ушкаты, насчитывается 12 местонахождений;

4) *группа памятников Бегазы* протянулась вдоль реки Каратал на 20 км в количестве 85 местонахождений;

5) *группа памятников Кенасу* компактно расположена в районе с. Кенасу, 10 местонахождений.

В настоящее время завершена первая стадия работ по проекту заповедника. На основании ЕНО и положительных отзывов от вышеупомянутых ведомств, ожидается, что далее инициатива в вопросе передачи Проекта на рассмотрение Правительства будет исходить от Карагандинского областного акимата.

Включение археологического раздела в ЕНО проектируемых заповедников еще на стадии разработки является первоочередным шагом. Это острейшая проблема, важность которой нельзя недопонимать. Дело в том, что раньше в ходе создания и открытия заповедных территорий, нацеленных на природоохранные задачи, археологическая часть научного обоснования и, как следствие этого, соответствующие разделы в сметной документации, как правило,

упускались. Затем уже после открытия заповедников всплывала проблема археологических памятников на данной особо охраняемой территории, и те задачи и вопросы, связанные с их выявлением, изучением, обеспечением сохранности и использованием, включались «в рабочий порядок». Неизбежно появляется в такой ситуации извечный финансовый вопрос.

Приведем пример. В Карагандинской области функционируют Каркаралинский государственный национальный парк [Ержанов, 1996, с. 68], раскинувшийся на площади свыше 112 тыс. га, Улытауский государственный музей-заповедник (территория свыше 140 тыс. га). Эти учреждения, как и Баянаульский государственный национальный парк в соседней Павлодарской области, были созданы на базе существующих с советской эпохи структур. Во всех трех учреждениях, расположенных на территории Центрального Казахстана и представляющих достаточно крупные по масштабу единицы, археологические разделы заранее не были предусмотрены. Эти вопросы решаются сейчас с разными и переменными успехами. Между тем более объемные меры по сохранению и использованию археологического наследия наиболее форсированно, результативно и успешно можно проводить именно на особо охраняемых территориях.

Библиографический список

Археологические исследования степной Евразии: сб. науч. ст. Караганда, 2013. 240 с.

Археология и история Сарыарки: сб. науч. ст. Караганда, 2012. 315 с.

Историко-культурное наследие Сарыарки: сб. науч. ст. Караганда, 2007. 214 с.

Бейсенов А.З., Варфоломеев В.В. Могильник Бегазы. Бегазы-дандыбаевская эпоха Центрального Казахстана. Алматы, 2008. 126 с.

Бейсенов А.З., Жамбулатов К.А., Огарь Н.П. О проектируемом государственном историко-культурном заповеднике-музее «Кызыларай-Бегазы» // Маргулановские чтения-2011: мат. Междунар. археол. конф. Астана, 2011. С. 402–405.

Ержанов Н.Т. Заповедные территории Карагандинской области, их настоящее и будущее // Современные проблемы экологии Центрального Казахстана: мат. респ. науч.-практ. конф. Караганда, 1996. С. 68–70.

Кадырбаев М.К. О некоторых памятниках ранних кочевников Центрального Казахстана // Известия Академии наук Казахской ССР. Сер.: История, археология и этнография. 1958. Вып. 1(6). С. 95–104.

Маргулан А.Х. Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1979. 336 с.

Роль естественно-научных методов в археологических исследованиях: сб. науч. ст. Барнаул, 2009. 384 с.: ил.

Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов степной Евразии: тез. докл. «круглого стола», посвящ. 20-летию Независимости Республики Казахстан. Караганда, 2011. 218 с.

Т.Г. Гребенникова, Т.П. Турло, М.А. Шаталова

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

РЕГИОНАЛЬНАЯ МУЗЕЙНАЯ АРХИТЕКТУРА: ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СПЕЦИАЛЬНО ПОСТРОЕННЫХ И ПРИСПОСОБЛЕННЫХ ЗДАНИЙ

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ
(проект №14-11-22001 «Энциклопедия музеев Алтайского края»)

Архитектура парадоксально соединяет в себе результат строительной деятельности человека и проявление художественного творчества, искусства. В последние десятилетия в российской музеологии формируется постепенный интерес к изучению музейной архитектуры, которая трактуется как искусство проектирования и монтирования или строительства пространства, которое будет использоваться для размещения специфических музейных функций, таких как экспонирование, восстановительная консервация, менеджмент и обслуживание посетителей. Проблемы изучения музейной архитектуры становятся предметом исследования в 1990-е гг., когда в свет выходят две монографии В.И. Ревякина [1991, 1993]. В своих работах автор на материале преимущественно зарубежного опыта прослеживает функциональное развитие зданий музеев от хранилищ предметов искусства до современных сложных музейных комплексов, являющихся научно-исследовательскими учреждениями. Особое внимание уделено направленности в проектировании художественных музеев последних десятилетий в нашей стране и за рубежом. Также автор сформулировал рекомендации по размещению музеев в структуре города, составу и взаимосвязи помещений, объемно-планировочному решению, устройству, оборудованию и освещению экспозиционных залов и фондохранилищ.

Особое внимание проблемам изучения музейной архитектуры уделяет и М.Т. Майстровская [2001, 2002]. Ей удалось раскрыть ключевые направления и специфику эволюции музейной архитектуры во взаимосвязи с изменениями в экспонировании и музейном дизайне. Мария Терентьевна рассматривает зарождение экспонирования начиная с античности, отмечая, что именно в это время сложились канонические принципы демонстрации художественных коллекций.

Рассматривая эпоху средневековья, М.Т. Майстровская [2002, с. 6–12, 31, 136–140] указывает, что в этот период к галереям предъявлялись серьезные требования: освещенность, удобство обхода и осмотра коллекций. Исследовательница уделяет также внимание отечественным традициям в истории экспонирования и музейной архитектуры. Она указывает, что уже в первой половине XIX столетия, например, в Оружейной палате для размещения экспонатов составляли предварительные рисунки, а сами материалы размещали по исторически сложившимся коллекциям, т.е. наблюдалась определенная систематика.

Актуальность теоретического и практического аспектов музейной архитектуры подчеркнута двумя тематическими выпусками журнала «Музей», вышедшими в 2008 (№6) и в 2012 (№1) гг. На страницах первого из названных номеров была опубликована статья М. Хрусталевой, посвященная истории становления и современным направлениям эволюции мировой и отечественной музейной архитектуры. Исследовательница подчеркнула, что в разные исторические периоды ценность хранимого в музее наследия подчеркивалась архитектурной конструкцией и первый тип такого здания – «музей-храм с портиком и колоннадой» был создан в Александрии во II в. до н.э. для хранения произведений искусства. Данные архитектурные элементы прочно вошли в практику строительства художественных музеев мира и применялись вплоть до XX столетия, в том числе в России (здание ГМИИ им. А.С. Пушкина).

М. Хрусталева отмечает, что ситуация радикально изменилась в XX в., когда стремительный рост количества разнообразных музеев стал более чем очевидным явлением. В это время в музейном строительстве ярко проявилось направление модернизма в архитектуре, которое в начале XXI столетия сменится доминированием хайтека и бионики. В качестве особого пути в развитии музейной архитектуры М. Хрусталева [2008, с. 7] называет «русский путь», делает акцент на современном музейном строительстве в России.

Теоретико-методической ценностью в рамках обозначенной темы характеризуется также исследование Н. Прянишникова «Стратегия пространственного развития музея». Автор обозначил типы пространственного развития музея (концентрация, расширение, распространение, реорганизация, ревитализация), обозначив особенности и примеры каждого из видов трансформаций. Отдельное внимание уделено направлениям так называемого «прорастания музея в среду города» [Прянишников, 2008, с. 68–73].

Очевидно, что внешний облик самого сооружения привлекает посетителя не меньше, чем то, что хранится внутри. Здание иногда оказывается главным мотивом, побуждающим прийти в музей. Музейное здание превратилось в произведение искусства. Кроме того, оно зачастую становится таким же объектом показа, как и хранящиеся в его стенах коллекции. Проектирование музея не только большая удача для архитектора, но и большая ответственность. Музейное здание должно быть не только оригинальным и интересным снаружи, но и функциональным и эргономичным внутри. Хорошо спроектированное музейное здание может решить проблему дефицита экспозиционных и фондовых площадей и позволит освоить новые формы работы с посетителями. В крупных городах сибирского региона имеется опыт строительства специальных музейных зданий. В этом отношении можно назвать Омский государственный историко-краеведческий музей. В конце 1984 г. было сдано в эксплуатацию новое здание музея. Точнее, оно является пристройкой к памятнику архитектуры середины XIX в. генерал-губернаторскому

дворцу. Еще одним примером является Национальный художественный музей Республики Саха (Якутия). В ноябре 2005 г. состоялось торжественное открытие нового трехэтажного здания музея. Благодаря значительному увеличению площади музею удалось освоить новые формы работы с аудиторией (детский центр, театр, информационно-образовательный центр и мультимедийный кинотеатр).

Еще один интересный пример специально построенного музейного здания – Красноярский краевой краеведческий музей. В 1913 г. на берегу Енисея начинается строительство специализированного музейного здания. Оно соответствует увлечениям начала века – стилю модерн и мотивам восточных цивилизаций. В нем воплотился интерес к древней культуре Египта. Здание музея явилось своеобразной стилизацией на древнеегипетскую тему. Уникальное художественное решение фасадов здания и сама концепция постройки, несомненно, привлекают внимание местных жителей и гостей города. В музее часто проводятся театрализованные представления, имеются магазин сувениров и кинозал. Постоянной практикой стало проведение на условиях аренды коллективных и индивидуальных праздников, выпускных вечеров.

Нельзя не упомянуть и строящееся здание Государственного художественного музея Алтайского края. В 2012 г. началась его масштабная реконструкция. Проектирование осуществила архитектурная мастерская «Классика» под руководством почетного архитектора России Александра Федоровича Деринга. Согласно проекту общая площадь музея увеличилась в полтора раза и составила 10300 кв. м. В центральной части здания будет располагаться вестибюль, открытый внутренний двор, магазин сувениров. Для проведения массовых мероприятий предусмотрен Зал торжеств. Внутренний двор нового здания музея из утилитарного превратится в дополнительную благоустроенную площадку. Это даст возможность проводить различные мероприятия: фольклорные фестивали, народные праздники, игровые программы для детей, экспозиции скульптуры и прикладного искусства.

Однако следует помнить, что в России многие музеи располагаются в зданиях, являющихся памятниками истории и культуры и приспособленных под музейные цели. Это, конечно, усиливает интерес к музею и памятнику, но также создает множество проблем. Традиция сохранять и экспонировать коллекции в приспособленных зданиях начинается с Зимнего дворца [Крутиков, Принцев, 1989] и укрепилась в раннее советское время в связи с национализацией дворцов, усадеб, церкви, монастырей и т.д., в стенах которых стали размещать музеи.

В современном мире к зданиям музеев предъявляется серьезный перечень требований (достаточная площадь и эргономичность стационарных экспозиций и выставочных залов, необходимое количество фондовых помещений, освещение, зоны отдыха для посетителей, кабинеты для сотрудников, комплексная безопасность музея и т.д.), некоторые из

них сложно соблюдать в зданиях – памятниках архитектуры. Поэтому часто приходится находить компромиссы между нуждами музеев и требованиями к сохранности зданий. Если центральные российские музеи могут позволить себе масштабные реконструкции, решающие множество проблем и не наносящие существенный вред зданию как историческому объекту, то музеи в регионах не имеют достаточной финансовой поддержки. Между тем в регионах, практика размещения музеев в исторических памятниках широко распространена. Данная ситуация не случайна, поскольку для строительства нового специального здания необходимы земельный участок, архитектурный проект, значительные финансовые и иные ресурсы, а памятники архитектуры более всего подходят для размещения музейных собраний.

В Сибири известно множество активно развивающихся музеев, коллекции которых хранятся и экспонируются в памятниках историко-культурного наследия. В качестве примера можно назвать Новосибирский государственный краеведческий музей (с 1987 г. исторический отдел музея располагается в здании бывшего Городского торгового корпуса 1910 г. постройки). В Алтайском крае в памятниках архитектуры расположено большинство известных городских и сельских музейных учреждений. В этом отношении стоит упомянуть Бийский краеведческий музей им. В.В. Бианки. Основное здание, в котором находится исторический отдел музея, представляет собой бывший дом купца Н.И. Асанова, построенный в 1914 г. по проекту сибирского зодчего К.К. Лыгина. В Барнауле также достаточно таких примеров. Государственный музей истории литературы, культуры и искусства Алтая расположен в здании-памятнике архитектуры, известном как «Окружной суд»; музей «Город» находится в здании городской думы и управы, которое построено в 1914–1916 гг. по проекту архитектора И.Ф. Носовича. Музей истории аптечного дела – в здании Горной аптеки (архитектор А.И. Молчанов, строительство – 1793–1794 гг.). Алтайский государственный краеведческий музей – в памятнике промышленной архитектуры середины XIX в. (Горная лаборатория), входит в комплекс памятников федерального значения «Барнаульский сереброплавильный завод». Построенное в 1851 г. для Главной химической лаборатории Алтайского округа, в 1913 г. это здание было передано для музея [Официальный сайт Алтайского государственного краеведческого музея].

Большинство краеведческих музеев в крае располагаются в памятниках исторического значения. Славгородский городской краеведческий музей находится в памятнике архитектуры начала XX в. (торговая контора купца); Краеведческий музей Советского района Алтайского края – в бывшем здании милиции – памятнике истории краевого значения; Усть-Пристанский районный краеведческий музей – в памятнике архитектуры начала XX в. (дом купца Морозова). Особое внимание в ходе своего исследования авторы уделили еще одному из таких примеров – Каменскому краеведческому музею, который расположен на

втором этаже здания памятника архитектуры начала XX в. – Торговый дом «Винокуров и сыновья». В настоящее время эта организация имеет множество проблем. Из-за нехватки средств остро стоит вопрос дополнительных исследований и создания проекта реставрации и реконструкции. Все это осложняется отсутствием высококвалифицированных кадров и безразличием местных органов власти как к собранию музея, так и к памятнику архитектуры. Сохранившиеся элементы интерьера постепенно разрушаются. Такая ситуация характерна для многих музеев, располагающихся в приспособленных помещениях. Авторы предлагают систему мер и рекомендаций, которые при комплексном подходе к их решению позволят улучшить ситуацию и успешно сохранять не только музейное собрание, но и историко-культурный объект.

Среди таких мер обозначим:

- координацию усилий разных органов для решения проблем по сохранению памятников архитектуры;
- меры по благоустройству территории вокруг памятника, используемого под музей;
- реставрация фасада памятника с учетом размещения на нем мемориальных табличек и вывесок;
- помещения с сохранившимися интерьерами должны быть отреставрированы и составлять часть экспозиции, подчеркивая и актуализируя историчность здания, в котором расположен музей;
- учет влияния посетителей музея на сохранность памятника.

Одной из главных проблем для музеев является хранение количественно растущих коллекций. В таких случаях возможно несколько решений. Одно из них – расширение самого здания, если это не нарушит его целостность как памятника и городской перспективы, другое – строительство специального здания для хранения фондов (депозитарий).

Еще одной проблемой, особо актуальной для регионов является недостаточная информированность населения об историчности зданий музеев. Для устранения этого пробела возможны такие меры:

- установление информирующих табличек со сведениями о времени создания памятника, его значении и статусе;
- включение в образовательные программы школ и вузов информации о памятниках истории и культуры региона; проведение экскурсий для обучающихся;
- использование доступных форм СМИ для популяризации культурного наследия.

В современном мире особое внимание уделяется доступности музеев для категории посетителей с ограниченными возможностями передвижения [Ваньшин, Ваньшина, 2009, с. 26]. В памятниках архитектуры строительство полноценных конструкций для передвижения инвалидов не всегда представляется возможным. Но можно сделать музей доступнее другими способами:

– обеспечить беспрепятственное передвижение людей с нарушениями опорно-двигательного аппарата от остановки общественного транспорта до музея;

– для передвижения внутри музея использовать инвентарные (выдвижные, сборно-разборные, откидные) пандусы.

Музеи, расположенные в зданиях памятниках архитектуры, имеют очень сложное положение. Практически невозможно сохранять полностью облик здания и одновременно сделать его соответствующим для реализации всех функций музейного учреждения. В любом случае приходится выбирать, что в каждом конкретном случае важнее. При этом надо искать оптимальное решение, которое приведет к наименьшим потерям.

Библиографический список

Алтайский государственный краеведческий музей [Электронный ресурс]. URL: <http://www.agkm.ru/index.html>. Дата обращения – 17.02.14.

Архитектурная мастерская А.Ф. Деринга ЗАО «Классика» [Электронный ресурс]. URL: <http://dering.ru/portfolio/zavershen-proekt-rekonstrukcii-gosudarstvennogo-xudozhestvennogo-muzeya-altajskogo-kraja/>

Ваньшин С.Н., Ваньшина О.П. Социокультурная реабилитация инвалидов музейными средствами: метод. пособ.; 2-е изд., испр. и доп. М., 2009. 76 с.

Крутиков П.Г., Принцев Н.А. Эрмитаж: Науки служат музам. Л., 1989. 176 с.

Майстровская М.Т. Архитектура музейная // Российская музейная энциклопедия. М., 2001. Т. 1. С. 48–50.

Майстровская М.Т. Музейная экспозиция: Искусство. Архитектура. Дизайн. Тенденции формирования. М., 2002. Ч. 1. 275 с.

Прянишников Н. Стратегия пространственного развития музея // Музей. 2008. №6. С. 68–73.

Ревякин В.И. Музеи мира: Архитектура. М., 1993. 246 с.

Ревякин В.И. Художественные музеи: справ. пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1991. 248 с.: ил. (Архитектору-проектировщику).

Хрусталева М. Дом-музей: история и будущее музейной архитектуры // Музей. 2008. №6. С. 5–20.

Е.А. Нестеров

Томский государственный университет, Томск, Россия

ОПЫТ КОММУНИКАТИВНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КОЛЛЕКЦИЙ КРАЕВЕДЧЕСКИМИ МУЗЕЯМИ АЛТАЙСКОГО КРАЯ в 1960–1980-х гг.

В 1960–1970-х гг. в советских энциклопедических изданиях было обозначено, что задачи по сбору, хранению, изучению, популяризации древних и средневековых памятников материальной культуры могут решить только отделы досоветской истории краеведческих музеев [Разгон, Ельницкий, 1966, с. 762–763; 1972, с. 563; Новицкий, Вяткин, 1972,

с. 562]. Положение об охране и использовании памятников истории и культуры, утвержденное постановлением Совета Министров СССР от 16 сентября 1982 г., предписало усилить работу музеев в области исторического просвещения [Справочник партийного работника, 1983, с. 469–470]. Историки и музейеды подчеркивали, что использование культурного наследия, органически входящего в культуру коммунистической формации, является необходимым условием развития советского общества, воспитания подрастающего поколения, распространения научного мировоззрения [Историческое краеведение, 1969, с. 70–71; Анощенко, 1977, с. 50–66; Пиотровский, 1983, с. 23–36; Евстигнеев, 1987, с. 4–10; Мальцева, 1987, с. 66–67]. Было отмечено просветительское значение комплексных форм массовой работы музеев, таких как музейные праздники, фестивали, тематические вечера [Гнедовский, 1986, с. 30–31; Закс, 1987, с. 37–43; Коссова, 1988, с. 48].

В первой половине 1960-х гг. отделом досоветской истории Алтайского краевого краеведческого музея развернулась лекционная работа в области археологии. Для школьников и студентов в музее стали проводиться лекции на тему «Археологические находки на территории Алтая». На конференции учителей-историков края был прочитан доклад «Новейшие археологические исследования краеведческих музеев Алтая». Лекция об археологических памятниках Алтая была проведена в Краевой детской экскурсионно-туристической станции для турорганизаторов. Лекции о необходимости охраны памятников археологии велись для сельских жителей на месте проводимых раскопок. В 1965 г. археологом музея Э.М. Медниковой была подготовлена экскурсия на тему «Первобытнообщинный строй на Алтае». В основу экскурсии были положены сведения экспедиционных отчетов, научных трудов, археологических источников. В типографии газеты «Алтайская правда» был напечатан плакат «Охраняйте памятники археологии», подготовленный музеем. Была проведена телепередача по результатам археологических исследований Алтайского краевого краеведческого музея. Регулярно велись сообщения по краевому радио об археологических открытиях музея. На базе музейной экспозиции преподавателем Барнаульского государственного педагогического института А.П. Уманским велись занятия по археологии Алтая со студентами [ГААК. Ф. 288. Оп. 2. Д. 30. Л. 50–52; ГААК. Ф. 288. Оп. 2. Д. 39. Л. 45–46, 61–62; ГААК. Ф. 288. Оп. 2. Д. 43. Л. 51; ГААК. Ф. 288. Оп. 2. Д. 47. Л. 4; ГААК. Ф. 288. Оп. 2. Д. 52. Л. 20].

В 1968 г. Э.М. Медниковой был создан музейный археологический кружок, первыми членами которого стали учащиеся школ №42 и 59 Барнаула, в 1970 г. в кружок вошли студенты Барнаульского музыкального училища. Э.М. Медникова читала кружковцам лекции на темы: «Что такое археология», «Каменный век Алтая», «Бронзовый век Алтая», «Скифо-сарматское время на Алтае», «Тюрки Алтая», «Заселение Ал-

тая русскими». Заведующим отделом природы Н.А. Камбаловым была прочитана лекция на тему «Геологическое прошлое Алтайского края». Кружковцы изучали первые советские декреты об охране памятников искусства и старины, историю создания Института археологии АН СССР. Весной, как только сошел снег, члены кружка под руководством Эльвины Михайловны выезжали в однодневные разведки в районы, прилегающие к Барнаулу. Школьники знакомились с разными видами памятников археологии, учились расчищать погребения, проводить нивелировку и снимать топографические планы. В зимнее время кружковцы, помимо теоретических занятий, составляли описи археологических коллекций, занималась механической очисткой и склейкой фрагментов керамических сосудов. В 1970 г. Э.М. Медникова и члены кружка участвовали в конференции по проблемам датирования сибирских археологических культур, проводившейся Томским государственным университетом. В 1971 г. занятие археологического кружка было записано на магнитофон и передано по краевому радио [ГААК. Ф. 288. Оп. 2. Д. 64. Л. 15; ГААК. Ф. 288. Оп. 2. Д. 69. Л. 41–42; ГААК. Ф. 288. Оп. 2. Д. 72. Л. 25, 47–50; ГААК. Ф. 288. Оп. 2. Д. 76. Л. 46–47].

В 1970 г. Э.М. Медникова приняла участие во Всесоюзном совещании музейных работников по проблемам просветительской работы, проходившем в городах Львов и Ужгород. Общим решением музейного совещания было усиление лекционной, экскурсионной, выставочной, методической работы музеев. Эльвиной Михайловной были подготовлены музейные лекции на темы «Происхождение человека и древнейшие стоянки Алтая», «Археологические памятники Горного Алтая», «Алтай в гунно-сарматское время», «Тюрки Алтая». Лекция «Тюрки Алтая» освещала образование Тюркского каганата, этногенез алтайских народностей. Для колхоза «Родина» в Усть-Пристанском районе Э.М. Медниковой была прочитана лекция о городище Елбанка. Эльвина Михайловна читала лекции по археологии на агитпоезде «Дружба народов СССР» в различных населенных пунктах Алтайского края. На агитпоезде «Юность Алтая» Э.М. Медникова в селах и городах Кулундинской степи проводила лекции на темы «О чем рассказывают курганы», «Древние жители Алтая», «Памятники археологии – свидетельства древней культуры Алтая». Лекции сопровождалась фотовыставками археологических предметов из фондов Алтайского краевого краеведческого музея. Э.М. Медникова была командирована в Родинский краеведческий музей, где провела очистку археологических материалов, объясняла условия хранения и принципы экспонирования. На магнитофон была записана экскурсия Э.М. Медниковой на тему «Первобытнообщинный строй на Алтае» и выслана Каменскому краеведческому музею [ГААК. Ф. 288. Оп. 2. Д. 72. Л. 25; ГААК. Ф. 288. Оп. 2. Д. 71. Л. 1; ГААК. Ф. 288. Оп. 2. Д. 81. Л. 30, 49–55; ГААК. Ф. 288. Оп. 2. Д. 93. Л. 27–30; ГААК. Ф. 288. Оп. 2. Д. 129. Л. 11].

Алтайским краевым краеведческим музеем для музейных работников Алтайского края организовывались методические лекции: «Специфика научно-фондовой работы», «Музейное дело СССР», «О создании народных музеев», «Экспозиционная работа краеведческих музеев», «Основные принципы хранения фондов», «О профессии археолога» [Тематика школьных экскурсий и уроков на материалах Алтайского краевого краеведческого музея на 1972–1973 гг., научный архив АГКМ; Тетрадь учета экскурсий и уроков по отделу истории досоветского периода за 1976–1987 гг., научный архив АГКМ].

В 1971 г. в отделе досоветской истории Алтайского краевого краеведческого музея была проведена выставка под названием «Из новых раскопок», посвященная городищу Елбанка. На отдельном стенде была помещена иллюстрация общего вида памятника, топографический план местности. Экспонировались боевые наконечники стрел, железный сошник земледельческого плуга, рыболовные острога, грузила для сети, орудия прядения – пряслица, костяные проколки для шитья, поясные пряжки, украшения костюма. К остроге и сошнику прилагались графические реконструкции, разъяснявшие способы крепления к рукояти. На подиумах демонстрировались керамические сосуды, макет жилища. В 1972 г. были созданы две фотовыставки для выезда в районы Алтайского края: одна по экспозициям отделов музея, другая по значимым музейным археологическим предметам. В 1983 г. в Москве была проведена выставка «Древняя культура Алтая», на которой экспонировались археологические предметы и из фондов Алтайского краевого краеведческого музея [ГААК. Ф. 288. Оп. 2. Д. 76. Л. 32, 36–37; ГААК. Ф. 288. Оп. 2. Д. 81. Л. 23–24; ГААК. Ф. 288. Оп. 2. Д. 160. Л. 4].

В течение 1970–1980-х гг. отделом досоветской истории Алтайского краевого краеведческого музея была развернута активная экскурсионная деятельность в области археологии Алтая. Для учащихся 4 класса были выбраны общие экскурсионные темы: «Что такое история», «Первобытные люди и их жизнь». Для школьников 5 класса проводились экскурсии, освещавшие конкретные археологические эпохи: «Первобытнообщинный строй на Алтае», «Ранний железный век или сарматское время на Алтае». Для учащихся 6–7 классов организовывались экскурсии, посвященные археологическим культурам Алтая: «Каганат тюрок – государство феодального типа», «Бронзовый век Алтая: афанасьевское, андроновское, карасукское время», «Скифы Алтая: пазырыкская культура». Для взрослого населения проводились экскурсии на темы «Наука и культура Алтая», «Археология Алтая», «Происхождение человека», «Первобытнообщинный строй на Алтае», «Каменный век и эпоха бронзы на Алтае», «Алтай в эпоху раннего железного века», «Скифы и сарматы», «Пазырыкская культура Горного Алтая», «Гунны и тюрки Алтая» [Тематика школьных экскурсий и уроков на материалах Алтайского краевого краеведческого музея на 1972–1973 гг., научный архив АГКМ; Тетрадь

учета экскурсий и уроков по отделу истории досоветского периода за 1976–1987 гг., научный архив АГКМ]. В 1989 г. сотрудником отдела досоветской истории археологом Я.В. Егоровым были разработаны обзорные экскурсии по экспозиции отдела на темы «Происхождение человека. Археология Алтая с древнейших времен до XIV в. н.э.», «Археология Алтая» [ГААК. Ф. 288. Оп. 2. Д. 202. Л. 67; ГААК. Ф. 288. Оп. 2. Д. 200. Л. 33–34; Тетрадь учета экскурсий и лекций в отделе досоветской истории АККМ за 1988–1990-е гг., научный архив АГКМ].

В 1980–1990-х гг. отделом досоветской истории Алтайского краевого краеведческого музея были подготовлены и проведены две конференции: «250-летие Барнаула», «Проблемы сохранения археологических памятников Алтая» [ГААК. Ф. 288. Оп. 2. Д. 149. Л. 10; ГААК. Ф. 288. Оп. 2. Д. 208. Л. 22].

В 1976 г. в Бийском краеведческом музее им. В.В. Бианки Б.Х. Кадиковым был организован археологический кружок для школьников. Борис Хатмиевич подготовил лекционные материалы на темы «Древняя история Алтая», «Происхождение человека», которые могли быть изложены в рамках одиночного занятия в течение 1,5 часов, или развернуты в целый цикл занятий. Просветительскую работу музея в области археологии Алтая поддержал выпускник Новосибирского государственного университета археолог Б.И. Лапшин. Находясь на должности старшего научного сотрудника, Борис Иванович организовал в села Бийского района передвижную выставку на тему «Древняя история Алтая». В 1982 г. научным сотрудником музея стала археолог Г.В. Масленникова. В 1983 г. Г.В. Масленникова прошла стажировку в Государственном музее истории религий в Ленинграде по организации научно-просветительской работы в краеведческом музее. Масленниковой была разработана музейная лекция на тему «Археологическое наследие Бийска и его окрестностей» [ГААК. Ф. 288. Оп. 2. Д. 118. Л. 15–17, 24–25, 40; ГААК. Ф. 288. Оп. 2. Д. 130. Л. 9; ГААК. Ф. 288. Оп. 2. Д. 137. Л. 5–6; ГААК. Ф. 288. Оп. 2. Д. 161. Л. 23, 11].

В 1987 г. отделом досоветской истории Каменского краеведческого музея был создан краеведческий кружок для школьников 5–8 классов. Члены кружка составляли карточки научного описания музейных археологических предметов, изучали правилами ведения музейных экскурсий [ГААК. Ф. 288. Д. 161. Л. 63, 65].

Таким образом, в 1960–1980-х гг. просветительская работа музеев Алтая была направлена, прежде всего, на распространение научных археологических сведений, раскрытие роли археологических исследований в изучении истории края, а также была ориентирована на удовлетворение творческих, культурных, образовательных потребностей аудитории.

Библиографический список

Анощенко И.А. Музеи СССР: итоги и перспективы // Музейное дело в СССР. Труды Центрального Музея революции СССР. М., 1977. С. 50–66.

Гнедовский М. Музейная выставка // Советский музей. 1986. №3. С. 30–31.

Годовой отчет Алтайского краевого краеведческого музея (АККМ) за 1960 г. // ГААК. Ф. 288. Оп. 2. Д. 30. Л. 50–52.

Годовой отчет АККМ за 1962 г. // ГААК. Ф. 288. Оп. 2. Д. 39. Л. 45–46, 61–62.

Годовой отчет АККМ за 1963 г. // ГААК. Ф. 288. Оп. 2. Д. 43. Л. 51.

Годовой отчет АККМ за 1964 г. // ГААК. Ф. 288. Оп. 2. Д. 47. Л. 4.

Годовой отчет АККМ за 1965 г. // ГААК. Ф. 288. Оп. 2. Д. 52. Л. 20.

Годовой отчет АККМ за 1968 г. // ГААК. Ф. 288. Оп. 2. Д. 64. Л. 15.

Годовой отчет АККМ за 1969 г. // ГААК. Ф. 288. Оп. 2. Д. 69. Л. 41–42.

Годовой отчет АККМ за 1970 г. // ГААК. Ф. 288. Оп. 2. Д. 72. Л. 25, 47–50.

Годовой отчет АККМ за 1971 г. // ГААК. Ф. 288. Оп. 2. Д. 76. Л. 32, 36–37, 46–47.

Годовой отчет АККМ за 1972 г. // ГААК. Ф. 288. Оп. 2. Д. 81. Л. 23–24, 30, 49–55.

Годовой отчет АККМ за 1974 г. // ГААК. Ф. 288. Оп. 2. Д. 93. Л. 27–30.

Годовой отчет АККМ за 1978 г. // ГААК. Ф. 288. Оп. 2. Д. 129. Л. 11.

Годовой отчет АККМ за 1980 г. // ГААК. Ф. 288. Оп. 2. Д. 149. Л. 10.

Годовой отчет АККМ за 1983 г. // ГААК. Ф. 288. Оп. 2. Д. 160. Л. 4.

Годовой отчет АККМ за 1989 г. // ГААК. Ф. 288. Оп. 2. Д. 202. Л. 67.

Годовой отчет АККМ за 1990 г. // ГААК. Ф. 288. Оп. 2. Д. 208. Л. 22.

Годовой отчет Бийского краеведческого музея (БКМ) за 1976 г. // ГААК. Ф. 288. Оп. 2. Д. 118. Л. 15–17, 24–25, 40.

Годовой отчет БКМ за 1978 г. // ГААК. Ф. 288. Оп. 2. Д. 130. Л. 9

Годовой отчет БКМ за 1982 г. // ГААК. Ф. 288. Оп. 2. Д. 137. Л. 5–6.

Годовой отчет БКМ за 1983 г. // ГААК. Ф. 288. Оп. 2. Д. 161. Л. 23, 11.

Годовой отчет ККМ за 1987 г. // ГААК. Ф. 288. Д. 161. Л. 63, 65.

Евстигнеев В.С. Актуальные задачи музеев РСФСР в XII пятилетке // Актуальные проблемы музейного дела в РСФСР. Труды ГИМ. М., 1987. Вып. 66. С. 4–10.

Закс А.Б. Научные основы экскурсионной работы в музее // Актуальные проблемы музейного дела в РСФСР. Труды ГИМ. М., 1987. Вып. 66. С. 37–43.

Историческое краеведение: учеб. пособие. М., 1969. 224 с.

Коссова И.М. Выставочная работа музеев в современных условиях. М., 1988. 148 с.

Мальцева Н.А. Методы использования экскурсий и экспозиций музеев в учебно-воспитательной работе со школьниками // Актуальные проблемы музейного дела в РСФСР. Труды ГИМ. М., 1987. Вып. 66. С. 66–67.

Новицкий Г.А., Вяткин Р.В. Исторические музеи // Большая советская энциклопедия. М., 1972. Т. 10. С. 562.

Об утверждении положения об охране и использовании памятников истории и культуры: постановление Совета Министров СССР от 16 сентября 1982 г. // Справочник партийного работника. М., 1983. Вып. 23. С. 469–470.

Пиотровский Б.Б. О значении культурного наследия в развитии культуры // Советская культура. История и современность: сб. науч. ст. М., 1983. С. 23–36.

Протокол заседания ученого совета АККМ от 29 апреля 1970 г. // ГААК. Ф. 288. Оп. 2. Д. 71. Л. 1.

Протоколы заседаний научно-методического совета АККМ за 1989–1990 гг. // ГААК. Ф. 288. Оп. 2. Д. 200. Л. 33–34.

Разгон А.М., Ельницкий Л.А. Археологические музеи // Советская историческая энциклопедия. М., 1966. Т. 9. С. 762–763.

Разгон А.М., Ельницкий Л.А. Археологические музеи // Большая советская энциклопедия. М., 1972. Т. 10. С. 563.

Тематика школьных экскурсий и уроков на материалах Алтайского краевого краеведческого музея на 1972–1973 гг. // Научный архив Алтайского государственного краеведческого музея (АГКМ).

Тетрадь учета экскурсий и уроков по отделу истории досоветского периода за 1976–1987 гг. // Научный архив АГКМ.

Тетрадь учета экскурсий и лекций в отделе досоветской истории АККМ за 1988–1990-е гг. // Научный архив АГКМ.

Т.С. Паршикова

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

ОБ ОХРАНЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ НА АЛТАЕ В 1940–1950-е гг.

Работа выполнена при поддержке гранта Министерства образования и науки РФ (постановление №220), полученного ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет» (проект №2013-220-04-129 «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии»)

Важным направлением в деле охраны историко-культурного наследия является выявление, систематизация и изучение памятников археологии. На территории Алтайского края такие работы ведутся на протяжении более чем 150 лет. Исследования 1940-х гг. открыли для общества уникальные памятники, многие из которых в настоящее время отнесены к мировым сокровищам культуры.

В 1947–1949 гг. были предприняты работы Северо-Алтайской экспедиции Государственного Эрмитажа и Института истории материальной культуры под руководством М.П. Грязнова на Ближних Елбанах у с. Большая Речка. Полученные материалы позволили представить историю культуры древних племен Верхней Оби [Грязнов, 1956]. Существенные исследования проводились в Горном Алтае, главной задачей которых стало изучение «царских» курганов. В 1947–1949 гг. С.И. Руденко осуществил раскопки четырех больших курганов в урочище Пазырык [Шмидт, 2004, с. 61–84]. Начиная с 1950-х гг. объем археологических изысканий на территории региона значительно увеличивается. Отличительной особенностью этого периода стало то, что в исследованиях объектов принимали участие не только центральные научные учреждения страны (экспедиции под руководством С.И. Руденко, С.С. Сорокина), но и местные культурно-образовательные центры в лице А.П. Уманского и Б.Х. Кадикова [Паршикова, 2012, с. 23–25].

Работы данного времени осуществлялись в русле государственной политики охраны памятников истории и культуры. Постановление Совета Министров СССР от 14.10.1948 г. №3898 «О мерах улучшения охраны памятников культуры» утверждало охранные мероприятия, по которым местным органам власти предписывалось:

1) осуществлять надзор за тем, чтобы археологические разведки и раскопки производились лицами, имеющими на то право в соответствии с полученными ими разрешениями («Открытыми листами»);

2) не допускать использования памятников в каких-либо хозяйственных целях (в качестве строительного материала, а также распушки или разрытия);

3) установить вокруг археологических памятников охранные зоны;

4) решительно пресекать самовольные раскопки и другие действия, влекущие разрушение археологических памятников [Каширина, 2006, с. 77–78].

Кроме этого, постановлением Совета Министров РСФСР от 28 мая 1949 г. №373 была утверждена «Инструкция о порядке учета, регистрации и содержания археологических и исторических памятников на территории РСФСР».

На территории Алтайского края проводились работы по выявлению, регистрации, составлению списков и паспортизации памятников истории и культуры. Регулирование данной деятельности осуществлялось отделом культурно-просветительской работы крайисполкома, Горно-Алтайским облисполкомом, городскими, районными и сельскими исполнительными комитетами. Краеведческие музеи (Алтайский краевой краеведческий музей (АККМ), Бийский краеведческий музей (БКМ), Горно-Алтайский областной краеведческий музей (ГАОКМ), Каменский краеведческий музей, районные музеи) были ответственными за выполнение работ, как наиболее компетентные организации в данной области.

Основное внимание отводилось объектам историко-революционного характера (братским могилам, обелискам, памятникам Гражданской войны). В списке памятников республиканского значения, находящихся на территории Алтайского края (1949 г.), археологические объекты не значились. Однако работы по их учету велись. В 1949 г. в списке учтенных и запастизированных памятников на территории Алтайского края обозначено 57 позиций, среди которых №19 – комплекс памятников в урочище Ближние Елбаны, №26 – тюркское изваяние «Кезер», №35 – пять «царских» курганов урочища Пазырык, №36 – древний оросительный канал в Курайской степи (Кош-Агачский район) и др. [ГААК. Ф. 1041. Оп. 1. Д. 113. Л. 86].

Одновременно с осуществлением государственного учета и паспортизации определялись охранные зоны исторических и археологических памятников. Согласно «Инструкции...» на каждый объект составлялся «Акт технического осмотра» и «Охранный обязательство». Ответственность за сохранность памятников возлагалась на местные Советы, колхо-

зы и организации, на территории которых они располагались. Все учетные объекты утверждались районными и городскими исполкомами с указанием размеров охраняемых зон, режима использования и персональной ответственности за их сохранность. Паспортизацией охватывались из учетных лишь те памятники, данные о которых отвечали указанным требованиям. По этой причине паспорта были составлены на 180 исторических и 57 археологических памятников, тогда как учтено соответственно – 253 и 66 [ГААК. Ф. 1041. Оп. 1. Д. 47. Л. 80–82].

В документах отмечается, что при работе по учету объектов, музей обращались за помощью к археологам из центральных научных учреждений. Так, например, М.П. Грязнов неоднократно осматривал археологическую коллекцию АККМ, которая была выставлена на одной витрине и включала в себя материалы, полученные в разные годы с территории края, вносил необходимые поправки в определение отдельных предметов [ГААК. Ф. 1041. Оп. 1. Д. 105. Л. 16]. А.П. Уманский в своих воспоминаниях указывал на то, что при содействии Михаила Петровича одним из первых был составлен паспорт на комплекс памятников урочища Ближние Елбаны [Тишкин, 2008, с. 184]. Что касается С.И. Руденко, то, как отмечается в отчете ГАОКМ за 1949 г., ученый часто посещал музей и давал консультации относительно размещения предметов и составления сопроводительных текстов [ГААК. Ф. 1041. Оп. 1. Д. 106. Л. 17].

В отчете о работе музеев и охране памятников за 1950 г. [ГААК. Ф. 1041. Оп. 1. Д. 34. Л. 70] отмечалось, что археологические комплексы, представленные древними курганами, стоянками, городищами, каменными изваяниями и другими объектами, выявлены на территории Горно-Алтайской автономной области, Быстроистокского, Сросткинского, Старобардинского, Топчихинского, Усть-Пристанского районов и в окрестностях г. Бийска. Наибольшее количество объектов было зафиксировано в Онгудайском, Улаганском, Кош-Агачском и Шебалинском аймаках. Учетные археологические памятники были обследованы и в ряде случаев частично раскопаны. Для изучения отдельных объектов организовывались научные командировки работников музеев. Они на местах уточняли имеющиеся данные, составляли характеристики, определяли топографическое положение.

В конце 1950-х гг. внимание стало уделяться памятникам, находящимся в аварийном состоянии. Управление музеев и охраны памятников Министерства культуры запрашивало у местных органов информацию о памятниках археологии, подвергающихся разрушению (распашке, размывке реками и т.д.). Так, на охрану памятников истории, археологии и искусства в 1959 г. краю выделялось 315 тысяч рублей, 35 из которых предназначались на исследование объектов древней истории, находящихся в аварийном состоянии [ГААК. Ф. 1041. Оп. 1. Д. 379. Л. 13–14].

Анализ отчетных материалов музеев за указанный период показал, что основная деятельность по выявлению и исследованию памятников археологии приходится на конец 1940-х – начало 1950-х гг., когда охран-

ные мероприятия получили соответствующую законодательную базу. Информация, полученная об археологических объектах в данный период, сыграла большую роль для дальнейшего их изучения. Однако, несмотря на значительную проделанную работу, общая проблема охраны памятников полностью так и не была разрешена. Начата деятельность была прервана сокращением списков охраняемых государством объектов и резким снижением ассигнований на реставрационные и восстановительные работы. Дальнейшее развитие охраны памятников приходится на вторую половину 1960-х гг., когда в вопросах сохранения наследия наметились положительные тенденции, одной из которых стала организация Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИК).

Библиографический список

Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. М.; Л., 1956. 160 с. (МИА. №48).

Каширина Л.В. Мероприятия по охране памятников археологии на Алтае в 1940-х гг. // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 2006. Вып. XV. С. 77–79.

Краевое государственное казенное учреждение «Государственный архив Алтайского края» (КГКУ ГААК). Ф. 1041. Оп. 1. Д. 34.

КГКУ ГААК. Ф. 1041. Оп. 1. Д. 47.

КГКУ ГААК. Ф. 1041. Оп. 1. Д. 105.

КГКУ ГААК. Ф. 1041. Оп. 1. Д. 106.

КГКУ ГААК. Ф. 1041. Оп. 1. Д. 113.

КГКУ ГААК. Ф. 1041. Оп. 1. Д. 379.

Паршикова Т.С. Археологические исследования на Алтае в 1950-е гг. // Диалог культур и цивилизаций. Тобольск, 2012. С. 23–25.

Тишкин А.А. Встречи с А.П. Уманским // Вопросы археологии и этнографии Сибири: памяти профессора А.П. Уманского. Барнаул, 2008. С. 179–207.

Шмидт О.Г. Археологические исследования Сергея Ивановича Руденко // Жизненный путь, творчество, научное наследие Сергея Ивановича Руденко и деятельность его коллег: сб. науч. ст. Барнаул, 2004. С. 61–84.

А.А. Тишкин

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

НАУЧНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО СОБРАНИЯ ЗМЕИНОГОРСКОГО МУЗЕЯ

Работа выполнена при финансовой поддержке РФНФ
(проект №14-11-22001 «Энциклопедия музеев Алтайского края»)

Муниципальное бюджетное учреждение культуры «Музей истории развития горного производства им. А. Демидова» находится в г. Змеиногорске Змеиногорского района Алтайского края и составляет важную часть обширного наследия, позволяющего в перспективе реали-

зовать региональную программу развития малого исторического города на принципах уникальной историко-культурной территории. Среди имеющихся в музее коллекций археологическое собрание заслуживает особого внимания. За последние годы оно существенно пополнилось, что позволило развернуть специальную экспозицию. Несмотря на то, что значительная часть экспонатов уже опубликована [Алехин, Кирушин, 1996; Тишкин, Казаков, Бородаев, 1996; Алехин, 1999; Смирнова, Тишкин, 2000; и др.], научно-информационный потенциал их не исчерпан. Особенно это касается изучения находок, связанных с древним горнорудным делом и бронзолитейным производством. Как выясняется, именно змеиногорская зона в свое время стала важным районом формирования и развития цветной металлургии на территории предгорий Алтая и сопредельных регионов. Эта тема может стать основой для крупных исследований в рамках реализации современного международного проекта, в котором должны принять участие специалисты из России, Казахстана, Китая, Монголии и других стран.

В ноябре 2012 г. с любезного разрешения директора музея В.Х. Смирновой было проведено тестирование некоторых металлических предметов с помощью портативного рентгенофлуоресцентного спектрометра ALPHA SERIES™ (модель Альфа-2000, производство США), который имеется на кафедре археологии, этнографии и музеологии Алтайского государственного университета. Используемый прибор позволил получить необходимые сведения без снятия вещей с экспозиционных стендов. Эффективность работы затрудняло наличие существенного количества окислов на демонстрируемых изделиях. Поэтому лишь в отдельных случаях можно говорить о количественном анализе, полученном с помощью специальной аналитической программы. Однако и при этом нужно указать на предварительный характер таких определений. Для получения объективной картины о химическом составе находок необходимо их детальное тестирование, что требует достаточного количества времени. Тем не менее есть смысл представить имеющиеся результаты, которые станут основой для дальнейших работ.

В июне 1983 г. геологами Рудно-Алтайской экспедиции Борисом Васильевичем Сорокиным и Александром Борисовичем Гладько в музей была доставлена коллекция находок [Смирнова, Тишкин, 2000]. Среди них выделялись два кинжала, найденные в районе с. Новифирсово Курьинского района Алтайского края. Оттуда же происходит бронзовый крюк, который обнаружила В.Х. Смирнова, работавшая тогда заведующей отделом культуры г. Змеиногорска. Сначала прибором тестировался именно этот предмет (рис. 1.-1), подробно представленный в публикации В.А. Кореняко и В.Б. Бородаева [1993, с. 80–81], где указана его датировка, соотносимая ныне с периодом ранней бронзы. Первый результат был получен при изучении окисленной втулки крюка: Cu (медь) – 93,95%; Sn (олово) – 4,95%; Fe (железо) – 1,1%. Данная поверхность по-

влияла на представленный поэлементный ряд. Осмотр изделия показал наличие отбора пробы путем высверливания. Поэтому дважды исследовалось именно то место, где хорошо просматривался металл. Последовательно зафиксированные показатели (Cu – 91,79%; Sn – 7,91%; Fe – 0,3%; Cu – 96,6%; Sn – 3,4%) свидетельствуют о медно-оловянном сплаве.

Рис. 1. Бронзовые вещи из экспозиции Змеиногорского музея, обнаруженные около с. Новofireсово: 1 – крюк; 2–3 – кинжалы

Следующими изучались кинжалы, размещенные рядом друг с другом на одном планшете. Первый экземпляр (рис. 1.-2) имел своеобразный цвет за счет образовавшейся «благородной» патины. Сначала тестировалась поверхность клинка. Обозначился такой химический состав: Cu –

42,55%; Sn – 53,25%; Fe – 2,33%; Pb (свинец) – 1,15%; As (мышьяк) – 0,56%; Zn (цинк) – 0,16%. Потом исследовалась рукоять: Cu – 61,34%; Sn – 35,4%; Fe – 2,52%; Pb – 0,74%. Завершающим этапом стало изучение участка у острья клинка, где отпали окислы и своеобразная патина: Cu – 67,2%; Sn – 29,59%; Fe – 1,68%; Pb – 0,89%; As – 0,64%. Полученные показатели позволяют охарактеризовать бронзовый сплав, в котором олово являлось существенной легирующей добавкой к меди. Остальные указанные элементы могли быть рудными примесями. Рассмотренный экспонат неоднократно рассматривался в статьях и монографиях и хорошо знаком специалистам.

Второй кинжал (рис. 1-3) также опубликован В.А. Кореняко и В.Б. Бородаевым [1993, с. 77–79]. Он имеет стертости на клинке. Один из таких участков подвергся рентгенофлюоресцентному обследованию, в результате которого получен такой результат анализа: Cu – 75,43%; Sn – 24,28%; Pb – 0,19%; Fe – 0,09%. Затем тестировался черен кинжала у плечиков и зафиксирован поэлементный ряд: Cu – 74,62%; Sn – 25,09%; Pb – 0,19%; Fe – 0,1%. Эти данные свидетельствуют о медно-оловянном сплаве, характерном для андроновских бронз, в которых фиксируется существенное количество олова.

Следующий экспонат, о котором пойдет речь, – обломок бронзового тесла. Он найден в июне 1983 г. Э.М. Медниковой (тогда – заведующей досоветским отделом Алтайского краевого краеведческого музея (г. Барнаул)) также в районе с. Новофирсово [Смирнова, Тишкин, 2000]. Сведения об этом предмете отражены в упомянутой публикации В.А. Кореняко и В.Б. Бородаева [1993, с. 79–80]. Рентгенофлюоресцентным спектрометром в разных местах получены такие показатели, характеризующие оловянную бронзу:

- 1) в центре: Cu – 71,98%; Sn – 27,07%; Fe – 0,95%;
- 2) край лезвия: Cu – 66,46%; Sn – 32,76%; Fe – 0,72%; Pb – 0,06%;
- 3) участок слом: Cu – 81,63%; Sn – 18,12%; Fe – 0,25%.

Хорошую перспективу имеет изучение предметов конского снаряжения майэмирской культуры, которые в существенном количестве представлены в экспозиции. Эти материалы происходят из разных памятников Алтайского края и Восточного Казахстана. Для сравнительного сопоставления можно привлечь исследования металла, полученные автором статьи по результатам тестирования находок из местонахождения Гилевский мост.

Также известная коллекция бронзовых предметов, находящаяся в музее, передана учащимися Карамышевской школы (руководитель П.Э. Швемлер). Вещи найдены в разрушенном кургане в июле 1985 г. на берегу Корболихи, рядом с лагерем труда и отдыха. Этот археологический объект был доисследован [Тишкин, 1996], но какие-либо изделия не были обнаружены. В музее выставлены подпружные пряжки, удила с псалиями, пронизки, подвеска и др. [Смирнова, Тишкин, 2000].

Из этой коллекции рентгенофлуоресцентным спектрометром изучен нож с кольцевым навершием, характерный для «раннескифского» времени. Сначала тестировалась поверхность клинка: Cu – 88,27%; Sn – 7,87%; Pb – 2,18%; Fe – 0,75%; Ag (серебро) – 0,56%; As – 0,37%; а потом рукояти: Cu – 85,13%; Sn – 9,54%; Pb – 2,76%; Fe – 1,19%; Ag – 0,69%; As – 0,48%; Ti (титан) – 0,21%. Такое количество элементов указывает на имеющиеся окислы, хотя можно сделать заключение о бронзовом сплаве, в котором имеются своеобразные естественные (рудные) примеси. Рядом с этим ножом, на одном планшете, прикреплен случайно найденный наконечник стрелы, относящийся к тому же историческому периоду, что и указанная коллекция из Карамышево. Удалось спектрометром получить два результата:

1) Cu – 86,75%; Pb – 8,36%; Sn – 1,19%; As – 2,13%; Fe – 1,43%; Ti – 0,13%;

2) Cu – 78,61%; Pb – 12,33%; Sn – 1,44%; As – 3,02%; Fe – 4,25%; Ti – 0,36%.

Среди экспонатов музея привлекает внимание кирка. Она также, как и другие, опубликована [Грушин и др., 2009]. Поверхность этого экземпляра тестировалась трижды и в разных местах:

1) слом на втулке: Cu – 98,64%; Sn – 0,68%; Pb – 0,45%; Fe – 0,23%;

2) потертость с патиной: Cu – 97,93%; Pb – 1,1%; Sn – 0,72%; Zn – 0,25%;

3) рядом с этим местом: Cu – 97,63%; Pb – 1,27%; Sn – 0,89%; Zn – 0,22%.

В витринах экспозиции представлены свидетельства бронзолитейного производства (руда, сплески, льячка и др.). Эти и другие предметы в комплексе с металлом дают прекрасную информацию для осуществления необходимых технологических реконструкций. Имеющаяся в музее руда предварительно изучалась с помощью горнорудной программы, которым располагает используемый прибор.

В заключение необходимо также указать и на перспективы рентгенофлуоресцентного анализа коллекции раннесредневековых изделий из цветных металлов. Важным мероприятием для сохранения всего археологического собрания должна стать реставрация. Однако перед этим нужно осуществить комплексную программу исследования сплавов, из которых были сделаны предметы.

Библиографический список

Алехин Ю.П. Рудный Алтай в древности и средневековье // Серебряный венец России (Очерки истории Змеиногорска). Барнаул, 1999. С. 17–65.

Алехин Ю.П., Кирюшин Ю.Ф. Змеиногорский район. Памятники археологии // Памятники истории и культуры юго-западных районов Алтайского края. Барнаул, 1996. С. 12–21.

Грушин С.П., Папин Д.В., Позднякова О.А., Тюрина Е.А., Федорук А.С., Хаврин С.В. Алтай в системе металлургических провинций энеолита и бронзового века. Барнаул, 2009. 160 с.: ил. + 4 с. цв. вкл.

Кореняко В.А., Бородаев В.Б. Металлические изделия эпохи бронзы с поселения Фирсово-I // Ползуновские чтения 1993 года. Змеиногоorsk, 1993. С. 77–84.

Смирнова В.Х., Тишкин А.А. Археологические коллекции Змеиногоorskского музея // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул, 2000. Вып. XI. С. 302–303.

Тишкин А.А. Исследование одного разрушенного кургана раннескифского времени в Змеиногоorskском районе // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1996. Вып. VII. С. 119–123.

Тишкин А.А., Казаков А.А., Бородаев В.Б. Третьяковский район. Памятники археологии // Памятники истории и культуры юго-западных районов Алтайского края. Барнаул, 1996. С. 194–210.

Е.В. Шелепова

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

ФОРМИРОВАНИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ОБ АРХЕОЛОГИИ БОЛЬШОГО АЛТАЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ
«Изучение историко-культурного наследия Западной Монголии
в XIX – начале XX в.» (№12-31-01222a2)

Интенсивному развитию российского востоковедения во 2-й половине XIX в. способствовали благоприятные изменения в политических отношениях с Цинской империей, что позволило приступить к научному исследованию до сих пор неизвестных территорий, к которым относилась Монголия [Шелепова, 2012]. С 1865 г. в изданиях ИРГО публикуется целая серия заметок и сообщений о путешествиях, преимущественно с торговой целью, и разведывании путей в пределы Западной Монголии и Китая (статьи А. Принтца, Я.П. Шишмарева, М.И. Венюкова, И.В. Падерина, К. Павлинова и др.). Но задачи организованных Императорской Академией наук, Императорским Русским географическим обществом (ИРГО) экспедиций этим не ограничивались. Осуществлялся сбор разнообразных свидетельств о государствах и народах Центральной Азии, их культурном взаимодействии в древности и средневековье.

В ходе комплексных обследований появилось и стало наполняться конкретным содержанием такое понятие, как «Большой Алтай». Сейчас под ним преимущественно понимается регион на границе четырех крупнейших государств – России (Алтайский край и Республика Алтай), Казахстана (Восточный Казахстан), Китая (Синьцзян-Уйгурский автономный район) и ряда аймаков Западной Монголии (прежде всего Баян-Ульгийский и Ховдский).

Археологические открытия способствовали рассмотрению Большого Алтая не только как уникальной природно-географической области, но и в единстве протекавших там в древности и средневековье

культурно-исторических процессов. Основой для создания современных хронологических схем изучения Алтая и Западной Монголии как части Большого Алтая стали исследования второй половины XIX в. Открытия тюркских рунических памятников в центральной части страны поставили вопрос об обнаружении аналогичных объектов на других территориях. Впервые обозначивший проблему выделения тюркской культуры, В.В. Радлов способствовал организации исследований к западу от Орхона. Сам он еще в 1870 г. побывал в районе г. Ховда и отмечал, что формы каменных надгробных сооружений из Западной Монголии (особенно херексуров) не похожи на алтайские, енисейские, хакасские варианты [Радлов, 1989, с. 414–415]. Но отнести херексуры к какому-то конкретному периоду истории ученый затруднялся, так как еще никто подобные курганы не раскапывал [Радлов, 1989, с. 420].

Вопросы исторической географии рассматривал Н.М. Ядринцев. За период 1878–1880 гг. он обследовал значительную часть Алтая – долины Катуня, Берели, Чулышмана, Улагана, Башкауса, Аргута, район Телецкого озера [Ядринцев, 1890]. А с 1889 г. сосредоточился на изучении тюркских памятников долины Орхона. Во время поездки на Алтай и в Монголию он наблюдал распространение погребальных сооружений и каменных изваяний [Ядринцев, 1883, с. 198–199]. Проанализировав данные китайских письменных источников, Н.М. Ядринцев [1883, с. 200, 203] сделал вывод, что истоки культуры племен, населявших Южную Сибирь в древности, следует искать в Монголии. Он писал, что каменные изваяния известны по всей Сибири, но их происхождение связано с Монголией, с племенами, сохранившими «...обычай ставить на могилах фигуры» [Ядринцев, 1883, с. 200]. Население, изготовившее изваяния, якобы обладало высоким уровнем развития культуры.

Отдельное внимание Н.М. Ядринцев [1901] уделил херексурам, которые в основном встречаются в горных местах: в Забайкалье, по Селенге, Орхону, Толе, а также Южному Хангаю и Монгольскому Алтаю. Правда, об их распространении на территории Большого Алтая (а в понимании Н.М. Ядринцева это область к западу от предгорий Хангая) практически ничего неизвестно за исключением сведений, собранных Г.Н. Потаниным [Ядринцев, 1892, с. 36]. Поэтому археологические исследования этой зоны имеют хорошую перспективу.

На основе собранной информации Н.М. Ядринцев [1890, с. 260–261] пытался установить историко-географическую локализацию таких племен, как тюрки, уйгуры, монголы. Следуя теории К. Риттера, он отмечал, что природное окружение определило специфику кочевой культуры [Ядринцев, 2000, с. 263].

Об определяющем влиянии природно-географических факторов говорил Г.Н. Потанин. На Алтае и в Западной Монголии он первым обнаружил значительное количество ритуальных комплексов эпохи

бронзы, раннескифского времени и периода раннего средневековья. Благодаря исследованиям ученого стала известна уникальная культура херексуров и «оленных» камней [Шелепова, 2013а]. На основе западно-монгольских материалов Г.Н. Потаниным [1881, фиг. 1–24] разработана типология херексуров, предложена классификация вертикально установленных камней [Потанин, 1881, с. 64]. Ученый обратил внимание на важную особенность: «оленные» камни связаны не только с курганами, но могут находиться на специальных площадках (сейчас они называются «жертвенниками»), а иногда их можно встретить отдельно.

К середине 1890-х гг. знания об археологии Большого Алтая существенно обогатились. Отдельную страницу в оформлении представления о культурно-историческом единстве западной части Монголии и Алтая занимают исследования Д.А. Клеменца [Шелепова, 2013б]. В 1885–1889 гг. он объехал районы, пограничные с Монголией [Voyages de Dmitri Klementz, 1899, с. 308]. В 1891 г. участвовал в работе экспедиции В.В. Радлова, организованной Императорской Академией наук. Ее основная цель заключалась в дообследовании орхонских древностей, открытых Н.М. Ядринцевым. Но перед Д.А. Клеменцем стояли и другие научные задачи: установить историко-культурные связи орхонских и минусинских памятников, а также выявить тюркские объекты к западу от Орхона. После самостоятельных экспедиций в Монголию в 1894–1898 гг. Д.А. Клеменц уже вполне определенно говорил об этнокультурной и природно-географической близости Западной Монголии и Алтая, Восточной Монголии и Забайкалья [Клеменц, 1896, с. 41]. Большой Алтай и прилегающие области он рассматривал как исконную территорию проживания тюркских племен, тем самым предвосхитив появление современных концепций [Тишкин, 2007, с. 192–194].

Кроме того, во время поездки 1894 г. Д.А. Клеменц обследовал западные склоны Хангая, Гобийского Алтая, долины Орхона и его притоков, что позволило ему писать о географическом и историческом районировании Монголии, распространении херексуров и других археологических памятников. Д.А. Клеменц [1895, с. 271] считал, что оставившее херексуры население в небольшом количестве проживало в Гобийском Алтае, но центр культуры находился в Хангае. Она существовала долго, о чем свидетельствует фиксируемое разнообразие в оформлении курганов. Если Г.Н. Потанин ранее писал, что херексуры встречаются только к северу от Гоби, то Д.А. Клеменц уточнил его предположения. Оказалось, что наиболее сложные формы подобных курганов распространены как раз в западной части Большого Алтая и Хангае с его предгорьями, чего нельзя сказать об Урянхайской земле и Минусинском округе, территории Забайкалья [Клеменц, 1916, с. 186].

При обнаружении в долине Хойту-Тамира тюркских оградок с рядами камней ученый написал, что «...как известно, подобные могилы многократно находили на Алтае гг. Ядринцев и Потанин» [Архив восто-

коведов СПбФ ИВР РАН. Ф. 28. Оп. 1. Д. 88. Л. 35]. И далее справедливо подчеркивал, что эти «могилы» в Минусинском округе не встречаются.

Таким образом, к началу XX в. в российском востоковедении оформилось общее представление о природно-географическом и историческом своеобразии Центральной Азии. О Русском и Монгольском Алтае как единой территории писали В.В. Сапожников, П.К. Козлов, Й.Г. Гранё и др.

Согласно современным представлениям в период поздней бронзы и раннескифское время Большой Алтай имел свою этнокультурную историю, тесно связанную с развитием археологических культур в Горном Алтае, Восточном Казахстане, Туве и Северо-Западном Китае (Синьцзян). Совокупность полученных с середины XIX в. данных раскрывает направленность, характер и интенсивность таких взаимодействий.

Библиографический список

Клеменц Д.А. Краткий отчет о путешествии Д. Клеменца по Монголии за 1894 г. // Известия Императорской Академии наук. СПб., 1895. Т. III. С. 261–274.

Клеменц Д.А. Письма с дороги // Восточное обозрение. Иркутск, 1896. №6. С. 41.

Клеменц Д.А. Письмо в Императорскую Академию наук // Известия ВСИРГО. Иркутск, 1916. Т. XLV. С. 184–187.

Потанин Г.Н. Очерки Северо-Западной Монголии (Результаты путешествия, исполненного в 1876–1877 гг. по поручению Императорского Русского географического общества): в 3-х вып. СПб., 1881. Вып. II. 280 с.

Радлов В.В. Из Сибири (страницы дневника). М., 1989. 718 с.

Тишкин А.А. Создание периодизационных и культурно-хронологических схем: исторический опыт и современная концепция изучения древних и средневековых народов Алтая. Барнаул, 2007. 356 с.

Шелепова Е.В. Изучение памятников истории и культуры Западной Монголии в XIX – начале XX в. // Известия АлтГУ. 2012. №4–2(76). С. 215–221.

Шелепова Е.В. Историко-культурные исследования Д.А. Клеменца в Монголии // Известия АлтГУ. Сер.: История. Политология. 2013б. №4(1). С. 88–96.

Шелепова Е.В. История изучения «оленных» камней Западной Монголии в XIX – начале XX в. // Вестник ТГУ. История. 2013а. №2 (22). С. 142–145.

Ядринцев Н.М. Отчет и дневник о путешествии по Орхону и в Южный Хангай в 1891 г. СПб., 1901. 54 с.

Ядринцев Н.М. Сочинения. Т. 2: Сибирские инородцы, их быт и современное положение. Тюмень, 2000. 333 с.

Ядринцев Н.М. Описание сибирских курганов и древностей // Древности: Труды Императорского московского археологического общества. М., 1883. Т. 9, вып. II и III. С. 181–205.

Ядринцев Н.М. Путешествие на верховья Орхона, к развалинам Каракорума // Известия ИРГО. СПб., 1890. Т. XXVI. Вып. 4. С. 257–271.

Ядринцев Н.М. Предварительный отчет об исследованиях по р. Толе, Орхону и в Южном Хангае члена экспедиции Н.М. Ядринцева // Сборник трудов Орхонской экспедиции. СПб., 1892. Вып. I. С. 27–40.

Voyages de Dmitri Klementz en Mongolie Occidentale // Bull de la Societe de Geografie. Paris, 1899.

РАЗДЕЛ 2. ИЗУЧЕНИЕ ПАМЯТНИКОВ АРХЕОЛОГИИ

Л.А. Бобров

Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия

НАУЧНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ ШЛЕМА ИЗ ДАЛМАТОВСКОГО УСПЕНСКОГО МОНАСТЫРЯ

Работа выполнена при поддержке Министерства образования и науки РФ:
НИР 6.2069.2011 «Развитие механизма интеграции фундаментальных исследований и образовательной деятельности по археологии и этнографии Северной Азии в рамках совместного Научно-образовательного центра Новосибирского национального исследовательского государственного университета и Института археологии и этнографии СО РАН»

Важным направлением изучения культурного наследия народов Сибири эпохи Древности, Средневековья и раннего Нового времени является научно-историческая реконструкция предметов материальной культуры и целых исторических комплексов. В отличие от реставрации, реконструкция всегда предполагает определенную вариативность полученных результатов. Добиться максимальной достоверности позволяет применение системного подхода и комплексного анализа вещественных, изобразительных и письменных источников. Представляется возможным выделить три основных разновидности научно-исторических реконструкций: описательная (текстовая), художественная и предметная. Художественная научно-историческая реконструкция, восстанавливающая вариант первоначального вида предмета (или комплекса предметов) не только иллюстрирует текст исследователя, но и является одним из основных результатов работы археолога. Предметная реконструкция, выполненная из аутентичных материалов с применением соответствующих производственных технологий, позволяет провести научные эксперименты, которые помогают уточнить особенности изготовления, применения и хранения того или иного предмета материальной культуры прошлого. Кроме того, художественные и предметные научно-исторические реконструкции играют важную роль в ходе реализации профильных образовательных и культурно-просветительских программ.

Особое место метод научно-исторической реконструкции занимает в исследованиях, посвященных военному искусству сибирских народов [Худяков, 1980; Горбунов, 2003; Бобров, Худяков, 2008; Бобров, Борисенко, Худяков, 2010]. Характерно, что его актуальность сохраняется не только по отношению к древним воинским культурам, но и при изучении военного костюма, амуниции и вооружения воинов

более близких к нам исторических эпох. К их числу относится и комплекс защитного и наступательного вооружения русских служилых людей периода вхождения Сибири и Дальнего Востока в состав Московского государства.

Доминирующий в массовом сознании образ русского воина-землепроходца в виде сурового бородатого мужика в папахе, тулупе, с пищалью в руке и саблей на боку сформирован под влиянием художественных произведений XIX–XX вв. и регулярно воспроизводится в учебниках, популярной и научно-популярной литературе. В то же время комплексный анализ вещественных, изобразительных и письменных источников свидетельствует, что этот хрестоматийный образ имеет мало общего с подлинным внешним видом казаков и служилых людей в Сибири конца XVI–XVII в. [Бобров, Борисенко, Худяков, 2012]. В данной связи важным направлением деятельности военных историков, археологов и оружейников является реконструкция комплекса вооружения, одежды и военного искусства российских воинов в Сибири в период освоения этого огромного и богатого края.

Одной из важных особенностей военного дела русских служилых в Зауралье, по сравнению с их соратниками из европейской части России, было широкое использование защитного вооружения. Если в землях метрополии на протяжении XVII в. традиционный комплекс защитного вооружения стремительно выходил из широкого военного обихода, то в ряде регионов Русской Сибири мы наблюдаем прямо противоположный процесс. Практически не употреблявшие доспехов в ходе «западных» военных компаний казаки и стрельцы, оказавшись в Сибири, пытались спешно обзавестись панцирями и шлемами, без которых они чувствовали себя уязвимыми в столкновениях с «многострельными», «копийными», «сбруйными» и «куяшными» аборигенами. Сочетание практики ввоза доспехов с территории европейской России с массовыми закупками и конфискациями панцирей у сибирских народов позволило существенно увеличить количество панцирников в отрядах служилых. Если в европейской России в рядах поместной конницы количество воинов, снабженных защитным вооружением, в XVII в. обычно не превышало 5%, то в Сибири численность «пансырников» и «куяшников» в отдельных отрядах нередко доходила до 50–70% и более от общего числа землепроходцев. Причем защитным вооружением были оснащены не только представители военной элиты («начальные люди», «дети боярские»), но и многие конные и пешие казаки, стрельцы, «литва», служилые татары и др. [Бобров, Борисенко, Худяков, 2012, с. 51–62].

Комплекс защитного вооружения российских воинов в Сибири конца XVI – XVII в. был представлен корпусными панцирями (различных структур бронирования), боевыми наголовьями (шлемами и мисюрками), дополнительными защитными деталями (наручами, набедренниками, панцирными усилителями) и щитами.

Если корпусные панцири русских служилых Зауралья исследуются давно и плодотворно [Бобров, 2006; Бобров, Борисенко, Худяков, 2012, с. 62–72; Багрин, 2013, с. 117–126], то шлемы землепроходцев изучены в значительно меньшей степени. Судя по данным письменных источников, они применялись сибирскими служилыми несколько реже корпусных панцирей. В письменных материалах XVII в. упоминаются «шишаки», «шеломы», «шапки железные», «шапки ерихонские», «шапки мисюрские» (мисюрки), привезенные в Сибирь из Европейской России. Некоторая часть наголовий ввозилась в регион в частном порядке и находилась у служилых на правах частной собственности. Однако основная масса шлемов и мисюрок направлялась в Зауралье по указанию московских властей и поступала на хранение в арсеналы городов и острогов в качестве «государевой казны». Такие шлемы выдавались российским воинам для несения различных «государевых служб». Так, например, на отряд В. Шахова (41 чел.), отправленного из Западной Сибири на р. Лену в 1633 г., были выделены «восемь шишаков» и «семь шапок мисюрских», причем все воины были оснащены панцирями [Бобров, Борисенко, Худяков, 2008, с. 60]. Корпус Я. Тухачевского, выступивший в 1639 г. против енисейских кыргызов, был оснащен сотней «лат с шишаками», присланными «из Москвы» [Пузанов, 2010, с. 335]. На отряд В. Пояркова (132 чел.), направлявшегося на Амур в 1643 г., наряду с 70 якутскими куяками, 10 кольчатými «пансырями», десятком наручей («зарукавий») и комплектом кольчато-пластинчатых набедренников («наколенок») было выделено 17 шлемов [Бобров, Борисенко, Худяков, 2012, с. 59]. В 1644 г. партия шлемов и панцирей была передана из Тобольского арсенала в литовскую роту ротмистра Д. Аршинского и голове Г. Грозину [Пузанов, 2010, с. 123]. В 1647 г. в том же Тобольске хранилось «50 шеломов и шишаков» [Пузанов, 2010, с. 123]. Перед походом на Амур на отряд Е. Хабарова, наряду с 32 «куяками», кольчатым «пансырем», 23 наручами было выделено «тринадцать шапок ерихонских, да две шапки-мисюрки» [Мясников, 1997, с. 78]. Кроме того, служилыми приобретались в частном порядке и «имались в государеву казну» в ходе боевых действий и конфискации «шишаки», «шеломы», «шапки железные» татарского, шорского, кыргызского, монгольского, тунгусского, якутского и бурятского производства [Бобров, 2006; Бобров, Борисенко, Худяков, 2012, с. 54–57].

В музейных собраниях Сибири и частных сибирских коллекциях хранится не менее 11 шлемов, которые могут быть отнесены к комплексу вооружения служилых людей конца XVI – XVII в. (рис. 1.-1–6). С некоторой долей условности, их можно разделить на шлемы «русского» и «европейского» типов [Бобров, Борисенко, Худяков, 2012, с. 72–77]. К первым относятся «шишаки» (5 экз.) и «шеломы» (2 экз.), выполненные в рамках западноазиатской военно-культурной традиции, господствовавшей в русском комплексе защитного вооружения в XVI в. и со-

хранившей определенное влияние на русский доспех в XVII в. [Бобров, Борисенко, Худяков, 2012, с. 110–111]. К шлемам «европейского типа» (4 экз.) могут быть отнесены наголовья европейского производства или выполненные русскими мастерами по иностранным образцам [Бобров, Борисенко, Худяков, 2012, с. 74, 75].

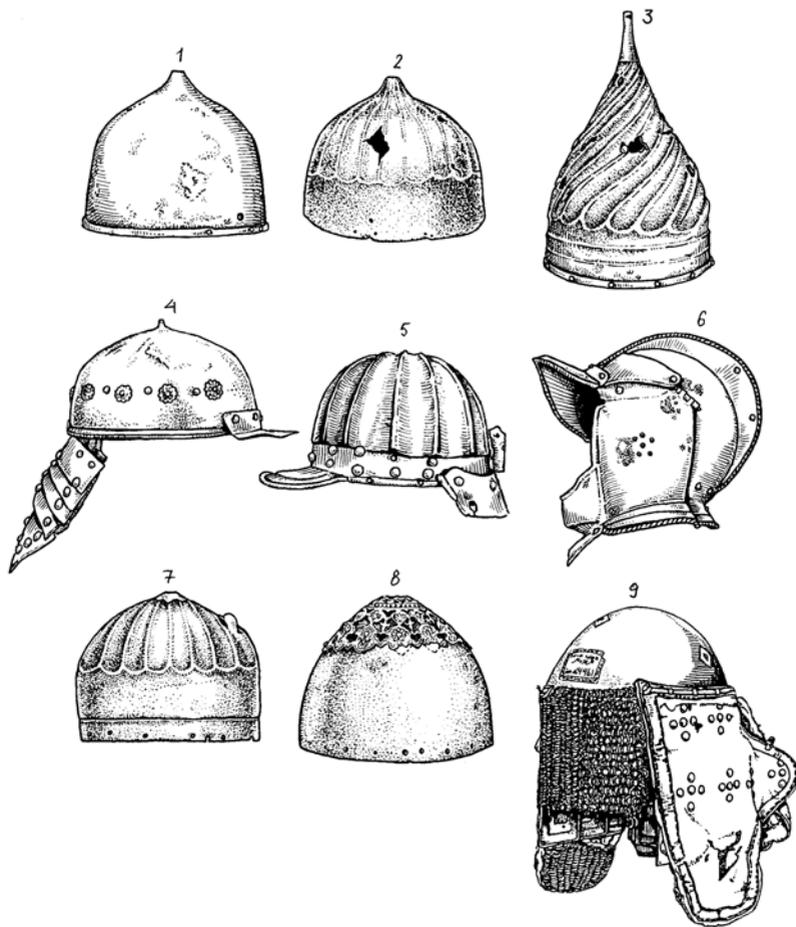

Рис. 1. Шлемы российских (1–6) и татарских (7–9) воинов с территории Сибири. КККМ (1); ТГИАМЗ (3, 8, 9); СОКМ (4); МАЭС ТГУ (5); АКМ (6); ПНИАЛ УрГУ (7)

Одним из самых ярких боевых наголовий серии является шлем из Далматовского Успенского монастыря, хранящийся в настоящее время в фондах СОКМ (рис. 1.-4). Данный шлем был впервые опубликован,

датирован и атрибутирован А.П. Зыковым и Л.П. Маньковой [1999; 2000]. Цель настоящей статьи – реконструкция первоначального вида боевого наголовья из Далматовского Успенского монастыря.

В настоящее время рассматриваемый шлем состоит из трех основных элементов: тульи, козырька и пластинчатого назатыльника (рис. 1.-4). Низкая сфероконическая тулья шлема (высота – 14,5 см, диаметр – 22 см) напоминает купола русских шишаков. Вдоль нижней кромки наголовья пропущен выпуклый бортик. Примерно по центру тульи помещен горизонтальный ряд заклепок с простыми (железными) и орнаментированными (латунными) шляпками. К налобной части шлема приклепан «}»-образный козырек (ширина в центральной части – 4,7 см, по бокам – 3,0 см) с отверстием для наносника-стрелки. Назатыльник шлема западноевропейского образца («рачий хвост») выполнен из 5 пластин: четырех прямоугольных (16,5–18,5x2–3,5 см) и нижней трапециевидной (16x8,5 см) соединенных с органической подкладкой заклепками с латунными шляпками.

В настоящее время нам известно о восьми шлемах, конструкция и оформление которых аналогичны шлему из СОКМ, что указывает на наличие массового поточного производства данной разновидности боевых наголовий. Большая часть шишаков серии хранится в музейных и частных собраниях России (рис. 2). Изображения хорошо сохранившихся шлемов, выполненных с натуры художниками XIX в., дошли до нашего времени, а их описания сохранились в документах XVIII–XIX вв. Наличие многочисленных аналогов, а также изобразительных и письменных свидетельств позволяет достаточно точно реконструировать первоначальный вид шишака из Далматовского Успенского монастыря.

Прежде всего, необходимо отметить позднейшие добавления, к числу которых относятся простые железные заклепки по центру щитка козырька и на тулье шлема. Пара центральных заклепанных отверстий на вертикальном щитке козырька первоначально служила для крепления обоймицы подвижного наносника-стрелки. Судя по дошедшим до нашего времени аналогам и изображениям, наносник на шлемах подобного типа представлял собой плоский металлический стержень (возможно, с каплевидными расширением на одном или обоих концах), вставлявшийся в сквозное отверстие на горизонтальной плоскости козырька («полке»). В зависимости от наличия или отсутствия военной опасности стрелка сдвигалась вниз или вверх и фиксировалась специальным болтом (рис. 3). Матерчатый подшлемник, подкладка наушей и назатыльника на шлемах рассматриваемого типа крепились к металлической основе с помощью специальных заклепок с орнаментированными латунными шляпками [Ленц, 1895, табл. VI, рис. 180–182; Кирпичников, Хлопин, 1958, с. 151, рис. 9]. Не исключено, что такими же заклепками первоначально был прибит к тулье и вертикальный щиток козырька (рис. 2).

Наиболее ярким элементом оформления шлемов серии были очень широкие и массивные науши, прикрывавшие щеки, уши и скулы воина [Ленц, 1895, табл. VI, рис. 181; Кирпичников, Хлопин, 1958, с. 151, рис. 9]. Их форму и конструкцию можно с высокой степенью достоверности восстановить по аналогичному шлему из ВИМАИВиВС (рис. 2) и других собраний [Там же]. Науши представляли собой широкую заостренную к низу пластину с бортиком по периметру и небольшим полукруглым вырезом на лицевой стороне. Примерно по центру науша располагалась каплевидная выпуклость со сквозными слуховыми отверстиями. Науши, как и назатыльник, были снабжены матерчатой подкладкой, которая фиксировалась заклепками с латунными шляпками (рис. 3). По европейской моде первой половины XVII в. края матерчатых подкладок могли выходить за пределы наушей и назатыльника и оформляться декоративными фестонами полукруглой или трапециевидной формы [Квитковский, 2006, с. 29; Ефимов, Рымша, 2009, с. 126]. С помощью парных кожаных ремешков науши подвешивались непосредственно к тулье шлема, или пришивались к подшлемнику (как в данном случае). При обоих вариантах крепления науш

Рис. 2. Шишак из ВИМАИВиВС.
Фотография И.А. Садовой

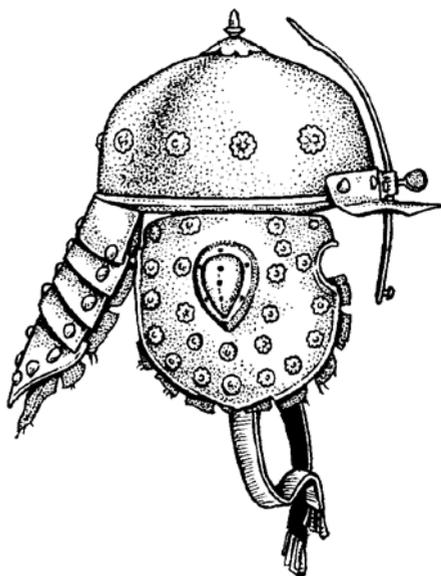

Рис. 3. Художественная научно-историческая реконструкция шишака XVII в. из СОКМ.
Реконструкция и рисунок Л.А. Боброва

мог подвешиваться встык (рис. 2; 3) или заходить своим верхним краем под нижний край тульи [Кирпичников, Хлопин, 1958, с. 151, рис. 9]. К нижней части наушей крепились подбородочные ремни, выполненные из кожи или ткани. В боевой обстановке они стягивались и завязывались под подбородком, жестко фиксируя шлем на голове воина (рис. 3). Макушечная часть шишака из СОКМ снабжена сквозным отверстием. Последнее могло служить для крепления наверхшия, состоявшего из округлой пластины-основания с ровным или фестончатым краем и короткого острия с «яблоком» (рис. 3) или без него.

Экспериментальные испытания показали, что в собранном виде шлем рассматриваемого типа надежно защищает голову и шею воина от секущих (вертикальных и горизонтальных) сабельных ударов противника, не мешает свободному обзору, не затрудняет повороты и наклоны головы. Подшлемник и матерчатая подкладка наушей и назатыльника позволяют носить шлем как в жаркое, так и в холодное время года. Весьма выигрышно шишак выглядит и с эстетической точки зрения. Золотистый блеск латунных заклепок гармонирует с начищенной кованой поверхностью тульи, наушей и назатыльника, а также со светло-желтым или красно-коричневым цветом матерчатой подкладки. Высокая боевая эффективность шлемов подобного типа предопределила длительность их бытования в качестве элемента защитного вооружения европейской регулярной кавалерии. Будучи заимствованными из арсенала османской конницы, они с некоторыми изменениями продолжали применяться воинами Западной, Центральной и Восточной Европы на протяжении более 150 лет.

Вопрос о месте изготовления шлема из СОКМ остается открытым. Назатыльник «рачий хвост» и заклепки с орнаментированными латунными шляпками характерны для европейских боевых наголовий конца XVI–XVII вв. [Ефимов, Рымша, 2009, с. 126–128, 130, 134, 135]. Однако известно, что в первой половине XVII в. в России было организовано массовое производство «лат и шишаков» европейского образца, которые поступали на вооружение рейтар полков «Нового строя». Многочисленность подобных шлемов в отечественных собраниях может свидетельствовать в пользу того, что рассматриваемый шишак был изготовлен на территории Московского государства по европейскому образцу. Популярность данного типа наголовий среди русских воинов была, вероятно, обусловлена их типологической близостью к привычным «московским» шишакам. Согласно легенде, рассматриваемый шлем был передан в Далматовский монастырь тюменским ясачным татаринном Илгеем. Проанализировавшие шлем А.П. Зыков и И.Л. Манькова [2000, с. 323–329] пришли к выводу, что его появление в монастыре связано с тобольскими рейтарами, которые неоднократно посещали Далматовскую обитель в ходе Башкирского восстания 1662–1667 гг. Данная версия представляется весьма реалистичной. Однако, на наш

взгляд, нельзя полностью исключать и вариант, что шлем и хранившаяся там же кольчуга были переданы в монастырь представителями традиционных категорий служилых людей, так как известно, что предметы защитного вооружения «европейского образца» применялись на территории региона уже в первой половине XVII в., а рейтарские «латы» и «шишаки» передавались для несения «государевых служб» другим категориям служилых.

Библиографический список

Багрин Е.А. Военное дело русских на восточном пограничье России в XVII в. Тактика и вооружение служилых людей в Прибайкалье, Забайкалье и Приамурье. СПб., 2013. 288 с.

Бобров Л.А. Сибирские панцири русских казаков (к вопросу о влиянии панцирного комплекса сибирских аборигенов на защитное вооружение русских служилых людей второй половины XVI – XVII вв.) // Para-Bellum. Военно-ист. журн. СПб., 2006. №26. С. 77–98.

Бобров Л.А., Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. Взаимодействие тюркских и монгольских народов с русскими в Сибири в военном деле в позднее Средневековье и Новое время: учеб. пособие. Новосибирск, 2010. 288 с.

Бобров Л.А., Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. Русские воины на южных рубежах Сибири в конце XVI – XVII в. Вооружение и военная организация: учеб. пособие. Новосибирск, 2012. 128 с.

Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего Средневековья и раннего Нового времени (XV – первая половина XVIII в.). СПб., 2008. 776 с.

Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Оборонительное вооружение (доспех). Барнаул, 2003. Ч. 1. 174 с.

Зыков А.П., Манькова И.Л. «Шлем Илигея» – реликвия Далматовского Успенского монастыря (к вопросу о формировании культа праведного Далмата) // История церкви: изучение и преподавание. Екатеринбург, 1999. С. 110–116.

Зыков А.П., Манькова И.Л. Рейтарский шлем XVII века из Далматовского Успенского монастыря: к событиям 1662–1667 гг. в Южном Зауралье // Новгородская земля и ее соседи. Екатеринбург, 2000. С. 315–332.

Ефимов С.В., Рымша С.С. Оружие Западной Европы XV–XVII вв. СПб., 2009. Кн. I. 400 с.

Квитковский Ю.В. Мы знаем своих «паппенхаймеров»! // Армии и битвы, 2006. №5. С. 23–29.

Кирпичников А.Н., Хлопин И.Н. Крепость Кирилло-Белозерского монастыря и ее вооружение в XVI–XVIII веках // Материалы и исследования по археологии СССР. 1958. №77. С. 143–199.

Ленц Э. Опись собрания оружия графа С.Д. Шереметьева. СПб., 1895. 197 с.

Мясников В.С. Договорными статьями утвердили (дипломатическая история русско-китайской границы XVII–XX вв.). Хабаровск, 1997. 543 с.

Пузанов В.Д. Военные факторы русской колонизации Западной Сибири (конец XVI–XVII вв.). СПб., 2010. 432 с.

Худяков Ю.С. Вооружение енисейских кыргызов VI–XII вв. Новосибирск, 1980. 176 с.

А.И. Боброва

*Томский областной краеведческий музей им. М.Б. Шатилова,
Томск, Россия*

КОЛЛЕКЦИИ ТОМСКОГО ГОРОДА В ФОНДАХ ТОКМ

Находки в черте города Томска – явление нередкое. В разное время они поступали в музеи города: до революции – в Музей археологии Томского императорского университета (ныне Музей археологии и этнографии Сибири Томского университета, далее в тексте – МАЭС ТГУ), в советское время – в Томский областной краеведческий (далее – ТОКМ). В «Археологической карте Томской области» в городской черте, центральной ее части, известно около 40 памятников и местонахождений [1993, с. 116–130]. На некоторых из них были проведены раскопки еще до революции, как, например, на Томской палеолитической стоянке (1896 г.) или на Томском могильнике на Малом и Большом Мысу (1887, 1889 гг.) и Лагерном поселении (1889 г.). В 1950-х гг. спорадически в фонды ТОКМ поступали сборы с Воскресенской Горы от жителей города и сотрудников музея [Археологическая карта..., 1993, с. 120]. В 1955–1956 гг. в районе Лагерного сада А.П. Дульзоном проводились крупномасштабные работы, связанные со строительством одного из корпусов Томского политехнического института на месте старого мусульманского кладбища [Дульзон, 1958, с. 297–324; Ожередов, Яковлев, 1993, с. 116–130]. В 1956 г. на мусульманском кладбище были сделаны сборы Д.П. Славниным (ТОКМ, колл. №2261). Последующие раскопки в самом центре города, на Воскресенской Горе, в 1968 г. предпринял В.И. Матющенко. Его материалы хранятся в фондах МАЭС ТГУ. С 1983 г. стационарные раскопки были продолжены М.П. Чёрной и М.В. Фроловым, а с 1984 по 1986 г. – М.П. Чёрной (2002). Коллекции А.П. Дульзона (за №1497 и 2261, с общим количеством 2379 ед. хр.) и М.П. Чёрной за указанные годы хранятся в фондах ТОКМ.

Воскресенская Гора («Томский острог») – археологический памятник федерального значения, занимает южную, юго-восточную и восточную части мыса правого берега р. Ушайки (правый приток р. Томи). Расположен на месте основания и функционирования Томского кремля с середины XVIII в. За четыре полевых сезона была сформирована коллекция (№8421) из 11217 ед. хр. Основная ее часть представлена фрагментами гончарной керамики (полированная, белоглиняная, поливная, сероглиняная); обломками черепицы и изразцов (красноглиняных и «муравленых»); фрагментами фаянсовой и фарфоровой посуды, аптечными флаконами. Среди железных предметов встречены кованые гвозди, крепежные скобки, ножи, подковки-набойки. Большинство находок относится к новому и новейшему времени (XVIII–XX вв.) и позднему средневековью (XV–XVII в.). Ранние эпохи – неолит (VII–V – начало

III тыс. до н.э.), поздний бронзовый век (X–VIII вв. до н.э.), развитое средневековье (X–XIV вв.) – представлены единичными находками.

В последнее десятилетие историко-культурная охранная зона города стала особенно активно застраиваться, поэтому археологи, вольно или невольно, обратились к надзору и раскопкам земель в городской черте, отведенных под строительство. В результате этих работ фонды Томского областного краеведческого музея им. М.Б. Шатилова значительно пополнились. В тезисах представлена краткая информация для специалистов о коллекциях, поступивших в ТОКМ только за этот период. При учете и хранении все они сконцентрированы в блок «Томский город».

Воскресенские находки VI собраны в 2005 г. на правом берегу р. Ушайки, у подножия Воскресенской горы, на месте строительства гостиничного комплекса «Тоян», расположенного на углу улиц Обруб и Кузнечный взвоз. Фрагменты полированных, поливных, сероглиняных сосудов и каменный оселок переданы в фонды ТОКМ в 2009 г. жителем г. Томска В.Н. Кугаевским. Номер коллекции 13781, количество ед. хр. – 49.

Обруб, находки (номер коллекции 13397, 117 ед. хр.). Материалы получены в 2003 г. Н.В. Березовской на месте исследования культурного слоя при строительстве подпорной стены южного склона Воскресенской горы на ул. Обруб, на участке между домами №4–6. Площадь раскопа составила 18 кв. м. Основная масса находок представлена гончарной чернолощеной, поливной и сероглиняной керамикой XVIII–XX вв. Небольшой комплекс в виде фрагментов лепной посуды, поливного изразца и слюды относится к XV–XVII вв.

Обруб улица, 4–12 (номер коллекции 13560, 78 ед. хр.). Местонахождение – правый берег р. Ушайки, приустьевая ее часть. Сбор материалов проведен в 2007 г. в ходе надзора за расширением и реконструкцией городского коллектора, в непосредственной близости от памятника федерального значения на Воскресенской горе. Работы проведены главным археологом ОГУ «Центр по охране и использованию памятников истории и культуры» г. Томска Н.В. Березовской. В результате зачистки стен траншеи собрана коллекция предметов XVII–XX вв. В ее составе: кованый гвоздь, столовая вилка, однолезвийный нож с наборной рукоятью (рис. 1.-1); фрагменты слюды и гончарная керамика; обломки столовой фарфоровой и фаянсовой посуды.

Розы Люксембург улица, 29 (номер коллекции 13559, 44 ед. хр.). Памятник находится на месте земельного участка, отводимого под строительство корпуса областной ветеринарной лаборатории. Материал собран в 2007 г. при проведении археологического исследования Н.В. Березовской. Коллекция предметов XVII–XX вв. В ее составе: кованый гвоздь, нательный крест, монета 1843 г., фрагменты гончарной поливной и сероглиняной керамики, обломки столовой фарфоровой и фаянсовой посуды.

Рис. 1. Томский город: 1 – нож с наборной рукоятью с ул. Обруб (колл. 13560-60); 2, 3 – пер. Батенькова; 15 – чугунный медальон, 1 рубль серебряный (колл. №13406 – 2902, 430); 4–8 – нательные кресты (4 – с пер. Батенькова, №8, 10; колл. №13780–389); 5–6 – Воскресенская Гора (колл. №8421 – 1307, 2447); 7 – пл. Ленина (колл. №14002–1); 8–12 – пер. Батенькова, №15 – нательный медальон (колл. №13406–4251); 9–12 – аптечная посуда (колл. №13406 – 1993, 416, 3975, 4090)

Находки с переулка Батенькова (номер коллекции 13378, 24 ед. хр.). Памятник находится в левобережье р. Ушайки, на первой надпойменной террасе, в историческом районе Уржатка, на границе с

Юрточной горой. Коллекция сформирована в результате натурального исследования участка, отводимого под строительство жилого дома по адресу: пер. Батенькова, 15. Рекогносцировочная шурфовка проведена в 2005 г. научным сотрудником ПНИЛ ИАЭС ТГУ Н.В. Торошиной. Находки представлены монетами (достоинством 20 копеек 1877 г.; 2 копейки 1950 г.) и гончарной керамикой. Охранные раскопки на этом участке были продолжены в 2006 г. сотрудником ТОКМ А.И. Бобровой. Общая площадь вскрытой площади составила 100 кв. м, мощность культурного слоя 1,5–4,2 м. Коллекция за номером 13406 содержит 4386 ед. хр.; под дробными литерами значится 7078 находок. Среди редких: часть чугунного медальона с профильным изображением головы царя Николая II (рис. 1.-2); монеты 1841 (рис. 1.-3), 1909, 1924, 1929, 1935, 1943, 1946 гг., нательный медальон с изображением католического креста и надписями (рис. 1.-8). Основную массу находок составляют: чернолощенная, мореная, поливная и сероглиняная керамика; обломки изразцов; фрагменты фарфоровой, фаянсовой и стеклянной посуды; стеклянные флаконы – парфюмерные, столовые и аптечные (рис. 1.-9–12); бытовые изделия из железа – железные ножи, кованые гвозди и др. Материалы датируются в основном XVIII–XX вв., небольшой комплекс неполивной керамики конца XVII – начала XVIII в. опубликован [Боброва, Ушакова, 2008, с. 148–155, 406].

Батенькова переулок, 8, 8А, 10, 10/1 (номер коллекции 13780, 461 ед. хр.). Памятник находится в той же части города. Коллекция сформирована в результате охранных раскопок и исследования культурного слоя на земельном участке, отводимом под строительство гостиницы. Предметы переданы в фонды ТОКМ в 2009 г. Н.В. Торошиной, сотрудником Томского государственного университета. Состав коллекции: чернолощенная, мореная и сероглиняная керамика; обломки изразцов; фрагменты фарфоровой и фаянсовой столовой посуды; большеобъемной стеклянной емкости; остатки кожаных и тканых изделий; две монеты 1846 и 1847 гг., нательный крест, на лицевой стороне которого помещено изображение фигуры святого мученика Никиты, изгоняющего беса (рис. 1.-6), швейные булавки, пуговицы, кольцо и цепочка из цветного металла; железные ножи, кованые гвозди, кузнечные шипцы; кушочки слюды и др. Материалы датированы XVIII – 1-й половиной XX в.

Бакунина улица, 26 (номер коллекции 13558, 44 ед. хр.) Материалы получены Н.В. Березовской в 2007 г. при проведении археологического исследования земельного участка. Среди находок фрагменты кухонной гончарной керамики от чернолощенных, сероглиняных и поливных сосудов, фарфоровой и фаянсовой посуды XVII–XX вв.

Заливная улица, 1 (номер коллекции 13561, 174 ед. хр.). Коллекция сформирована в 2008 г. Н.В. Березовской при исследовании земельного участка, отводимого под строительство административного здания. Находки представлены фрагментами кухонной гончарной керамики XVIII–XX вв.

Таким образом, в фонды ТОКМ за последние десять лет поступило 9 коллекций, которые содержат 5377 ед. хр. (8059 находок) и отражают жизнь и быт населения Томского города в XVII–XX вв., наиболее яркие из них представлены на рисунке 1.

Библиографический список

Боброва А.И., Ушакова И.В. Томский город. Нижний острог. Русская неположивная керамика // Культура русских в археологических исследованиях. Омск, 2008. С. 148–155, 406.

Дульзон А.П. Томский неолитический могильник // Ученые записки ТГПИ. Томск, 1958. Т. XVII. С. 297–324.

Ожередов Ю.И., Яковлев Я.А. Археологическая карта Томской области. Томск, 1993. Т. 2. 208 с.

Чёрная М.П. Томский кремль середины XVII – XVIII в. Томск, 2002. 187 с.

А.П. Бородовский, С.В. Горохов

*Институт археологии и этнографии СО РАН;
Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия*

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ ДОЛИН р. ШИБЕЛИК И КУЛДУАЙРЫ У ЮЖНОГО СКЛОНА СЕМИНСКОГО ХРЕБТА

Южный склон Семинского хребта является одной из территорий Онгудайского района Республики Алтай наиболее насыщенных разновременными и разнотипными археологическими памятниками. Однако основное количество выявленных и картографированных археологических объектов в настоящее время обнаружено в основном по берегам Урсула. Сплошное обследование горных долин притоков этой реки проводилось достаточно редко. Такие исследования были проведены по правому и левому берегу рек Шебелик и Кулдуайры, притоков среднего течения Урсула (рис. 1). Описание этих памятников приведено с севера на юг от устья до верховьев указанных рек.

Кулдуайры-1 (курганы). Месторасположение: в 2,15 км к югу от автодороги Р 373 в 1,95 км к ЮЮВ от с. Талда на левом берегу Кулдуайры на ровной площадке, представляющей собой луг, имеющий незначительный наклон в сторону р. Кулдуайры. Географические координаты: N50.82291 E85.77925. Высота над уровнем моря – 966 м. Памятник состоит из двух курганов. Диаметр хорошо задернованных насыпей составляет от 10 до 25 м, высота от 0,7 до 1 м (рис. 2).

Кулдуайры-2 (курганы). Месторасположение: в 2,15 км к югу от автодороги Р 373 в 1,95 км к ЮЮВ от с. Талда на левом берегу Кулдуайры на ровной площадке, представляющей собой луг, имеющий незначительный наклон в сторону р. Кулдуайры. Географические координаты

ты: N50.82052 E85.78005. Высота над уровнем моря – 969 м. Памятник состоит из трех курганов. Диаметр хорошо задернованных насыпей составляет от 10 до 20 м, высота от 0,6 до 0,8 м. Курганы расположены цепочкой, вытянувшейся по линии С–Ю на 89 м (рис. 2).

Рис. 1. Расположение района исследований (долины рек Шибелик и Кулдуайры, Онгудайский район Республики Алтай):

1 – карта района исследований; 2 – общий вид на долину рек Шибелик и Кулдуайры (снято с СВ)

Закрытый лог (курганы). Месторасположение: в 3,1 км к югу от автодороги Р 373, в 2,75 км к югу от с. Талда на левом берегу Кулдуайры (расстояние до реки 520 м) на ровной площадке, представляющей собой луг, имеющий незначительный наклон в сторону р. Кулдуайры. Геогра-

фические координаты: N50.81444 E85.77681. Высота над уровнем моря – 1009 м. Памятник состоит из трех курганов. Диаметр хорошо задернованных насыпей составляет от 8 до 10 м, высота от 0,5 до 1 м (рис. 2).

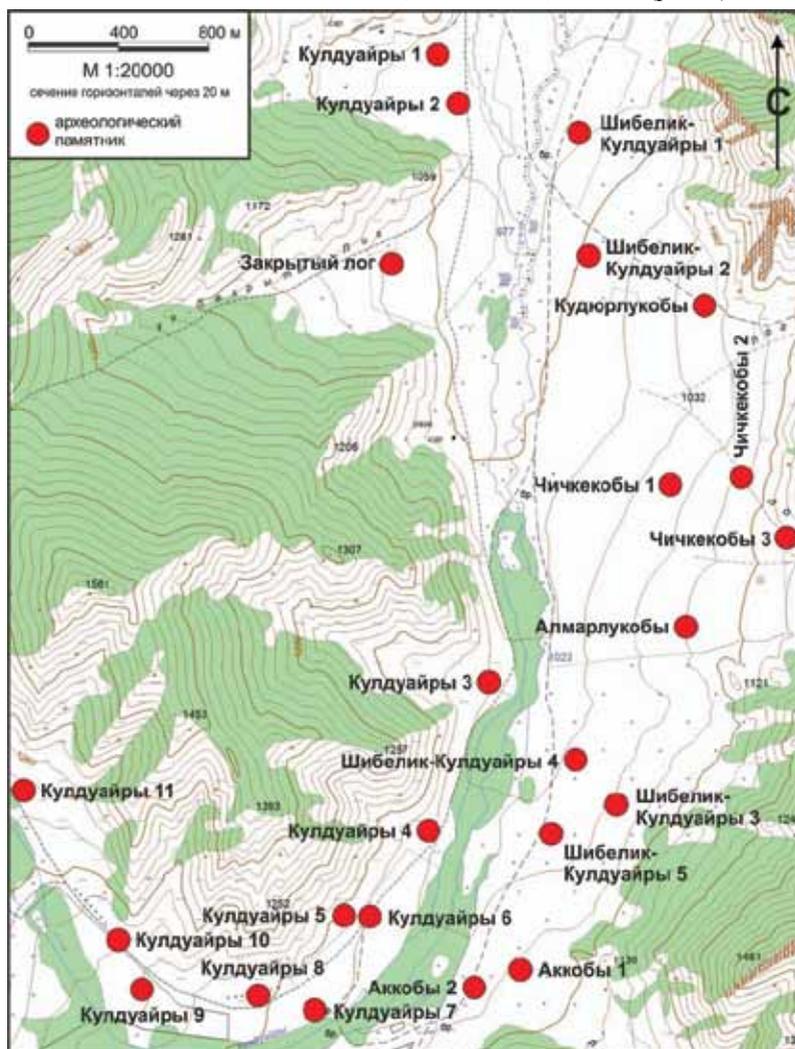

Рис. 2. Археологическая карта долины рек Шибелик и Кулдайры

Кулдайры-3 (курганы). Месторасположение: в 4,8 км к югу от автодороги Р 373 на левом берегу Кулдайры на ровной площадке, представляющей собой луг, имеющий незначительный наклон в сторону р. Кулдайры.

Географические координаты: N50.79778 E85.78327. Высота над уровнем моря – 1041 м. Памятник состоит из двух курганов. Диаметр хорошо задернованных насыпей – от 8 до 10 м, высота от 0,7 до 0,8 м (рис. 2).

Кулдуайры-4 (курганы). Месторасположение: в 5,5 км к югу от автодороги Р 373 на левом берегу Кулдуайры на ровной площадке, представляющей собой луг, имеющий незначительный наклон в сторону р. Кулдуайры. Географические координаты: N50.79211 E85.77934. Высота над уровнем моря – 1065 м. Памятник состоит из пяти курганов. Могильник включает две группы курганов, отстоящих друг от друга на 120 м. Диаметр хорошо задернованных насыпей составляет от 5 до 10 м, высота от 0,3 до 1 м (рис. 2).

Кулдуайры-5 (культовое место). Месторасположение: в 5,9 км к югу от автодороги Р 373 на левом берегу Кулдуайры (до реки 320 м) на горном склоне, имеющем наклон в сторону р. Кулдуайры. Географические координаты: N50.78844 E85.77365. Высота над уровнем моря – 1098 м. Памятник представлен одним мегалитом (рис. 2).

Кулдуайры-6 (курганы). Месторасположение: в 5,9 км к югу от автодороги Р 373 на левом берегу Кулдуайры (расстояние до реки 215 м) на ровной площадке, представляющей собой луг, имеющий незначительный наклон в сторону р. Кулдуайры. Географические координаты: N50.78830 E85.77528. Высота над уровнем моря – 1084 м. Памятник состоит из двух курганов. Диаметр хорошо задернованных насыпей составляет от 4 до 8 м, высота от 0,3 до 0,5 м (рис. 2).

Кулдуайры-7 (одионый курган). Месторасположение: в 6,4 км к югу от автодороги Р 373 на левом берегу Кулдуайры на ровной площадке, представляющей собой луг, имеющий незначительный наклон в сторону р. Кулдуайры. Географические координаты: N50.78465 E85.77196. Высота над уровнем моря – 1088 м. Памятник состоит из одного кургана. Диаметр хорошо задернованного кургана составляет 7 м, высота 0,4 м (рис. 2).

Кулдуайры-8 (курганы). Месторасположение: в 6,4 км к югу от автодороги Р 373 на левом берегу Кулдуайры на ровной площадке, представляющей собой луг, имеющий незначительный наклон в сторону р. Кулдуайры. Географические координаты: N50.78524 E85.76830. Высота над уровнем моря – 1104 м. Памятник состоит из двух курганов. Диаметр хорошо задернованных насыпей составляет от 8 до 10 м, высота от 0,5 до 0,7 м (рис. 2).

Кулдуайры-9 (курганы). Месторасположение: в 6,3 км к югу от автодороги Р 373 на левом берегу Кулдуайры (расстояние до реки 175 м) на ровной площадке, представляющей собой луг, имеющий незначительный наклон в сторону р. Кулдуайры. Географические координаты: N50.78524 E85.76106. Высота над уровнем моря – 1134 м. Памятник состоит из пяти курганов. Курганы расположены двойной цепочкой, ориентированной по линии З–В, протянувшейся на 140 м. Диаметр хорошо задернованных насыпей составляет от 7 до 15 м, высота от 0,3 до 1 м (рис. 2).

Кулдуайры-10 (одиночный курган). Месторасположение: в 6,3 км к югу от автодороги Р 373 на левом берегу Кулдуайры (расстояние до реки 255 м) на ровной площадке, представляющей собой луг, имеющий незначительный наклон в сторону Кулдуайры. Географические координаты: N50.78733 E85.75955. Высота над уровнем моря – 1162 м. Памятник состоит из хорошо задернованного одиночного кургана, диаметр которого составляет 8 м, высота 0,4 м (рис. 2).

Кулдуайры-11 (одиночный курган). Месторасположение: в 5,95 км к югу от автодороги Р 373 на левом берегу Кулдуайры на ровной площадке, представляющей собой луг, имеющий незначительный наклон в сторону р. Кулдуайры. Географические координаты: N50.79316 E85.75336. Высота над уровнем моря – 1230 м. Памятник представляет собой одиночный курган, диаметром 9 м, высота 0,5 м (рис. 2).

Шибелик-Кулдуайры-1 (курганы). Месторасположение: в 2,2 км к югу от автодороги Р 373 на правом берегу Шибелика на ровной площадке, представляющей собой луг, имеющий незначительный наклон в сторону р. Шибелик. Географические координаты: N50.81942 E85.78685. Высота над уровнем моря – 966 м. Памятник состоит из восьми курганов. Диаметр хорошо задернованных насыпей составляет от 8 до 10 м, высота от 0,3 до 1 м. Насыпи расположены двумя цепочками. Западная цепочка курганов ориентирована по линии С–Ю, восточная – по линии СЗ–ЮВ (рис. 2).

Шибелик-Кулдуайры-2 (курганы). Месторасположение: в 2,7 км к югу от автодороги Р 373 на правом берегу Шибелика на ровной площадке, представляющей собой луг, имеющий незначительный наклон в сторону р. Шибелик. Географические координаты: N50.81416 E85.78929. Высота над уровнем моря – 1006 м. Памятник состоит из 17 курганов. Диаметр хорошо задернованных насыпей составляет от 3 до 15 м, высота от 0,3 до 1 м. Насыпи расположены тремя цепочками. Западная цепочка курганов ориентирована по линии З–В, две восточные цепочки – по линии С–Ю (рис. 2).

Кудюрлукобы (курганы). Месторасположение: в 2,8 км к югу от автодороги Р 373 на правом берегу Шибелика (расстояние до реки 800 м) на ровной площадке, представляющей собой луг, имеющий незначительный наклон в сторону р. Шибелик. Географические координаты: N50.81302 E85.79694. Высота над уровнем моря – 1061 м. Памятник состоит из шести курганов. Диаметр хорошо задернованных насыпей составляет от 3 до 10 м, высота от 0,2 до 1 м (рис. 2).

Чичкекобы-1 (курганы). Месторасположение: в 3,6 км к югу от автодороги Р 373 на правом берегу Шибелика (расстояние до реки 600 м) на ровной площадке, представляющей собой луг, имеющий незначительный наклон в сторону р. Шибелик. Географические координаты: N50.80592 E85.79382. Высота над уровнем моря – 1050 м. Памятник состоит из четырех курганов. Диаметр хорошо задернованных насыпей

составляет 8 м, высота от 0,6 до 0,8 м. Курганы расположены цепочкой, ориентированной по линии ССВ–ЮЮЗ, протянувшейся на 230 м (рис. 2).

Чичкекобы-2 (современное культовое место). Месторасположение: в 3,6 км к югу от автодороги Р 373 на правом берегу Шибелика (расстояние до реки 700 м) на ровной площадке, представляющей собой луг, имеющий незначительный наклон в сторону р. Шибелик. Географические координаты: N50.80610 E85.79824. Высота над уровнем моря: 1075 м (рис. 2).

Чичкекобы-3 (курганы). Месторасположение: в 4 км к югу от автодороги Р 373 на правом берегу Шибелика (расстояние до реки 1150 м) на ровной площадке, представляющей собой луг, имеющий незначительный наклон в сторону р. Шибелик. Географические координаты: N50.80390 E85.80119. Высота над уровнем моря – 1115 м. Памятник состоит из двух курганов. Диаметр хорошо задернованных насыпей составляет от 15 до 20 м, высота до 1 м (рис. 2).

Алмарлукобы (курганы). Месторасположение: в 4,3 км к югу от автодороги Р 373 на правом берегу Шибелика (расстояние до реки 180 м) на ровной площадке, представляющей собой луг, имеющий незначительный наклон в сторону р. Шибелик. Географические координаты: N50.80025 E85.79627. Высота над уровнем моря – 1068 м. Памятник состоит из 12 курганов. Диаметр хорошо задернованных насыпей составляет от 5 до 20 м, высота от 0,3 до 1,2 м (рис. 2).

Шибелик-Кулдуайры-3 (курганы). Месторасположение: в 5,2 км к югу от автодороги Р 373 на правом берегу Шибелика на ровной площадке, представляющей собой луг, имеющий незначительный наклон в сторону р. Шибелик. Географические координаты: N50.79295 E85.79038. Высота над уровнем моря – 1064 м. Памятник состоит из 31 кургана. Диаметр хорошо задернованных насыпей составляет от 3 до 20 м, высота от 0,2 до 1,3 м. Насыпи расположены цепочкой по линии ССВ–ЮЮЗ (рис. 2).

Шибелик-Кулдуайры-4 (одинокый курган). Месторасположение: в 5 км к югу от автодороги Р 373 на правом берегу Шибелика на ровной площадке, представляющей собой луг, имеющий незначительный наклон в сторону р. Шибелик. Географические координаты: N50.79473 E85.78816. Высота над уровнем моря – 1042 м. Диаметр хорошо задернованной насыпи кургана составляет 9 м, высота 0,5 м (рис. 2).

Шибелик-Кулдуайры-5 (одинокый курган). Месторасположение: в 5,3 км к югу от автодороги Р 373 на правом берегу Шибелика на ровной площадке, представляющей собой луг, имеющий незначительный наклон в сторону р. Шибелик. Географические координаты: N50.79183 E85.78668. Высота над уровнем моря – 1051 м. Диаметр хорошо задернованной насыпи кургана составляет 5 м, высота 0,4 м (рис. 2).

Аккобы-1 (курганы). Месторасположение: в 5,7 км к югу от автодороги Р 373 на правом берегу Шибелика на ровной площадке, пред-

ставляющей собой луг, имеющий незначительный наклон в сторону р. Шибелик. Географические координаты: N50.78551 E85.78653. Высота над уровнем моря – 1093 м. Памятник состоит из 37 курганов и одной кладки. Диаметр хорошо задернованных насыпей составляет от 5 до 20 м, высота от 0,3 до 1,5 м. Насыпи расположены преимущественно одной цепочкой по линии ССЗ–ЮЮВ (рис. 2).

Аккобы-2 (одиночный курган). Месторасположение: в 5,7 км к югу от автодороги Р 373 на правом берегу Шибелика на ровной площадке, представляющей собой луг, имеющий незначительный наклон в сторону р. Шибелик. Географические координаты: N50.78567 E85.78201. Высота над уровнем моря – 1073 м. Диаметр хорошо задернованной насыпи кургана составляет 6 м, высота 0,4 м (рис. 2).

В целом после сплошного визуального обследования было выявлено 24 археологических памятника, представленных в основном курганными группами эпохи металла, в состав которых входило 147 курганов. Кроме того, была обнаружена одна кладка, один мегалит и два культовых места, одно из которых современное. В дальнейшем на этой территории необходимо выявление поселенческих комплексов, не имеющих внешних рельефных признаков.

Проведенное картографирование и описание археологических памятников имеет важное значение для пополнения общего свода археологического наследия Горного Алтая и подготовки свода археологических памятников Онгудайского района Республики Алтай.

Ю.И. Гельмель

МБОУДОД ЦТДМ, Славгород, Россия

ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ СЛАВГОРОДСКОГО РАЙОНА

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ
(проект №14-11-22002 «Древние поселенческие комплексы
Северной Кулунды (культурно-исторический аспект)»)

Географические особенности Славгородского района Алтайского края (резко континентальный климат, остепенность, отсутствие рек) обусловили малую плотность заселения территории в прошлом и относительно слабую археологическую изученность в настоящем. Тем более ценным становится каждый случайно или преднамеренно обнаруженный здесь артефакт либо памятник, дополняющий наши знания о древнем прошлом этой части Кулундинской степи.

Случайные находки предметов археологии здесь крайне редки. По устному свидетельству В.Ф. Фукс и Л.Л. Именинник, возглавлявших Славгородский краеведческий музей в 70–80-х гг. XX в., за эти два

десяток лет в фонды музея не поступило ни одного предмета, который можно было бы отнести к археологическим.

Первые зафиксированные свидетельства о древней истории Славгородского района, видимо, были получены несколько раньше в результате краеведческих походов местных школьников. В фондах Славгородского краеведческого музея хранится фотография выставочной экспозиции под названием «Находки краеведческих походов». На ней вместе с окаменевшими костями животных запечатлен крупный каменный черешковый наконечник стрелы с подписью «Наконечник для стрелы, найденный на месте стоянки кочевых племен на берегу озера Яровое». К сожалению, авторство, дату, место съемки и обстоятельства находки установить не удалось. Ныне предметы утрачены. Не исключено, что фотография имеет отношение к деятельности известного местного краеведа и педагога В.Г. Жемерова и относится к 60-м гг. прошлого века.

К этому же времени относится и первая находка из Славгородского района, попавшая в руки археологов. В 1965 г. в с. Николаевка (с 1991 г. в составе немецкого национального района) при рытье водопроводной траншеи было обнаружено древнее захоронение. Найденные предметы были переданы в археологический кабинет БГПИ и опубликованы в 1991 г. А.П. Уманским [1991, с. 132], датировавшим его IX–X вв.

Первый этап планомерного археологического исследования степной Кулунды, в частности Славгородского и Табунского районов, связан с работой археологического кружка Барнаульского государственного педагогического института (БГПИ) под руководством А.П. Уманского. В 1972–1974 гг. членом этого кружка Н. Брусником в Славгородском районе были открыты курганные могильники Нововознесенка-I, Нововознесенка-II, Владимировка и Преображенка-I. Работы 1974 г. проходили под эгидой Алейской археологической экспедиции Института археологии АН СССР под руководством В.А. Могильникова и А.П. Уманского.

В 1977 г. А.С. Васютиным и Б.Н. Пяткиным [1977, с. 148, рис. 1] в ходе разведки, проводившейся Алтайским отрядом Южносибирской археологической экспедиции Кемеровского государственного университета, в 6 км к северо-востоку от Славгорода был открыт курганный могильник Архангельское.

Следующая серьезная экспедиция по поиску памятников археологии в Славгородском и Табунском районах состоялась в июне 1986 г. Кулундинским отрядом археологической экспедиции БГПИ под руководством М.А. Демина и старшего научного сотрудника лаборатории археологии Алтайского госуниверситета А.Б. Шамшина были обследованы известные и вновь выявлены пять памятников в районе с. Нововознесенка (Нововознесенка-III–VII). Кроме того, отрядом были выявлены два курганных могильника на южном берегу озера Большое Яровое (территория Табунского района) [Демин, 1986].

В 1991 г. археологическая разведка с целью мониторинга и нанесения памятников на топооснову масштаба 1:25000 была проведена лабораторией исторического краеведения БГПИ Ю. Гельмелем. Одним из результатов проведения работ стало открытие еще шести курганных могильников в Славгородском районе (Нововознесенка-VIII–IX, Владимировка-II–III, Преображенка-II и Куатовка-I) [Гельмель, 1992].

Следующий этап археологического изучения Славгородского района связан с работой детского археологического объединения Дома пионеров (позднее – Центра детско-юношеского творчества) г. Славгорода под руководством автора. Начиная с 1992 г. школьниками были выявлены и обследованы археологические памятники в районе озер Большое Яровое (курганный могильник Куатовка-II–III), Сазанды (курган Покровка, местонахождение Сазанды-I), Бурлинское (палеолитическое местонахождение Бурлинское-I, курганный могильник Бурлинское-II) [Гельмель, 2003; 2007а–б; Гельмель, Кунгуров, 2007].

Поселенческие материалы из Славгородского района впервые были опубликованы Б.В. Мельниковым и В.Б. Яшиным в 2004 г. по результатам работы экспедиции Омского центра гуманитарных, социально-экономических и политических исследований-II (ГЭПИЦентр II). Отряд под руководством В.В. Дрягина обнаружил на берегах озера Большое Яровое два новых курганных могильника (Екатериновка-I, Куатовка-IV) и три местонахождения с поселенческими материалами эпохи неолита и раннего металла (Теплый ключ, Большое Яровое-III, Каутовка-I) [Мельников, Яшин, 2004, с. 11–12; Гельмель, 2007б]. В 2008 г. курган Куатовка-IV был раскопан. Единственное центральное погребение оказалось ограбленным. По обнаруженным костяным наконечникам стрел памятник датирован IV–III вв. до н.э. [Мельников, Яшин, 2008].

Археологи, открывавшие памятники Кулундинской степи, согласно отмечали аварийное состояние многих из них, образовавшееся в результате хозяйственной деятельности (распашки). Так почти полностью был распашан могильник Архангельское. Проведенные на нем в 2004 г. аварийные раскопки дали интересный материал сrostкинской культуры (2-я половина IX – 1-я половина X в.), в частности, уникальную срединную накладку на лук с рунической надписью из 11 знаков [Горбунов, Гельмель, 2007].

В 2000-е гг. на степные курганы обрушилась новая напасть – самовольные раскопки «черных археологов». Было разграблено большинство курганов вокруг Большого Ярового, курган Покровка. В последнем грабителями были потревожены не менее пяти могил [Гельмель, 2007а, с. 8–9]. Доисследование объекта позволило выявить незамеченное грабителями женское захоронение каменной культуры с кувшинчиком, оселком, пряслищем, алтариком и железной заколкой. Материалы переданы в Славгородский краеведческий музей.

Летом 2011 г. в с. Знаменка было случайно обнаружено захоронение VII – 1-й половины VI в. до н.э. Особенности погребального обряда

и инвентарь (каменный алтарик, бронзовое зеркало с бортиком) сближают памятник с майэмирскими погребениями Юго-Западного Алтая и раннескифскими захоронениями могильника МГК-1 [Гельмель, 2013, с. 13].

Находки и исследования последнего десятилетия (поселенческие материалы, вещи из могил и детали погребального обряда) существенно обогатили и конкретизировали наше знание о древней истории Славгородского района. Она оказалась и древнее и разнообразнее, чем представлялось еще совсем недавно. Дальнейшее изучение археологических памятников Кулундинской степи может существенно дополнить картину исторического развития населения равнинного Алтая в древности.

Библиографический список

Васютин А.С., Пяткин Б.Н. К археологической карте Алтая // Археология Южной Сибири. Кемерово, 1977. Вып. 9. С. 148–151.

Гельмель Ю.И. К археологической карте Кулундинской степи // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. Горно-Алтайск, 1992. С. 88–89.

Гельмель Ю.И. Новые материалы из Славгородского района // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае. 2006 г. Барнаул, 2007б. Вып. 3. С. 44–47.

Гельмель Ю.И. Отчет об археологической разведке в Славгородском районе Алтайского края летом 2006 года. Славгород, 2007а.

Гельмель Ю.И. Раннескифское погребение из Кулундинской степи // Полевые исследования в Верхнем Приобье, Прииртышье и на Алтае. 2011–2012 гг.: археология, этнография, устная история. Барнаул, 2013. Вып. 8. С. 10–14.

Горбунов В.В., Гельмель Ю.И. Руническая надпись из погребения сросткинской культуры в Кулундинской степи // Теория и практика археологических исследований. Барнаул, 2007. Вып. 3. С. 69–77.

Демин М.А. Отчет об археологических разведках в Славгородском и Табунском районах Алтайского края в июне 1986 г. Барнаул, 1987.

Мельников Б.В., Яшин В.Б. Древности и предания озера Ярового. Яровое, 2004. 52 с.

Мельников Б.В., Яшин В.Б. По следам Яровской Берегини: (по материалам археологических раскопок кургана Куатовка-1). Яровое; Омск, 2008. 144 с.

Уманский А.П. Три находки кыргызского времени на Алтае // Охрана и исследования археологических памятников Алтая. Барнаул, 1991. С. 128–137.

Н.Н. Головченко, Е.А. Кузнецова

*Новосибирский государственный университет, Новосибирск;
Алтайская государственная педагогическая академия, Барнаул, Россия*

МОНИТОРИНГ ПАМЯТНИКА КОЧКОВАТОЕ (Крутихинский район, Алтайский край)

В ходе мониторинга курганных памятников эпохи металла, расположенных в степной зоне Алтайского края, Степным отрядом АлтГПА (руководитель – автор) был произведен мониторинг памятников Кочковатое-1,

Впервые памятник был зафиксирован М.П. Грязновым в 1953 г. (Кочковатое-1) и доисследован Я.В. Фроловым в 2011 г. (Кочковатое-2, 3, 4). Всего на могильном поле нами выявлено 13 насыпей, также были взяты GPS-координаты всех курганов (рис. 2, табл.). По цепочкам их можно разделить на четыре группы, на основании чего, вероятно, Я.В. Фроловым и были выделены четыре самостоятельные курганные группы. По сведениям местных жителей А.Ф. Кузнецова и Г.В. Ушакова раньше на могильном поле курганов было больше, поэтому, вероятно, территория памятника должна включать в себя не только видимые насыпи, но и все межкурганное пространство.

Измерение расстояний между насыпями дало результаты близкие к данным А.Н. Телегина [2008] по метрологии курганной группы Обьездное-1, на основании чего курганную группу Кочковатое (1, 2, 3, 4) можно датировать скифским временем. Все видимые насыпи некрополя повреждены ежегодной распахкой и проходящей через курганы №12 и 13 полевой дорогой.

Характеристика курганов курганной группы Кочковатое

№ кургана	Высота насыпи	Диаметр насыпи	Описание насыпи	GPS-координаты
1	1,4 м	32 м	распахивается	53°59'54.76"C, 81° 9'8.49"B
2	0,4 м	28 м	распахивается	53°59'57.05"C, 81° 9'10.97"B
3	0,9 м	30 м	распахивается	53°59'52.02"C, 81° 9'6.82"B
4	0,6 м	20 м	распахивается	53°59'48.46"C, 81° 9'2.05"B
5	0,25 м	20 м	распахивается	53°59'46.11"C, 81° 9'3.30"B
6	0,3 м	около 30 м	распахивается	53°59'37.39"C, 81° 9'1.23"B
7	0,2 м	около 20 м	распахивается	53°59'41.72"C, 81° 9'0.41"B
8	0,15 м	не определено	распахивается, насыпь растщена	54° 0'20.12"C, 81° 9'47.69"B
9	0,3 м	25 м	распахивается	54° 0'17.82"C, 81° 9'46.74"B
10	1 м	не определено	распахивается, насыпь растщена	54° 0'8.63"C, 81° 9'30.47"B
11	0,2 м	около 15 м	распахивается	54° 0'9.40"C, 81° 9'32.46"B
12	0,1 м	около 10 м	распахивается	54° 0'10.36"C, 81° 9'35.22"B
13	0,5 м	30 м	распахивается	54° 0'11.42"C, 81° 9'37.01"B

Библиографический список

Телегин А.Н. Некоторые особенности планиграфии курганной группы Обьездное-1 // Вопросы археологии и истории Сибири. Памяти профессора А.П. Уманского. Барнаул, 2008. С. 37–46.

В.В. Горбунов, К.Ю. Кирюшин

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

СЛУЧАЙНЫЕ НАХОДКИ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ПРЕДМЕТОВ В ПАВЛОВСКОМ РАЙОНЕ

Работа выполнена при поддержке гранта Министерства образования и науки РФ (постановление №220), полученного ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет» (проект №2013-220-04-129

«Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии»)

Цель настоящей публикации – введение в научный оборот небольшой коллекции случайных находок из Павловского района Алтайского края, относящихся к эпохе средневековья. Эти вещи были собраны в окрестностях Павловска. В августе 2013 г. один из авторов статьи встретился с владельцами коллекции А.И. Владимировым и В.С. Гавриловым, которые любезно предоставили предметы для научного изучения. Среди них имелись железное стремя, наконечник стрелы и топор, обнаруженные в 500–700 м юго-западнее с. Чернопятово, а железный нож – в пойме правого берега Касмалы, в районе мельницы Бессонова. Все находки, несмотря на имеющиеся механические повреждения, отличает слабая степень коррозии, они покрыты лишь тонкой окисной пленкой. Это указывает на их долгое пребывание на открытом воздухе или залегание в почве на небольшой глубине. Исследование таких предметов позволяет судить о многих параметрах, которые искажаются у аналогичных вещей из закрытых археологических комплексов.

Железное стремя достаточно сильно деформировано, особенно его подножка, вероятно, из-за воздействия сельхозтехники. Данное изделие относится к числу «петельчатых» стремян, распространенных в период раннего средневековья во многих регионах Евразии [Неверов, 1998, с. 143]. Общие размеры публикуемого стремени: высота 16,5 см, наибольшая ширина 13,5 см (рис. 1). Оно сделано из железного бруска-заготовки методом горячейковки. Сначала заготовка вытягивалась и в ее средней части расковывалась подножка. Далее путем проковки и изгиба формировались боковые дужки. Их окончания S-образно выгибались и сваривались между собой, образуя ушко [Зиняков, 1997, с. 204].

Ушко стремени округлое или слегка овальное, диаметром 4–4,4 см. В сечении оно подквадратное, шириной и толщиной до 1 см. В месте сварки углы более округлые, видимо, обработанные напильником. Место перехода ушка в дужки изначально было сомкнутым, о чем говорят следы разрыва на внутренних сторонах дужек. Ушко находилось на достаточно высокой, до 2 см, шейке. Дужки стремени имеют абрис арочной формы. В сечении они прямоугольные. Их ширина 1,4–1,8 см, толщина 0,5–0,8 см. Подножка стремени в продольной плоскости изна-

чально была прямой. В поперечной плоскости она имела форму вытянутого овала, а в поперечном сечении – слегка С-образную форму. Наибольшая ширина подножки 3,5 см, толщина 0,35 см.

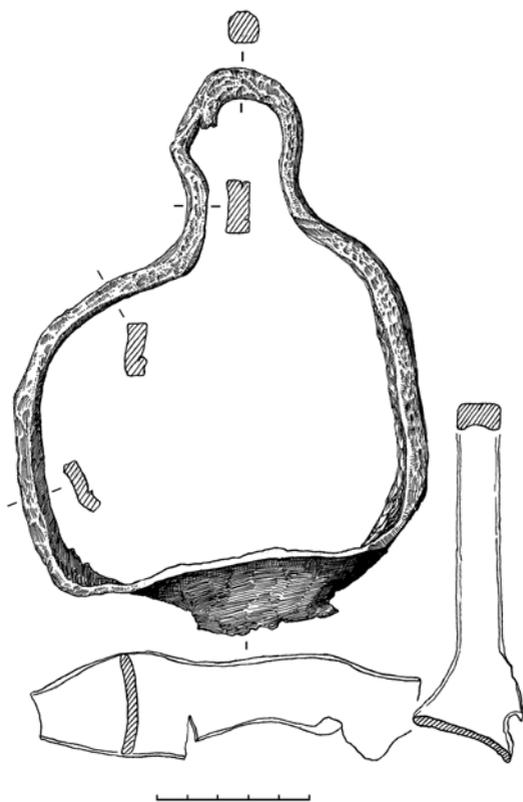

Рис. 1. Железное стремя из окрестностей с. Чернопятово

Такие признаки стремени, как уплощенные дужки, прямая подножка без нервюры, низкий свод арочного проема под ногу, являются очень ранними. Они восходят к образцам, распространенным на Алтае во 2-й половине V – 1-й половине VI в. н.э. [Могильников, 1994, рис. 2.-1, 7.-1, 13.-2–3, 14.-2]. Другие его признаки, такие как округлое ушко на высокой сомкнутой шейке, поперечная С-видность подножки и ее ширина, более характерны для стремян 2-й половины VI – 1-й половины VII в. н.э. [Гаврилова, 1965, табл. XIX.-22, XXI.-10–11]. В целом данный экземпляр является переходным образцом от раннетюркских петельчатых стремян к изделиям, получившим распространение в период существования первых Тюркских каганатов (552–650 гг.), и может быть датирован в рамках

VI в. н.э. Местность, где было найдено публикуемое стремя, в это время входила в ареал одицовской археологической культуры.

Железный нож имеет симметричный клинок килевидного абриса и черен трапециевидного абриса. Место перехода черена в клинок оформлено двумя вогнутыми плечиками (рис. 2.-1). Длина клика 15,5 см, наибольшая ширина 3,6 см, наибольшая толщина обуха 0,6 см, наибольшая ширина заточки лезвия 0,4 см. В поперечном сечении полотно клинка треугольной формы. Длина черена 8,7 см, ширина в основании 2 см, ширина у навершия 0,9 см, наибольшая толщина 0,5 см. В поперечном сечении черен подпрямоугольный. Его навершие загнуто почти под прямым углом. Сложно сказать, было ли это сделано изначально или явилось следствием деформации изделия. Судя по длине клинка и толщине обуха, данный нож можно отнести к боевым изделиям, хотя это не исключает универсального характера использования таких предметов [Горбунов, 2006, с. 75].

Боевые ножи со схожим набором признаков известны на юге Западной Сибири уже в материалах сросткинской культуры с середины IX в. н.э. [Горбунов, 2006, рис. 64.-8-9]. Однако подобные изделия продолжали применяться и в период позднего средневековья, в XVI–XVII вв. н.э. [Молодин, Соболев, Соловьев, 1990, рис. 51.-1-2].

Железный наконечник стрелы представлен только пером. Его черешок обломан у самого основания. Перо наконечника однолопастное, ромбического абриса (рис. 2.-2). В поперечном сечении оно шестиугольное в верхней части, где его ребра заточены, и прямоугольное в нижней. Длина пера 3,6 см, наибольшая ширина 1,6 см, наибольшая толщина 0,3 см.

Наконечники стрел с пером аналогичной формы встречаются в памятниках юга Западной Сибири и Алтая с середины IV до XIV в. н.э. [Горбунов, 2006, с. 36, рис. 38]. Однако, учитывая сечение публикуемого изделия в сочетании с параметрами, период его бытования можно ограничить второй половиной IX–XII вв. н.э., а по территории обнаружения отнести к комплексу вооружения сросткинской культуры.

Железный топор снабжен отверстием-проухом для рукояти, вытянутым обухом и небольшим, но широким клинком (рис. 2.-3). Общая длина бойка 14 см. Обух слегка отклонен назад от центральной оси изделия, в профиль и в фас он имеет слабо выраженный трапециевидный абрис, с расширением к ровному навершию. В поперечном сечении обух восьмигранный. Его длина 3,7–4 см, наибольшая ширина 3,1 см, наибольшая толщина 3 см. Проух топора в фас имеет подтреугольные очертания, с отверстием треугольной формы. В профиль его стороны параллельны. Размеры проуха: длина 6 см, наибольшая ширина 3,4 см, наибольшая толщина 3,2 см, высота отверстия 4 см, наибольшая ширина отверстия 1,4 см. Клинок топора в профиль близок трапеции, где длинное основание приходится на лезвие, а короткое ограничено проухом. В фас абрис клинка треугольный. Размеры клинка: длина 4,5 см, наибольшая ширина 8,2 см, наибольшая толщина 0,8 см.

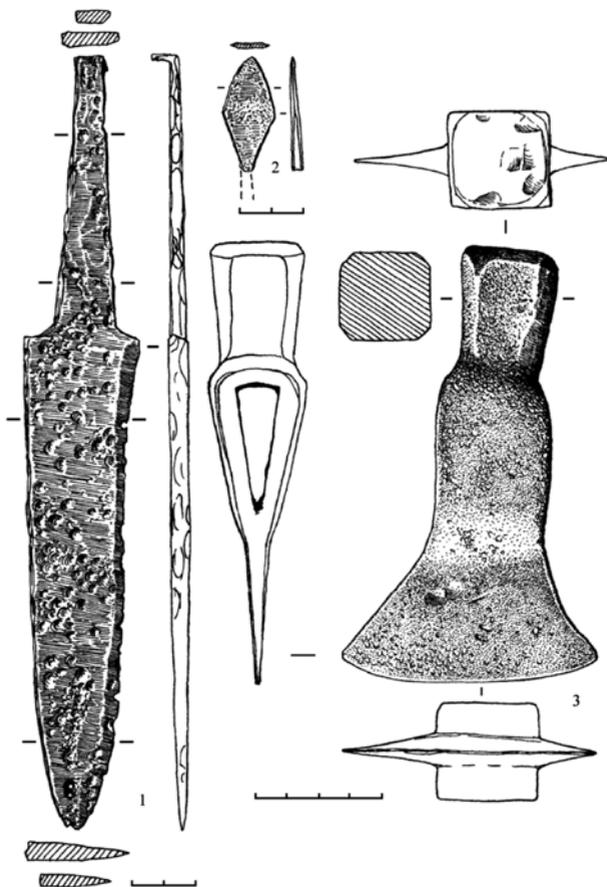

Рис. 2. Железные предметы вооружения из окрестностей г. Павловск и с. Чернопятово: 1 – нож, 2 – фрагмент наконечника стрелы, 3 – топор

Точных аналогий публикуемому топору пока найти не удалось. Отдельные его признаки, такие как форма обуха и клинка, абрис проуха в профиль, встречаются у боевых топоров на юге Западной Сибири и Алтае в раннем и развитом средневековье [Горбунов, 2006, с. 83–84, рис. 69–72]. Однако решающей деталью при определении его хронологии, видимо, должна являться форма проуха в фас и форма отверстия под рукоять, которые имеют выраженные треугольные очертания. Этот признак появляется у топоров в период позднего средневековья [Кирпичников, 1976, табл. II.-5; Бобров, Худяков, 2008, рис. 100–101], к которому, очевидно, и следует относить находку из с. Чернопятово.

Библиографический список

Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего Средневековья и раннего Нового времени (XV – первая половина XVIII в.). СПб., 2008. 776 с.

Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л., 1965. 146 с.

Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Часть II: Наступательное вооружение (оружие). Барнаул, 2006. 232 с.

Зиняков Н.М. Черная металлургия и кузнечное ремесло Западной Сибири. Кемерово, 1997. 368 с.

Кирпичников А.Н. Военное дело на Руси в XIII–XV вв. Л., 1976. 136 с.

Могильников В.А. Культовые кольцевые оградки и курганы Кара-Кобы-1 // Археологические и фольклорные источники по истории Алтая. Горно-Алтайск, 1994. С. 94–116.

Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьев А.И. Бараба в эпоху позднего средневековья. Новосибирск, 1990. 262 с.

Неверов С.В. Стремена Верхнего Приобья в VII–XII вв. (классификация и типология) // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. Барнаул, 1998. С. 129–151.

В.В. Горбунов, А.А. Тишкин, А.Г. Ситдинов

*Алтайский государственный университет, Барнаул;
Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ,
Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия*

ПРОДОЛЖЕНИЕ ИССЛЕДОВАНИЙ КУРГАННОГО МОГИЛЬНИКА СРОСТКИ-1

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Этнокультурные процессы на юге Западной Сибири в раннем средневековье», №14-01-00463а, а также в рамках реализации НИР 12-33.6.1974.2011 «Разработка комплексных естественно-научных и археологических методов изучения объектов культурного наследия» Казанского (Приволжского) федерального университета»

В 2013 г. совместная археологическая экспедиция Алтайского государственного университета и Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан осуществляла раскопки на памятнике Сростки-1 в Бийском районе Алтайского края. Данные работы явились продолжением комплексного изучения средневекового могильника, начатого в 2012 г. [Горбунов, Ситдинов, Тишкин, 2013]. Их основная цель заключалась в увеличении количества объективной информации о базовом памятнике. Это позволит заполнить имеющиеся лакуны при реконструкции процесса функционирования некрополя, а анализ всей совокупности материалов будет способствовать решению актуальных вопросов археологии юга Западной Сибири и прилегающих территорий.

Для раскопок был определен курган №8, расположенный в северо-западной части могильника. Такой выбор обусловлен тем, что данный объект, помимо западины от предыдущих работ (1925 или 1930 г.), сохранил в своей насыпи более свежие следы разрушений. Зафиксированный факт свидетельствовал об интересе к нему современных «бугровщиков». Поэтому предпринятые исследования выполняли не только научные, но и охранные задачи.

Курган представлял собой земляную насыпь почти округлой формы, размерами 9,7x9 м, высотой до 0,6 м. В центральной части насыпи (с небольшим смещением к северу) находилась крупная воронка от ранее произведенных раскопочных работ. К востоку от нее располагалась яма поменьше, которая отличалась по уровню задернованности, что указывало на ее более современное происхождение. К югу от центральной западины имелся шурф подквадратного очертания, углубленный в насыпь на 0,45 м. Он не был задернован, а вокруг наблюдался свежий выброс земли. В ходе тахеометрической съемки памятника в 2012 г. данное повреждение на кургане №8 отсутствовало. Характер вскрытия напоминает шурфы, заложенные grabителями древностей при зондировании объектов металлоискателями.

Общая площадь размеченного археологического раскопа составила 144 кв. м. При снятии пространства вокруг кургана находок не зафиксировано. При выборке земляной насыпи, в ее юго-восточной части, обнаружены целые и колотые кости лошади, а под центральной западиной – лопатка овцы. На уровне материка зачищены два могильных пятна и три ямы с остатками древесины. Могилы-1 и 2 располагались в ряд по оси ЮЗ–СВ. В общем направлении к юго-востоку от них находились остатки деревянных столбов, образующие между собой линию ЮЮЗ–ССВ.

Могила-1 выявлена по центру кургана. Над ней была воронка от предыдущих работ, которые велись сужающимся колодцем. Исходя из неровных очертаний этого «раскопа», вероятнее всего, он относится к деятельности М.Д. Копытова в 1925 г. На уровне материка пятно такого шурфа приняло неровные очертания размерами 3,15x1,9 м, с ориентацией длинной осью по линии ЮЗ–СВ. Выборка заполнения ниже уровня материка сократила пятно, и оно приобрело овальную форму размерами 1,42x1,06 м, с ориентацией длинной осью по линии З–В. Дальнейшая выборка до дна ямы сократила этот контур до следующих параметров: 1,02x0,88 м. Общая глубина ямы от уровня материка составила 0,65 м. Очевидно, что овальное пятно и является остатками могилы-1, хотя ее истинные размеры были уничтожены предыдущими проникновениями.

По периметру нижнего контура могильной ямы встречены отдельные беспорядочно разбросанные предметы и их фрагменты. Из вооружения найдены три роговые накладки на рукоять сложносоставного лука и обломки от четырех железных наконечников стрел. Одна тыльная накладка лука – более длинная и прямоугольного абриса (рис. 1.-1), вторая тыльная накладка – короткая и также прямоугольной формы (рис. 1.-2).

Третья накладка лука – боковая, значительная ее часть обломана, первоначальный абрис был, видимо, трапециевидный (рис. 1.-3). Из шести фрагментов от наконечников стрел оказались четыре черешка с остатками тлена от древков (рис. 1.-7-8, 10-11), один обломок крупного трехлопастного пера (рис. 1.-11) и небольшая часть трехгранного пера (рис. 1.-9). К орудиям труда можно отнести фрагмент железного изделия, который имел черен овального сечения с тленом от деревянной рукояти и рабочую часть округлого сечения (рис. 1.-4). Вероятно, это было шило. Еще два рядом лежавших железных обломка можно отнести к напильнику. Также выделяется черен четырехгранного сечения с тленом от деревянной рукояти и рабочая часть овального сечения, на которой местами сохранились насечки (рис. 1.-12). Из украшений встречены две бронзовые кольчатые серьги с разведенными окончаниями. Одна из них оказалась меньшего диаметра (рис. 1.-5), а другая – более крупная (рис. 1.-6). Никаких костей животных или человека при выборке могилы ниже уровня материка не зафиксировано. Единственная кость – уже указанная лопатка овцы, найденная в пределах старого «раскопа» выше материка.

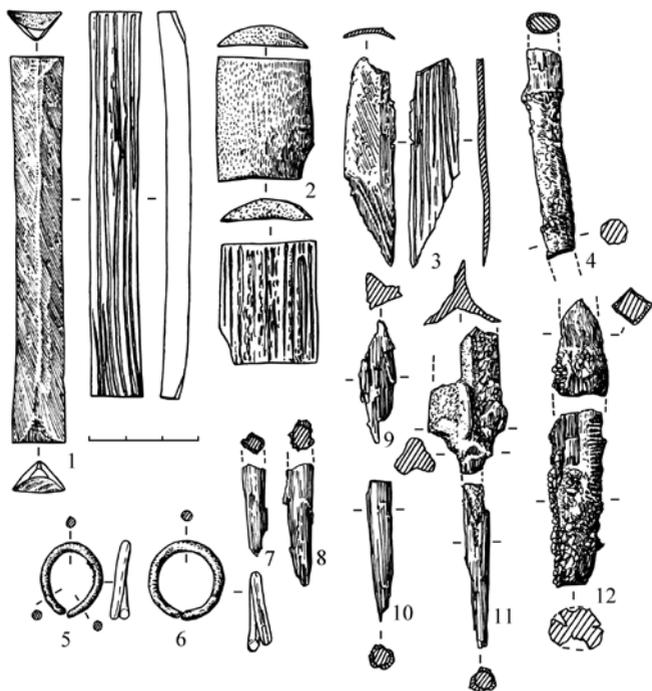

Рис. 1. Сростки-I. Курган №8. Находки в могиле-1:
 1-3 – роговые накладки лука; 4, 12 – железные инструменты;
 5-6 – бронзовые серьги; 7-11 – железные наконечники стрел

Могила-2 находилась на расстоянии 0,1 м к северо-востоку от пятна предыдущего раскопочного шурфа. Изначальное расстояние между двумя могильными ямами, вероятно, составляло порядка 1,5 м. Исследованное погребение находилось в грунтовой яме подпрямоугольной формы, размерами 1,7x0,67 м, с ориентацией длинной осью по линии ЮВ–СЗ и углублением в материк до 0,54 м. На дне расчищен скелет человека, уложенного вытянуто на спину, головой на юго-восток. Он принадлежал мужчине в возрасте 25–30 лет (определение С.С. Тур). Череп был немного наклонен на левый бок. Два верхних зуба выпали и лежали рядом с нижней челюстью. Частично за черепом зафиксирован рулон бересты, загнутый вдоль восточного угла могильной ямы. Основная часть костей скелета сохранила анатомическое положение. Руки были вытянуты вдоль тела. Кости кисти и фаланги левой руки отсутствовали. Часть их зафиксирована в разных местах могилы. Большинство фаланг обоих ног не было. Некоторые из них находились значительно выше. Нижняя часть грудины также оказалась смещена и лежала между ребрами и левой плечевой костью. Видимо, данные перемещения костей связаны с деятельностью грызунов, норы которых выявлены в стенках и дне могильной ямы. Между ног, ближе к правой большеберцовой кости, расчищены три позвонка овцы, лежавшие в анатомическом порядке.

С внешней стороны левой бедренной кости, на листе бересты находились роговые накладки на рукоять лука. Еще одна роговая накладка лука располагалась между тазовых костей. Все они относятся к одному комплекту, который состоял из трех тыльных и двух боковых деталей. Одна из тыльных накладок – длинная и прямоугольного абриса (рис. 2.-3), вторая – короче и трапециевидного контура (рис. 2.-5), третья – самая короткая и также трапециевидной формы (рис. 2.-4). Боковые накладки сохранились хуже, первоначально они имели трапециевидный абрис (рис. 2.-1–2).

Над левой плечевой костью умершего мужчины зафиксировано скопление обломков железных наконечников стрел. Они лежали поперек руки, остриями к стенке могилы. Всего там находились пять изделий. У лучше сохранившихся экземпляров можно определить асимметрично-ромбический абрис пера (рис. 3.-4, 6). По сечению пера представлены трехгранные (рис. 3.-4–5, 8), линзовидные (рис. 3.-6) и округлые (рис. 3.-7) наконечники. Еще один железный наконечник стрелы найден между бедренными костями, острием к черепу человека. Он распался на три фрагмента. Его перо имело асимметрично-ромбический абрис и трехгранное сечение (рис. 3.-9). После снятия скелета, под правой тазовой костью, обнаружена роговая пряжка пятиугольной формы с подвижным язычком (рис. 3.-1–2), а под правой бедренной костью – железный нож с остатками деревянного тлена от рукояти и ножен (рис. 3.-3).

Деревянный столб-1 выявлен на расстоянии 2,1 м к востоку от могилы-1. Он был вертикально установлен в яме округлой формы, углубленной в материк на 0,4 м, и представлял собой обтесанный ствол дерева высотой 0,43 м, диаметром 0,12 м. Его верхняя часть была сломана, а основание ровно отрублено.

Деревянный столб-2 зафиксирован на расстоянии 1,75 м к юго-востоку от могилы-2. Он представлял собой почти истлевший ствол дерева высотой 0,16 м, диаметром 0,08 м, который был вертикально установлен в яме округлой формы, углубленной в материк на 0,15 м. Верхняя часть столба была сломана и частично обожжена.

Деревянный столб-3 обнаружен на расстоянии 2,15 м к юго-востоку от могилы-1. В яме округлой формы, углубленной в материк на 0,4 м, вертикально стоял обтесанный ствол высотой 0,4 м, диаметром 0,1 м, с обожженной верхней частью и ровно срубленным основанием.

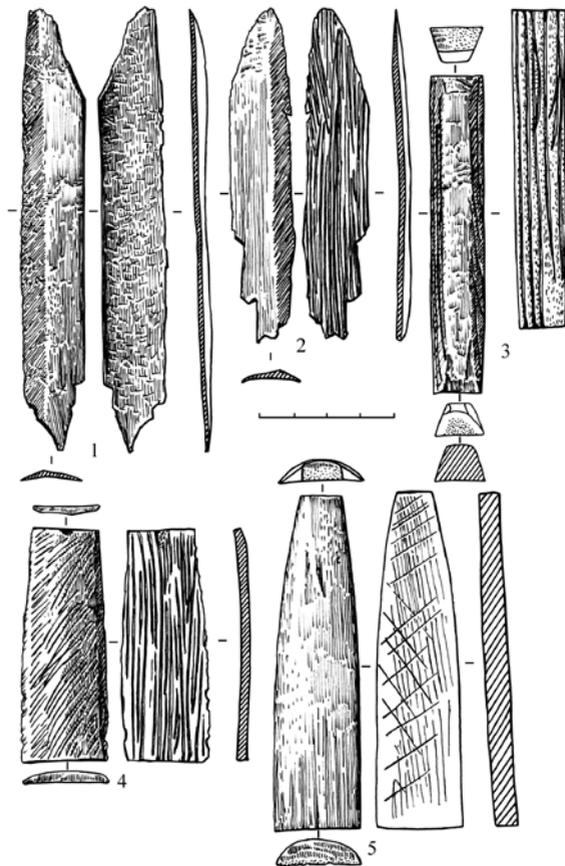

Рис. 2. Сrostки-I. Курган №8.

Роговые накладки на рукоять сложносоставного лука из могилы-2

После окончания работ весь раскоп кургана №8 подвергся рекультивации, а насыпь кургана была восстановлена до своих первоначаль-

ных размеров. Это позволило сохранить объект как часть окружающего его культурно-исторического ландшафта.

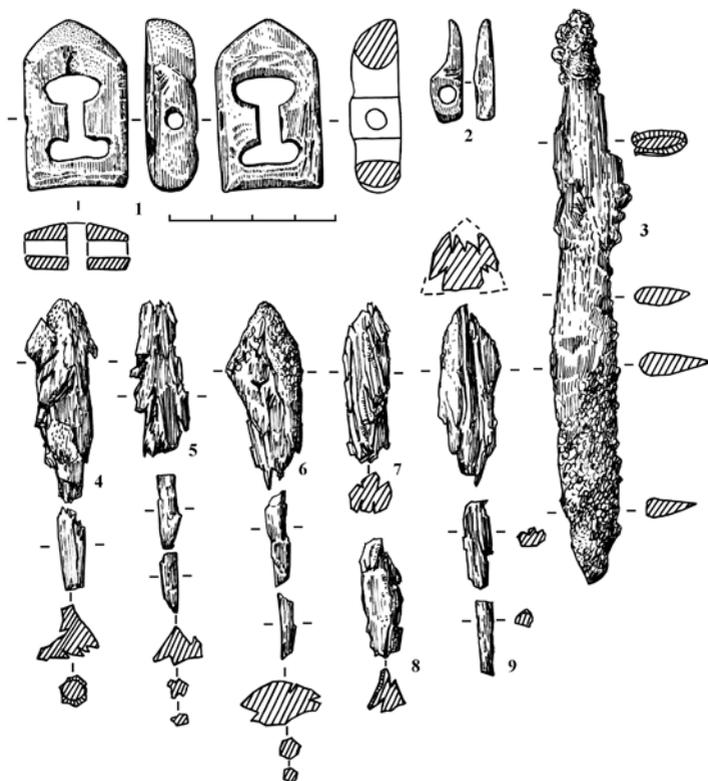

Рис. 3. Сростки-I. Курган №8. Инвентарь из могилы-2: 1 – роговая пряжка; 2 – язычок пряжки; 3 – железный нож; 4–9 – железные наконечники стрел

Полученные материалы дают возможность реконструировать основные детали формирования кургана. Его основная могила (№1), вероятнее всего, была сооружена для захоронения двух человек, мужчины и женщины, о чем свидетельствует оставшийся инвентарь. Наличие лука и стрел характерно для мужских погребений, а двух серег – для женских. Косвенно это подтверждает и наличие двух столбов напротив данной могилы. О размерах и других конструктивных элементах могильной камеры судить сложно, так как они практически уничтожены старыми раскопками. Полное отсутствие костей человека предполагает наличие в данной могиле парного кенотафа, о чем дополнительно свидетельствуют небольшие продольные параметры могильной ямы. Найденная в раскопе могилы лопатка овцы может относиться к заупокойной пище.

Восточнее могилы, в ее «изголовье», были выкопаны две ямы, в которые установили по столбу из ошкуренного ствола дерева. Рядом с этими столбами найдены кости лошади, в том числе и колотые, что демонстрирует совершение на этом месте поминальных действий.

Северо-восточнее от основного погребения была выкопана еще одна могила (№2) для захоронения мужчины. Умерший был погребен по способу ингумации, в вытянутом положении, головой в восточный сектор. Ему положили сопроводительный инвентарь из сложносоставного лука со стрелами, пояса с пряжкой и ножа. В качестве заупокойной пищи – кусок бараньего мяса. К востоку от «изголовья» этой могилы также был установлен деревянный столб, но из более тонкого ствола.

После совершения погребально-поминальных действий над объектами возводилась курганная насыпь. Перед ее сооружением столбы в «изголовьях» могил поджигались и ломались до уровня своей ямы.

Находки, полученные в полностью раскопанном кургане, имеют целый ряд соответствий в уже известном инвентарном комплексе могильника Сростки-I. Так аналогичные наконечники стрел обнаружены в курганах №2, 5, 6, изученных М.Н. Комаровой, и курганах №1 и 5, раскопанных С.М. Сергеевым [Савинов, 1998, рис. 2.-1, 5.-3, 6.-7, 7.-1, 8]. Такие же накладки луков происходят из курганов №4 и 5 из исследований М.Н. Комаровой и курганов №1 и 2 из работ С.М. Сергеева [Савинов, 1998, рис. 4.-10, 5.-4–5, 7.-2, 8.-13]. Очень похожая пряжка есть среди материалов кургана №3, а железный нож в кургане №5, раскопанных под руководством М.Н. Комаровой [Савинов, 1998, рис. 1.-6, 5.-7].

Исследованный курган №8 по всем выявленным деталям реализованного погребального обряда (планиграфия могил, способ погребения, положение и ориентация умершего, традиция сооружения «изголовных» столбов) вписывается в каноны сросткинской археологической культуры [Горбунов, 2012, с. 552]. В целом по найденному инвентарю и погребальному обряду он может быть отнесен к грязновскому этапу этой общности и датирован второй половиной IX – 1-й половиной X в. н.э.

Библиографический список

Горбунов В.В. Сросткинская археологическая культура: итоги и перспективы изучения // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями: мат. междунар. науч. конф., посвященной 110-летию со дня рождения выдающегося российского археолога Михаила Петровича Грязнова. СПб., 2012. Кн. 2. С. 549–554.

Горбунов В.В., Ситдииков А.Г., Тишкин А.А. Новые результаты изучения курганного могильника Сростки-I в Бийском районе Алтайского края // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 2013. Вып. XVIII–XIX. С. 102–107.

Савинов Д.Г. Сросткинский могильник (раскопки Н.М. Комаровой в 1925 г. и С.М. Сергеева в 1930 г.) // Древности Алтая: Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 1998. №3. С. 175–190.

С.П. Грушин, Я.В. Фролов, Г.А. Милиев, Д.С. Леонтьева
Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

**РЕЗУЛЬТАТЫ РАСКОПОК 2013 г.
НА ПОСЕЛЕНИИ ФИРСОВО-XV**

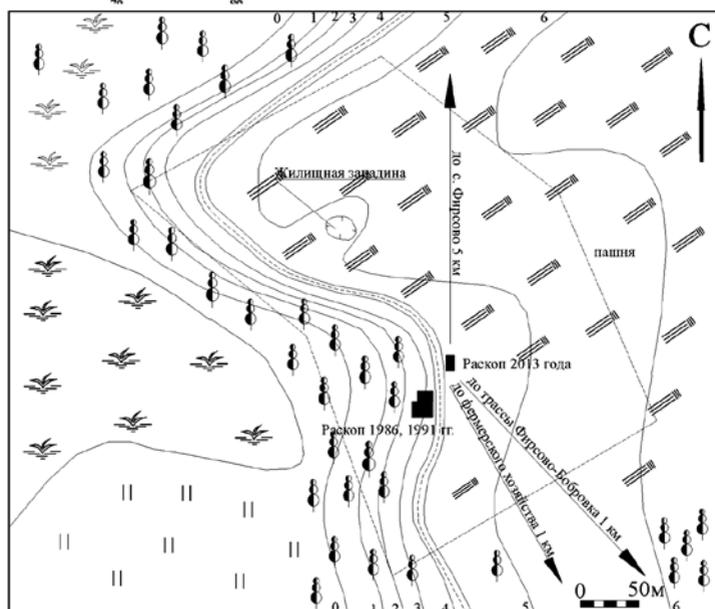
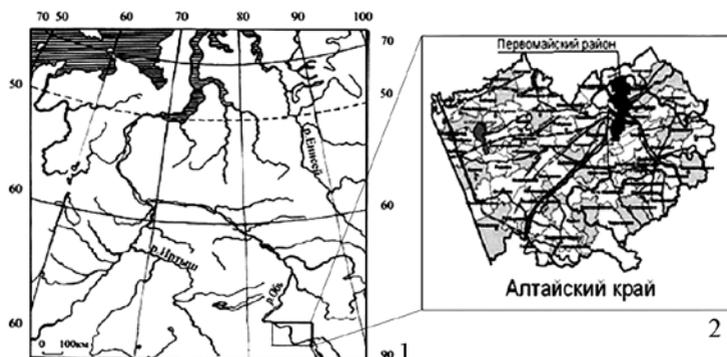
Работа выполнена в рамках базовой части государственного задания Алтайского государственного университета, код проекта: 1006, тема «Использование естественно-научных методов в реконструкции историко-культурных процессов на Алтае в древности» и гранта Правительства РФ №2013-220-04-2245, тема «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии»

Осенью 2013 г. Верхнеобская археологическая экспедиция Алтайского государственного университета и НПЦ «Наследие» проводила археологическое обследование древнего поселения Фирсово-XV, расположенного в Первомайском районе Алтайского края (рис. 1.-1, 2).

Памятник находится на первой коренной надпойменной террасе правого берега Оби в 5 км к югу от с. Фирсово, в 1 км к северо-западу от фермерского хозяйства и в 1 км к северо-западу от дороги, ведущей из с. Фирсово в с. Бобровка. По дороге от памятника до с. Фирсово – 6 км, до с. Бобровка – 10 км (рис. 1.-3). Объект представляет собой разновременное селище и занимает западную часть мыса, вдающегося в пойму Оби. Общая площадь памятника составляет 39000 кв. м, из которой большая часть распахивается. В центральной части поселения визуально фиксируется одна распахиваемая жилищная западина округлая в плане, диаметром до 30 м и глубиной в центральной части до 0,4 м (рис. 1.-3).

Памятник был открыт в 1985 г. к.и.н. А.Л. Кунгуровым. В 1986 г. С.Ю. Лузиным [1990, с. 14] было заложено два раскопа (№1 и 2), общая площадь которых составила около 64 кв. м. Раскоп 1990 г. площадью 38 кв. м был прирезан к раскопу 1986 г. На поселении получена представительная коллекция керамики, которую С.Ю. Лузин [1990, с. 15, 16] разделил на две культурно-хронологические группы – комплекс эпохи развитой бронзы андроновской культуры и раннего железного века (РЖВ). Материалы РЖВ относились к верхним двум слоям раскопа, в то время как керамика развитой бронзы была встречена практически во всех слоях. На 3–4 слое залежали материалы только бронзового века. Находки раннего железного века включали фрагменты сосудов баночных форм, украшенных жемчужником (примерно от 15–20 сосудов), глиняное грузило, скопление керамики и пряслице [Лузин, 1990, с. 16].

К материалам андроновской культуры С.Ю. Лузин [1990, с. 14–16] отнес фрагменты керамики более чем от 70 сосудов, глиняные грузила, керамическую фишку, костяную проколку, лоцило, обломок бронзового ножа и пронизку, а также объект в виде прокала, под которым зафиксированы четыре неглубоких ямы.

Условные обозначения:

Географические координаты точек:

- 1) 53°16'18,44"С.Ш.; 83°56'21,83"
- 2) 53°16'22,28"С.Ш.; 83°56'21,83"
- 3) 53°16'31,39"С.Ш.; 83°56'12,73"
- 4) 53°16'29,28"С.Ш.; 83°56'08,56"
- 5) 53°16'24,28"С.Ш.; 83°56'29,57"

Рис. 1. План расположения Алтайского края на карте юга Западной Сибири (1) и Первомайского района на карте Алтайского края (2); 3 – план поселения Фирсово-XV с раскопами 1986, 1990, 2013 гг.

Раскопочные работы на памятнике возобновились в 2013 г. Они осуществлялись в рамках аварийно-спасательных работ на разрушающихся памятниках археологии Алтайского края по программе мероприятий долговременной целевой программы «Культура Алтайского края» на 2011–2015 гг. Раскоп был разбит в наиболее аварийной части памятника, которая располагается на фермерском поле к северо-востоку от раскопов 1986 и 1990 гг. (рис. 1.-3). В ходе работы было вскрыто 32 кв. м площади поселения, проведены сборы подъемного материала. Данная работа посвящена введению в научный оборот полученных материалов с поселения Фирсово-XV в 2013 г.

Стратиграфия памятника прослежена по бровке и стенкам раскопа. Общая стратиграфическая колонка на исследованной части поселения выглядит следующим образом: 0–25 см – слой свежей распашки, горизонт 1, черного цвета, влажный, рыхлый, с небольшим количеством корней. Переход к нижележащему горизонту четкий, зигзагообразный со следами боронения и пашни недавних лет. Горизонт 2 залегал в интервале 25–50 см и был представлен супесью темно-коричневого цвета. Корней в этом слое немного. Данный слой также перепахан, но в течение более длительного времени. Переход к нижнему горизонту неравномерный, диффузный, фиксируемый по усилению светло-желтой окраски. На глубине 50 см и ниже в профилях раскопа фиксировался материк, горизонт 3, песчаный, светло-серого цвета с множеством следов нор. Большая часть находок зафиксирована в двух верхних слоях мощностью 5–35 см, поэтому культурным слоем поселения являются горизонты 1 и 2. Однако из-за таких разрушительных факторов для культурного слоя памятника, как интенсивная распашка и деятельность грызунов, археологический материал был перемешан и фиксировался как на поверхности поселения, так и в материке.

Археологический материал, собранный при раскопках 2013 г., состоял из следующих категорий вещей: керамика, кость, камень, фрагмент железа. В общей сложности обнаружено около 1600 находок. Самой многочисленной категорией находок являются кости животных (947 экз.). Среди костей зафиксировано 4 альчика и крупная пястная кость. Массовым материалом можно считать фрагменты керамической посуды (578 экз.), из которых 214 определимые по технике орнаментации. Также среди артефактов были учтены 27 камней и небольшой кусочек железа. Найденные в результате раскопок антропологические материалы (фрагменты нижней челюсти, зубы человека, фаланга пальца, фрагмент черепа), возможно, свидетельствуют о наличии поблизости могильника.

Среди орудийного инвентаря можно идентифицировать фрагменты трех глиняных пряслиц (рис. 2.-32, 33, 35), одно из которых орнаментировано (рис. 2.-35); фрагменты глиняных изделий (рис. 2.-28); костяное орудие в виде уплощенной лопатки. Уникальной находкой можно считать фрагмент каменного орудия, возможно от пряслица, украшенного елочным орнамен-

том (рис. 2.-34). По причине того, что поселение не стратифицировано, культурно-хронологические группы материала можно выделить только типологически. Нами выделено три одновременных комплекса: эпоха развитой бронзы, эпоха поздней бронзы и ранний железный век. Ниже дается описание обозначенных групп материала, их культурная атрибуция.

Комплекс эпохи развитой бронзы (рис. 2.-1–3, 5–7, 9, 10, 12–15, 17–20). Данная группа представлена, в основном, керамикой и состоит из орнаментированных фрагментов стенок, придонных частей сосудов и венчиков (всего 116 экз.). Коллекция насчитывает фрагменты более чем от 20 сосудов – по количеству учтенных венчиков. Керамическую серию составляют экземпляры небольших и маленьких размеров, что затрудняет целостную реконструкцию форм и объемов поселенческой посуды. Анализ венчиков позволяет судить, что преобладают баночные формы сосудов.

Фрагменты сосудов горшечных форм украшены геометрическим орнаментом, который выполнен гребенчатым мелкозубчатым штампом. Декор представлен равнобедренными треугольниками, меандрами, зигзагом. Данная группа представлена небольшим количеством фрагментов (рис. 2.-2, 14, 15, 17, 18). Фрагменты сосудов баночных форм орнаментированы гораздо проще. Орнаментальными элементами для банок служили елочка, каплевидные вдавления, насечки, каннелюры. Элементы наносились крупнозубчатым и гладким штампом, палочкой и лопаткой (рис. 2.-1, 3, 5–7, 9, 10, 12, 13, 19, 20). Из зафиксированных орудий в данную группу были включены фрагменты глиняных изделий шарообразной формы [Троицкая, Новиков, 2004, с. 40].

Аналогии подобной орнаментальной традиции и глиняным шарам мы находим в материалах поселений андроновской культуры Верхнего Приобья: Большой Лог-1, Переезд, Красный Яр и грунтового могильника Рублево-VIII в Кулунде [Кирюшин, Лузин, 1990, с. 54; Кирюшин, Папин, Попова, 2010; Кузьмина, 2008, с. 211–225; Грязнов, 1956, с. 14–22; Удодов, 1991, с. 74–76]. Приведенные аналогии позволяют соотносить этот комплекс с андроновскими памятниками юга Западной Сибири и датировать его эпохой развитой бронзы, что укладывается в хронологические рамки XV–XII вв. до н.э. [Кирюшин, Шамшин, 1992, с. 210; Троицкая, Новиков, 2004, с. 35].

Комплекс эпохи поздней бронзы (рис. 2.-4, 8, 11, 16, 21, 25) включает 7 фрагментов стенок сосудов и 6 фрагментов венчиков с резным орнаментом, выполненным гребенкой или прочерчиванием в виде заштригованных треугольников, зигзагов, ромбов, лент. Для зоны венчика характерны мотивы в виде треугольников, насечек с наклоном вправо. Орнаментальные зоны отделены друг от друга узким пояском из горизонтальных линий, ямок или разделенных «жемчужин» (рис. 2.-4, 21), обычно орнамент наносился на верхнюю часть сосуда (рис. 2.-4, 16). Кроме керамики к данному культурно-хронологическому комплексу относятся три обломка глиняных пряслиц (рис. 2.-32, 33, 35), обломок керамического изделия (рис. 2.-28), фрагмент орнаментированного каменного орудия (рис. 2.-34).

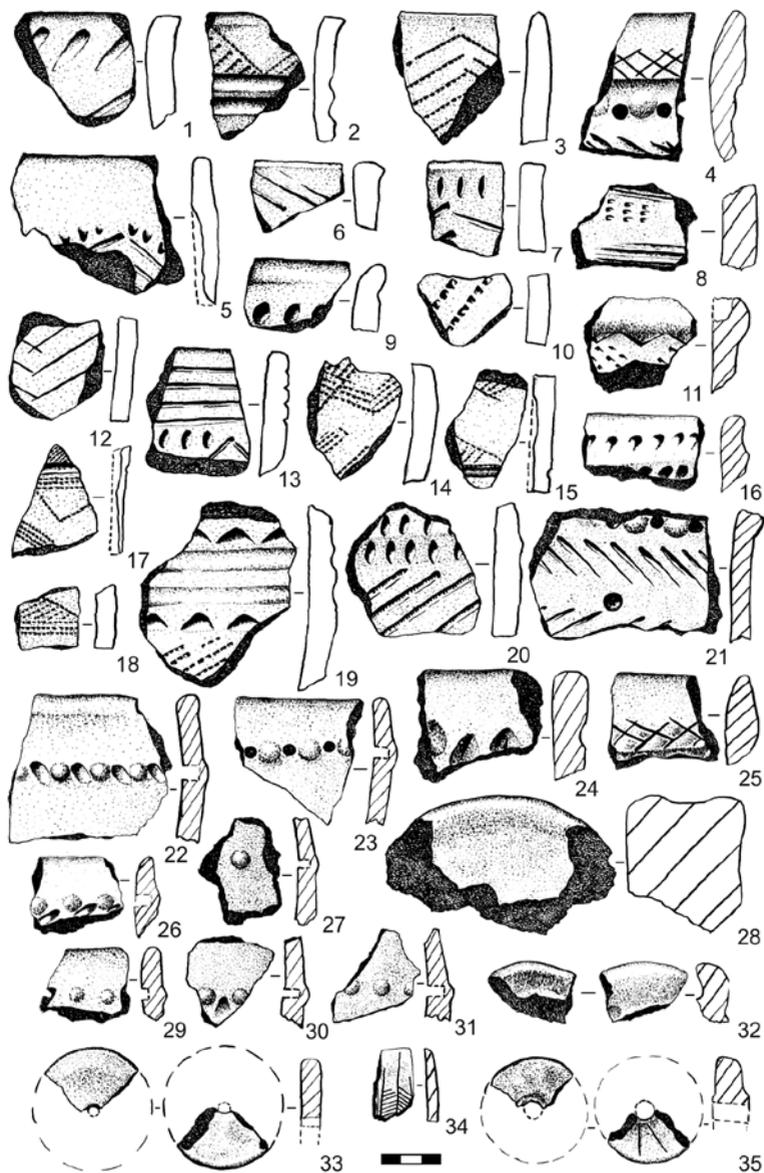

Рис. 2. Фирсово-XV. Предметный комплекс: 1-3, 5-7, 9, 10, 12-15, 17-20 – андроновская керамика; 4, 8, 11, 16, 21, 25 – ирменская керамика; 22-24, 26, 27, 29-31 – керамика староалейской культуры; 28 – обломок керамического изделия; 32, 33, 35 – фрагменты глиняных пряслиц; 34 – фрагмент каменного изделия

Подобные орнаментальные схемы характерны для глиняной посуды ирменской культуры. Они широко представлены на памятниках Жарково-3, Черемшанка-IV, Кытманово, Фирсово-XIV и др. [Кирюшин, Папин, Федорук, 2008, с. 10–15; Ковалевский, 2010, с. 128, 130, 139; Шамшин, 2007, с. 79–81; История Алтая, 1995, с. 54, 55; Кирюшин, Папин, Федорук, Фролов, 2007, с. 201, 203]. Аналогичные пряслица мы встречаем в материалах ирменских поселений Милованого-3 в Новосибирском Приобье и Фирсово-XVIII в Барнаульском Приобье [Сидоров, Новикова, 2004, с. 109, 115, рис. 3, 6; Федорук, Шамшин, Папин, 2008, с. 140, рис. 14]. В результате датировать данный комплекс можно эпохой поздней бронзы, хронологические рамки которой на юге Западной Сибири – IX–VIII вв. до н.э. [Сидоров, Новикова, 2004, с. 48; Федорук, Шамшин, Папин, 2008, с. 140, рис. 128].

Комплекс раннего железного века (рис. 2.-22–24, 26, 27, 29–31). Группа выявлена лишь на основе керамического материала. Было обнаружено 24 керамических фрагмента РЖВ, из которых 12 – венчики. Орнамент представлен рядами жемчужин и ямок, которые наносились под венчик (рис. 2.-22–24, 26, 29). Аналогии данному типу орнаментации мы находим в материалах староалейской культуры на памятниках Староалейка-2, Малый Гоньбинский Кордон-1, Костенкова Избушка, Фирсово-XI, XIV [История Алтая, 1995, с. 70–72, рис. 16, 19; Фролов, 2001, с. 149–154, рис. 1; Фролов, Шамшин, 1999, с. 219–226; Троицкая, Новиков, 2004, с. 74, 77, рис. 27]. По всей видимости, данный комплекс можно отнести к староалейской археологической культуре эпохи раннего железного века Верхнего Приобья и датировать в пределах VI–II вв. до н.э. [Фролов, 2001, с. 151; Фролов, Шамшин, 1999, с. 225–226; Троицкая, Новиков, 2004, с. 74].

На памятнике Фирсово-XV в 2013 г. были проведены раскопки наиболее аварийной части, на распахиваемом поле. Ввиду того, что культурный слой поселения не был стратифицирован, археологический материал типологически был отнесен к трем культурно-хронологическим комплексам: андроновскому (XV–XII вв. до н.э.), ирменскому (IX–VIII вв. до н.э.) и староалейскому (VI–II вв. до н.э.).

Проведенные работы показали, что обследованный памятник находится в аварийном состоянии, о чем свидетельствует отсутствие стратиграфии культурного слоя, и большое количество подъемного материала с поверхности данного археологического объекта. На раскопанной площади поселения Фирсово-XV в 32 кв. м было выявлено порядка 1600 находок, что говорит о перспективности дальнейшего исследования.

Фирсово-XV является уникальным памятником с мощным андроновским культурным слоем, что является редкой особенностью для андроновских памятников Алтайского края. Дальнейшее изучение данного селища позволит поставить вопросы культурной принадлежности, хронологии и рассмотреть типы хозяйства. В этом плане наи-

более перспективный участок для будущих раскопок, на наш взгляд, представляет нераспаханная часть поселения Фирсово-XV, которая располагается в березняке к северу и востоку от раскопа С.Ю. Лузина 1986, 1990 гг. (рис. 1.-3).

Библиографический список

Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби. МИА. М.; Л., 1956. №48. 160 с.

История Алтая: учеб. пособие. Барнаул, 1995. Ч. I. 480 с.

Кирюшин Ю.Ф., Лузин С.Ю. Поселение Большой Лог-I – новый памятник андроновской культуры Верхнего Приобья // Проблемы археологии и этнографии Южной Сибири. Барнаул, 1990. С. 42–56.

Кирюшин Ю.Ф., Папин Д.В., Попова О.А. Андроновский керамический комплекс могильника Рублево-VIII: опыт классификации // Хозяйственно-культурные традиции Алтая в эпоху бронзы: сб. науч. тр. Барнаул, 2010. С. 95–111.

Кирюшин Ю.Ф., Папин Д.В., Федорук А.С. Предварительные итоги исследования поселения эпохи поздней бронзы Жарково-3 // Этнокультурные процессы в Верхнем Приобье и сопредельных регионах в конце эпохи бронзы: сб. науч. тр. Барнаул, 2008. С. 5–17.

Кирюшин Ю.Ф., Папин Д.В., Федорук А.С., Фролов Я.В. Новые материалы эпохи бронзы из степной Кулунды // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая: мат. регион. науч.-практ. конф. Барнаул, 2007. Вып. XVI. С. 198–205.

Кирюшин Ю.Ф., Шамшин А.Б. Итоги археологического изучения памятников энеолита и бронзового века лесостепного и степного Алтая // Алтайский сборник. Барнаул, 1992. С. 194–222.

Ковалевский С.А. Традиции орнаментации керамики из погребальных комплексов ирменской культурно-исторической общности юга Западной Сибири // Хозяйственно-культурные традиции Алтая в эпоху бронзы: сб. науч. тр. Барнаул, 2010. С. 128–142.

Кузьмина Е.Е. Классификация и периодизация памятников андроновской культурной общности: монография. Актобе, 2008. 358 с.

Кунгуров А.Л., Тишкин А.А. Плановые археологические исследования в Первомайском районе Алтайского края // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края: мат. Всерос. науч.-практ. конф. Барнаул, 2006. Вып. XV. С. 260–265.

Лузин С.Ю. Отчет об археологических раскопках курганного могильника Казенная Займка (территория горсовета г. Барнаула) и поселения Фирсово-XV в Первомайском районе Алтайского края в 1990 году. Барнаул, 1991 (Музей археологии и этнографии Алтая. №77. 76 с.).

Могильников В.А. Исследование Кармацких курганов // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. Горно-Алтайск, 1992. С. 92–94.

Сидоров Е.А., Новикова О.И. Неопубликованные материалы поселения Милованого-3 // Аридная зона юга Западной Сибири в эпоху бронзы: сб. науч. тр. Барнаул, 2004. С. 104–124.

Тишкин А.А. Погребальный комплекс монгольского времени на памятнике Кармацкий в Верхнем Приобье // Интеграция археологических и этнографических исследований. Алматы; Омск, 2004. С. 271–274.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Исследование памятников раннего железного века и средневековья в Лесостепном и Горном Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2002. Т. VIII. С. 456–461.

Тишкин А.А., Горбунов В.В., Дашковский П.К. Исследования археологических микрорайонов на Алтае // Археологические открытия 2003 года. М., 2004. С. 476–481.

Тишкин А.А., Горбунов В.В., Дашковский П.К. Исследования в Лесостепном и Горном Алтае // Археологические открытия 2002 года. М., 2003. С. 415–418.

Тишкин А.А., Горбунов В.В., Казаков А.А. Курганный могильник Телеутский Взвоз-1 и культура населения Лесостепного Алтая в монгольское время. Барнаул, 2002. 276 с.: ил.

Троицкая Т.Н., Новиков А.В. Археология Западно-Сибирской равнины: учеб. пособие. Новосибирск, 2004. 136 с.

Удодов В.Ф. О некоторых особенностях керамического комплекса поселения Переезд // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. Барнаул, 1991. С. 74–76.

Федорук А.С., Шамшин А.Б., Папин Д.В. Предварительные итоги исследования поселения Фирсово-XVIII // Этнокультурные процессы в Верхнем Приобье и сопредельных регионах в конце эпохи бронзы: сб. науч. тр. Барнаул, 2008. С. 125–143.

Фролов Я.В. Староалейская культура (по данным погребальной обрядности) // Историко-культурное наследие Северной Азии: сб. науч. тр. Барнаул, 2001. С. 149–155.

Фролов Я.В., Шамшин А.Б. Могильники раннего железного века Фирсовского микрорайона (Фирсово-III, XI, XIV) // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 1999. С. 225–226.

Шамшин А.Б. Комплексы развитой и поздней бронзы некрополя Фирсово-XIV (Барнаульское Приобье) // Кадырбаевские чтения: мат. междунар. науч. конф. Актобе, 2007. С. 78–81.

П.К. Дашковский, И.А. Мейкшан

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

ИССЛЕДОВАНИЕ КУРГАНОВ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ НА МОГИЛЬНИКАХ ЧИНЕТА-II И ИНСКОЙ ДОЛ

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ
(проект №14-31-01201, «Погребально-поминальная обрядность кочевников Западного Алтая и Восточного Казахстана как источник для реконструкции этногенетических и социальных процессов в контексте культурно-исторической ситуации в Саяно-Алтайской горной провинции в древности и раннем средневековье»)

Начиная с 2001 г. Краснощековская археологическая экспедиция Алтайского государственного университета под руководством П.К. Дашковского проводит исследование разновременных памятни-

ков на Чинетинском археологическом микрорайоне, расположенном в окрестностях одноименного села по берегам р. Инья в Краснощековском районе Алтайского края [Дашковский, 2013]. В данной публикации планируется остановиться на предварительных результатах раскопок четырех курганов скифо-сакского времени на могильниках Чинета-II и Инской дол.

Могильник **Чинета-II** находится в 1–1,5 км к юго-юго-востоку от с. Чинета на второй надпойменной террасе указанной реки. На изучаемом памятнике в настоящее время в процессе проведения теодолитной съемки зафиксировано более 35 объектов. В то же время, вероятнее всего, в древности курганов было значительно больше, но вследствие антропогенного воздействия многие курганы оказались разрушенными. Кроме того, данная местность характеризуется высокой степенью задернованности, что осложняет выявление новых объектов.

В 2013 г. в пределах указанного некрополя в северной его части исследован курган №29. Курган имел диаметр каменной насыпи с севера на юг – 9,25, а с запада на восток – 9 м. Высота сооружения вместе со слоем земли достигала 0,5 м. Насыпь объекта сооружена преимущественно из мелких и средних камней в 1 слой. При этом камни были уложены неплотно друг к другу, тем самым не образуя единой конструкции. По периметру кургана выявлены более крупные камни, чем в насыпи, образуя каменная кольцевую выкладку диаметром с севера на юг – 9,25 м, а с запада на восток – 9 м. В центре насыпи зафиксирован участок без камней, образовавшийся в результате ограбления могилы в древности. Под насыпью кургана в центральной ее части зафиксирована могильная яма, которая ориентирована длинной осью по линии СЗ–ЮВ и имела следующие размеры 3,4x2,5x1,85 м. На глубине 1,11–1,66 м вдоль северной стенки могильной ямы обнаружено сопроводительное захоронение двух лошадей, уложенных на живот и ориентированных головой на восток. Под лошадьми и частично у западной стенки могилы находились камни. Под первой лошадью в районе ребер обнаружена костяная пронизка (рис. 1.-4). В центральной части могилы на глубине 1,68–1,85 м зафиксировано сильно потревоженное грабителями парное захоронение двух людей. Судя по сохранившимся *in situ* костям ног умершие были уложены в вытянутом положении и ориентированы головой на восток. В центральной части погребения на глубине 1,63 м обнаружены два керамических сосуда, фрагмент фольги (рис. 1.-5–27), два набора ритуальной пищи (кости барана), два железных ножа (рис. 1.-2–3), железный боевой кинжал (рис. 1.-1) в деревянных ножнах.

Курганный могильник Инской дол расположен в 0,4 км к югу от могильника Чинета-II в той же долине на второй надпойменной террасе. На некрополе выявлено две группы курганов. Первая группа из двух курганов располагалась в 20 м к западу от дороги, ведущей в направлении

с. Чинета – с. Тигирек. В 0,7 км к юго-востоку от первой группы объектов находится фундамент от здания пионерского лагеря у края берега р. Иня. Вторая группа из 13 курганов находится в 400 м к западу от первой по обе стороны оврага. Изучение топографии, планиграфии и конструктивных особенностей насыпей курганов позволило установить, что на могильнике Инской дол есть объекты афанасьевской культуры и скифо-сакского периода. Для начального этапа исследования выбрана группа курганов №1–3, которые выстроены в цепочку в направлении север–юг в западной части некрополя на елбане.

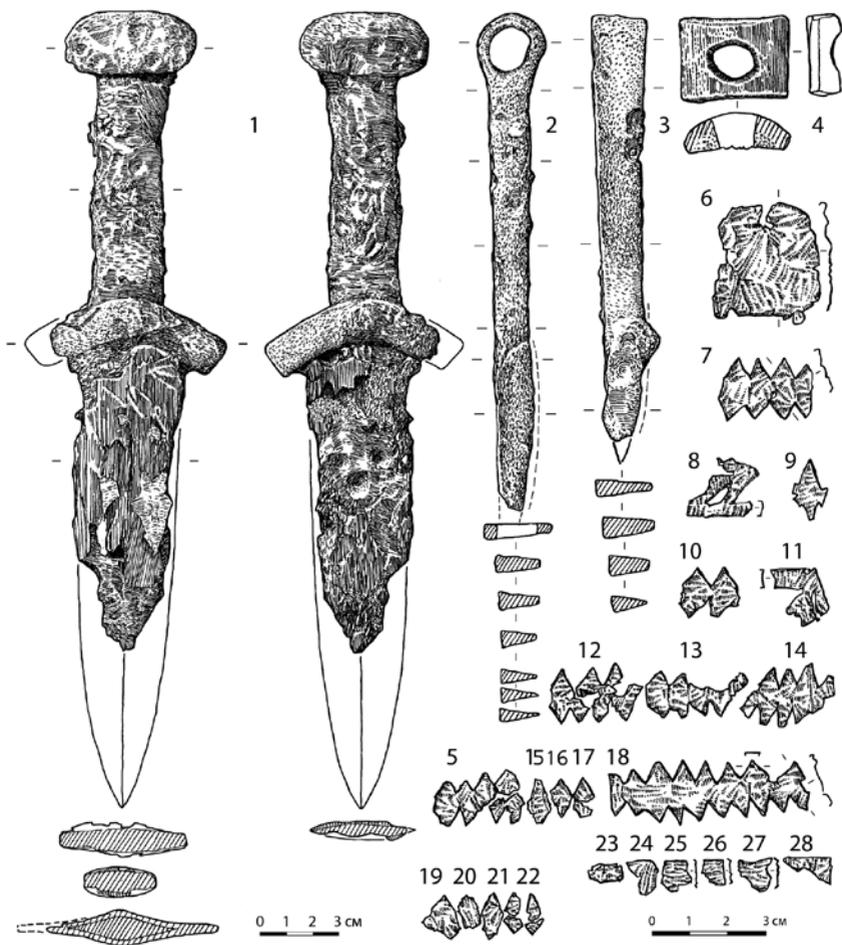

Рис. 1. Инвентарь из кургана №29 могильника Чинета-II:
1–3 – железо; 4 – кость; 5–27 – золото

Курган №1 зафиксирован в северной части елбана. Диаметр насыпи сооружения, сложенной в 1–3 слоя преимущественно из «рваного» мелкого камня и речной гальки, составлял с юга на север – 7,5 м, а с запада на восток – 8 м. Высота кургана вместе с уровнем гумуса достигала 0,5 м. Под насыпью кургана в центральной ее части зафиксирована могильная яма, которая была ориентирована длинной осью по линии СЗ–ЮВ и имела размеры 3,4x2,6x1,85 м. На глубине 1,31–1,43 м выявлены продольные деревянные плахи перекрытия, уложенные в направлении север–юг. Ширина сохранившихся частей плах от 0,5 до 22 см. Точное количество плах установить из-за ограбления могилы затруднительно, но, вероятно, их было не менее пяти.

После снятия плах перекрытия выявлены остатки деревянной рамы относительно хорошей сохранности, которая имела длину до 2 м, ширину до 91 см. Конструкция рамы устроена так, что поперечные плахи перекрывали продольные. Внутри рамы на глубине 1,85 м обнаружено разрушенное грабителями погребение человека, который первоначально, вероятно, был уложен головой на восток. У северной стенки рамы зафиксированы стоящие в ряд развалы трех керамических сосудов. Рядом с развалом первого сосуда в северо-восточном углу обнаружены позвонки барана от жертвенной пищи и железный нож.

Курган №2 находился в 2,5 м к югу от кургана №1. При зачистке каменной насыпи у ее юго-западной полы обнаружена кость животного. Диаметр насыпи сооружения, сложенной в 1–4 слоя преимущественно из речной гальки, составлял с юга на север – 10,5 м, а с запада на восток – 10 м. Высота кургана вместе с уровнем гумуса достигала 0,75 м. Под насыпью кургана в центральной ее части зафиксирована могильная яма, которая была ориентирована длинной осью по линии СЗ–ЮВ и имела размеры 3,27x2,35x2,12 м. Могила была забутована речной галькой.

На глубине 1,72–1,76 м зафиксирована деревянная конструкция в виде продольного перекрытия из плах, которые были уложены на четыре поперечных плахи. Длина продольных плах достигала 1,91 м, ширина 15 см. Настил возвышался над телом погребенного на 45–50 см. Первоначально перекрытие, очевидно, состояло из шести плах, фрагменты которых длиной до 0,62 м, шириной до 0,15 м сохранились в разных частях конструкции. Плахи перекрытия были уложены на две поперечные торцевые и две дополнительные поперечные плахи в центральной части конструкции. При этом одна поперечная плаха находилась на материковой приступке с восточной стороны, а остальные три располагались на камнях, специально подложенных под них, чтобы настил не соприкасался с телом умершего человека. С трех сторон – западной, восточной и южной деревянная конструкция была обложена камнями. Под перекрытием из плах обнаружено погребение человека в скорченном положении на правом боку, ориентированное головой на восток. Вдоль северной стенки могильной ямы выявлено сопроводительное

захоронение лошади, которая ориентирована головой, как и человек, в восточный сектор. Из сопроводительного инвентаря обнаружены керамический сосуд, железный нож, многочисленные фрагменты золотой фольги от головного убора, деревянная гривна, обложенная фольгой, остаток железного предмета, сильно коррозированного и распавшегося на мелкие фрагменты, неподдающиеся восстановлению. Возможно, это фрагменты железного кинжала или большого ножа. В погребении также найдена ритуальная пища (кости барана)

Курган №3 находился в 4,75 м к югу от кургана №2. Диаметр насыпи сооружения, сложенной в 1 слой, преимущественно из речной гальки, составлял с юга на север – 5 м, а с запада на восток – 5,5 м. Высота кургана вместе с уровнем гумуса достигала 0,4 м. Под насыпью кургана в центральной ее части зафиксирована могильная яма, которая ориентирована длинной осью по линии СЗ–ЮВ и имела размеры 2,35x1,53x1,6 м. На глубине 1,07–1,17 м обнаружено продольное перекрытие из шести деревянных плах длиной до 1,43 м, шириной 7–22 см. Под деревянными плахами на глубине 1,22–1,58 см выявлен второй слой перекрытия из четырех каменных плит подпрямоугольной формы и двух стел.

Остановимся подробнее на двух стелах, обнаруженных в могиле. Длина первой стелы, уложенной в середине могилы, 97 см, ширина 23 см, толщина 10–15 см. В верхней части стелы прослежена характерная скошенность, а чуть ниже ее центра – небольшой уступ. Внизу стела значительно обтесана для более удобной установки. Вторая стела, расположенная у западной стенки могилы, была длиной 88 см, шириной 22–24 см. Толщина основной части стелы 5–7 см, а верхней – до 12 см. Эта стела также имела сверху типичную скошенность. Выше средней части обелиск был переломан, вероятнее всего, в могиле из-за давления внутримогильного грунта. Аналогичным образом почти по середине переломаны в данной могиле и остальные плиты перекрытия, поскольку они имели незначительную толщину. Интерпретации находок двух стел раннескифского времени посвящена отдельная публикация автора [Дашковский, 2014]. Следует также отметить, что наряду с двумя типичными стелами в этом же погребении находился еще стелообразный камень длиной 92 см, шириной 18–22 см. Он так же, как и стела №2, был переломан чуть выше середины из-за давления заполнения грунтом могилы. Однако на таком камне отсутствуют характерные признаки для стел раннескифского времени, поэтому, возможно, он был просто вырублен именно как необходимый элемент перекрытия.

После снятия второго уровня перекрытия из камней и стел на глубине 1,5 м обнаружено погребение человека, который был уложен на правом боку и ориентирован головой на восток. Под черепом выявлено пятно черной краски от окраски волос погребенной. В средней части могилы напротив таза погребенной найдены развал керамического сосуда, ритуальная пища в виде костей барана и железный нож.

Исследованные курганы №1–3 могильника Инской дол и №29 некрополя Чинета-II по признакам погребального обряда имеют аналогии в памятниках пазырыкской культуры Алтая. К числу характерных элементов погребальной обрядности можно отнести следующие: помещение умершего в могиле в скорченном положении на правом боку и ориентация его головой на восток, наличие сопроводительных захоронений лошадей вдоль северной стенки могильной ямы, пятно черной краски под черепом человека и некоторые другие. Немногочисленный погребальный инвентарь и особенности его расположения в могилах исследованного памятника также типичны для пазырыкской культуры IV–III вв. до н.э. [Тишкин, Дашковский, 2003; Кубарев, 1987; 1991; 1992; Кубарев, Шульга, 2007; и др.]. При этом среди предметов сопроводительного инвентаря особого внимания заслуживает железный боевой кинжал длиной 30 см в деревянных ножнах из кургана №29. В памятниках пазырыкской культуры такие предметы встречаются крайне редко [Кубарев, 1987, с. 54–59; Кубарев, Шульга, 2007, с. 74–78]. В большей степени они известны в курганах каменной культуры Алтая, которая испытала сильное сакское влияние [Могильников, 1997; Шульга, Уманский, Могильников, 2009, с. 148, рис. 108; Шульга, 2004; Уманский, Шамшин, Шульга, 2005; и др.]. Кроме того, расположение кургана №29 в северной части могильника Чинета-II вдали от остальных объектов скифского времени, помещение умерших в могиле в вытянутом положении на спине также не совсем характерны для пазырыкской культуры. Указанные признаки заслуживают особого внимания, если учесть, что в этой же долине исследован могильник Ханкаринский дол с классическими признаками погребального обряда и инвентаря, характерных для пазырыкской культуры [Дашковский, 2011].

Дальнейшее изучение курганов на могильниках Инской дол и Чинета-II позволит внести дополнения в культурно-хронологическую атрибуцию памятников скифо-сакского времени Западного Алтая, а также в реконструкцию социальных отношений и мировоззренческих представлений кочевников.

Библиографический список

Дашковский П.К. Предварительные итоги исследования курганов скифского времени на могильнике Ханкаринский дол (Алтай) // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Иркутск, 2011. С. 160–163.

Дашковский П.К. Направления комплексного изучения материалов из курганов скифского времени Северо-Западного Алтая // Древние культуры Монголии и байкальской Сибири: мат. междунар. конф. Улан-Батор, 2012. Т. 2. С. 590–594.

Дашковский П.К. Основные направления изучения памятников древних и средневековых кочевников Чинетинского археологического микрорайона на Алтае // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Барнаул, 2013. С. 187–190.

Дашковский П.К. Стелы и оленные камни из памятников древних кочевников Северо-Западного Алтая // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. Барнаул, 2014. Вып. VII. С. 46–63.

- Кирушин Ю.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. I: Культура населения в раннескифское время. Барнаул, 1997. 232 с.
- Кубарев В.Д. Курганы Уландрыка. Новосибирск, 1987. 302 с.
- Кубарев В.Д. Курганы Юстыда. Новосибирск, 1991. 190 с.
- Кубарев В.Д. Курганы Сайлюгема. Новосибирск, 1992. 220 с.
- Кубарев В.Д., Шульга П.И. Пазырыкская культура (курганы Чуи и Урсула). Барнаул, 2007. 282 с.
- Могильников В.А. Население Верхнего Приобья в середине – второй половине I тысячелетия до н.э. М., 1997. 195 с.
- Тишкин А.А. Погребальные сооружения курганного могильника Бийке и культура населения, оставившего их // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул, 1996. С. 20–54.
- Тишкин А.А. Новые и известные находки каменных stel и изваяний скифского времени на Алтае // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул, 2005. Вып. XIV. С. 171–179.
- Тишкин А.А., Дашковский П.К. Социальная структура и система мировоззрений населения Алтая скифской эпохи. Барнаул, 2003. 430 с.
- Уманский А.П., Шамшин А.Б., Шульга П.И. Могильник скифского времени Рогозиха-I на левобережье Оби. Барнаул, 2005. 204 с.
- Шульга П.И. Могильник скифского времени Локоть-4а. Барнаул, 2003. 204 с.
- Шульга П.И., Уманский А.П., Могильников В.А. Новотроицкий некрополь. Барнаул, 2009. 329 с.

А.М. Илюшин, В.А. Борисов

Кузбасский государственный технический университет им. Т.Ф. Горбунова

СРЕДНЕВЕКОВОЕ ЖИЛИЩЕ НА КОМПЛЕКСЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ ТОРОПОВО-7

С 2008 г. Кузнецкая комплексная археолого-этнографическая экспедиция проводит полевые исследования на комплексе археологических памятников Торопово-7 в долине р. Касьмы на территории Кузнецкой котловины по программе изучения Касьминского археологического микрорайона [Илюшин, 2013, с. 137–142; Илюшин, Бутьян, Борисов, 2012, с. 149–151]. В 2011 г. на раскопе №3 заложенном в северо-западной части памятника было раскопано уникальное по конструкции средневековое жилище. Настоящая работа представляет собой первый опыт описания и культурно-хронологического анализа этого объекта.

До начала полевых исследований на месте раскопа №3 имелась большая западина в виде сильно задернованного округлого котлована диаметром 4 м и глубиной 0,15 м. Раскоп №3 площадью 108 кв. м был заложен над жилищной западиной и прилегающими к ней участками памятника (рис. 1). На раскопе имелся уклон по направлению с востока на запад. Самый большой перепад высот был зафиксирован по южной стенке раскопа, где он составил 0,60 м. В процессе исследования,

зачистки профилей и стенок 16 разбитых квадратов позволили сделать вывод о том, что на всех участках раскопа естественная стратиграфия почвенных слоев одинакова за исключением отдельных элементов, появившихся в связи с жизнедеятельностью людей в их жилищном пространстве. Сверху вниз слои располагаются следующим образом: дерн – 20–25 см; чернозем (культурный слой) – 15–39 см; смешанный слой чернозема и светло-серого суглинка – 0,05–0,12 см; светло-серый суглинок (материк). Первый слой раскопа (0–26 см) оказался стерильным на предмет находок. При исследовании второго слоя (27–52 см) было зафиксировано наибольшее количество артефактов (рис. 1; 2.-1–13) основная масса которых была найдена в центральной части раскопа. Кроме этого, в процессе раскопок 2 слоя и зачистки материковой поверхности в квадратах Б1, Б2, Б3, В1, В2, В3, В4, Г2 и Г3 были зафиксированы 6 грунтовых ям и канавок, которые все вместе представляют собой контур жилища (рис. 1).

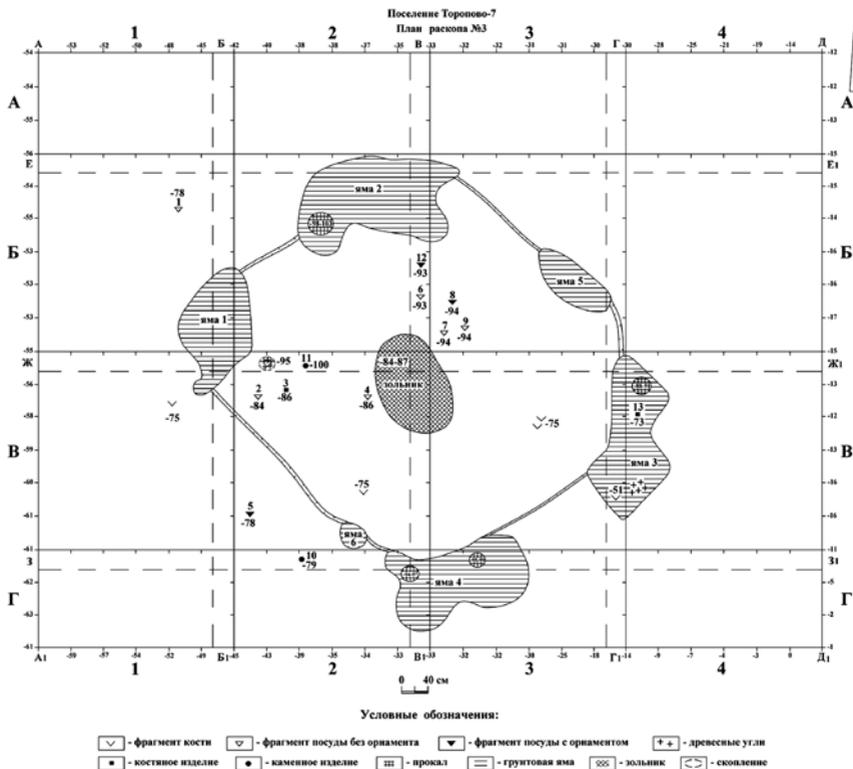

Рис. 1. Комплекс памятников Торопово-7. План раскопа №3 с обозначением месторасположения находок и контура жилища

Яма 1 располагалась в западной части раскопа в пределах четырех квадратов: Б1, Б2, В1, В2 (рис. 1) и представляла собой овальную грунтовую яму неправильной формы, длинной осью вытянутую по линии ЮЮЗ–ССВ. Ее размеры – 1,97х1,12 м, а глубина 0,1 м. Заполнение ямы представляет собой темно-серую супесь. При разборке заполнения и зачистке в яме были найдены 9 фрагментов костей животных.

Яма 2 располагалась в северной части раскопа в пределах квадратов Б2 и Б3 (рис. 1) и представляла собой овальную яму неправильной формы, длинной осью вытянутую по линии ЮЗ–СВ. Ее размеры – 2,58х1,27 м, а глубина 0,15 м. В юго-западной части грунтовой ямы 2 на глубине 0,98–1,03 м был зафиксирован прокол от воздействия огня, который имел округлую форму диаметром 0,37 м. Заполнение ямы представляет собой темно-серую супесь. При разборке заполнения и зачистки в центральной части ямы были найдены одним скоплением 9 обработанных костяных заготовок для домашнего производства костяных предметов, а в заполнении и на дне ямы в разных местах – 10 фрагментов костей животных (рис. 2.-14–22).

Яма 3 располагалась в юго-восточной части раскопа в пределах квадратов В2 и В3 (рис. 1) и представляла собой овальную грунтовую яму неправильной формы, длинной осью вытянутую по линии ССВ–ЮЮЗ. Ее размеры – 2,52х1,23 м, а глубина 0,16 м. В северо-восточной части грунтовой ямы на глубине 0,88–0,91 м был зафиксирован прокол от воздействия огня округлой формы диаметром 0,28 м. Заполнение ямы представляет собой темно-серую супесь. При разборке заполнения и зачистке в яме были найдены 9 фрагментов костей животных.

Яма 4 располагалась в южной части раскопа в пределах квадратов В3, Г2 и Г3 (рис. 1). Она представляла собой овальную грунтовую яму неправильной формы, длинной осью вытянутую по линии ЗЮЗ–СВВ. Ее размеры – 2,11х1,09 м, а глубина 0,14 м. В северо-западной и северо-восточной частях грунтовой ямы 4 на глубине 0,94–0,97 м и 0,95–0,99 м были зафиксированы два прокала от воздействия огня округлой формы диаметром 0,29 м и 0,24 м. Заполнение ямы представляет собой темно-серую супесь. При разборке заполнения и зачистки в яме были найдены 6 фрагментов костей животных.

Яма 5 располагалась в северо-восточной части раскопа в пределах квадрата Б3 (рис. 1) и представляла собой овальную грунтовую яму, длинной осью вытянутую по линии СЗ–ЮВ. Ее размеры – 1,03х0,52 м, а глубина 0,11 м. Заполнение ямы представляет собой темно-серую супесь. При разборке заполнения и зачистки в центральной части грунтовой ямы на глубине 0,95 м были найдены 3 древесных уголька, а в северо-западной и юго-восточной частях – 2 фрагмента костей животных.

Яма 6 располагалась в южной части раскопа в пределах квадрата В2 (рис. 1) и представляла собой овальную грунтовую яму, длинной осью вытянутую по линии СЗ–ЮВ. Ее размеры – 0,46х1,42 м, а глубина 0,10 м. Заполнение ямы представляет собой темно-серую супесь. При разборке заполнения и зачистки в яме ничего найдено не было.

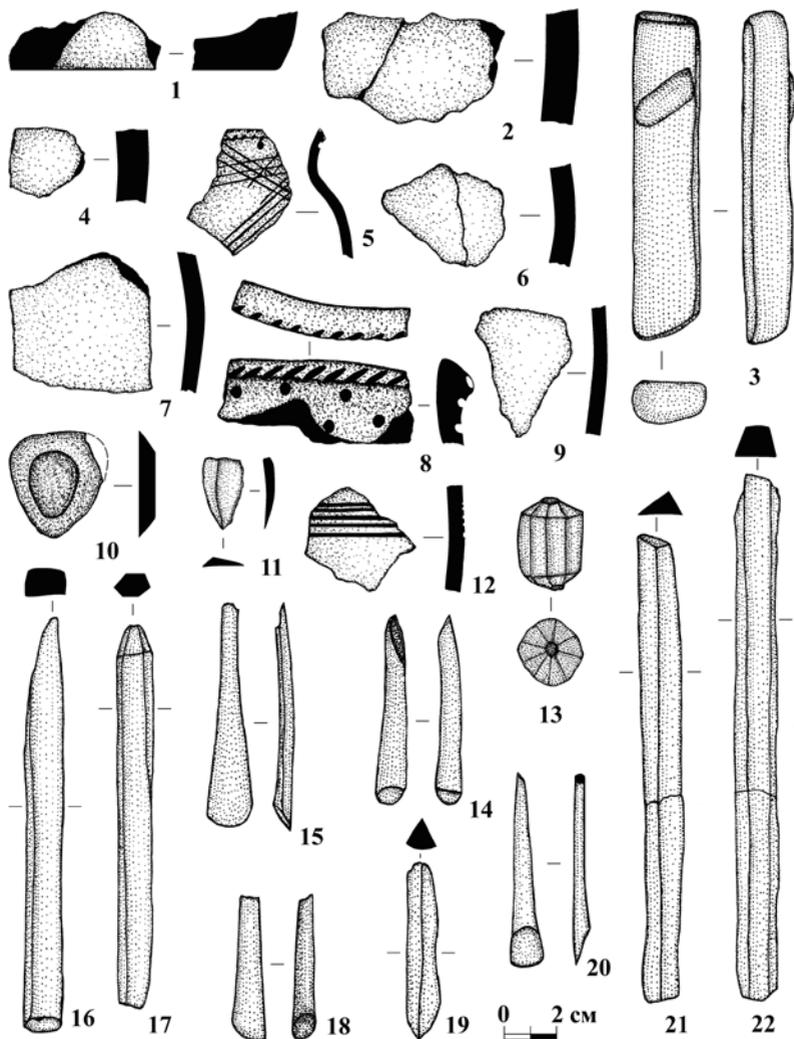

Рис. 2. Комплекс памятников Торопово-7. Находки из раскопа №3:
 1, 2, 4-9, 12 – фрагменты посуды; 3 – оселок; 10, 11 – скребки;
 13 – фрагмент веретена; 14-22 – заготовки; 1, 2, 4-9, 12 – керамика;
 3, 10, 11 – камень; 13-22 – кость; 1-13 – 2 слой раскопа; 14-22 – яма №2

Все шесть грунтовых ям были соединены между собой канавками, которые представляли собой углубления в материке шириной 0,08-0,15 м и глубиной 0,08-0,14 м (рис. 1). Заполнение канавок пред-

ставляет собой темно-серую супесь. Эти канавки имеют искусственное происхождение и отличаются от мерзлотных трещин.

В целом канавки и грунтовые ямы после зачистки позволили оконтурить жилое пространство исследуемого жилища (рис. 1), что позволяет считать их деталями его конструкции.

Жилище располагалось в центральной части раскопа в квадратах Б1, Б2, Б3, В1, В2, В3, В4, Г2 и Г3 (рис. 1). Оно представляло собой подчетыреугольную площадку с заovalенными углами, длинной осью ориентированную по линии СЗ–ЮВ и углами по сторонам света. Размеры жилища по длинной оси и его перпендикуляру в центральной части составляют 5,44x5,05 м. Общая площадь жилища – приблизительно 27,5 кв. м. Отсутствие жилищного котлована на уровне материка и следов ямок для установки опор позволяет предполагать, что жилище представляло собой наземную постройку. Деревянный сруб или какой-либо другой конструкции жилище было установлено на древней дневной поверхности и (или) слегка было углублено в слой дерна и чернозема. Внутреннее пространство жилища четко ограничивается системой грунтовых ям и канавок (рис. 1). Канавки сооружены вдоль северо-западной, северо-восточной, юго-западной и юго-восточной стен, ямы 1–4 располагаются по углам жилища, а ямы 5 и 6 – на северо-восточной и юго-западной канавках. Причем канавки в отдельных случаях прослеживаются и по дну грунтовых ям. Ямы 1–4, расположенные по углам жилища, вероятно, имели хозяйственное назначение (использовались для хранения заготовок и обогрева жилища). Об этом свидетельствуют следы прокалов в них, а также находки древесных углей и костяных заготовок. Ямы 5 и 6, расположенные на линии СВ–ЮЗ, стенок жилища позволяют предположить, что это следы входа в него. В центре жилища на глубине 0,84–0,87 м зафиксирован зольник. Он имел форму овала, вытянутого длинной осью по линии ССЗ–ЮЮВ. Его размеры 1,98x1,16 м. Зольник располагался на дне жилища. Дно жилища представляло собой глиняную линзу желтого цвета толщиной 0,04–0,24 м на глубине 0,87–1,11 м, фиксируемую на всем оконтуренном ямами и канавками внутреннем пространстве. Наибольшая толщина этой линзы была в центральной и юго-восточной части жилого пространства. С учетом наклона дневной поверхности раскопа можно предполагать, что желтую глину использовали в качестве выравнителя для земляного пола. Место и глубина расположения предметов и фрагментов костей животных, найденных и зафиксированных во втором слое раскопа (рис. 1; 2.-1–22), позволяет предполагать, что все они входят в культурный слой исследуемого жилища. При этом обращает на себя внимание малое количество находок и фрагментов костей животных как в раскопе, так и самом жилище, что свидетельствует о соблюдении санитарных норм его жителями.

Найденный в раскопе №3 комплекс предметов материальной культуры (рис. 2.-1–22) имеет аналогии в культуре кыпчакского населения развитого средневековья Кузнецкой котловины и сопредельных территорий. Срезы венчиков керамической посуды (рис. 2.-5, 8) обращены наружу, а по их внешней кромке нанесены гладкие наклонные насечки, а под венчиком в зоне шейки нанесены ямки, что характерно для керамической посуды начала II тыс. н.э. [Адамов, 2000, с. 29–37; рис. 108; 109; Илюшин, 2005, табл. 9.-100–103, 106–112; 10.-25–35; 16.-65, 66; Ширин, 2004, с. 86, рис. 4; 5; 6; и др.]. Брусковидный каменный оселок (рис. 2, 3) является частой находкой в кыпчакских могилах Кузнецкой котловины [Илюшин, 2012, с. 45, рис. 47.-5; Ширин, 2004, рис. 8.-1; и др.]. Уже этот небольшой набор признаков закрытого предметного комплекса (рис. 2.-1–22) позволяет сделать предварительный вывод о том, что раскопанное жилище относится к периоду развитого средневековья (шандинская археологическая культура XI–XIV вв. н.э.) и представляет собой ранее не известную форму жилища эпохи средневековья на территории Кузнецкой котловины.

Библиографический список

Адамов А.А. Новосибирское Приобье в X–XIV вв. Тобольск; Омск, 2000. 256 с.

Илюшин А.М. Этнокультурная история Кузнецкой котловины в эпоху средневековья. Кемерово, 2005. 240 с.

Илюшин А.М. Касьминский археологический микрорайон и результаты раскопок на Торопово-7 // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края: мат. XVIII и XIX регион. науч.-практ. конф. Барнаул, 2013. С. 137–142.

Илюшин А.М., Бутьян В.А., Борисов В.А. Исследования Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции в 2011 году // Вестник Кузбасского государственного технического университета. 2012. №2. С. 142–152.

Ширин Ю.В. Городище Городок и его окрестности в древности // Кузнецкая старина. Новокузнецк, 2004. Вып. 6. С. 69–112.

К.Ю. Кирюшин

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

КОСТИ СО СЛЕДАМИ ОБРАБОТКИ В МАТЕРИАЛАХ ПАМЯТНИКА ЭНЕОЛИТА НОВОИЛЬИНКА-III (Северная Кулунда)

Работа выполнена при финансовой поддержке РФНФ
(проект №12-01-00340а «Комплексный анализ планиграфии, стратиграфии
и археологических коллекций поселения Новоильинка-III»)

Поселение Новоильинка-III находится в Хабаровском районе Алтайского края, в 8 км к западу от с. Новоильинка, в южной части небольшой

возвышенности, образованной старицей р. Бурла. Территория археологических работ относится к провинции степей Западно-Сибирской низменности, подпровинции Кулундинской степи. Район является переходным к лесостепи и рассматривается сейчас как вторично-степной. В 2005–2012 гг. на памятнике Новоильинка-III исследовано 560 кв. м. Даже первые исследования на небольшой площади позволили сформировать значительный корпус источников, анализ которого крайне важен для реконструкции этнокультурных процессов на территории края в IV–III тыс. до н.э. [Кирюшин, Ситников, 2013]. По костям животных с памятника Новоильинка-III получена серия радиоуглеродных дат: 4270 ± 170 л.н. (Je-7534), 4585 ± 170 л.н. (СОАН-8318), 4310 ± 110 л.н. (СОАН-8319), 4250 ± 120 л.н. (СОАН-8320). Калибровка этих дат почти на тысячу лет удревает время формирования культурного слоя этого поселения. Максимальный разброс по сигме 1 (68,2% probability) составил интервал от 3650–3600 BC до 2650–2630 BC. Максимальный разброс по сигме 2 (95,4% probability) составил интервал от 3700–2850 BC до 3500–2400 BC [Кирюшин, Ситников, 2013]. Материалы памятника относятся к энеолиту. Причем, судя по полученным материалам, памятник относится к концу этого переходного периода – к рубежу энеолита и ранней бронзы [Кирюшин, Силантьева, Ситников и др., 2013].

В 2005–2012 гг. в процессе археологических раскопок получено в общей сложности 26423 костных остатка. В результате исследования остеологических коллекций выделена группа костей животных, на которых имеются следы искусственного происхождения. Костный материал отличается весьма плохой субэаральной сохранностью, многие кости разрушены в супесчаном слое до почти неузнаваемого состояния. В некоторых случаях возникают сомнения по поводу их искусственного образования, но, несмотря на это, выделяется коллекция костей, на которых несомненны следы деятельности человека.

В этой коллекции выделяются два костяных орудия (рис. 1.-1, 2), искусственное происхождение которых не вызывает сомнений. Изделия выполнены из обломков диафиза плюсневой кости коней. Между этими орудиями существуют небольшие различия: рабочая кромка у одного асимметричная округлая (условно можно сравнить с латинской буквой «U»), а продольные края параллельные (рис. 1.-1), а у второго края конвергентные (рабочую кромку можно сравнить с буквой «V») (рис. 1.-2). Однако эти различия могут быть связаны с тем, что у первого орудия более заметны следы утилизации. На рабочей кромке имеются заглаженные выбоины, следы заломов (рис. 1.-1), на внутренней поверхности продольного края с одной стороны заметны следы погрызов мелких грызунов, а с другой – выбоины и заломы, подправленные подшлифовкой (рис. 1.-1). Создается впечатление, что одно из изделий представляет новое орудие (рис. 1.-2), а второе сильно сработанное и неоднократно подправленное (рис. 1.-1).

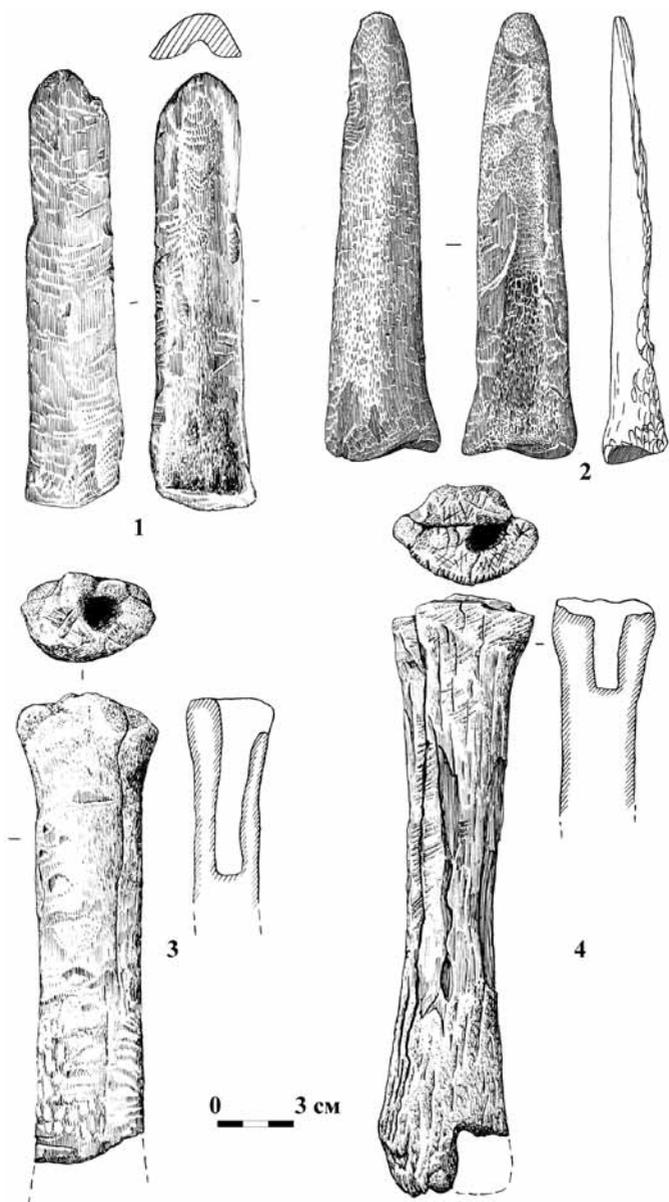

Рис. 1. Поселение Новоильинка-III: 1–2 – орудия из костей коней; 2–4 – заготовки орудий из костей коней (1, 2 – часть диафиза – верхнего конца плюсневой кости, 3 – пястная без нижнего конца, 4 – неполная пястная кость)

Две пястные кости с обломанными нижними концами с глухими отверстиями суставных поверхностях (рис. 1.-3, 4), по-видимому, являются заготовками подобных изделий. Эти два артефакта, имеющиеся в нашем распоряжении, по-видимому, отражают начальный этап в процессе изготовления орудий подобно описанному выше. По нашему мнению, отверстие в суставной части (на сочлененной поверхности) выполнено для последующего раскалывания кости, но плоскость расщепления пошла не так, как планировал древний мастер, и эти заготовки были забракованы.

Подобные изделия из кости или рога достаточно часто встречаются в материалах неолита, энеолита и ранней бронзы Северной Евразии. В археологической литературе не сложилось устойчивой типологии этих артефактов.

Для обозначения двух подобных изделий, найденных на поселении эпохи ранней бронзы в Алейской степи Березовая Лука, Ю.Ф. Кирюшин, С.П. Грушин, А.А. Тишкин [2011, с. 57, фото 7, рис. 37.-6] используют термин «копьевидное орудие». Орудие, приведенное на рисунке и фотографии [Кирюшин, Грушин, Тишкин, 2011, фото 7, рис. 37.-6], является практически идентичным изделиям, найденным на поселении Новоильинка-III. Авторы отмечают, что они могли применяться при земляных орудиях или в качестве пешни [Кирюшин, Грушин, Тишкин, 2011, с. 57].

Представительная серия похожих артефактов (7 экз.) встречена в погребениях кротовской культуры могильника эпохи ранней бронзы Сопка-2 [Молодин, 1985, с. 51; рис. 25.-1-7]. В.И. Молодин [1985, с. 51] называет их кинжалами. Стоит отметить, что одно изделие сильно отличается от обнаруженных на поселении Новоильинка-III [Молодин, 1985, рис. 25.-5]. У этого кинжала на месте рукояти просверлено отверстие для подвешивания [Молодин, 1985, с. 51; рис. 25.-5]. Зато три орудия [Молодин, 1985, рис. 25.-2, 3, 7] практически идентичны новоильинским. Вячеслав Иванович считает, что это орудия универсального назначения [Молодин, 1985, с. 51].

В принципе, аналоги подобным изделиям известны на широкой территории: от Украины, Молдавии и Русской Равнины [Черныш, Мерперт, табл. LXXXV.-15, 18; Гурина, Крайнов, 1996, рис. 56.-44, 53], вплоть до Забайкалья [Лбова, Жамбалгарова, Конев, 2008 рис. 16, 17.-1; рис. 52.-3; 64.-9], и от неолита до раннего бронзового века. Стоит отметить, что в эпоху энеолита и бронзы количество таких изделий по сравнению с предшествующим периодом резко увеличивается.

Не отрицая, что орудия, обнаруженные на поселении Новоильинка-III, могли использоваться как пешни (орудия для пробивания проруби во льду), что они могут иметь универсальное назначение, нам более вероятной кажется точка зрения, что это орудия для обработ-

ки почвы. Можно даже предположить, что они предназначались для выкапывания корней, луковиц или клубней. В 2012 г. на поселении Новоильинка-III проводились комплексные почвенные, фитолитные и археоботанические исследования [Кирюшин, Силантьева, Дядьков и др., 2012]. Эти исследования позволили выяснить некоторые особенности стратиграфии памятника. В разрезах хорошо фиксировались следы распашки, направление которой совпадало с полосами на геомагнитной съемке, выполненной в 2012 г. М.М. Силантьевой было сделано заключение, что в 70–80-е гг. XX в. на этой территории в промышленных масштабах заготавливали корень солодки [Кирюшин, Силантьева, Дядьков и др., 2012]. Для этого землю вспахивали, переворачивали пласты земли и из них доставали корень растения. Корень солодки используется как лекарственное средство и в кулинарии как заменитель сахара. Не исключено, что свойства этого растения были известны и древнему населению. Кроме корня солодки, древнее население Кулунды могло использовать подобные орудия для выкапывания корней самых разных растений как лекарственных (например, кровохлебка), так и съедобных (зопник клубненосный, лобазник степной, гусиный лук и т.д.).

В остеологических коллекциях обнаружены кости коней (около 40 артефактов), на которых имеются отверстия и ямки, функциональное назначение которых не поддается объяснению. Отверстия и углубления (ямки) встречаются на крупных трубчатых костях (рис. 2), на запястных костях (рис. 3).

Как мы уже отмечали, сохранность кости плохая. В результате деструктивных процессов невозможно трасологическое исследование артефактов. По мнению специалистов (ботаники и биологи АлтГУ), осмотревших эти предметы в процессе археологизации, эти отверстия и «ямки» могли быть частично повреждены корнями растений и личинками насекомых. Однако воздействие на кость ни в первом случае, ни во втором не могло привести к образованию отверстий и «ямок».

Коллекции памятника Новоильинка-3 осматривали С.К. Васильев, П.А. Косинцев, Л.Л. Гайдученко, имеющие большой опыт изучения остеологических коллекций с археологических памятников Северной Евразии на огромной территории и в широком хронологическом диапазоне. По их устному сообщению, с подобными следами естественного происхождения они не сталкивались. Практическое назначение отверстий и «ямок» нам не известно. Попытки найти аналогии в археологической или этнографической литературе не увенчались успехом. В некоторых случаях можно говорить только об отдаленных аналогиях.

Остается надеяться, что статья привлечет внимание специалистов, которые помогут в решении обозначенных задач.

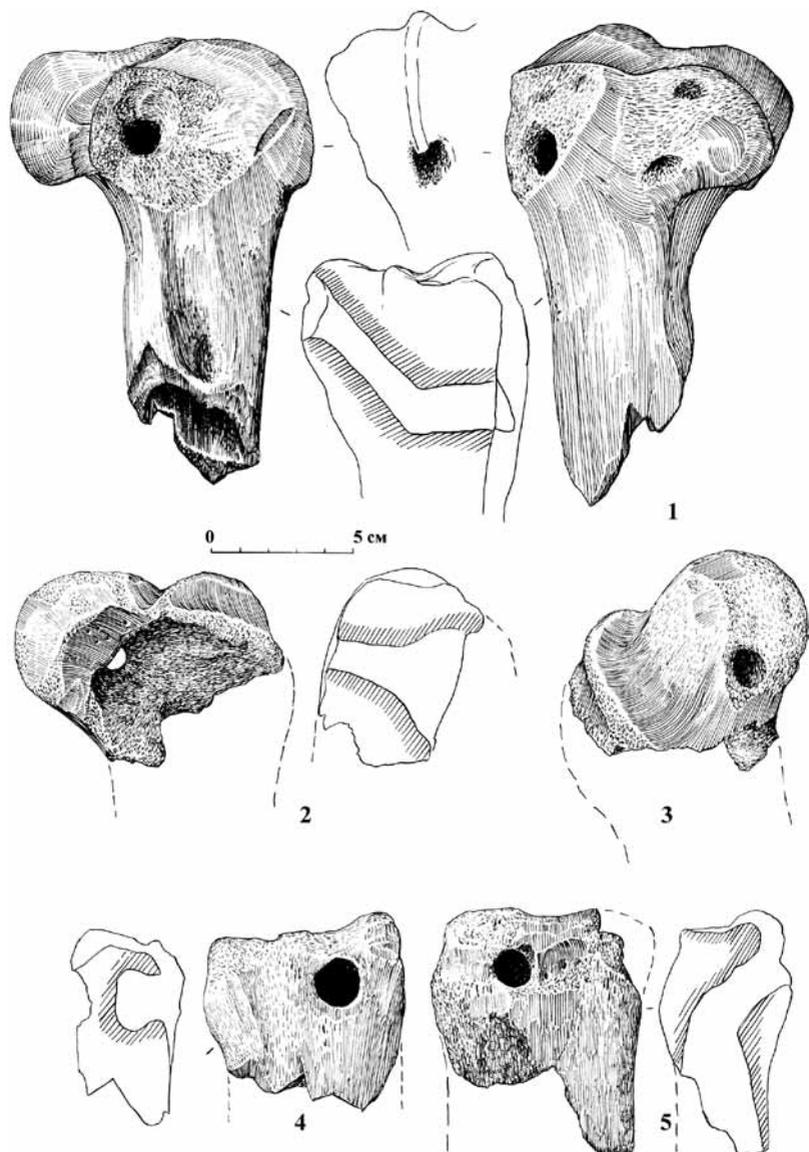

Рис. 2. Поселение Новоильинка-III: 1-5 – крупные трубчатые кости конеч с отверстиями и углублениями (1 – бедренная кость, нижняя треть, 2, 3 бедренная кость. Обломки нижнего конца. 4, 5 – лучевая кость. Обломки нижнего конца)

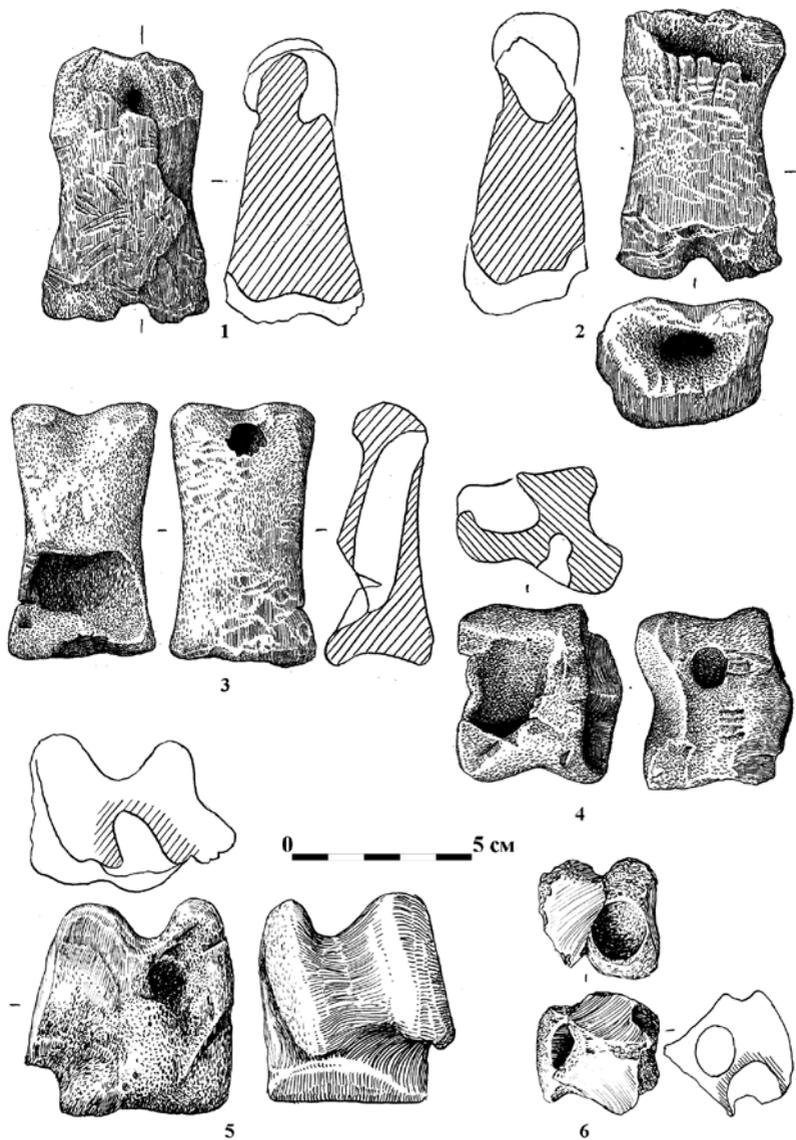

Рис. 3. Поселение Новоильинка-III: 1–6 – запястные кости коней с отверстиями и углублениями (1–3 – первая фаланга, 4 – вторая фаланга, 5 – астрагал, 6 – позвонок)

Библиографический список

Васильев С.К., Кирюшин К.Ю., Ситников С.М., Семибратов В.П. Фаунистические остатки из поселения Новоильинка-3 (по материалам раскопок 2010 года) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2011. Т. XVII. С. 147–151.

Гурина Н.Н., Крайнов Д.А. Льяловская культура // Неолит Северной Евразии. М., 1996. С. 173–180.

Кирюшин К.Ю., Ситников С.М. Исследование поселения Новоильинка-III в 2012–2013 годах // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: мат. итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2013 г. Новосибирск, 2013. Т. XIX. С. 207–211.

Кирюшин К.Ю., Силантьева М.М., Дядьков П.Г., Михеев О.А., Позднякова О.А. Магнитометрические и ботанические исследования на поселении Новоильинка-III в 2012 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: мат. итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2012 г. Новосибирск, 2012. Т. XVIII. С. 184–188.

Кирюшин К.Ю., Силантьева М.М., Ситников С.М., Семибратов В.П., Соломонова Н.Ю., Сперанская Н.Ю. Археоботанические и фитолитные исследования на поселении Новоильинка-3 (Северная Кулунда) // Вестник Томского государственного университета. Сер.: История. 2013. №4(24). С. 10–14.

Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П., Тишкин А.А. Березовая Лука – поселение эпохи бронзы в Алейской степи: монография. Барнаул, 2011. Т. II. 171 с.

Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск, 1985. 200 с.

Черныш Е.К., Мерперт Н.Я. Памятники позднего периода культуры Триполье-Кукутени // Энеолит СССР. М., 1982. С. 213–219.

К.Ю. Кирюшин, Я.В. Фролов, А.А. Редников

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

ПОСЕЛЕНИЕ БОЙНИХА-1 – ПАМЯТНИК НЕОЛИТА И РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА БАРНАУЛЬСКОГО ПРИОБЬЯ

Работа выполнена при поддержке гранта Министерства образования и науки РФ (постановление №220), полученного ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет» проект №2013-220-04-129 «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии». Опубликовано при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации в рамках базовой части государственного задания в сфере научной деятельности ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет» (проект 1006)

В мае 2013 г. сотрудниками НПЦ «Наследие» и Алтайского государственного университета проводились работы по мониторингу объектов археологического наследия Первомайского района Алтайского края.

Одна из задач исследований состояла в определении географических координат грунтового могильника Тузовские Бугры-1 и комплекса памятников Чернявские Бугры.

Поселение Бойниха находится в 4,6 км к юго-юго-западу от юго-западной окраины, в 0,5 км к северо-востоку от базы отдыха на протоке Кашкарагаиха и в 3,2 км к юго-западу от моста через р. Аничиха на дороге с. Рассказиха – п. Малая Речка. За мостом через р. Аничиху от проселочной ответвляется грунтовая дорога, которая идет через лес к базе отдыха, расположенной на левом берегу Бойнихи. Хорошим ориентиром служит мост через Бойниху. Дорога к базе проходит по песчаной гриве, которая на несколько метров возвышается над поймой (с правой стороны) и небольшими старицами пойменного происхождения (с левой стороны).

На правом берегу Бойнихи по дороге к базе отдыха сделаны сборы керамики и каменных артефактов. На площади памятника можно выделить два пункта.

Пункт 1 находится в 75 м к северо-востоку от моста через Бойниху. Справа от дороги, ведущей к базе отдыха, находится небольшой карьер, грунт из которого использовался для сооружения мостового перехода через Бойниху. Дно выемки карьера затоплено водой. Коллекция собранных в пункте 1 артефактов составляет 30 экз., 22 из которых представляют развал от крупного чашевидного сосуда (блюда), относящегося к концу эпохи раннего железа – фоминской культуре (рис. 1.-1). Также похожие сосуды характерны для майминской культуры. Кроме этого, здесь обнаружен фрагмент венчика сосуда, орнаментированный рядом жемчужника с разделениями в виде отпечатков уголка округлой лопаточки, который можно отнести к староалейской культуре (рис. 1.-2). Найденные в пункте 1 неорнаментированные венчик и фрагмент днища сосуда также, вероятно, можно связать периодом раннего железа.

Несколько фрагментов керамики датируются более ранним временем. Фрагмент стенки и венчик сосуда украшены прочерченным орнаментом и рядами ямок (рис. 1.-3, 4). У венчика сосуда на внутренней поверхности имеются вдавления, орнаментированные отпечатками гребенчатого штампа (рис. 1.-4). Аналоги подобной керамики имеются в материалах поселения раннего энеолита Северной Кулунды Новоильинка-VI [Кирюшин, 2013, с. 204, рис. 1.-7]. Один фрагмент стенки сосуда украшен угловыми вдавлениями палочки (рис. 1.-5). Датировать этот фрагмент в силу его фрагментарности очень сложно, но стоит отметить, что подобный орнамент встречен в материалах культурного горизонта три-А поселения Тыткескень-VI, который относится к развитому неолиту и датируется второй половиной V тыс. до н.э. (некалиброванная дата СОАН-6763 6200±210 лет) [Кирюшин, Кирюшин, Семibrатов, 2013, с. 133–135, рис. 1.-11–13].

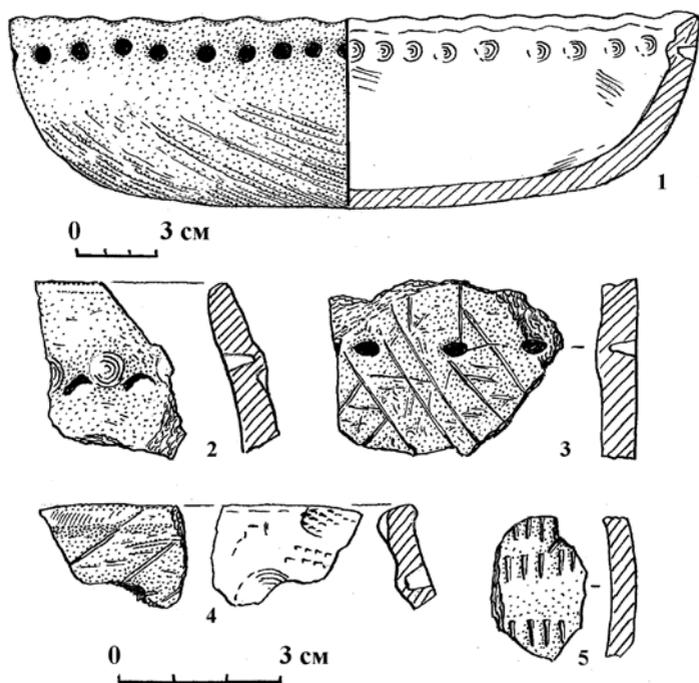

Рис. 1. Поселение Бойниха. Пункт 1: 1–5 – керамика

Кроме керамики в пункте 1 обнаружен абразив, выполненный на крупной гальке.

Пункт 2 находится в 200–450 м к северо-востоку от моста через Бойниху. Вдоль дороги, идущей от трассы к базе отдыха, на протяжении 250 м собраны фрагменты керамики, каменные изделия и отходы каменной индустрии. Коллекция собранных в пункте 2 артефактов составляет 111 экз., из которых 27 экз. – неорнаментированные фрагменты керамики размерами от 1х1 до 3х3 см.

Шесть фрагментов стенок сосудов и один венчик украшены угловыми вдавлениями палочки (рис. 2.-1, 2). По срезу венчика имеются насечки (рис. 2.-1). Под срезом венчика проходят две параллельные линии, выполненные отступающей палочкой с элементами накальвания (рис. 2.-1). Визуально в сломках сосудов прослеживаются следы органики. Очень похоже, что в тесто сосудов добавлен волос животных. Аналогичная традиция прослеживается в материалах поселения Тыткескень-II от раннего до финального неолита [Кирюшин, Кирюшин, Глушков, 2012] и в материалах развитого неолита поселения Тыткескень-VI [Кирюшин, Кирюшин, Семибратов, 2013].

Датировать эти фрагменты сложно из-за их фрагментарности. Как мы уже отмечали, подобный орнамент в виде насечек, нанесенных углом палочки, встречается в материалах развитого неолита поселения Тыткескень-VI [Кирюшин, Кирюшин, Семибратов, 2013, с. 133–135, рис. 1.-11–13]. У венчика сосуда (рис. 2.-1), насечки сочетаются с рядами отступающей палочки, подобный орнаментальный прием достаточно широко распространен на памятниках Обь-Иртышского междуречья от эпохи неолита [Молодин и др., 2012; Молодин и др., 2013] до финального энеолита [Кирюшин, Ситников, 2013]. Стоит отметить, что в материалах ритуально-погребального комплекса неолита Венгерово-2 имеется сосуд, орнаментированный в технике отступающей палочки, у которого в самой широкой части сосуда расположен горизонтальный ряд парных оттисков угла лопаточки [Молодин и др., 2012, с. 117, рис. 2.-1]. Можно отметить, что имеющийся в нашем распоряжении фрагмент отличается от керамики из Венгерово-2, но в сочетании орнаментов просматриваются некоторые аналогии, которые могут свидетельствовать о хронологической и культурной общности материалов. По погребальному комплексу памятника Венгерово-2 получены две даты по $^{14}\text{C cal BC}$: CO AH-8738 – 5363–5001 гг. до н.э. и CO AH-8739 – 5358–4864 гг. до н.э. [Молодин и др., 2012, с. 121]. Калибровка даты COAH-6763 6200 ± 210 лет для культурного горизонта три-А поселения Тыткескень-VI дает близкие результаты – $^{14}\text{C cal BC}$: COAH-6763 – 5400–4850 гг. до н.э. (68,2% probability) и 5600–4600 гг. до н.э. (95,4% probability). Видимо, можно сделать вывод, что обнаруженная керамика синхронна материалам развитого неолита поселения Тыткескень-VI и погребально-поминальному комплексу Венгерово-2. Говорить о культурной принадлежности материалов преждевременно, но к этому вопросу можно будет вернуться после проведения дополнительных исследований планиграфии и стратиграфии памятника.

Шесть фрагментов стенок (рис. 2.-5–7, 9) и один венчик (рис. 2.-4) орнаментированы в отступающе-накользящей технике. В двух случаях ряды отступающей палочки с элементами накалывания разделены горизонтальными рядами ямок (рис. 2.-4, 6). Наиболее выразителен фрагмент керамики, у которого срез венчика украшен насечками (рис. 2.-4), а верх венчика декорирован прочерченным волнистым орнаментом, ниже линии выполнены отступающей палочкой с элементами накалывания. Ряды ямок образуют горизонтальные линии (рис. 2.-1).

В двух случаях орнамент выполнен уголком палочки или лопаточки (рис. 2.-7, 9). В результате эти фрагменты очень близки описанным выше (рис. 1.-5; 2.-1, 2), различия только в том, что в этом случае отпечатки штампа более плотно прилегают друг к другу и создают сплошные горизонтальные линии (рис. 2.-7, 9). Хотя стоит признать, что материал очень фрагментарный и по мере его накопления некоторые выводы могут быть скорректированы.

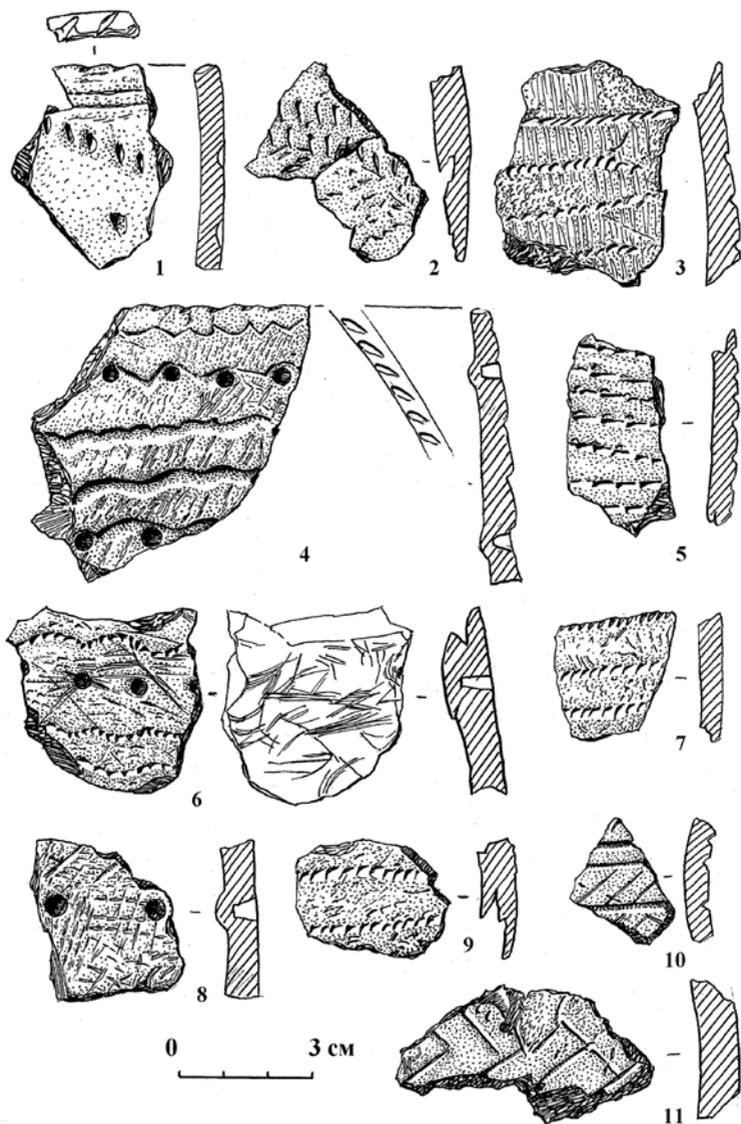

Рис. 2. Поселение Бойниха. Пункт 2: 1-11 – керамика

Два фрагмента стенок орнаментированы ложношнуровым орнаментом. У одного сосуда поверх ложношнурового орнамента нанесены ряды диагональных прочерченных линий и ряды ямок (рис. 2.-8).

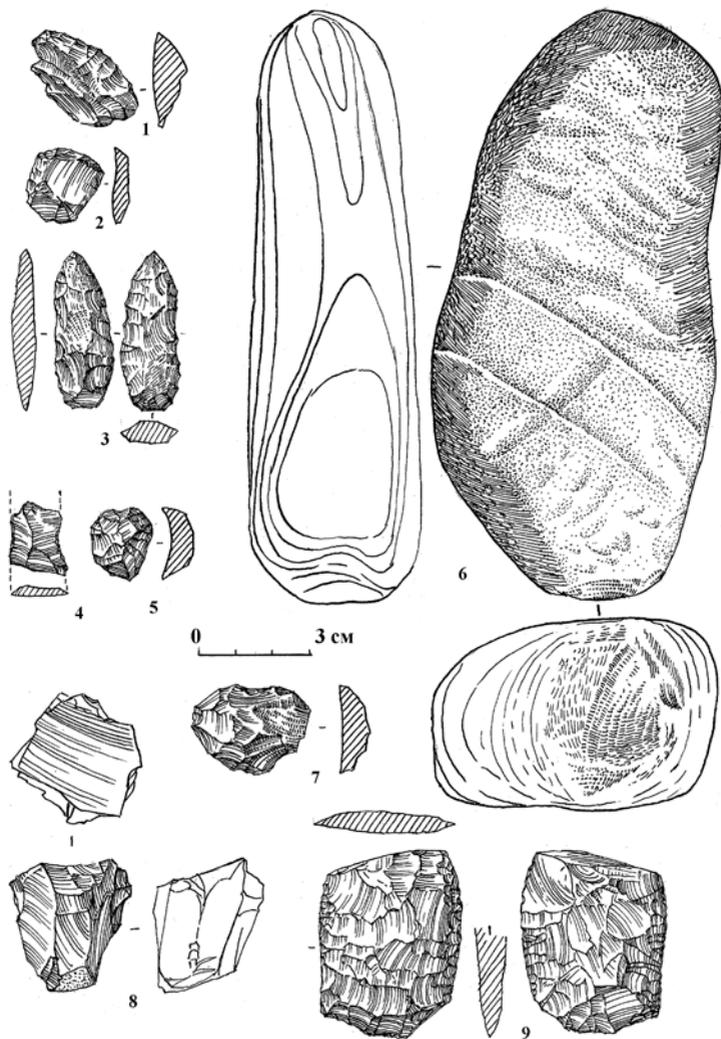

Рис. 3. Поселение Бойниха. Пункт 2: 1–9 – камень

Керамика, орнаментированная в отступающе-накольчатой технике, находит аналоги в материалах памятников энеолита Северной Кулунды Новоильинка-III и Новоильинка-VI [Кирюшин, 2013; Кирюшин, Ситников, 2013]. Подобная керамика имеет много общего с посудой «кипринского типа» с территории Верхнего Приобья [Кирюшин, 2002; Молодин, 1977]. Как ранее отмечалось одним из авторов [Кирюшин, Силантьева,

Ситников и др., 2013], у керамики «кипринского» типа прослеживается широкий круг аналогов в материалах поселений неолита-энеолита Юго-Западного Алтая [Кирюшин, Клюкин, 1985] и Барабы [Молодин, 1985]. Мы считаем, что керамика поселения Бойниха-I, орнаментированная рядами отступающей палочки с элементами накаливания разделенными рядами наколов, и посуда поселений Новоильинка-III, Новоильинка-VI и Киприно (кипринский тип) принадлежат к единой культурной традиции.

Три фрагмента керамики, декорированные прочерченным (рис. 2.-11) и гребенчатым орнаментом, образующим ряды елочки, и один украшенный горизонтальными рядами прочерченных линий и сеточки (рис. 2.-10), по-видимому, относятся к эпохе развитой или даже поздней бронзы.

Коллекция каменных артефактов насчитывает 64 экз., из них 49 экз. это отходы производства – чешуйки и мелкие отщепы. Продукты первичного расщепления представлены пренуклеусом (рис. 3.-8) и пластинчатым отщепом. Орудийный набор представлен 13 экз., из которых 4 скребка (рис. 3.-1, 2, 5, 7), четыре отщепа с ретушью, отбойник (рис. 3.-6), обломок наконечника стрелы и один целый наконечник (рис. 3.-3), медальный фрагмент средней пластины с ретушью (рис. 3.-4). Все эти материалы можно датировать только в широком интервале – неолит-энеолит. Бросается в глаза какая-то «небрежность» в оформлении изделий (заломы на рабочей поверхности и несимметричность орудий (рис. 3.-3), и т.д.). Подобное характерно для каменных индустрий эпохи энеолита [Кирюшин, Кирюшин, 2008, с. 88–89]. На общем фоне выделяется обломок каменного орудия (рис. 3.-9), скорее всего ножа. Изделие отличается тщательность обработки. Вся его поверхность обработана покрывающей модифицирующей ступенчатой стелющейся ретушью. Подобные изделия, ножи, или, как называют их некоторые исследователи, «каменные клинки», распространены в неолите и энеолите.

Подводя итоги, стоит отметить, что на территории Первомайского района Алтайского края выявлен новый памятник – поселение Бойниха-1, на котором наибольший интерес представляет комплекс неолита – энеолита. На этом объекте археологического наследия необходимо проведение раскопок с целью изучения планиграфии и стратиграфии памятника.

Библиографический список

Кирюшин К.Ю., Кирюшин Ю.Ф., Глушков И.Г. Использование волоса животных в гончарной традиции неолитических комплексов поселения Тыткескень-2 // Археология, этнография и антропология Евразии. 2012. №4 (52). С. 41–50.

Кирюшин К.Ю., Кирюшин Ю.Ф., Семибратов В.П. Керамический комплекс горизонта три-А поселения Тыткескень-VI // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии: сб. науч. ст. Барнаул, 2013. С. 133–137.

Кирюшин К.Ю. Поселение Новоильинка-VI – новый памятник энеолита Кулунды // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: мат. итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2013 г. Новосибирск, 2013. Т. XIX. С. 202–206.

Кирюшин К.Ю., Ситников С.М. Исследование поселения Новоильинка-III в 2012–2013 годах // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: мат. итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2013 г. Новосибирск, 2013. Т. XIX. С. 207–211.

Кирюшин К.Ю., Силантьева М.М., Ситников С.М., Семибратов В.П., Соломонова Н.Ю., Сперанская Н.Ю. Археоботанические и фитолитные исследования на поселении Новоильинка-3 (Северная Кулунда) // Вестник Томского государственного университета. Сер.: История. 2013. №4(24). С. 10–14.

Кирюшин К.Ю., Кирюшин Ю.Ф. Культурно-хронологические комплексы поселения Тьткескень-2 (итоги работ 1988–1994 гг.). Барнаул, 2008. 336 с.

Кирюшин Ю.Ф. Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири. Барнаул, 2002. 293 с.

Кирюшин Ю.Ф., Клюкин Г.А. Памятники неолита и бронзы Юго-Западного Алтая // Алтай в эпоху камня и раннего металла. Барнаул, 1985. С. 73–117.

Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск, 1985. 200 с.

Молодин В.И. Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. Новосибирск, 1977. 174 с.

Молодин В.И., Мылъникова Л.Н., Нестерова М.С., Ефремова Н.С., Ковыршина Ю.Н., Борзых К.А. Особенности погребально-ритуальных комплексов неолитического могильника Венгерovo-2А // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: мат. итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2013 г. Новосибирск, 2013. Т. XIX. С. 124–129.

Молодин В.И., Мылъникова Л.Н., Нестерова М.С., Орлова Л.А. Уникальный погребально-ритуальный комплекс эпохи неолита в Барабинской лесостепи // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: мат. итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2013 г. Новосибирск, 2012. Т. XVIII. С. 117–122.

Ю.Ф. Кирюшин, К.Ю. Кирюшин, М.Т. Абдулганеев

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

К ВОПРОСУ ОБ АТРИБУТАЦИИ ПАМЯТНИКА ТУЗОВСКИЕ БУГРЫ-I (Васино-5)

Работа выполнена при поддержке гранта Министерства образования и науки РФ (постановление №220), полученного ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет» проект №2013-220-04-129 «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии». Опубликовано при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации в рамках базовой части государственного задания в сфере научной деятельности ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет» (проект 1006)

Обская протока Заломная начинается в 10 км к юго-западу от устья р. Петровка (правый приток Оби) и впадает обратно в Обь у с. Рассказиха, имея протяженность с юга на север около 35 км. В нее впадают (с юга на север): р. Петровка, р. Малая Речка, рч. Бойниха, рч. Анич-

ха, р. Рассказиха. Первые археологические исследования на Заломной были проведены в 1977–1978 гг. В.Б. Бородаевым [1979]. Помимо прочих памятников им были выявлены два поселения у бывшего с. Васино. В 1995–1996 гг. разведочные работы продолжил Д.А. Пугачев [1996], зафиксировавший поселения Васино 3–7 и могильник эпохи неолита, который получил название «поселение Васино-5». В 1998 г. А.В. Шмидт в 40 м от раскопа Д.А. Пугачева заложил разведочный шурф, в котором было исследовано погребение раннего железного века [Шмидт, 1999; Шмидт, Служак, 1999]. Кроме этого, на памятнике зафиксировано два поселенческих слоя РЖВ и неолита [Шмидт, 1999, с. 130].

Грунтовый могильник Тузовские Бугры-I (далее – ТБ-I), расположен в 30 км к югу от г. Барнаула (рис. 1). Памятник находится на правобережье Оби, на протоке Заломная, в 8,5 км к юго-юго-западу от с. Рассказиха и в 5,5 км к северо-западу от с. Малая Речка. Обское правобережье в данном месте представляет собой широкую (до 12 км) заболоченную пойму с множеством стариц и старичных озер, которые перемежаются с гривами и буграми-останцами коренного берега. Высота таких останцов достигает 4 м от пойменного уровня. Окружающая растительность луговая с зарослями кустарниковых ив, осин и берез. Коренной берег, расположенный в 4 км к западу от памятника, покрыт сосновым лесом.

«Тузовские Бугры» – местное название извилистой гряды, состоящей из двух крупных и нескольких мелких останцов, ориентированной по линии С–Ю. Ее протяженность составляет порядка 1200 м, ширина в некоторых местах достигает 200 м, высота в наивысших точках более 4 м. Могильник ТБ-I расположен в южной части гряды, на самом крупном останце, со всех сторон окруженном болотинами и озерами руслового происхождения. При паводках вода в Оби поднимается на 1,5–3,0 м, почти полностью затопивая пойму и подтапливая останец, на котором находится могильник, превращая его в остров. Вода спадает только к августу.

В сентябре 2000 г. археологами Алтайского государственного университета, под руководством М.Т. Абдулганеева, исследования памятника были продолжены. Вокруг погребения, исследованного Д.А. Пугачевым, был заложен раскоп площадью 174 кв. м и исследовано 37 погребений (рис. 2). Из них 18 относятся к эпохе энеолита, одно – к ранней бронзы, два безынвентарные (их датировка и культурная принадлежность на данном этапе исследования не может быть определена), остальные – к раннему железному веку.

Предварительные итоги исследования могильника ТБ-I были опубликованы [Абдулганеев и др., 2000]. Ранние погребения, включая раннебронзовое, были датированы в рамках III – начала II тыс. до н.э. Было отмечено, что часть погребений может относиться к эпохе неолита [Абдулганеев и др., 2000, с. 209; Абдулганеев, Кирюшин, 2002, с. 6]. В предварительной публикации уже отмечалось, что при сооружении

могилы 8 были нарушены погребения 4 и 9, а могила 34 нарушила 35. В обоих случаях нарушения произошли, когда у ранее погребенных не сгнили мягкие ткани [Абдулганеев и др., 2000].

Рис. 1. План-схема расположения грунтового могильника Тузовские Бугры-I

Сопроводительный инвентарь представлен преимущественно различными украшениями из раковин моллюсков и зубов животных, а также изделиями из камня (рыболовные стерженьки, наконечники стрел, «утюжки», отщепы, «когтевидное» долото, скребки и др.) и кости (гарпуны, срединные и одна концевая накладки на лук, биконические наконечники стрел и др.). В одной могиле эпохи ранней бронзы обнаружены металлические височные кольца и два сосуда баночной формы [Абдулганеев, Кирюшин, 2002].

В четырех погребениях (№14, 18, 24, 27) встречены бусины и фрагментов крупных раковин беззубок (*Colletopterum*) [Кирюшин и др., 2011]. Моллюски этого рода широко распространены в бассейне Оби. Украшения из раковин этих моллюсков широко встречаются в погребениях неолита – энеолита Западной и Восточной Сибири. В шести погребениях (№3, 9, 27, 32, 33, 35) найдены украшения из раковин двустворчатых моллюсков *Corbicula ferghanensis* Kurs. et Star. и *Corbicula tibetensis* Prash. Современный ареал этих видов охватывает Центральную Азию – бассейны Амударьи и Сырдарьи, горные районы Центральной Азии и Восточного Казахстана [Кирюшин и др., 2011]. Среди находок из двустворчатых моллюсков в погребении №35 встречен экземпляр *Cardiidae* sp. – морской,

ископаемый вид [Кирюшин и др., 2011]. Украшения из раковин *Dentalium* встречены в трех погребениях могильника (№9, 18, 33). Для Алтайского края не известно местонахождений моллюсков *Dentalium*, более того, нет даже таких типов отложений, где они могли бы встретиться. С большой уверенностью можно утверждать, что данные раковины были принесены людьми из региона Приаралья [Кирюшин и др., 2011].

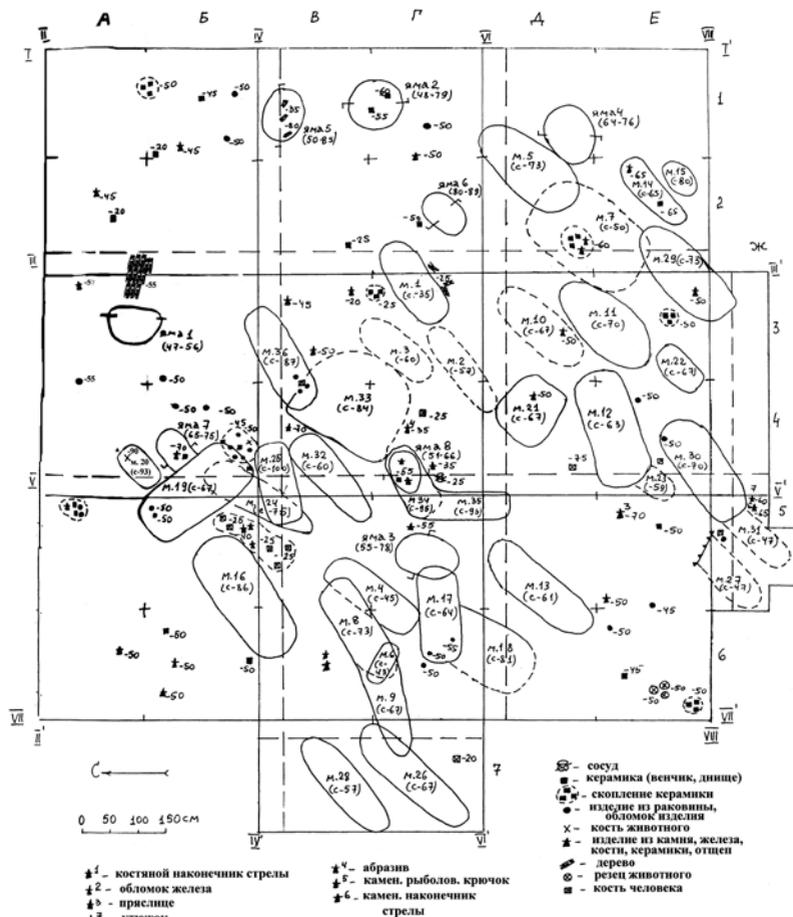

Рис. 2. План раскопа грунтового могильника Тузовские Бугры-I (2000 г., раскопки М.Т. Абдулганеева)

В ранних погребениях грунтового могильника ТБ-1 встречено большое количество украшений, выполненных из зубов кабана (погребение №35), марала (№3), лося (№8), бобра (№14, 31, 35), барсука

(№33), лисицы (№35), сурка (№33), горного козла или барана (№10, 23, 32) и кабарги (погребение №33) [Кирюшин и др., 2012]. Наиболее информативны изделия из зубов кабарги и горного козла или барана. Эти животные не обитают в Барнаульско-Бийском Приобье, а по имеющейся информации не обитали и в историческом прошлом. Кабарга распространена в горно-таежных лесах Горного Алтая и Восточного Казахстана. Горные козлы и бараны – типичные представители высокогорья.

В предыдущей публикации мы подробно останавливались на отдельных категориях находок из погребений раннего комплекса. Мы в полной мере осознаем необходимость фиксации самых незначительных на первый взгляд нюансов, во время полевых исследований. Поэтому публикация плана раскопа приведенного в отчете (рис. 2) может помочь в решении поставленных задач.

Как отмечал М.Т. Абдулганеев [2001], «...культурные остатки различных эпох (поселение Васино-5) залегали под дёрном на различных глубинах в слоях темно-серой и светло-серой супеси, иногда вплоть до уровня материка, находившегося в раскопе на глубине 0,35–0,7 м. Основной уровень их нахождения находился на глубине 0,2–0,55 м (конец 1-го штыка – 3 штык) независимо от хронологии находок». Автор раскопок также отмечает, что «часть находок из культурного слоя происходит из ограбленных могил» и «в некоторых случаях их происхождение возможно определить и идентифицировать с ограбленными погребениями» [Абдулганеев, 2001, с. 8]. Это относится к изделиям из раковин, резцам животных, костям человека, костяным наконечникам стрел, фрагментам сосудов и т.д. [Абдулганеев, 2001, с. 8].

Сложилась странная ситуация, когда часть находок из межмогильного пространства отнесена к погребальным комплексам, а часть – к поселенческому. Подобное разделение вызывает непонимание. Непонятны критерии, на основании которых происходит подобное разделение археологического материала. Тем более, что в нескольких случаях фрагменты керамики обнаружены даже в заполнении могил (могилы №4, 7, 12(№23)). Возможно, что к подобным выводам исследователя привели представления о различной хронологии указанных материалов [Абдулганеев, 2001, с. 40]. Керамика, украшенная насечками, оттисками короткого гребенчатого штампа, рядами отступающей палочки, ногтевыми вдавлениями, которые разделены рядами ямок, отнесена М.Т. Абдулганеевым [2001, с. 40] к эпохе неолита. К этому же времени отнесена и яма 7 [Абдулганеев, 2001, с. 40]. К эпохе поздней бронзы отнесена яма 2, к скифскому времени – могилы 1, 5, 11, 12, 14, 16, 17, 20–22, 25, 29, 30 [Абдулганеев, 2001, с. 41]. К фоминскому этапу кулайской культуры отнесена яма 8 и небольшая часть керамики, орнаментированная ямками, зубчатым штампом и «уточкой» [Абдулганеев, 2001, с. 41]. Отмечено, что датировка большей части ям и двух безынвентарных погребений – неясна [Абдулганеев, 2001, с. 41].

Только три ямы (№7, 2, 8) можно датировать, и это, несомненно, создает проблемы для этнокультурных реконструкций. Однако создается впечатление, что эти объекты являются частью погребального комплекса. Располагаясь по окружности, несколькими рядами они окружают часть могил в северо-восточной части раскопа, оформляя сакральное пространство могильника.

Мы считаем, что более правильно было бы говорить не о поселенческом слое, а о находках из межмогильного пространства. Мы также считаем, что керамика, обнаруженная в заполнении могил и в межмогильном пространстве, очень разнообразна. Фрагменты сосуда из заполнения могилы №7, украшенные отпечатками гладкой качалки, очень похожи на большемысскую посуду. Керамика, орнаментированная отпечатками отступающей палочки с элементами накалывания, находит аналоги на поселениях Северной Кулунды Новоильинка-III и Новоильинка-VI [Кирюшин, 2013; Кирюшин, Ситников, 2013]. Для этих памятников получены радиоуглеродные даты, которые укладываются в рамки середины III тыс. до н.э. (некалиброванные даты). Калибровка этих дат почти на тысячу лет удревяет время формирования культурного слоя поселения. Максимальный разброс по сигме 2 (95,4% probability) составил интервал от 3700–2850 BC до 3500–2400 BC [Кирюшин, 2013; Кирюшин, Ситников, 2013]. Скорее всего, к этому же времени относится обнаруженная на ТБ-I керамика, орнаментированная оттисками короткого гребенчатого штампа, образующими елочку, ряды которой разделены наколами.

Имея несомненное сходство с другими могильниками Барнаульско-Бийского Приобья и северных предгорий Алтая, комплекс ранних погребений ТБ-I имеет и целый ряд отличий от них. На ТБ-I не найдено ни одного костяного вкладышевого кинжала, шлифованного ножа, крупного тесла или топора. Часть керамики, украшенной насечками, ногтевыми вдавлениями, может датироваться эпохой неолита, и нельзя исключать, что погребения эпохи неолита не попали в зону раскопа, но они могут быть выявлены при продолжении исследования памятника. Мы также считаем, что уже исследованные погребения раннего комплекса могут относиться к различным археологическим культурам. По нашему мнению, на данном памятнике на одном сакральном пространстве локализованы различные по культурной принадлежности погребения. Это связано с тем, что территория Верхнего Приобья входит в зону контактов различных культурных образований эпохи энеолита.

Первый из культурных компонентов можно условно назвать «восточным» и он связан с большемысской культурой.

Второе культурное образование можно условно назвать «западным». Этот компонент связан с комплексами, на которых представлена гребенчато-ямочная и отступающе накольчато-ямочная керамика. Это комплексы «кипринского типа» (Киприно-1, Новоильинка-3, Но-

воильинка-6) в Барнаульско-Бийском Приобье и в Северной Кулунде, «байрыцкого типа» или «гребенчато-ямочная общность эпохи раннего металла» (поселение Венгерова-3) в Барабе [Молодин, 1977], к этому же кругу относятся екатерининская, карасевская культуры и т.д. Погребения могильника ТБ-1, в которых обнаружены раковины Dentalium и Corbicula, являются частью большой культурной общности, оставившей комплекс погребений эпохи раннего металла (гребенчато-ямочная общность) могильника Сопка-2 на реке Оми [Молодин, 2001].

В расположении могильника ТБ-1 прослеживаются общие закономерности с памятником Сопка-2 [Молодин, 2001]. В.И. Молодин отмечал, что в погребальной обрядности древних местоположение кладбища играло особую роль и «особое место в этих представлениях отводилось так называемым “островам мертвых”» [Молодин, 2001, с. 7]. Подобные случаи известны на обширной территории Северной Евразии: Оленостровской могильник на Онежском озере [Гурина, 1956], Китайский на р. Ангаре [Окладников, 1974], Крутиха-5 на р. Оби [Молодин, 1977]. Мы считаем, что представление об особом статусе останца «Тузовские Бугры» как сакрального места – «острове мертвых» – существовало у населения Барнаульского Приобья на протяжении длительного времени (как минимум в эпоху энеолита, а возможно, и раньше).

В 2012 г. были отобраны образцы из ранних погребений для радиоуглеродного датирования с использованием AMS с целью установления точной хронологии отдельных погребений анализируемого памятника. Полученные результаты позволят нам вернуться к проблемам, обозначенным в данной публикации. Также планируется продолжить исследование этого уникального памятника.

Стоит отметить, что сложилась ситуация, когда поселенческий комплекс получил название «поселение Васино-5», а могильник, занимающий ту же самую площадь, – «Тузовские Бугры-1». «Поселение Васино-5» поставлено на государственную охрану, а «грунтового могильника Тузовские Бугры-1», с точки зрения органов охранного наследия Алтайского края, не существует, хотя при анализе археологического материала складывается противоположная картина. Наличие грунтового могильника «Тузовские Бугры-1» не вызывает сомнений, а поселения, или поселенческого слоя, «Васино-5» вызывает сомнения. По нашему мнению, эта ситуация граничит с абсурдом. Хотелось бы верить, что органы охраны историко-культурного наследия Алтайского края обратят внимание на эту ситуацию и внесут необходимые поправки в списки объектов историко-культурного наследия Алтайского края.

Библиографический список

Абдулганеев М.Т., Кирюшин Ю.Ф. Погребение бронзового века из могильника Тузовские Бугры-1 // Северная Евразия в эпоху бронзы: пространство, время, культура: сб. науч. тр. Барнаул, 2002. С. 4–7.

Абдулганеев М.Т., Кирюшин Ю.Ф., Пугачев Д.А., Шмидт А.В. Предварительные итоги исследований могильника Тузовские Бугры-1 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: мат. годовой юбилейной сессии Института археологии и этнографии СО РАН. Декабрь 2000 г.). Новосибирск, 2000. Т. VI. С. 206–210.

Гурина Н.Н. Оленостровской могильник // МИА. М.; Л., 1956. №47. 430 с.

Кирюшин К.Ю. Поселение Новоильинка-VI – новый памятник энеолита Кулунды // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: мат. итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2013 г. Новосибирск, 2013. Т. XIX. С. 202–206.

Кирюшин К.Ю., Ситников С.М. Исследование поселения Новоильинка-III в 2012–2013 годах // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: мат. итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2013 г. Новосибирск, 2013. Т. XIX. С. 207–211.

Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю., Шмидт А.В., Абдулганеев М.Т. Зубы животных в погребениях могильника Тузовские Бугры-1 как индикатор этнокультурных процессов на территории Алтая в III тыс. до н.э. // Археология, этнография и антропология Евразии. 2012. №3. С. 59–66.

Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю., Шмидт А.В., Кузменкин Д.В., Абдулганеев М.Т. Раковины моллюсков в погребениях могильника Тузовские Бугры-1 как индикатор этнокультурных процессов на территории Южной Сибири и Средней Азии // Археология, этнография и антропология Евразии. 2011. №2. С. 37–45.

Молодин В.И. Памятник Сопка-2 на реке Оми (культурно-хронологический анализ погребальных комплексов эпохи неолита и раннего металла). Новосибирск, 2001. Т. 1. 128 с.

Молодин В.И. Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. Новосибирск, 1977. 174 с.

Окладников А.П. Неолитические памятники Ангары (от Щукино до Бурети). Новосибирск, 1974. 320 с.

Шмидт А.В. Разведочные работы в районе протоки Заломная // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края: мат. Всерос. науч.-практ. конф.). Барнаул, 1999. Вып. X. С. 127–131.

Шмидт А.В., Служак И.В. Новый грунтовый могильник раннего железного века в Барнаульском Приобье // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края: мат. Всерос. науч.-практ. конф. Барнаул, 1999. Вып. X. С. 110–113.

Архивные материалы

Абдулганеев М.Т. Отчет о раскопках могильника Тузовские Бугры-1 в Первомайском районе Алтайского края в сентябре 2000 г. Барнаул, 2001. Архив музея археологии и этнографии АлтГУ. №167.

Бородаев В.Б. Отчет об археологической разведке 1978 г., проведенной в Топчихинском и Калманском районах Алтайского края, а также на территории непосредственного подчинения горсовету г. Барнаула. Барнаул, 1979. Архив ИА РАН.

Пугачев Д.А. Отчет об археологических разведках в Калманском районе (по правому берегу р. Обь) и Алтайском районе Алтайского края. Барнаул, 1996. Архив ИА РАН.

Ю.Ф. Кирюшин, К.Ю. Кирюшин, О.С. Лихачева

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

КИНЖАЛ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА ИЗ ЧЕРНОПЯТОВО

Работа выполнена при поддержке гранта Министерства образования и науки РФ (постановление №220), полученного ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет» проект №2013-220-04-129 «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии». Опубликовано при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации в рамках базовой части государственного задания в сфере научной деятельности ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет» (проект 1006)

Весной 2013 г. одному из авторов статьи от жителя Павловска Александра Ивановича Владимировича поступила информация о том, что у его знакомого Виктора Станиславовича Гаврилова имеется небольшая коллекция металлических изделий, собранная им в окрестностях указанного поселения. В августе этого же года К.Ю. Кирюшин встретился с А.И. Владимировым и В.С. Гавриловым для осмотра коллекции, материалы которой владельцы любезно предоставили для научного изучения. Среди предметов различного назначения этнографического времени оказались и археологические артефакты, в числе которых кинжал, относящийся к раннему железному веку. Он был обнаружен в 500–700 м юго-западнее с. Чернопятово.

Первоначально приведем описание его параметров и признаков. Общая длина – 26,6 см; клинок: длина – 16,9 см, максимальная ширина – 4,2 см, толщина – 0,2–0,7 см; черен: длина – 7,7 см, ширина – 1,5–2,3 см, толщина – 0,8–1,1 см; навершие: длина – 5,2 см, ширина – 0,7–1,2 см, толщина – 0,8 см; перекрестие: длина – 5,9 см, ширина – 0,9 см, толщина – 1,4 см.

В целом у клинкового оружия раннего железного века выделяются следующие основные конструктивные элементы: поражающая часть – клинок, удерживающая – черен. Элемент, увенчивающий черен и способствующий более надежному удержанию оружия, называется навершием. Деталь, расположенная в месте перехода черена в клинок и предотвращающая соскальзывание руки, обозначается как перекрестие [Лихачева, 2012, с. 167–168, рис. 1].

Рассматриваемый кинжал имеет клинок подтреугольного абриса. При такой форме лезвия клинка постепенно сужаются к окончанию сразу от его основания, образуя вытянутую фигуру, близкую к равнобедренному треугольнику. У окончания поперечное сечение клинка ромбовидное, на большей же его части оно вытянуто-шестиугольное с нервюрой по центру. Последняя представляет собой подтреугольные выступы. Черен имеет вид трапеции со слегка выгнутыми боковыми сторонами, широким своим основанием она соединяется с основанием

клинки, а более узким – с навершием. В верхней части черена, в месте соединения с навершием, расположен узкий валик. В поперечном сечении черен представляет собой прямоугольник со скругленными углами и слегка выпуклыми длинными сторонами. Навершие дуговидное – его длинные боковые ребра идут параллельно друг другу, плавно изгибаясь и образуя дугу, выпуклые стороны которой обращены к черену. В центральной части оно более узкое, а к окончанию имеет небольшие расширения. Продольное сечение навершия выпуклопрямоугольное. Общая форма перекрестия брусковидная – в фас имеет прямоугольный абрис, а по общей форме напоминает брусок. К центру имеет незначительный дуговидный изгиб, обращенный выпуклой частью вверх. Продольное сечение перекрестия представляет шестиугольник, напоминающий ромб со скругленными острыми углами (рис. 1).

Согласно классификации, разработанной для кинжалов раннего железного века, находка из с. Чернопятово относится к группе железных, разделу треугольных, отделу брусковидных, типу дуговидных и варианту с валиком на верхней части черена [Лихачева, 2012, с. 174–176, рис. 6].

Первые железные кинжалы происходят из Египта, где датируются XIV в. до н.э. [Горелик, 2003, табл. V.-18]. Впоследствии, с VIII в. до н.э., они начинают применяться населением Кавказа и Восточной Европы [Тереножкин, 1976, рис. 75.-19–20]. В Средней Азии изделия из железа появляются с VII в. до н.э., а в Горном Алтае – с VI в. до н.э. [Кочеев, 1999, рис. 5; Суразаков, 1988, рис. 16.-1, 5; Толстов, Итина, 1966, с. 152; Яблонский, 2007, рис. 4.-1–2]. На территории Лесостепного Алтая первые образцы из этого материала фиксируются в VI–V вв. до н.э., более широкое распространение изделия из железа получают здесь с IV в. до н.э. [Завитухина, 1966, рис. 3.-12; Уманский, 1998, рис. 2.-6; Шульга, Уманский, Могильников, 2009, рис. 51.-6; рис. 94.-5; рис. 99.-1; рис. 103.-9; рис. 106.-2; Чекрыжова, Шамшин, 2001, рис. 1].

Железные кинжалы с треугольным абрисом клинка становятся известными с VII в. до н.э., но получают широкое распространение преимущественно с V в. до н.э. и впоследствии активно применяются кочевым населением Евразийских степей. В Средней Азии данный признак присущ изделиям с середины VII в. до н.э. и впоследствии встречается у них до первых веков нашей эры [Итина, Яблонский, 1997, с. 70; Мандельштам, 1992, табл. 41.-2–5; Литвинский, 2001, с. 246, табл. 61; Толстов, Итина, 1966, с. 152; Яблонский, 2007, рис. 4.-1, 4]. Подобные кинжалы есть у савроматов Нижнего Поволжья и Южного Приуралья с конца V в. до н.э. и в позднескифских материалах IV–III вв. до н.э. Северного Причерноморья, Кавказа и Среднего Дона [Мелюкова, 1964, табл. 18; Савченко, 2004, рис. 2–3; Скрипкин, 2007, рис. 4.-1–6; Смирнов, 1961, рис. 3–4]. Впоследствии такой абрис клинка широко применяется сарматскими племенами до III в. н.э. [Симоненко, 2010, рис. 2.-4; рис. 25; Хазанов, 2008, рис. 2; рис. 4.-3, 5–7; Яблонский, 2010, рис. 41.-9–10].

Применялись кинжалы с треугольным клинком также носителями пазырыкской и булан-кобинской культур, бытуя, таким образом, на территории Горного Алтая со второй половины VI в. до н.э. до 1-й половины IV в. н.э. [Горбунов, 2007, рис. 1–2; Кубарев, Шульга, 2007, с. 34–35, рис. 64.-3; рис. 65.-5]. На территории Лесостепного Алтая этот признак известен у изделий еще с VI–V вв. до н.э. – это случайная находка кинжала у с. Рогозиха. Впоследствии он встречается у изделий IV–III вв. до н.э. из следующих памятников каменной культуры: Новотроицкий-1 (к. 5, м. 5), Новотроицкий-2 (к. 16, м. 2; к. 23, м. 5; к. 26, м. 5), Локоть-4а (к. 1, м. 1; к. 3, м. 3), а также у случайных находок из ареала данной культуры, относящихся к этому же времени у сел Ильинка и Новообинцево [Могильников, 1997, с. 47, рис. 40.-8; Уманский, Тишкин, Горбунов, 2001, с. 160, рис. 14; Чекрыжова, Шамшин, 2001, с. 175, рис. 1; Шульга, 2003, с. 113, рис. 5.-1; рис. 15.-2–3; Шульга, Уманский, Могильников, 2009, с. 181, рис. 4.-8; рис. 80.-1; рис. 99.-1; рис. 103.-9].

Брусковидная форма перекрестия у железных кинжалов с треугольным клинком является производной, по всей вероятности, от дуговидной и наиболее распространена среди изделий сарматского круга. Она появляется у кинжалов Поволжья и Приуралья с IV в. до н.э. и активно применяется до начала III в. н.э. [Клепиков, 2007, рис. 1.-29–30; рис. 3.-12; Симоненко, 2010, с. 40]. Известно брусковидное перекрестие также в бактрийских материалах IV–III вв. до н.э. и у булан-кобинских образцов II в. до н.э. – I в. н.э. из Горного Алтая [Литвинский, 2001, с. 244, табл. 58.-1; Тишкин, Горбунов, 2006, с. 32–33, рис. 1.-14–15]. Этот признак встречается у двух изделий из могильников каменной культуры Новотроицкий-1 (к. 5, м. 5) и Новотроицкий-2 (к. 23, м. 5), а также у случайных находок у сел Ильинка и Новообинцево из ареала данной культуры IV–III вв. до н.э. [Могильников, 1997, с. 47, рис. 40.-8; Уманский, Тишкин, Горбунов, 2001, с. 160, рис. 14; Шульга, Уманский, Могильников, 2009, с. 181, рис. 4.-8; рис. 99.-1].

Кинжалы с вышеуказанными признаками и дуговидным навершием, как у рассматриваемого экземпляра, встречаются среди сарматских изделий Нижнего Поволжья и Южного Приуралья IV–I вв. до н.э. Они известны по материалам могильника IV – 1-й половины II в. до н.э. Прохоровка, памятников III – начала II в. до н.э. Джангала, Калиновка, Лятошинка, а также комплексов, датируемых II–I вв. до н.э., Аксай и Политотдальское [Клепиков, 2007, рис. 2.-4, 10–11; рис. 3.-4, 12; Яблонский, 2010, рис. 65.-1; рис. 69.-1]. Наиболее территориально близкой аналогией является кинжал из могильника саргатской культуры Гаевский-1. Объект, из которого происходит изделие, относится исследователями к IV–III вв. до н.э. [Ковригин, 1997, с. 66; Корякова, Булдашев, Потро, 1997, рис. 23]. Есть такой кинжал и в Средней Азии из Тулхарского могильника конца II – начала I в. до н.э. [Литвинский, 2001, табл. 61.-3; Сарианиди, 1989, с. 164–165].

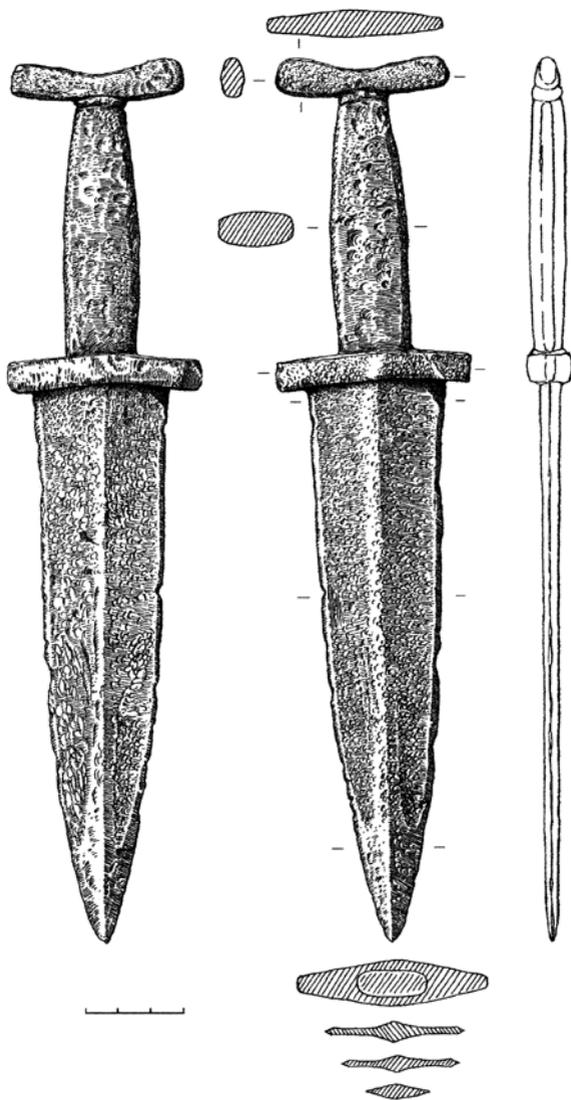

Рис. 1. Железный кинжал из окрестностей с. Чернопятово

По форме черена и его декоративному оформлению в виде валика у навершия кинжалу из Чернопятово наиболее близки случайные находки кинжалов у сел Ильинка и Новообинцево с территории Лесостепного Алтая [Могильников, 1997, с. 47, рис. 40.-8; Уманский, Тишкин, Горбу-

нов, 2001, с. 160, рис. 14]. По всем признакам, кроме валика, публикуемой находке идентично изделие из памятника IV–III вв. до н.э. Новотроицкий-1 курган №5, могила 5 [Шульга, Уманский, Могильников, 2009, с. 181, рис. 4–8].

Так как местонахождение рассматриваемого кинжала попадает в ареал каменной культуры, то его можно отнести к комплексу вооружения данной общности. На это также указывают достаточно близкие аналогии, происходящие из ее материалов. В целом такие изделия датируются достаточно широко – IV–I вв. до н.э., но на территории Лесостепного Алтая они бытуют, видимо, только в IV–III вв. до н.э. Несмотря на то, что кинжал из Чернопятово является случайной находкой, его хорошая сохранность позволяет уверенно судить о морфологических признаках изделий такого типа. Данный экземпляр, несомненно, пополняет источниковую базу по короткоклинковому оружию раннего железного века Лесостепного Алтая.

Библиографический список

Горбунов В.В. Основные этапы развития военного дела у кочевников Горного Алтая во II в. до н.э. – V в. до н.э. // Вооружение сарматов: региональная типология и хронология. Челябинск, 2007. С. 157–163.

Горелик М.В. Оружие древнего Востока (IV тысячелетие – IV в. до н.э.). СПб., 2003. 336 с.

Завитухина М.П. Курганы у села Быстрянского в Алтайском крае (по раскопкам С.М. Сергеева в 1930 г.) // АСГЭ. М.; Л., 1966. Вып. 8. С. 61–76.

Итина М.А., Яблонский Л.Т. Саки Нижней Сырдарьи (по материалам могильника Южный Тагискен). М., 1997. 187 с.

Клепиков В.М. Раннесарматские мечи в Нижнем Поволжье // Вооружение сарматов: региональная типология и хронология. Челябинск, 2007. С. 51–57.

Ковригин А.А. Хронология погребений // Культура зауральских скотоводов на рубеже эр. Екатеринбург, 1997. С. 64–71.

Корякова Л.Н., Булдашев В.А., Порто Ж.-П. Описание курганов и погребений // Культура зауральских скотоводов на рубеже эр. Екатеринбург, 1997. С. 10–48.

Кочев В.А. Боевое оружие пазырыкцев // Древности Алтая. №4. Горно-Алтайск, 1999. С. 74–82.

Кубарев В.Д., Шульга П.И. Пазырыкская культура (курганы Чуи и Урсула). Барнаул, 2007. 282 с.

Литвинский Б.А. Бронзовые наконечники стрел из Тахти-Сангина // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М., 1984. С. 153–157.

Лихачева О.С. Клинковое оружие раннего железного века из Лесостепного Алтая: проблема морфологического разграничения // Война и оружие. Новые исследования и материалы. СПб., 2012. С. 165–181.

Мандельштам А.М. Кочевое население Среднеазиатского междуречья в последние века до нашей эры и первые века нашей эры // Археология СССР. Т. 11: Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992. С. 107–115.

Мелюкова А.И. Вооружение скифов. М., 1964. 64 с.

Могильников В.А. Население Верхнего Приобья в середине – второй половине I тысячелетия до н.э. М., 1997. 195 с.

Симоненко А.В. Сарматские всадники Северного Причерноморья. СПб., 2010. 328 с.

Скрипкин А.С. Клинковое оружие ранних кочевников Нижнего Поволжья VII–IV вв. до н.э. (проблемы хронологии) // Вооружение сарматов: региональная типология и хронология. Челябинск, 2007. С. 38–50.

Смирнов К.Ф. Вооружение савроматов // МИА. М., 1961. №101. 168 с.

Суразаков А.С. Горный Алтай и его северные предгорья в эпоху раннего железа. Проблемы хронологии и культурного разграничения. Горно-Алтайск, 1988. 216 с.

Тереножкин А.И. Киммерийцы. Киев, 1976. 223 с.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Горный Алтай в хуннское время: культурно-хронологический анализ археологических материалов // РА. 2006. №3. С. 31–40.

Толстов С.П., Итина М.А. Саки низовьев Сыр-Дарьи (по материалам Тагискена) // СА. №2. 1966. С. 151–175.

Уманский А.П. Раскопки кургана №3 в урочище Раздумье-VI // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1998. Вып. IX. С. 145–153.

Уманский А.П., Тишкин А.А., Горбунов В.В. Погребения первой половины II тыс. до н.э. на могильнике Ильинка в Алтайском крае // Алтай и сопредельные территории в эпоху средневековья. Барнаул, 1996. С. 146–161.

Хазанов А.М. Избранные научные труды: Очерки военного дела сарматов. СПб., 2008. 294 с.

Чекрыжова О.И., Шамшин А.Б. Случайная находка зооморфного кинжала из Рогозихи // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 2001. Вып. XII. С. 172–176.

Шульга П.И. Могильник скифского времени Локоть-4а. Барнаул, 2003. 204 с.

Шульга П.И., Уманский А.П., Могильников В.А. Новотроицкий некрополь. Барнаул, 2009. 329 с.

Яблонский Л.Т. Оружие ранних саков Приаралья // Вооружение сарматов: региональная типология и хронология. Челябинск, 2007. С. 134–156.

А.А. Ковалев

Институт археологии РАН, Москва, Россия

БРОНЗОВОЕ ЗЕРКАЛО ИЗ ТИБЕТА, ДЕКОРИРОВАННОЕ ТОЧЕЧНОЙ ГРАВИРОВКОЙ

Металлические зеркала, имеющие на тыльной стороне кольцевые валики и изображения, нанесенные в технике точечной гравировки, обнаружены в памятниках различных культур степной Евразии V–III вв. до н.э.: от Горного Алтая и Западной Сибири до Южного Урала и Каракалпакии. К ним можно отнести как «зеркала-погремушки», так и цельнолитые экземпляры. Вопрос о происхождении этих зеркал

остаётся до конца не проясненным; возможно, центр (или центры) их производства находился в восточных или северных сатрапиях империи Ахеменидов. Дискуссии вызывает и постановка вопроса о реконструкции линий развития традиции изготовления этих предметов (Мошкова, 1963, с. 41–43; Троицкая, Бородовский, 1994, с. 96–97, 165; Могильников, Уманский, 1995, с. 22; Могильников, 1997 с. 83–87; Шульга, 2003, с. 86–92; Уманский, Шамшин, Шульга, 2005, с. 27–36; Трейстер, 2013, с. 121–133).

Настоящая публикация имеет цель привлечь внимание исследователей к еще одной находке такого рода, происходящей из Центрального Тибета. В 1990 г. при раскопках древнего могильника около деревни Цюйгун(цунь) уезда Линьчжоу (пять километров к северу от Лхасы) в могиле М203 было обнаружено «медное» зеркало с железной рукоятью (Чжао Хуйминь, 1994; Ласа Цюйгун 1999, с. 198, 207, 208, рис. 136, 144(5), 145, цв. табл. 4).

Погребальное сооружение было типичным для так называемых тибетских «погребений в каменных камерах». Оно представляло собой подпрямоугольную в плане земляную яму (2,3x1,8x0,75 м) с чистой в 5–6 слоев камня, ориентированную длинной осью по линии юго-запад – северо-восток; на уровне древнего горизонта могилу маркировал плоский каменный панцирь диаметром около 2 м, толщиной 0,2–0,45 м. В цисте, на дне ямы были зачищены кости мужчины возрастом около 22–24 лет, уложенного на левом боку сильно скорченно, головой на северо-восток. Перед руками погребенного был установлен округлодонный глиняный кувшин. Зеркало лежало около северо-восточной стенки цисты.

Зеркало (рис. 1), к сожалению, не было отреставрировано и даже сейчас (судя по фотографиям из сети Интернет) экспонируется в коррозированном виде. Полного представления о его конструкции и изображении на нем китайские исследователи дать не могут. В частности, остаётся до конца непонятным профиль самого зеркала и вопрос о наличии черенка. Судя по описанию, прорисовке и доступным фотографиям, зеркало имеет диаметр 9,4 см, толщина его – 0,1–0,4 см. По краю диска идет валик подтреугольного сечения, ближе к центру, вероятно, устроен еще один валик (не показанный на разрезе), в центре – широкий невысокий конический выступ. К краю диска с двух сторон прикреплена бронзовая муфта для закрепления рукояти. Рукоять – железная трубочка (?) длиной 8,8 см, диаметром 1,1–1,3 см, стенка ее имеет толщину около 0,3 см. На нижнем конце трубочки закреплен овальный железный ободок.

Между двумя валиками точечными ударами черкана нанесен негативный рисунок «бегущей волны» из сцепленных S-видных завитков. В центре диска в той же манере изображено четырехконечное «сегнерово колесо» в круге, спиралевидные окончания завитков сливаются

друг с другом. На краю этого круга выбиты два противопоставленных профильных птичьих силуэта. Рисунки птиц с распущенными хвостами больше всего напоминают изображения на зеркале из погребения 1 кургана №3 Филипповского-I могильника (Золотые олени Евразии, 2001, с. 144–145, №122).

Нельзя гарантировать, что на зеркале больше нет изображений, в результате реставрации может выявиться и продолжение многофигурной композиции.

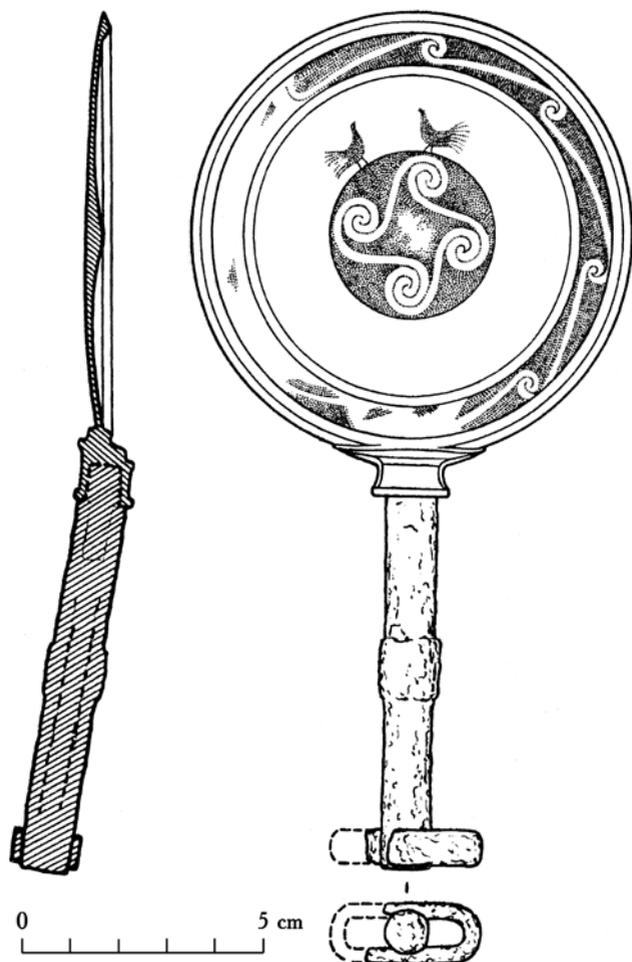

Рис. 1. «Медное» зеркало с железной рукоятью (могильник Цюйгун, погр. M203). По: Ласа Цюйгун, 1999, рис. 145 с ред.

Китайские археологи датируют исследованный могильник периодом VIII–I вв. до н.э. (Ласа Цюйгун, 1999, с. 211), судя по всему, основной для уточнения датировки памятника, а тем более конкретной могилы, у них нет. В китайской литературе появились сравнения тибетского зеркала с зеркалами, найденными в памятниках того же периода на территории провинции Юннань (Чжао Хуйминь, 1994, с. 643–644, рис. 2, с. 1, 8, 9; Ласа Цюйгун, 1999, с. 215–216), однако сходство этих предметов ограничивается устройством на краю диска муфты для крепления (железной?) рукояти. Вполне вероятно, что оригинальное зеркало было дооформлено мастерами из Юннани или Восточного Тибета, которые припаяли муфту и вставили в нее железную трубочку.

В тех же работах китайские ученые на основании западных аналогий предполагают, что зеркало из Цюйгуна, как и способ крепления рукояти с помощью муфты, имеют «среднеазиатское» или «южноазиатское» происхождение.

Представляется, что разрешение вопроса о датировке и происхождении тибетского зеркала возможно только лишь в контексте тщательной работы по анализу всего корпуса евразийских зеркал с изображениями, нанесенными в технике точечной гравировки.

Библиографический список

Золотые олени Евразии / под ред. А.Ю. Алексеева, Е.Ф. Корольковой. СПб., 2001.

Могильников В.А. Население Верхнего Приобья в середине – второй половине I тысячелетия до н.э. М., 1997.

Могильников В.А., Уманский А.П. Два зеркала из Новотроицких курганов // Памятники Евразии скифо-сарматской эпохи. М., 1995. С. 19–31.

Мошкова М.Г. Памятники прохоровской культуры. М., 1963 (САИ. Вып. Д1–10).

Трейстер М.Ю. Бронзовые зеркала из Южного Приуралья: ближневосточные и южноазиатские импорты и местные подражания // Влияния ахеменидской культуры в Южном Приуралье (V–III вв. до н.э.) / под ред. М.Ю. Трейстера и Л.Т. Яблонского. М., 2013. Т. 1. С. 120–133.

Троицкая Т.Н., Бородовский А.П. Большебереченская культура лесостепного Приобья. Новосибирск, 1994.

Уманский А.П., Шамшин А.Б., Шульга П.И. Могильник скифского времени Рогозиха-1 на левобережье Оби. Барнаул, 2005. 204 с.: ил.

Шульга П.И. Могильник скифского времени Локоть 4-а. Барнаул, 2003. 204 с.: ил.

Чжао Хуйминь. Сицзан Цюйгун чуту дэ те бин тун цзин дэ югуань вэньти (Вопросы, относящиеся к медному зеркалу с железной рукоятью, раскопанному в Цюйгун, Тибет) // Каогу. 1994. №7. С. 642–649.

Ласа Цюйгун. Ласа Цюйгун (Цюйгун, Лхаса) / Чжунго шэцзуй кесюэюань каогу яньцзосо, Сицзан цзычжицю вэньу цзюй бяньчжу (Институт археологии Академии общественных наук Китая, Бюро культурного наследия Тибетского автономного района – сост.). Пекин, 1999.

**ОБСЛЕДОВАНИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ
НА ТЕРРИТОРИИ ТУВЫ И СЕВЕРНОЙ МОНГОЛИИ
КОМПЛЕКСНОЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ
ЭКСПЕДИЦИЕЙ ТувГУ в 2013 г.**

В августе 2013 г. автором в составе комплексной научно-исследовательской экспедиции ТувГУ (рук. к.и.н. Е.В. Айыжы) был пройден маршрут по территориям Западной Тувы, восточной части Республики Алтай, а также по территории республики Монголия (аймаки Баян-Улгий, Увс, Завхан, Хувсгел, Булган, Архангай и др.). Экспедиция работала в рамках научно-исследовательского проекта ВОО РГО №03/2013 – Н1, по теме «По путям географических открытий» (этногеографические экспедиции в Центральную Азию по маршруту известного исследователя, члена Русского Географического общества П.К. Козлова). Цель экспедиции заключалась в том, чтобы пройти по отдельным территориям, которые ранее были обследованы П.К. Козловым. В ходе экспедиции специалистами была собрана информация различного характера. В частности, наша задача заключалась в сборе информации об археологических объектах. Сам П.К. Козлов [1947, с. 4] многократно отмечал в своих публикациях наличие в Монголии большого количество так называемых «кэрэсуров» (древних могил), представляющих «каменные конической формы сооружения, сложенные наподобие «обо», но с тем различием, что означенные сопки были окружены кольцеобразным валиком». К сожалению, формат экспедиции (за короткое время нужно было проехать огромное расстояние) не позволил подробно обследовать все археологические объекты, которых было встречено достаточно много. В ходе экспедиции нами были осмотрены лишь некоторые археологические памятники, описание которых приводится ниже.

Курганный могильник Ак-Холь-1. Расположен на территории высокогорной долины, на северном берегу небольшого горного оз. Ак-Холь, в 14 км к юго-западу от оз. Хиндиктиг-Холь. Территориально могильник находится на территории Монгун-Тайгинского кожууна (района) республики Тува. Могильник состоит из 11 зафиксированных нами объектов. Нам удалось обследовать только курганы центральной группы №3–8. Все объекты расположены вдоль дороги, ведущей из тувинского с. Кызыл-Хая в сторону Республики Алтай. Все объекты представляют собой курганы, сложенные из каменных валунов. Семь из одиннадцати курганов имеют каменные кольца. Размеры курганов: диаметр: от 6 до 10 м, высота насыпи: от 0,30 до 1 м. Курган №7 раскопан неизвестными. Координаты расположения могильника N 50°16'.23,0". E 089°36'.12,5".

Курганный могильник Улаан-Даваа. Расположен на территории Увс аймака республики Монголия. Могильник находится в неширокой долине Улаан-Даваа, слева от дороги, ведущей из п. Бохмурэн в г. Улаангом. Состоит из восьми курганов, сложенных из камня. Курганы образуют компактную группу, вытянутую по направлению ЮЗ–СВ. Диаметр курганов от 6 до 10 м, высота от 0,20 до 0,80 м. Рядом с каменными курганами зафиксировано несколько небольших каменных выкладок (поминальников). Один из поминальников с каменным изваянием, установленным вертикально, находится к востоку от кургана №4. Каменное изваяние имеет размеры 0,7–0,75 м в высоту и около 0,4–0,45 м в ширину. Северо-западный угол изваяния скошен вниз и закруглен. Группа поминальников расположена между курганами №7 и 3. Координаты могильника: N 49° 55'.14,3", E 090° 54'.15,4".

Курганный могильник Турген-Сумон. Расположен на территории Увс аймака республики Монголия. Могильник находится в 1,5 км южнее оз. Уурэг-Нур, в неширокой долине, по которой протекает ручей. Курганы расположены двумя скоплениями, вытянутыми по направлению ЮЗ–СВ. Курганы расположены на правом берегу ручья, по обим сторонам дороги, ведущей из п. Бохмурэн в г. Улаангом. Могильник состоит из 15 курганов, сложенных из камня. Диаметр курганов от 4 до 8 м. Высота от 0,30 до 1 м. Нами было обследовано 9 курганов. Координаты могильника: N 49° 59'.23,1", E 91° 01'.49,9".

Курганный могильник Эрхэл-Нур. Расположен на территории Хувсгел аймака республики Монголия. Могильник находится в 1,5 км севернее небольшого оз. Эрхэл-Нур, на невысокой террасе, образованной поднятием горных пород. Курганы расположены цепочкой, вытянутой по направлению Ю–С. Курганы расположены в 2 км к западу от дороги п. Хатгал – г. Мурэн, и в 50 м к югу от дороги на п. Улан-уул. Могильник состоит из двух курганов, сложенных из камня. В центре кургана №4 – небольшой провал. Диаметр курганов от 6 до 10 м. Высота от 0,30 до 0,80 м. Курганы окружены каменными кольцами. В 10 м к востоку от кургана №2 зафиксирована каменная стела №1. Стела скошена под острым углом в западной части. Высота стелы 1,75 м, ширина в широкой части 0,50 м, толщина 0,10 м. Широкой частью стелы ориентирована по линии С–Ю. На лицевой стороне стелы, обращенной к югу, просматриваются плохо сохранившиеся изображения. В 5 м южнее стелы №1 находится стела №2. Высота стелы 1,15 м, ширина 0,50 м, толщина 0,25 м. Широкой частью стелы ориентирована по направлению З–В. Между стелами №1 и 2 и курганом №4 находятся два небольших каменных изваяния аморфной формы. Координаты могильника: N 49° 58'.20,9", E 099° 56'.28,9".

Могильник Их-Элээт-уул. Расположен на территории Хувсгел аймака республики Монголия. Могильник находится в 3 км западнее п. Их-элээт-уул, в обводненной долине, рядом с рекой Тэсийн-Гол. На-

считывается около 5 объектов, формирующих могильник, вытянутый по направлению с севера на юг. Сооружения представляют собой грунтовые погребения, ориентированные длинной осью с северо-востока на юго-запад, с отклонениями в ряде случаев. С юго-западной стороны могил возвышаются каменные изваяния. Одно из сооружений раскопано грабителями. Координаты могильника: N 49° 17'.39", E 098° 11'.32,6".

Курганный могильник Сонгино. Расположен на границе Увс и Завхан аймаков республики Монголия. Могильник находится в 5 км на северо-восток от горы Хуйтэн-ула, на восточной периферии урочища Хурэнгийн-Тал. Всего зафиксировано пять курганов. Курганный могильник представляет собой две группы курганов, сооруженных из камня на южном склоне увала и идущих с северо-запада на юго-восток. Четыре кургана были окружены каменной оградой округлой формы. Один курган №2 такой ограды не имеет. Курганы расположены к северу от дороги, ведущей из п. Наранбулаг в п. Сонгино. Диаметр курганов от 4 до 12 м. Высота от 0,30 до 1,5 м. Нами были обследованы все пять курганов и каменная выкладка (поминальник), расположенная к востоку от кургана №5. Координаты могильника: N 49° 01'.57,2", E 095° 30'.35,6".

Одиночный курган Тудэвтэй. Расположен на территории Завхан аймака республики Монголия. Находится в 3 км южнее населенного пункта Тудэвтэй, в неширокой горной долине. Курган расположен на перекрестке дорог. Одна из дорог ведет с запада на восток из п. Сонгино в п. Нэмрэг, вторая – из п. Тудэвтэй на юг. Диаметр кургана более 20 м. Высота около 3 м. Курган окружен каменным кольцом, к которому от кургана ведут каменные «лучи». Вместе с кольцом диаметр сооружения составляет более 50 м. В центре кургана нами зафиксирован провал, в котором были разбросаны кости животного (лошади). К западу, северу и юго-востоку от кургана зафиксированы две каменные выкладки (поминальники) округлой формы. Судя по форме, курган является так называемым керексуром. Координаты могильника: N 48° 57'.13,0", E 096° 30'.37,7".

Курганная группа Тэлмэн-Нуур. Расположена на территории Завхан аймака республики Монголия. Могильник находится в 10 км восточнее оз. Тэлмэн-Нуур, в неширокой долине. Насчитывается три каменных оградки, вытянутые по направлению с севера на юг, вдоль основания горы. Каменные оградки расположены к северу от дороги, ведущей из п. Нэмрэг в г. Тосонцэнгэл. Размеры оградок 6х6 м. По углам оградок зафиксированы каменные изваяния. Координаты могильника: N 48° 47'.29,4", E 097° 37'.17,0".

Одиночный курган Хэдэргийн-овоо. Расположен на территории Завхан аймака республики Монголия. Могильник находится в 10 км восточнее п. Тудэвтэй, в неширокой долине, окаймленной с севера горным хребтом. Курган расположен к северу от дороги, ведущей из п. Ту-

дэвтэй в п. Нэмрэг. Курган сложен из камня. Его диаметр 6 м. Высота 0,25 м. Курган окружен каменной оградой округлой формы, по диаметру которой возведены каменные изваяния. Координаты могильника: N 48° 52'.08,7", E 096° 38'.08,3".

Курганная группа Айраг-Нуур. Расположена на территории Завхан аймака республики Монголия. Могильник находится в 6 км восточнее оз. Айраг-Нуур, в неширокой долине. Насчитывается два кургана, вытянутые по направлению с севера на юг, вдоль основания горы. Курганы расположены к северу от дороги, ведущей из п. Сонгино в п. Тудэвтей. Все курганы сложены из камня. Диаметр курганов от 6 до 8 м. Высота от 0,90 до 1,30 м. Оба кургана окружены каменной оградой округлой формы. К востоку от кургана №2 зафиксированы три каменные выкладки (поминальники). Диаметр поминальника №1 около 5 м, а поминальников №2 и 3 около 1 м. Координаты могильника: N 49° 03'.33,8", E 096° 15'.31,9".

Курганный могильник Цэцухийн-Гол. Расположен на территории Завхан аймака республики Монголия. Могильник находится в 1,5 км западнее р. Цэцухийн-Гол, в долине. Курганы расположены в виде ряда, вытянутого по направлению ЮЮВ–ССЗ. Курганы протянулись на левом берегу реки, к югу и северу от дороги, ведущей в п. Их-уул. Могильник состоит из 10 объектов. Из них 9 объектов представляют собой курганы, сложенные из камня (из них два раскопаны). Один объект в форме каменной прямоугольной ограды (обозначен как курган №10). Координаты могильника: N 48° 36'.41", E 098° 59'.42".

Все курганы можно условно разделить на две группы. Южная группа курганов (№1–4) расположена в долине, неподалеку от р. Цэцухийн-гол, к югу от дороги, ведущей в п. Их-уул. Северная группа курганов (№5–10) – на склоне горы, к северу от этой же дороги.

Курган №1. Сложен из камня. Диаметр 10 м. Высота 0,80 м. В центре кургана провал.

Курган №2. Раскопан полностью, квадратом. Размер раскопа 6х6 м. В центре раскопа зафиксированы камни различной формы. Среди них достаточно интересный объект, представляющий каменный диск неправильной формы, диаметром около 1 м и толщиной около 0,30 м. В диске зафиксировано прямоугольное отверстие, заполненное фрагментами толстостенной керамики. К раскопанному кургану с востока примыкает ряд каменных изваяний (балбалов) в количестве около 100 экземпляров. Часть балбалов повалена.

Курган №3. Раскопан полностью, квадратом. Размер раскопа 3х3 м.

Курган №4. Сложен из камня. Диаметр около 3 м. Высота 0,30 м.

Курган №5. Сложен из камня. Диаметр около 6 м. Высота 0,40 м. Курган окружен каменной оградой. Вокруг кургана по кругу располагаются каменные выкладки (поминальники), диаметром от 1 до 2 м в количестве 5 экземпляров.

Курган №6. Сложен из камня. Диаметр около 6 м. Высота 0,40 м. Вокруг кургана зафиксированы каменные выкладки.

Курган №7. Сложен из камня. Диаметр около 8 м. Высота 1,30 м. Курган окружен квадратной оградой, сложенной из камня и ориентированной по сторонам света с небольшим отклонением. К востоку от кургана зафиксированы три округлых каменных выкладки.

Курган №8. Сложен из камня. Диаметр около 10 м. Высота 1,15 м. Курган окружен округлой каменной оградой. С востока полукругом курган окружен 4 округлыми каменными выкладками.

Курган №9. Сложен из камня. Диаметр около 8 м. Высота 0,45 м. Курган окружен прямоугольной каменной оградой, ориентированной по сторонам света.

Курган №10. Представляет собой прямоугольную площадку, вытянутую с севера на юг. Длинные стороны около 8 м, а короткие – 6 м. В углах северной части площадки установлены каменные изваяния.

Могильник Немрег. Расположен на территории Завхан аймака республики Монголия. Могильник находится в 2 км к востоку от поселка Немрег. Начинается могильник сразу за мостом через р. Холайн-Гол, по обеим сторонам дороги, ведущей из п. Немрег в г. Тосонцэнгэл. Погребальные сооружения в значительном количестве расположены вдоль горного хребта. Погребальные сооружения представляют собой небольшие каменные ограды овальной или подпрямоугольной формы, не превышающие размеры 3х3 м. В западной стороне оград возвышаются каменные стелы. Другой тип сооружений представлен большими каменными оградками с каменной курганной насыпью в центре и каменными изваяниями по углам. Размеры таких сооружений составляют около 6х6 м. Координаты могильника: N 48° 51'.30,9", E 096° 59'.15,6".

Курганный могильник Баянтэс. Расположен на территории Завхан аймака республики Монголия. Могильник находится в 6 км севернее р. Тэсийн-Гол и в 1 км к востоку от р. Бугусук-Гол, в неширокой долине. Курганы расположены в ряд, вытянутый по направлению ЮЗ–СВ. Курганы находятся к юго-западу (к. №4–6) северо-востоку (к. №1–3) от дороги, ведущей из п. Баянтэс в п. Арц-Суурь (погранзастава). Координаты могильника: N 49° 45'.37,0", E 096° 17'.24,3". Могильник состоит из 6 курганов.

Курган №1. Сложен из камня. Диаметр 6 м. Высота 0,90 м. В центре кургана небольшой провал. К востоку от кургана пристроена каменная стела высотой 0,90 м и шириной 0,20–0,30 м. К востоку от стелы – ряд каменных столбов в количестве 15 экземпляров.

Курган №2. Сложен из камня. Диаметр 12 м. Высота 2,4 м. В центре кургана глубокий провал. Его диаметр около 2 м, глубина около 1 м. От кургана в разные стороны отходят каменные «лучи». Курган обнесен по периферии каменным кольцом и каменными выкладками округлой

формы. Диаметр каменных выкладок в среднем 1,5–2 м. Вместе с кольцом диаметр сооружения составляет более 30 м. Подобные курганы традиционно именуют «керексурами».

Курган №3. Представляет собой два каменных кольца диаметром 5–6 м и высотой 0,2–0,4 м, соединенных друг с другом. Сооружение примыкает к каменным выкладкам кургана №2 и, видимо, образует с ними единую систему. Сооружение напоминает цифру 8, вытянутую с юго-запада на северо-восток.

Курган №4. Сложен из камня. Диаметр 8 м. Высота 0,40 м. Курган обнесен по периферии каменным кольцом. Вместе с кольцом диаметр сооружения составляет 16 м.

Курган №5. Сложен из камня. Диаметр 4,5 м. Высота 0,40 м. Продолжает и замыкает на юге основную цепочку курганов.

Курган №6. Сложен из камня. Диаметр 6 м. Высота 0,40 м. В отличие от других курганов, расположен не в продолжение ряда курганов, а к западу от кургана №4. Имеет фрагмент сохранившегося каменного кольца.

Библиографический список

Козлов П.К. Монголия и Кам. Трехлетнее путешествие по Монголии и Тибету (1899–1901). 2-е, сокр. изд. / под ред. В.П. Козлова. М., 1947. 439 с.

А.Л. Кунгуров, Ю.Т. Мамадаков

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

НОВЫЕ ПАМЯТНИКИ КАМЕННОГО ВЕКА В ПРЕДГОРЬЯХ АЛТАЯ

В последние годы при археологических исследованиях ООО НЦ «Наследие Сибири», связанных с проектированием и строительством газопроводов и газораспределительных сетей, были открыты три местонахождения каменного века – Ая-Переход-3, Талица-Переход (с. Березовка), расположенные, соответственно, на левом и правом берегах р. Катунь, и Кировский-3 в низовьях р. Песчаной. Материалы каменного века оказались лишены стратиграфического контекста в силу природных и антропогенных причин, однако представляют собой достаточно интересные и показательные разновременные комплексы.

Ая-Переход-3 находится в 13,5 км к юго-западу от с. Ая на мысе склона сопки, разделяющей правобережную долину р. Ая и долину урочища Сухой лог. Мыс вытянут с юга на север. Восточный склон плавно спускается к руслу периодически высыхающего безымянного ручья. Западный склон достаточно крутой (без обнажений) и спускается к р. Ая. Высота от уровня уреза воды приблизительно 2–3 м. Левый борт гривы одновременно представляет собой левый борт лога, выходящего

в пойму р. Ая. При исследовании аварийного многослойного поселения зафиксированы предметы палеолитического комплекса, рассеянные в толще гумусового слоя. Он представлен 12 артефактами из черного и серо-белого полосчатого кремня, кремнистого и глинистого сланцев. Основной сырьевой источник – аллювий долины Катунь. Техника расщепления представлена торцовым нуклеусом средних размеров (рис. 1.-1) и несколькими сколами. Нуклеус имеет подправленную ударную площадку, фасетированную и гладкую латерали и ретушную выемку на нижнем конце. Сколы составляют группу из пластины крупных размеров с ретушированными с дорсала краями (рис. 1.-2) и снятия различных параметров (рис. 1.-3–7). Все изделия в разной степени обработаны ретушью и сколами:

- средний вторичный отщеп с дорсальной ретушью и двумя выемками-анкошами (нижняя оформлена сколом с дорсала на вентрал, верхняя с вентрала на дорсал) (рис. 1.-3);

- скол типа цитрон, полученный при утилизации валуна глинистого сланца. Ретуширован тонкий левый край. Ретушь разнофасеточная, полая, немодифицирующая (рис. 1.-4);

- скол вторичный средний площадочный с эпизодической (утилитарной) ретушью с дорсальной стороны. Площадка двугранная (рис. 1.-5);

- отщеп вторичный средний со следами утилизации (выломы левого края) (рис. 1.-6);

- острие-резчик на дистальном конце мелкого пластинчатого отщепка. Жальце оформлено сломом дистальной части и ретушной выемкой на правом дистальном крае (рис. 1.-7).

Наиболее показательной частью коллекции каменных артефактов являются два скребла. Более крупное изготовлено из массивного, но плоского первичного скола с валуна окремненного песчаника. Дорсальный овальный продольный рабочий край оформлен сколами и ретушью. Сопряжен с левого угла с поперечным рабочим краем, образующим выступ-лимас. На кончике выступа с вентрала имеется скол, делающий данную модификацию участка скребла режущей кромкой (рис. 1.-8). Второе скребло меньших размеров и оформлено на крупном сколе пластинчатых пропорций. Рабочий край по отношению к параметрам заготовки левый боковой, обработка сколами и ретушью дорсальная (рис. 1.-9). Присутствуют также три отщепка – мелкий и средний вторичные и мелкий первичный.

Особенности нуклеуса, пластины и других сколов, а также характер скребел позволяют уверенно датировать данный комплекс позднепалеолитическим временем нижнего течения Катунь (15–12 тыс. лет назад) и отнести к нижнекатунской культуре, куда входят также стоянки Сростки, Усть-Иша, Урожайная и некоторые другие [Деревянко, Маркин, 1998; Кирюшин, Кунгуров, Степанова, 1995; Кунгуров, 1993; 1997].

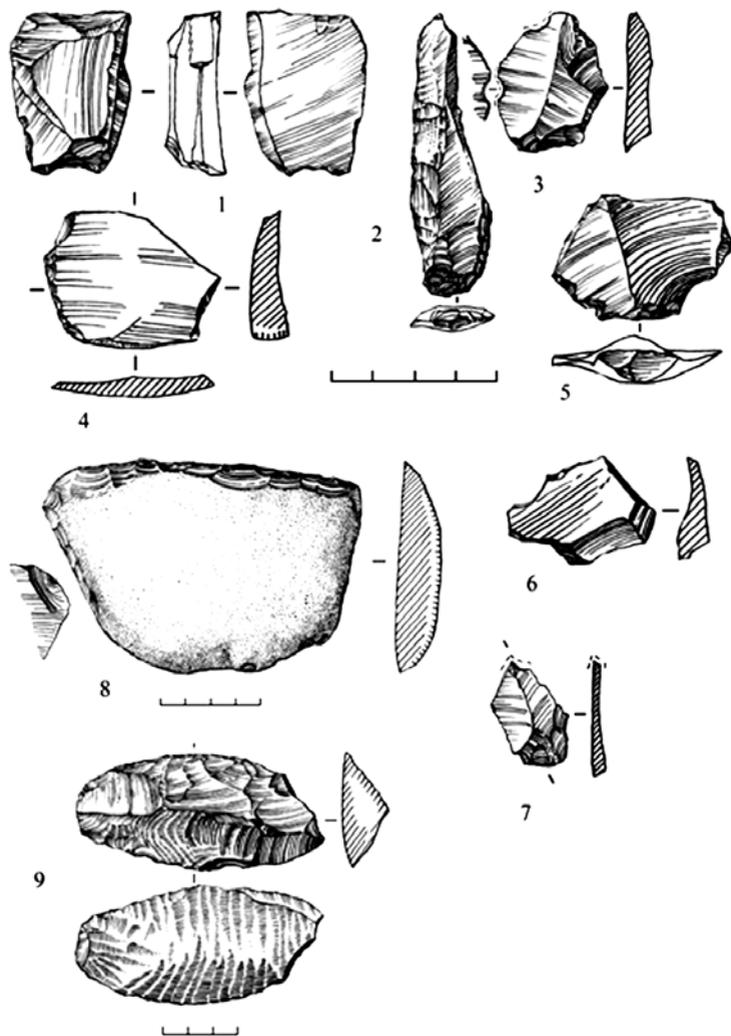

Рис. 1. Ая-Переход-3. Палеолитические артефакты из раскопа

Поселение **Талица-Переход** расположено на юго-восточной окраине с. Березовка. Памятником занят относительно невысокий и достаточно пологий мыс правого борта долины Катунь, образованный левым бортом долины небольшой реки Талица, впадающей в Катунь. При исследовании аварийного многослойного поселения зафиксированы артефакты каменного века, лишенные стратиграфического контекста.

Верхнепалеолитический комплекс каменных изделий

1. Скребло крупное дорсальное со слабовыпуклым рабочим краем (рис. 2.-1). Форма заготовки, обработанной сколами с двух сторон, треугольная. Рабочая кромка сформирована крупными и средними модифицирующими сколами и доведена до рабочего состояния регулярной разнофасеточной притупляющей ретушью. Не исключено и то, что правый угол орудия мог использоваться в качестве разделочного резчика (раскрой, поддевание мездры).

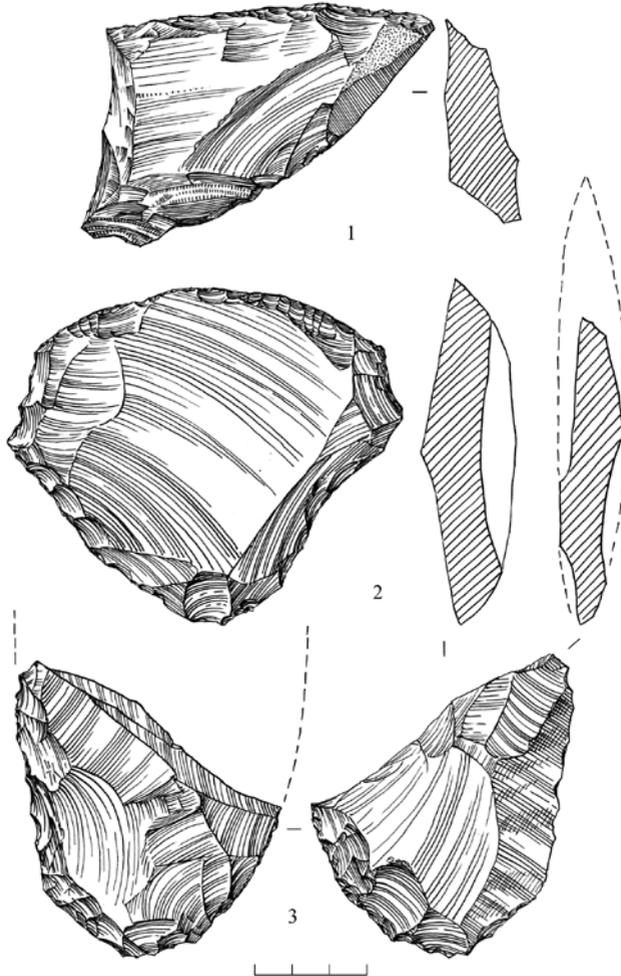

Рис. 2. Местонахождение Галица-Переход.
Каменные орудия раннего (верхнепалеолитического) комплекса

2. Скребло крупное дорсальное с двумя противоположными рабочими кромками, соединенными участками дорсальной оббивки с приостряющей зубчатой ретуши (скобель) (рис. 2.-2). Лезвия скребел сформированы регулярной модифицирующей средней и мелкой оббивкой и притупляющим ретушированием, удалившем зубчики на стыках фасеток. Вентрал изделия сформирован двумя крупными сколами, образовавшими продольную грань посередине артефакта.

3. Топоровидный бифас, расколотый на несколько частей. Данный фрагмент аплицирован из двух частей. Тело топора сформировано широкими уплощенными сколами и имеет в разрезе линзовидную форму (рис. 2.-3). Краевая обработка представлена двусторонней оббивкой средними и мелкими сколами и нерегулярной крутой зубчатой ретушью. После раскалывания орудие использовалось в качестве режущерасделочного инструмента, доработанного до необходимых параметров уплощающими удлиненными сколами.

4. Снятие грани призматического нуклеуса типа фронт-площадка. Нуклеус призматический с округлой ударной площадкой и скалыванием пластин по периметру (по крайней мере, на имеющемся фрагменте) (рис. 3.-1). Имеющиеся фасетки ориентированы в одном направлении, т.е. нуклеус являлся одноплощадочным и однофронтальным. Ударная площадка вогнутая, оформлена одним сколом. Изделие сильно патинировано.

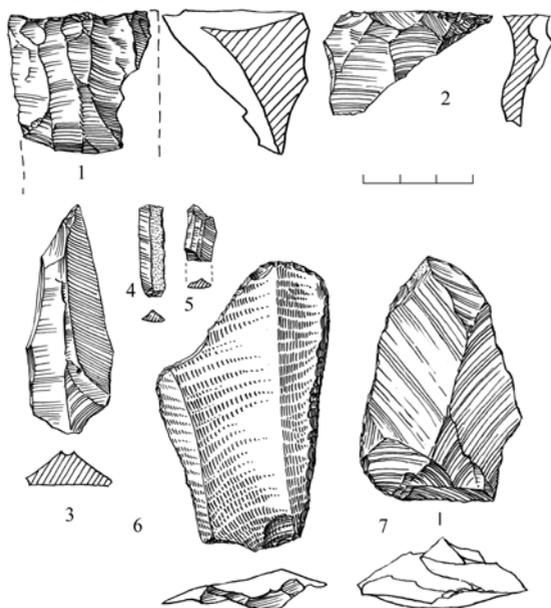

Рис. 3. Каменный инвентарь местонахождений Талица-Переход (1-6) и Кировский 3 (7)

5. Концевой скребок с продольным ретушированием продольных краев на крупной пластине (рис. 3.-6). Основной рабочий край выделен на правой части расширяющегося дорсального участка. Обработка всех имеющихся рабочих кромок – аккуратная, регулярная средняя и мелкая ретушь. Пластина архаичного вида с остатком фасетированной ударной площадки в форме треуголки («chapeau de gendarme»).

Датировка данных изделий может быть определена палеолитическим временем (15–12 тыс. лет назад), культурная принадлежность – нижнекатунская культура, для которой характерна бифасиальная техника обработки крупных изделий, а также наличие орудий-бифасов (ножи, топоры, рубильца). Скол нуклеуса и скребок на пластине имеют архаичные черты и глубокую патинизацию поверхности [Деревянко, Маркин, 1998; Кирюшин, Кунгуров, Степанова, 1995; Кунгуров, 1993; 1997].

Раннеолитический комплекс представлен каменной индустрией призматического облика. Достаточно полно можно охарактеризовать технику первичного расщепления и ее продукт – призматическую пластину. Одним экземпляром представлен реберчатый скол средних размеров (рис. 3.-2). Орудийный набор и вторичная обработка иллюстрируются единичными изделиями, имеющими тем не менее достаточно специфический характер.

Первичное расщепление представлено пятью нуклеусами, двумя нуклеидными изделиями, 16 пластинами и двумя пластинчатými отщепами. На фоне общей немногочисленности артефактов данного комплекса (53 предмета) призматическая индустрия демонстрирует явное преобладание, что характерно для мезолитического и раннеолитического времени. Указание размерности изделий зависит от общих мелких параметров артефактов стоянки (мелкие, небольшие, средние и крупные). По сравнению с палеолитическими материалами все данные изделия являются мелкими [Кунгуров, 1991; Кунгуров, Кадиков, 1985; Кунгурова, 1992; Сосновский, 1940].

Нуклеусы

– мелкий призматический (снятие пластин мелких и мельчайших размеров по периметру ударной площадки) с сужением к участку, противоположному площадке. Сильно сработан (рис. 4.-1);

– торцовый средних размеров с уплощенными латералиями. Левая от фронта плоскость гладкая, образована одним сколом, правая оббита ударами от площадки и диагональными от нижней части фронта. Фиксируется подправка – скол площадки со стороны фронта (неудачный), после которого утилизация изделия прекращена (рис. 4.-2);

– крупный торцовый площадочный клиновидный нуклеус с уплощенными латералиями. Контрплощадка килевидная, с нее и осуществлялась обработка боковых плоскостей (рис. 4.-3);

– призматический нуклеус небольших размеров. Похож на предельно сработанный торцовый с утилизацией латералей в качестве бо-

ковых фронтов скалывания (рис. 4.-4). Одна из фасеток похожа на остаток плоскости контрфронта, однако убедительно это утверждать нельзя;

– торцовый конусовидных очертаний с частично (и неудачно, импульс удара ушел «вовнутрь»), образовав полусферическую каверну) сколотым контрфронтотом (рис. 4.-5). Размеры ядрища небольшие;

– двумя предметами представлены нуклеидные изделия крупных размеров, возможно, обломки или заготовки нуклеусов.

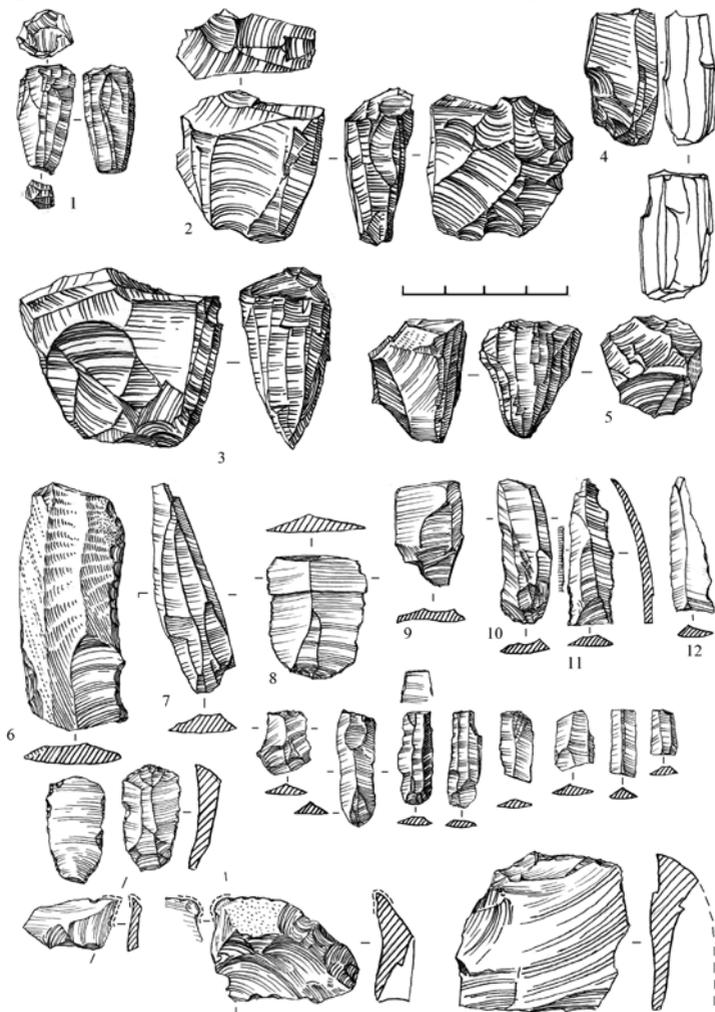

Рис. 4. Местонахождение Талица-Переход.
Поздний комплекс каменных орудий

Пластины

Крупные изделия представлены тремя экземплярами – полная пластина (рис. 4.-7), усеченная (рис. 4.-6) и фрагмент проксимальной части, апплицирующийся из двух (сечение стыкуется с проксималом). При этом заметно различие последних артефактов по ширине, т.е. они некоторое время использовались в качестве орудий независимо друг от друга и их можно считать за два изделия (рис. 4.-8).

Вторичная обработка имеется только на усеченной пластине (ретушированы оба продольных края с дорсальной стороны) и на одном вентральном обломке (участками обработаны продольные края с вентральной стороны). Ретушь аккуратная притупляющая, регулярная, местами двурядная разнофасеточная. Две других пластины несут только следы утилизации (микровыкрошенность кромок от использования изделия). Можно отметить незначительную длину сегмента, более чем в три раза меньшую ширины.

Пластины *средних размеров* составляют группу из четырех изделий разной степени фрагментации – полная (рис. 4.-10) и усеченная пластины (рис. 4.-11), дистальный (рис. 4.-12) и проксимальный фрагменты (рис. 4.-9). Обработка имеется только на усеченной пластине – ретушь на обоих краях с дорсальной стороны. Ретушь аккуратная притупляющая соразмерная мелкая.

Мелких пластин десять, из них две полных (рис. 3.-4; 4.-14), две являются дистальными фрагментами (рис. 3.-5; 4.-13), остальные усеченные (рис. 3.-15–20). Они не имеют выразительной обработки, за исключением вентральной притупляющей на верхнем левом углу усеченного изделия. На трех усеченных пластинах и дистальном фрагменте отмечен утилизационный износ.

Два скола по своим параметрам могут быть отнесены к крупному и среднему пластинчатому отщепам, не имеющим обработки (рис. 3.-3).

Отщепы

Имеется 13 экземпляров: мелкий первичный, крупный и средний полупервичные и 10 вторичных (два крупных, два средних и шесть мелких).

Орудия

Из четырех орудийных форм только одно изделие является выразительным – мелкий концевой скребок с ретушированными продольными краями (рис. 4.-21). Основная рабочая кромка обработана длинными мелкими сколами, оформившими скос средней высоты, и мелкой регулярной притупляющей ретушью. Продольные кромки притуплены мелкой нерегулярной разнофасеточной ретушью, возможно, для подгонки к закреплению в муфте.

Остальные орудия имеют случайную форму: крупный плоский отщеп с ретушью, сколотый при обновлении скребловидного орудия или крупного скребка (рис. 4.-24) и два острия средних (рис. 4.-22) и мелких

размеров (рис. 4.-23). Острия оформлены с помощью ретуширования левых боковых выступов широких отщепов. Одна из острийных кромок очень сильно заполирована от интенсивного использования (рис. 4.-23).

В целом можно отнести описанный комплекс памятника к ранне-неолитическому времени (VII–VI тыс. до н.э.). Культурное определение дать сложно, так как неолит этой части предгорий Алтая изучен крайне слабо. Можно отметить сходство комплекса каменной индустрии с материалами соответствующих культурных слоев памятников Чемальской Катунь (Усть-Кулом, Малый Дуган, Тыткескень-2 и 6) [Кунгуров, 1991; Сосновский, 1940].

Кировский 3. Стоянка, приуроченная к левому борту долины р. Песчаной, который является бортом водораздельной (Ануй – Песчаная) аккумулятивной равнины. Ее край, плавно повышающийся к югу, соответствует первой надпойменной террасе Песчаной. В месте расположения поселения он оформлен изгибом реки в небольшой мыс, частично разрушенный карьером. При его разработке, видимо, пострадала и часть памятника, занимавшего оконечность выступа-мыса. Высота участка над у.м. 176 м, над урезом р. Песчаная около 7 м. Стоянка зафиксирована на подъеме первой надпойменной террасы левого борта долины р. Песчаной. Материал представлен сколом кремнистого сланца крупных размеров (рис. 3.-7). Скол снят с нуклеидного изделия, имеющего неровную фасетированную ударную площадку, видимо, с целью отсечения образовавшегося в процессе утилизации ребра на фронте скалывания. Таким образом, артефакт можно интерпретировать как широкий реберчатый скол. Судя по граням фасеток, образующих ребро, препятствовавшее дальнейшему расщеплению нуклеуса и удаленное сколом, образовалось от рекуррентных снятий с крупного плоскостного нуклеуса для заготовок скребел. Подобные ядрища характерны для нижнекатунской верхнепалеолитической культуры датирующейся концом плейстоценового времени (15–13 тыс. л.н.) [Кунгуров, 1991; 1993].

Библиографический список

- Абрамова З.А. Палеолит Северной Азии // Палеолит мира: палеолит Кавказа и Северной Азии. Л., 1989. С. 145–243.
- Деревянко А.П., Маркин С.В. Палеолит Северо-Запада Алтае-Саян // РА. 1998. №4. С. 17–34.
- Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Степанова Н.Ф. Археология Нижнетыткескеньской пещеры-1. Барнаул, 1995. 150 с.
- Кунгуров А.Л. Относительная хронология палеолитических памятников бассейна Средней Катунь // Проблемы хронологии в археологии и истории. Барнаул, 1991. С. 50–63.
- Кунгуров А.Л. Культуры палеолита-мезолита Северного Алтая // Культурногенетические процессы в Западной Сибири. Томск, 1993. С. 22–24.
- Кунгуров А.Л. Многослойное поселение Усть-Сема // Источники по истории республики Алтай. Горно-Алтайск, 1997. С. 37–59.
- Кунгуров А.Л., Кадиков Б.Х. Многослойное поселение Усть-Сема // Алтай в эпоху камня и раннего металла. Барнаул, 1985. С. 29–50.

Кунгурова Н.Ю. Древнее поселение в устье р. Куям // Материалы к изучению Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1992. С. 3–22.

Сосновский Г.П. Раскопки палеолитической стоянки в долине р. Катунь // СА. 1940. №5. С. 297–298.

Сосновский Г.П. Палеолитическая стоянка у с. Сротки на р. Катунь // Палеолит и неолит СССР. МИА. М., 1941. №2. С. 109–125.

О.С. Лихачева

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

РАЗВЕДКА В БИЙСКОМ РАЙОНЕ АЛТАЙСКОГО КРАЯ

Работа выполнена при поддержке гранта Министерства образования и науки РФ (постановление №220), полученного ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет» проект №2013-220-04-129 «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии». Опубликовано при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации в рамках базовой части государственного задания в сфере научной деятельности ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет» (проект 1006)

Бийской археологической экспедицией Алтайского государственного университета летом – осенью 2013 г. проведено обследование археологических памятников. Маршрут для обследования территории был составлен на основе сведений о памятниках раннего железного века. В результате было намечено четыре района для проведения работ: окрестности г. Бийска, пос. Боровой и с. Малоугренево на правом берегу Бии, а также с. Сротки на правобережье Катунь, где обследованы девять памятников. В этих пунктах снимался план местности и визуально фиксируемых объектов, производился осмотр разрушающихся участков и сбор подъемного материала.

Могильник Аэродромный и поселение Аэродромное расположены на участке правобережной террасы реки Бии, рассеченной глубоким оврагом. Сейчас это место является северо-восточной окраиной города Бийска. С севера оно ограничено Центральным кладбищем, а с юга – с бывшим поселком Лесозаода. Сведения о могильнике Аэродромный стали поступать в Бийский краеведческий музей с 1960-х гг. от местных жителей, которые приносили материалы из разрушенных погребений. В 1979 г. памятник был осмотрен А.Л. Кунгуровым, а за период с 1979 по 1986 г. на нем было раскопано 13 могил. Поселение было открыто Б.Х. Кадиковым в 1960-х гг. В 1979 г. оно было обследовано А.Л. Кунгуровым, в 1981 г. Ю.Ф. Кирюшиным, а в 1986 г. А.А. Казаковым было раскопано около 60 кв. м [Кирюшин, Кунгуров, Казаков, 1992, с. 9–10].

Погребения могильника Аэродромный раньше располагались по северному и южному бортам оврага. При осмотре этой территории ви-

зуально фиксируемых археологических объектов выявлено не было. Поселение Аэродромное ранее находилось у юго-западного участка оврага. Осмотр этой территории выявил остатки раскопа 1986 г. Сам раскоп и прилегающая часть террасы сильно задернованы, археологических материалов здесь не обнаружено.

Поселение Боровое-1 расположено на второй надпойменной террасе правого берега Бии высотой 5–7 м, на юго-восточной окраине поселка Боровое. Памятник был открыт в 1981 г. А.Л. Кунгуровым [Кирюшин, Кунгуров, Казаков, 1992, с. 7]. Осмотр месторасположения показал, что с северо-востока здесь проходит дорога на обводную бийскую трассу, с северо-запада расположены дома и дворы. Между ними и дорогой имеются обнажения, где было собрано восемь фрагментов керамики: четыре от венчиков (два с орнаментом) и четыре от стенок сосудов (два с орнаментом).

Венчики прямые в поперечном сечении. На одном прослеживается фрагмент орнамента в виде двух прочерченных линий, сходящихся под острым углом, вершина которого обращена к краю венчика (треугольник, ромб, зигзаг?) (рис. 1.-4). На другом венчике нанесен жемчужник (рис. 1.-2). На одном из фрагментов стенок заметен конец прочерченной линии, а на двух – ряд округлых вдавлений с широкой углубленной полосой над ними (рис. 1.-1, 3, 5).

Подобные орнаментальные мотивы характерны для переходного времени от бронзового к раннему железному веку и встречаются у керамики с таких памятников большебереченской культуры, как Мыльниково и Ближние Елбаны-IV [Грязнов, 1956, табл. VI-1. 7, 10; Папин, Шамшин, 2005, рис. 4.-1; рис. 5.-2].

Поселение Боровое-2 находится на песчаной гриве надпойменной боровой террасы правого берега Бии высотой 10 м, в 300 м к юго-востоку от поселка Боровой, 250 м юго-восточнее Борового-1. По юго-западному краю гривы проходит дорога из поселка Боровой на обводную бийскую трассу. Памятник был открыт Б.Х. Кадиковым в 1960-х гг., в 1981 г. обследовался А.Л. Кунгуровым. Вдоль гривы было зафиксировано шесть жилищных западин, собраны фрагменты керамики [Кирюшин, Кунгуров, Казаков, 1992, с. 7–8]. На сегодняшний день памятник сильно задернован, на его территории имеется несколько мусорных ям, оставленных отдыхающими. Визуально фиксируются только четыре жилищные западины размером от 4х4 до 5х6 м и глубиной до 0,4 м. Археологических материалов не обнаружено.

Поселение Боровое-3 занимает участок мыса второй надпойменной террасы правого берега Бии высотой 10 м, вдоль северного берега озера Кривушка, в 550 м юго-восточнее Борового-1. Памятник был открыт в 1930-х гг. сотрудниками Бийского краеведческого музея. В 1960-х гг. оно обследовалось Б.Х. Кадиковым и в 1981 г. – А.Л. Кунгуровым. В 1986 г. на поселении М.Т. Абдулганеевым было вскрыто 100 кв. м площади, а в 1988 г. А.Л. Кунгуровым изучена оставшаяся его часть [Кирюшин,

Кунгуров, Казаков, 1992, с. 8]. Сейчас восточный его край застроен автозаправочной станцией. С северо-востока проходит асфальтированная дорога из с. Боровое на обводную бийскую трассу. Также по памятнику проходит старая грунтовая дорога. При ее осмотре найдено два орнаментированных фрагмента керамики, оба являются венчиками. Еще один фрагмент неорнаментированной стенки обнаружен в обнажении берега к югу от автозаправки, в 68 м от находки на дороге.

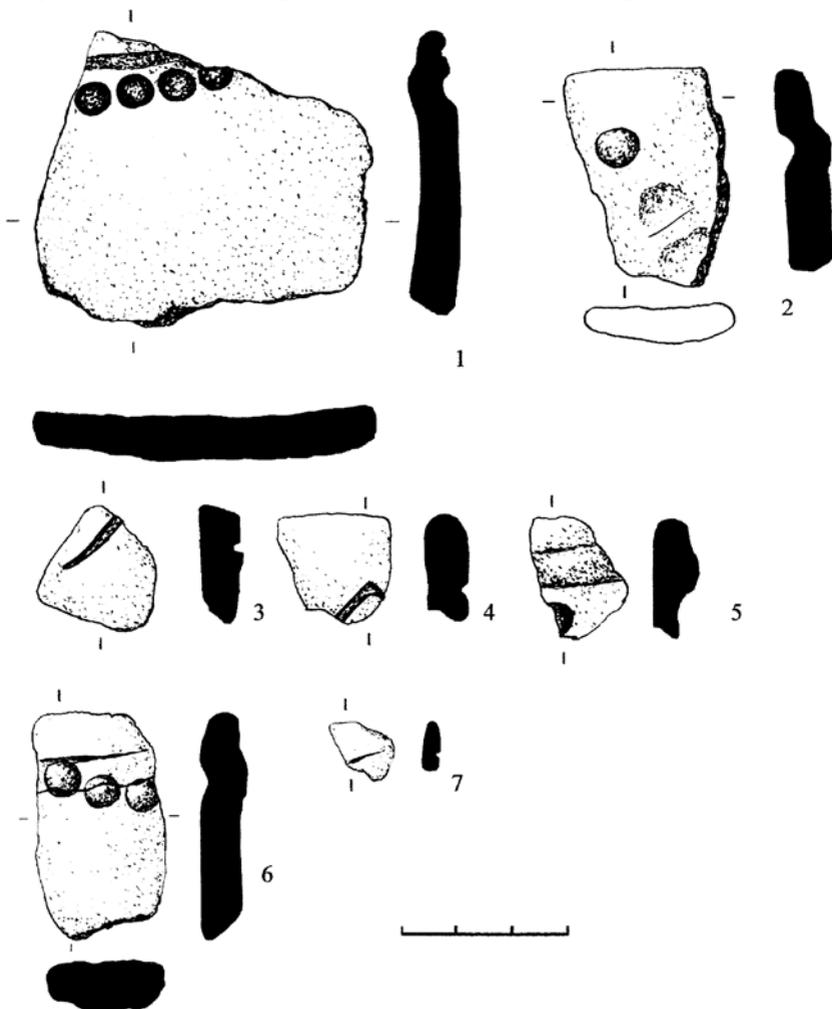

Рис. 1. Орнаментированные фрагменты керамических сосудов с поселения Боровое-1 (1–6) и Боровое-3 (7–8)

Оба венчика прямые, один имеет орнамент из жемчужника и прочерченной над ним линии (рис. 1.-6). У второго фрагмента заметен лишь конец прочерченной линии (рис. 1.-7). Наиболее близкие аналогии данная керамика находит в материалах поселения большеереченской культуры Мыльниково [Папин, Шамшин, 2005, с. 47–48].

Поселение Боровое-4 расположено на второй надпойменной террасе правого берега Бии, в 180 м западнее села Малоугренево, в 300 м северо-восточнее Борового-3. С севера данный участок террасы ограничен кромкой бора, с запада в 60 м от него расположено озеро Кривушка. В 1981 г. поселение обследовалось А.Л. Кунгуровым, которым было выявлено четыре жилищных западины [Кирюшин, Кунгуров, Казаков, 1992, с. 8]. На настоящий момент через памятник проходит грунтовая дорога, выводящая на обводную бийскую трассу. На территории поселения также расположена строительная площадка. Жилищные западины, обнаруженные ранее, визуальнo не фиксируются. Скорее всего, они уничтожены искусственными лесопосадками севернее дороги. Южнее дороги участок террасы имеет обнажения, при осмотре которых собрано 12 фрагментов неорнаментированных стенок керамики.

Поселение Малоугренево-1 находится в 2 км северо-восточнее села Малоугренево на раздувах песчаных дюн. В 1927–1941 гг., а также в 1946 г. на этом памятнике проводились сборы сотрудниками Бийского краеведческого музея [Кирюшин, Кунгуров, Казаков, 1992, с. 108]. Большая часть памятника активно раздувается. Раздувы находятся с южной и западной стороны. При осмотре дюн в осыпях было собрано 17 неорнаментированных стенок керамических сосудов.

Поселение Мокрый Яр расположено в 1,5 км восточнее села Малоугренево на правом берегу Бии, на террасе высотой 25 м. В 1985 г. на этом поселении М.Т. Абдулганеевым проводились сборы [Кирюшин, Кунгуров, Казаков, 1992, с. 107]. Осмотр территории памятника выявил наличие песчаных осыпей в юго-юго-восточной части со стороны реки. Здесь собрано 10 фрагментов неорнаментированных стенок керамических сосудов.

Курганный могильник Сростки-II находится на правом берегу Катуня, на вершине горы Пикет высотой 293 м, с восточной окраины с. Сростки. Могильник раскапывался М.Н. Комаровой в 1925 г., при этом ею было вскрыто шесть курганов [Кирюшин, Кунгуров, Казаков, 1992, с. 109–110]. Осмотр месторасположения памятника позволил выявить наличие шести курганных насыпей, расположенных на участке вершины, с востока ограниченным обрывом, а с запада – забором ретрансляторной станции. В 4,8 м восточнее забора находится триангуляционная вышка, окопанная ромбовидным рвом. Курганы расположены двумя параллельными цепочками по линии С–Ю с незначительными отклонениями.

Восточная цепочка включает курганы №1–3

Курган №1 – самый южный в цепочке, имеет земляную насыпь округлой формы диаметром 8,5 м, высотой 0,6 м. В центре насыпи западина диаметром 2 м и глубиной 0,4 м.

Курган №2 – центральный в цепочке, расположен в 9 м на северо-северо-восток от кургана №1. Состоит из земляной насыпи диаметром 9 м и высотой 0,5 м. В ее центре находится западина диаметром 2 м и глубиной 0,4 м.

Курган №3 – самый северный в цепочке, расположен в 11 м северо-северо-западнее кургана №2. Имеет земляную насыпь диаметром 7 м и высотой 0,45 м. В центре насыпи западина диаметром 1 м и глубиной 0,2 м.

Западная цепочка включает курганы №4–6

Курган №4 – самый северный в цепочке, расположен в 4,5 м на юго-запад от кургана №3 и в 8 м к северо-востоку от триангуляционного знака. Состоит из земляной насыпи диаметром 8,7 м и высотой 0,55 м. В ее центре находится западина диаметром 3 м и глубиной 0,2 м.

Курган №5 – центральный в цепочке, расположен в 2 м юго-юго-восточнее кургана №4 и в 5 м западнее кургана №2. Имеет земляную насыпь диаметром 9,5 м и высотой 0,6 м. В центре насыпи западина диаметром 3,3 м и глубиной 1,1 м.

Курган №6 – самый южный в цепочке, расположен в 3,5 м на юго-запад от кургана №5 и в 9 м на северо-запад от кургана №1. Состоит из земляной насыпи диаметром 4 м и высотой 0,25 м. В ее центре находится западина диаметром 1 м и глубиной 0,3 м.

В ходе мониторинга памятников раннего железного века Бийского района, расположенных в окрестностях города Бийска, поселка Боровое и сел Малоугренево и Сростки, было установлено, что все они разрушаются под антропогенным (Боровое-1, 2, 3, 4) или природным воздействием (Аэродромное, Малоугренево, Сростки-II, Мокрый Яр). Таким образом, их изучение важно не только с точки зрения получения новых сведений о населении данной территории в раннем железном веке, но и в связи с аварийным состоянием объектов. Наиболее перспективными для изучения, на наш взгляд, являются поселение Боровое-2 и могильник Сростки-II, поскольку на них еще присутствуют визуально фиксируемые объекты.

Библиографический список

Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. М.; Л., 1956. 163 с.

Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Казаков А.А. Город Бийск. Памятники археологии // Бийск, Бийский район. Памятники истории и культуры. Бийск, 1992. С. 7–32.

Папин Д.В., Шамшин А.Б. Барнаульское Приобье в переходное время от эпохи бронзы к раннему железному веку. Барнаул, 2005. 202 с.

Г.К. Омаров, Е.Т. Толегенов

*Казахский национальный университет им. Аль-Фараби, Алматы;
Филиал Института археологии им. А.Х. Маргулана, Астана, Казахстан*

**ПАМЯТНИКИ СРЕДНЕВЕКОВОГО НАСЕЛЕНИЯ
КАЗАХСКОГО АЛТАЯ**

Работа выполнена при финансовой поддержке грантов Комитета науки МОН РК (проекты №1646/ГФ2-ОТ13 «Тюркское наследие Казахского Алтая: религия и мировоззрение», №1157/ГФ «Археологические памятники Курчумского района ВКО»)

Территория Казахского Алтая является чрезвычайно актуальной в плане изучения памятников различных эпох. Особое внимание приобретают алтайские материалы и в археологии тюркского времени, которое является важнейшим периодом для изучения этнической истории современных казахов. Первые сведения по тюркскому времени были получены в результате проведенных раскопок на могильнике Берел в 1865 г. В.В. Радловым, материалы которых были опубликованы в следующих работах автора: «Сибирские древности» (1886 г.), «Из Сибири (страницы дневника)» (1884 г., переиздана в 1989 г.) [Радлов, 1989]. Материалы по средневековой археологии Алтая встречается и у А.А. Захарова в книге «Materials on the Archaeology of Siberia», вышедшей в Хельсинки в 1928 г. (уточненное описание и дополнительные материалы приведены А.А. Гавриловой), а также сообщение А.В. Адрианова в капитальном труде «К археологии Западного Алтая» о каменных изваяниях, обнаруженных в регионе [Гаврилова, 1965; Адрианов, 1916, с. 80]. В результате деятельности Восточно-Казахстанской археологической экспедиции под руководством С.С. Черникова, работавшем на территории Восточного Казахстана с 1947 по 1957 г., были сделаны значительные шаги в исследовании региона, изучены различные типы памятников, датируемые в пределах широкого хронологического диапазона: от эпохи камня до средневековья, масштаб проводимых работ определил их высокую результативность [Черников, 1960, с. 140–155; Археологическая карта Казахстана, с. 15, 133]. Значительный вклад в изучение средневековой археологии региона был сделан Ф.Х. Арслановой [1969, 2013.]. Так же весомый вклад в изучение древнетюркской культуры данного региона внес А.А. Чариков [Арсланов, Чариков, 1974; 1976]. Начиная с 1998 г. проводятся широкомасштабные работы на могильнике Берел, часть курганов которого датируются тюркских временем. Тюркским временем датируются объекты №25, 37, 38, 16С [Самашев, 2011, с. 103–114].

Археологические изыскания, авторами данной статьи начались с 2012 г., исследования проводились в могильниках Алкым-1, 2, 3, расположенных в 4 км к северо-востоку от с. Калжир Курчумского района Восточно-Казахстанской области. Могильники находятся на разных

надпойменных террасах правобережья реки Калжир. В этом полевом сезоне памятник изучался при финансировании гранта «Археологические памятники Курчумского района» [Омаров, 2014, с. 35]. Река Калжир берет свои истоки от озера Маркаколь и, протекая через Курчумский хребет, на данном участке выходит в Зайсанскую котловину и является правым протоком Черного Иртыша. Могильник расположен у выхода реки из горной системы, которую местные жители называют «Алкым».

Исследования непосредственно объектов проводились в могильнике Алкым-2, расположенном на третьей надпойменной террасе, которую с востока обмывает река Калжир со скалистыми берегами, а с запада возвышаются горные хребты Карасенгир. Территория могильника треугольной формы, у устья она заостряется и на выходе расширяется. Длина с севера на юг – 800 м и ширина у выхода с востока на запад – 150 м. Высота местности над уровнем моря 500–515 м. Грунт данной местности каменистый. Расположение курганов не имеет определенной системы. Диаметры курганов варьируется от 5 до 20 м. Конструкция курганов в основном разрушена охотниками за сокровищами, позднее каменную насыпь курганов использовали для сооружения дамбы, плотин и строительных работ. Также конструкция некоторых курганов, расположенных прямо на краю террасы, разрушена оползнем и смывается паводками.

В целом, судя по географическому положению и гидрологической ситуации, данная местность очень благоприятствует для жизнедеятельности. И именно поэтому аборигены с древних времен сакрализовали эту территорию.

Можно предположить, что древние жители данной местности занимались не только кочевым скотоводством, но и сезонным земледелием, так как низовья рек Калжир и Черного Иртыша благоприятствуют орошаемому земледелию.

Могильник Алкым-II находится южнее могильника Алкым-I на одну террасу выше. Все курганы данного могильника учтены и сделан топографический план. В данном могильнике в общей сложности около 70 курганов. Наземные конструкции всех курганов могильника состоят из каменной насыпи, в некоторых присутствует галечник.

Курган №1 расположен в южной части могильника, наземная конструкция его разрушена в результате строительства плотины, которая находится в непосредственной близости от могильника. В связи с этим определить настоящую высоту и изначальную конструкцию кургана не представляется возможным, лишь по камням, составлявшим основу наземной конструкции, можно показать диаметр кургана: с юга на север – 10,9 м, с запада на восток – 9,5 м. При зачистке от дерна выявилось, что сохранился лишь один слой камней по периметру наземной конструкции, а в центральной части камни редко встречаются или совсем отсутствуют. После полной зачистки центральной части кургана выявилось могильное пятно, протянувшееся по оси восток–запад на 2 м, а с севера на юг –

на 1 м. Над могильной ямой фиксировалось скопление камней, края которых провалили вовнутрь, это, вероятно, следы грабительского лаза. Далее при послышной зачистке могильной ямы в северной части зафиксированы забутовка камней, которые являются явными признаками грабителей. Контуры могильной ямы полностью вырисовались, ее размеры с востока на запад 2 м и с севера на юг – 1,5 м. В процессе зачистки могильной ямы на глубине 0,7 м от дневной поверхности обнаружены большие плиты, являющиеся стенками каменного ящика, размерами восток–запад – 1,56 м и север–юг – 0,85 м. При зачистке внутренней части каменного ящика с западной части на глубине 0,73 м и в 0,15 м от северо-западной стенки зафиксированы костяные украшения. Обнаруженное изделие из кости является подвеской поясного набора, которая имеет каплевидную форму с одной стороны и прямоугольную с прорезью внутри диаметром 6 мм. Общая длина 4,3 см. Украшение с одной стороны выпуклое, а на обороте ровно отшлифовано.

При дальнейшей зачистке на глубине 1,1 м в 0,13 м от северной стенки обнаружено изделие из бронзы продолговатой формы длиной 4,1 см и шириной 1,4 см, являющееся деталью поясного набора – концевой бляхой пояса. На обороте имеются два выступа для клепки. На лицевой стороне в средней части – глубокие линии в виде стрелки, острым концом направленные в закругленную сторону. Рядом обнаружена металлическая обойма черного цвета подпрямоугольной формы размерами 2,2x1,3 см, хорошей сохранности. Толщина металлического прута 3,5 мм. Вероятно, это тоже является деталью поясного набора. Металлическая пластина, найденная вместе с остальными, имеет размеры 2,2x1,7 см. Пластина подверглась сильной коррозии, поэтому плохой сохранности. С одного края имеется отверстие диаметром 2 мм. И еще одна металлическая пластина по своей структуре очень похожа на первую. Вероятно, она является ее продолжением, но из-за сильной коррозии, которому подверглись пластины, они не стыкуются (рис. 1).

Далее на глубине 1,2 м от дневной поверхности фиксируются останки человека, ориентированного на запад. Сохранились лишь череп и нижние конечности; ребра и позвонки разрушены и разбросаны в результате деятельности грабителей. Сохранность костей удовлетворительная.

К востоку на 0,1 м от черепа и 0,2 м от северной стенки обнаружен наконечник стрелы, покрытый ржавчиной с частично сохранившимся древком, общая длина которого 7,6 см. Наконечник стрелы трехгранный черешковый металлический, удовлетворительной сохранности. Длина самого наконечника составляет 3,6 см, а остальная часть (4 см) является черешком.

Аналогичные изделия из бронзы, в частности, концевые бляхи пояса, обойма и трехгранный наконечник стрелы, встречаются в Беш-Таш-Короо, Бел-Саз 2 и других могильниках, которые К. Табалиев датирует VII–XIII вв. Схожесть данных артефактов можно проследить и в погреб-

бальном инвентаре Зевакинского могильника, хронология которого, по определению Ф.Х. Арслановой, приходится на VIII–IX вв. [Табалдиев, 1996; Арсланова, 2013].

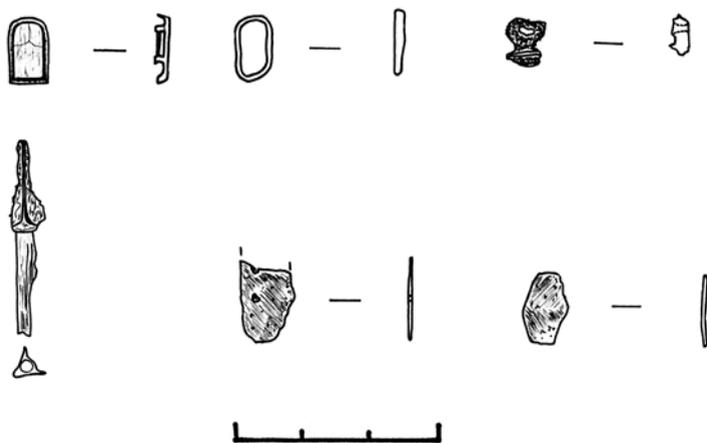

Рис. 1. Находки из кургана №1. Могильник Алкым-2

Таким образом, судя по артефактам, найденным на могильнике Алкым-2, данный объект можно предварительно отнести к памятникам средневековых номадов.

В 2013 г. исследования средневековых памятников могильника Алкым-2 продолжились, они проводились в рамках грантовой темы «Тюркское наследие Казахского Алтая: религия и мировоззрение». В этом полевом сезоне были исследованы два объекта.

Курган №9 находится на третьей надпойменной террасе р. Калжир, в юго-западной части могильника.

При визуальной фиксации наземная конструкция кургана представляла собой каменную насыпь из обломков сланцевых пород, поросшую травой. После расчистки насыпи кургана от травяного покроя обнаружена округлая наземная конструкция диаметром 6 м. После удаления камней в центре кургана была выявлена каменная выкладка, перекрывающая могильную яму. Выкладка овальной формы, размеры по линии З–В 3,8 м, С–Ю – 2,7 м. Камни лежат в два слоя, сконцентрированы в основном в середине, размерами в среднем 74x38x12; 62x43x10; 50x25x9; 52x46x9; 58x34x11. После снятия верхних камней был расчищен каменный ящик, сооруженный из плашмя уложенных плит. Ориентирован длинной осью по линии З–В. Внутренние размеры: северная стенка длиной 1,8 м, южная – 1,7 м, западная – 0,6 м, восточная – 0,7 м. Плиты ящика слегка наклонены вовнутрь. Западная и восточная стенки каменной конструкции состоят из крупных плит, лежа-

щих плашмя длинной стороной вдоль стенки могилы. Размер западной плиты 0,55x0,3x0,1 м, восточной – 0,7x0,45x0,1 м. Северная и южная стенки ящика сооружены из нескольких крупных плит. Размеры плит ящика составляют от 0,5x0,15x0,05 до 0,75x0,3x0,1 м. Общая глубина могильной ямы на момент расчистки от уровня верха ящика составляет 0,45 м, толщина плит – от 0,1 до 0,15 м.

В могильной яме обнаружен скелет человека, лежащий *in situ*. Костяк был ориентирован головой на запад. Усопшего уложили навзничь на живот, головой на север (рис. 2). Обе руки чуть согнуты в локтях. Ноги вытянуты прямо, стопа левой ноги находится под стопой правой ноги. Кости плохой сохранности. Длина расчищенного костяка от верхней части черепа до костей стоп составляет 1,8 м. Других материальных останков в могиле не зафиксировано.

Рис. 2. Курган №9. Захоронение ничком. Могильник Алкым-2

Курган №10 расположен к юго-востоку от кургана №9, на небольшой возвышенности. Насыпь кургана состояла из сплошь уложенных каменных плит средних размеров, частично разрушена при проведении гидротехнических работ. Диаметр кургана при первоначальном измерении около 6 м. После расчистки оставшихся плит насыпи, частично задернованных земель, была зафиксирована каменная оградка в форме ящика, стенки которой сооружены из плашмя уложенных плит, ориентированная длинной осью по линии З–В. Она подпрямоугольной формы, в средней части более широкая, со срезанными углами. Максимальная длина ящика по центральной оси по линии З–В – 1,8 м, ширина в центральной части по линии С–Ю – 1,1 м. Западная стенка оградки состоит из одной плиты размерами 0,8x0,4x0,1 м, восточная стенка из трех

плит – одной более крупной и двух мелких, уложенных поверх крупной плиты. Все плиты стен оградки лежат длинной осью вдоль стены. Местами стенки ящика состоят из двух более тонких плит, положенных одна на другую. Размеры плит оградки составляют от 0,25x0,2x0,05 до 0,8x0,4x0,1 м. Каменные плиты, составляющие стенки и лежащие плашмя, уложены прямо на древней поверхности. Плиты лежат в один слой, и лишь с северной стороны камни установлены в два слоя.

В заполнении каменного ящика, состоящем из грунта с мелким золотым камнем темно-серого цвета, зафиксированы разрозненные фрагменты человеческих костей плохой сохранности, так как усопшего положили на уровне древней поверхности. После расчистки был заложен шурф внутри оградки; оказалось, что далее идет материк.

Исследуемые объекты древнетюркского времени данного могильника дают нам ранее не фиксированный интересный материал о мировоззрении, культуре и быте средневековых кочевников этого региона. Обнаруженные в оградке №9 останки погребенного, лежащего навзничь, доселе на территории Казахстана в погребальных памятниках средневековья не прослеживались. Однако в 2010 г. в могильнике эпохи бронзы Кумсай, расположенном в Уилском районе Актюбинской области, было обнаружено впускное захоронение, которое совершено на незначительной глубине [Исследование могильника Кумсай..., 2011]. Костяк взрослого человека лежал в нестандартной позе – на животе, головой на юго-восток. Усопшего уложили с согнутыми в коленях ногами. Погребение также безынвентарное. Здесь стоит еще раз напомнить, что данное захоронение является впускным и без каких-либо анализов говорить о датировке не представляется возможным.

В Перу были обнаружены погребения людей, захороненных ничком. Исследователи считают, что это было связано с поведением человека при жизни, которое не укладывалось в рамки общества. Поэтому выразить свое неуважение к нему можно было после смерти. Также причинами такого способа захоронения, по мнению Каролины Арсини, являются культурные и религиозные конфликты [www.convert-mw.ru/arheologi-obnaruzhili-lyudej-zahoronenny-h-vniz-litsom/]. Захоронения ничком встречаются и в сарматских погребениях. Об этом свидетельствуют записи Тадеуша Сулимирского в книге «Сарматы. Древний народ юга России». Трупы обычно клали навзничь, но на ранних этапах культуры нередко встречались и захоронения в согнутом положении, характерные для бронзового века. Это говорит о том, что данные захоронения датируются более поздним, чем эпоха бронзы, временем, хотя конкретной датировки не имеют [lib.rus.ec/b/290590/read]. В своей статье «Исторические формы захоронений у абхазов» С.А. Дбар [2003, с. 278] отметил, что, по этнографическим материалам, захоронению ничком у абхазов подвергаются изгои, чаще всего обвиненные в кровосмесительстве и измене. Но в нашем случае возникает парадокс: если

погребенного считать изгоем или изменником, то зачем сооружали такую сложную конструкцию оградки в виде ящика из аккуратно уложенных каменных плит?

Исходя из этого можно предположить, что усопший при жизни был известным человеком в своем обществе; по нашему мнению, данный индивид был субъектом с нетрадиционным мышлением, т.е. возможно предполагать, что он был шаманом.

Таким образом, исследование вышеизложенных памятников древнетюркского времени данного могильника дает нам ранее не фиксированный интересный материал о мировоззрении, культуре и быте средневековых номадов этого региона, которые, несомненно, восполнят материальную базу в изучении тюркского периода Казахского Алтая.

Библиографический список

Адрианов А.В. К археологии Западного Алтая (из поездки в Семипалатинскую область в 1911 г.). Петроград, 1916.

Арсланова Ф.Х. Очерки средневековой археологии Верхнего Прииртышья // Материалы и исследования по археологии Казахстана. Астана, 2013. Т. 3. 406 с.

Арсланова Ф.Х. Погребения тюркского времени в Восточном Казахстане // Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана. Алма-Ата, 1969. С. 43–57.

Арсланова Ф.Х., Чариков А.А. Каменные изваяния Верхнего Прииртышья // СА. 1974. №3. С. 220–235.

Археологическая карта Казахстана / отв. ред. К.А. Акишев. Алма-Ата, 1960. 486 с.

Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л., 1965. 145 с.

Дбар С.А. Исторические формы захоронений у абхазов // Кавказ: история, культура, традиции, языки: мат. Междунар. науч. конф. Сухуми, 2003. С. 275–286.

Исследование могильника Кумсай (Кырык оба) в 2010 г. // Отчет о научно-исследовательской работе (науч. рук. З. Самашев). Актобе, 2011.

Омаров Г.К. Археологические памятники Курчумского района (археологические исследования 2012 года). Алматы, 2014. 148 с. (на каз. языке).

Радлов В.В. Из Сибири (страницы дневника). М., 1989. 750 с.: карты.

Самашев З.С. Берел. Алматы, 2011. 236 с.

Табалдиев К. Курганы средневековых кочевых племен Тянь-Шаня. Бишкек, 1996. 255 с.

Чариков А.А. Раннесредневековые скульптуры из Восточного Казахстана // СА. 1976. №4. С. 153–165.

Черников С.С. Наскальные изображения верховий Иртыша // СА. 1947. Т. IX. С. 251–282.

Черников С.С. В глубине веков // Очерки истории Рудного Алтая. Усть-Каменогорск, 1970. С. 5–15.

Черников С.С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы // Материалы исследования по археологии СССР. М.; Л., 1960. №88. 273 с.

www.convert-mw.ru/arheologi-obnaruzhili-lyudej-zahoronenny-h-vniz-litsom/.lib.rus.ec/b/290590/read.

Д.В. Папин, А.С. Федорук, Д.В. Черных, Р.Ю. Бирюков

*Алтайский государственный университет;
Институт водных и экологических проблем СО РАН, Барнаул, Россия*

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ЭЛЕКТРОМАГНИТНОГО ИЗУЧЕНИЯ ПОСЕЛЕНИЯ БУРЛА-3

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект №12-01-00360
«Периодизация, генезис и связи археологических культур степного
Обь-Иртышского междуречья в эпоху поздней бронзы»)

Поселение Бурла-3 было открыто сотрудником АлтГУ В.С. Удодовым в 1983 г. и исследовался археологической экспедицией под его руководством в 1983–1988 гг. Им был заложен раскоп на краю распахиваемого поля, у полевой дороги, ведущей вдоль края речной террасы. Общая исследованная площадь составила около 600 кв. м. На этой территории было изучено три расположенных компактной группой подквадратных жилища эпохи поздней бронзы [Киришин, Удодов, 1990–1992; Удодов, 1984; 1988–1991; 1994]. Полученные результаты были обобщены в диссертации исследователя «Эпоха развитой и поздней бронзы Кулунды» и автореферате диссертации [Барнаул, 1994].

В административном плане памятник расположен в Хабаровском районе Алтайского края, 3,7 км северо-восточнее въезда в райцентр Хабары и в 0,74 км к северу от трассы Хабары – Усть-Курья. В природном отношении – в засушливо-степной подзоне Приобского плато в пределах Бурлинской ложбины древнего стока непосредственно у уступа к современной долине р. Бурла. Превышение над уровнем поймы р. Бурла составляет 5 м. Поверхность сложена среднезернистыми неслоистыми переветными песками, имеет слабый уклон в сторону русла р. Бурла. Выраженных в рельефе понижений или повышений нет.

В августе 2013 г. Кулундинской археологической экспедицией Алтайского государственного университета совместно с НПЦ «Наследие» были продолжены раскопки на территории поселения. Полученные результаты показали, что информативные возможности памятника не исчерпаны и обладают высокой долей актуальности в рамках проблем эпохи поздней бронзы. С целью прогнозирования дальнейшего изучения памятника осенью того же года сотрудниками ИВЭП СО РАН было проведено исследование методом электромагнитного частотного зондирования с применением аппаратно-программного комплекса ЭМС, разработанного в лаборатории электромагнитных полей Института нефтегазовой геологии и геофизики СО РАН. Прибор позволяет быстро строить карты, разрезы и другие распределения сигнала, пропорционального удельной электропроводности (КУЭС) грунта.

Исследование аппаратурой ЭМС выполнялось на площадке 20x20 м в узлах равномерной сетки с шагом 1x1 м. Одной стороной площадка примыкает к краю раскопа полевого сезона 2013 г. Измерения проводились на

14 частотах (первая характеризует наибольшую глубину (порядка 10 м), четырнадцатая – наименьшую). По полученным данным были построены карты распределения кажущейся удельной электропроводности (рис. 1).

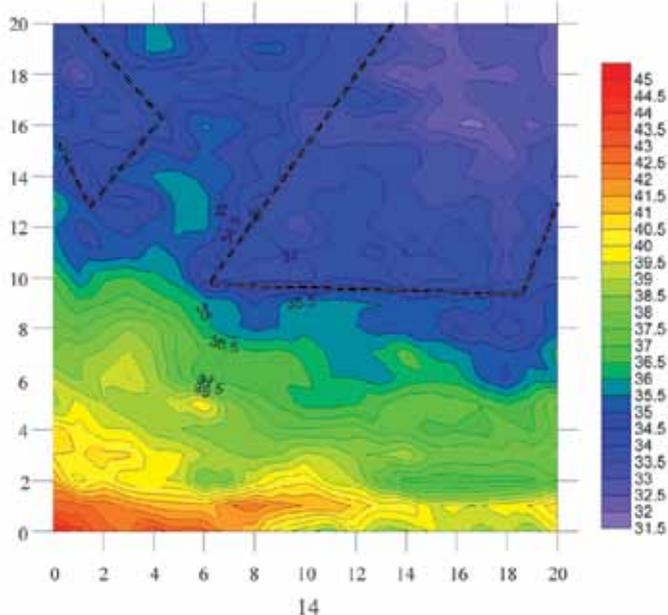

Рис. 1. Аномальные области КУЭС (показаны пунктирной линией), которые могут быть связаны с археологическими объектами

Карты изменения фазы сигнала показывают, что КУЭС уменьшается с глубиной, что, вероятно, связано с возрастанием влажности грунтов. Кроме этого, на всех глубинах значения КУЭС возрастают при движении от уступа к современной долине р. Бурла, в результате чего изолинии КУЭС образуют серию параллельных друг другу полос.

Аномалии фиксируются, главным образом, на двух частотах, характеризующих верхнюю часть почвенно-грунтовой толщи. Так, аномальные области с повышенными значениям КУЭС проявляются в двух близких участках, примыкающих к раскопу. Они ориентированы под углом друг другу и могут быть связаны с археологическими объектами. Повышенная проводимость (меньшие значения КУЭС) в аномальных областях может быть обусловлена более высоким содержанием органических соединений. При этом незначительный контраст, вероятно, обусловлен невысоким содержанием органических включений, легко вымываемых из песчаных грунтов. Таким образом, полученные результаты демонстрируют перспективность археологического изучения поселения Бурла-3.

Библиографический список

Кирюшин Ю.Ф., Удодов В.С. Экологические факторы и формирование культуры эпохи поздней бронзы Западной Сибири // Проблемы исторической интерпретации археологических и этнографических источников Западной Сибири. Томск, 1990. С. 39–43.

Кирюшин Ю.Ф., Удодов В.С. К археологической карте Кулунды // Охрана и исследование археологических памятников Алтая. Барнаул, 1991. С. 26–29.

Кирюшин Ю.Ф., Удодов В.С. Некоторые вопросы хронологии памятников бронзового века Алтая // Маргулановские чтения 1990 г. М., 1992. Ч. I. С. 84–90.

Удодов В.С. Отчет об археологической разведке в Бурлинском, Хабаровском и Панкрушихинском районах Алтайского края в 1984 году. Барнаул, 1984. 42 с.

Удодов В.С. Эпоха поздней бронзы Кулунды (к постановке вопроса) // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. Барнаул, 1988. С. 107–110.

Удодов В.С. Некоторые закономерности развития валиковой традиции на Алтае // Археологические исследования в Сибири. Барнаул, 1989. С. 55–57.

Удодов В.С. Некоторые результаты археологических исследований на р. Бурле // Охрана и использование археологических памятников Алтая. Барнаул, 1990. С. 39–43.

Удодов В.С. О роли бегазы-дандыбаевского компонента в этнокультурных процессах эпохи поздней бронзы Западной Сибири // Проблемы хронологии в археологии и истории. Барнаул, 1991. С. 84–92.

Удодов В.С. Эпоха развитой и поздней бронзы Кулунды: автореф. дис... канд. ист. наук. Барнаул, 1994. 21 с.

С.А. Пилипенко

*Новосибирский государственный университет
экономики и управления, Новосибирск, Россия*

РЕКОНСТРУКЦИЯ СРЕДНЕВЕКОВОГО БЕРЕСТЯНОГО СОСУДА ИЗ КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ (по материалам курганного могильника Саратовка)

Веками человек, адаптируясь к окружающей его среде, осмысленно осваивал различные природные материалы для своих нужд и потребностей. Одним из таких материалов была берёста. Березовые леса и околки покрывают значительные пространства юга Западной Сибири, на ее территории произрастает несколько видов берез, что обеспечивает легкую доступность к этому виду сырья.

В то же время особенности климата и состояния почв (песчано-подзолистые) юга Западной Сибири не способствуют сохранению берестяных изделий в массовом порядке. По этой причине любая находка берестяного изделия заслуживает пристального внимания специалистов. Об одной из таких находок и пойдет речь в этой работе.

Могильник Саратовка расположен в 1,5 км на юг от с. Саратовка на подошве Устюжанского плато, в восточной части Гурьевского района

Кемеровской области. Памятник был открыт М.Г. Елькиным в 1952 г., и исследования могильника проходили в 1952 и 1969–1971 гг. М.Г. Елькиным и Ф.И. Александровым [Илюшин, 1997, с. 5].

При исследовании кургана №39 в погребение 3, расположенное в центральной части насыпи кургана, обнаружено захоронение в грунтовой яме по обряду сожжение на стороне. Заполнение могильной ямы: кальцинированные кости человека, среди которых были найдены бронзовые бляхи от пояса и их фрагменты, подвески украшения, китайская монета, фрагмент бубенчика и берестяной сосуд во фрагментах (рис. 1а). Курган №39 датируется VIII–IX вв. н.э. и оставлен одной из групп населения верхнеобской культуры.

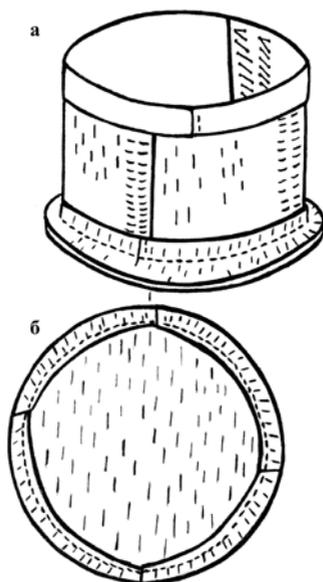

Рис. 1. Реконструкция берестяного сосуда из к.м. Саратовка Кемеровской области

Наше внимание привлекла степень сохранности берестяного сосуда в погребении по обряду сожжения на стороне. Фрагменты берестяного сосуда представляют собой полный комплект берестяных деталей, не имеющих следов воздействия огня, следовательно, он был помещен в погребение после помещения праха погребенного. Хорошая сохранность комплекта деталей от туеска позволяет нам перейти к вопросу о его реконструкции и атрибутации.

Изучаемый сосуд относится к такой разновидности берестяной посуды, как туеска. Учитывая особенности края и конструктивные отличия

чия, можно выделить две разновидности туесов по принципу крепления днища к стенкам сосуда: 1 – с пришиванием к отогнутым краям корпуса туеса; 2 – и с пришиванием дна без отгибания нижнего края туеса.

Наш сосуд относится к первой разновидности туесов, от которого сохранилось 13 фрагментов: остатки стенок – 3 шт.; детали дна – 7 шт. фрагментов. Дно состояло из трех цельных круглых берестяных пластин диаметром 17 см, изготовленных из коры взрослой березы. Детали дна скреплялись перпендикулярно относительно рисунка бересты, что напоминает современную технологию соединения шпона. Корпус туеса состоит из четырех одинаковых прямоугольных листов размерами 13x12 см, соединенных внахлест с наложением листа на 2 см, белой стороной вовнутрь. Рисунок коры идет повдоль стенок туеса. Листы сшиты двумя вертикальными параллельными швами, выполненными «Z»-образным швом. Первая группа парных отверстий отстоит от вертикального края листа в 0,5 и 1 см, вторая группа отверстий расположена в 1,5 и 2 см от края листа соответственно. Для скрепления деталей туеса используются два основных шва: прямая строчка и «Z»-образный в вертикальном варианте. Первый – для скрепления дна со стенками, второй – для укрепления стенок туеса.

При шивании дна с корпусом нижнюю часть берестяного конуса отогнули на 1,5 см. На загибе видны следы «подкусыванием по кругу». Такой способ загибания с «подкусыванием по кругу» был отмечен на аналогичном сосуде, но из более позднего памятника с территории Барабы XVII–XVIII вв. Абрамово-10, погребение №39 [Молодин, Соболев, Соловьев, 1990, с. 90]. Все отверстия сделаны иглой диаметром 0,3 см, а также использовали нож. Относительно ниток можно предположить использование как крапивных нитей, так и конского волоса [Богомолов, 1997, с. 63]. Данные этнографии этому не противоречат.

Согласно этнографическим данным в Сибири бересту заготавливали в основном в весенне-летний (май – июнь) и осенний (сентябрь) периоды. Археологические материалы этому не противоречат.

Реконструированный нами берестяной сосуд является первым берестяным вместилищем этого типа, зафиксированным на территории Кузнецкой котловины с датировкой VIII–IX вв. н.э. на основе археологических материалов.

Что касается его конструкции, то этот вопрос оказывается еще более интересным и уводит нас на правый берег Оби и далее, через р. Тара в Омское Приишимье. И это связано не только с распространением и традицией бытования этого типа сосудов, но и со степенью изученности отдельных регионов Западной Сибири.

Так, омским археологам (В.Б. Богомолову и Б.В. Мельникову) удалось проследить традицию бытования этого типа сосудов в Омском Приишимье и бассейне реки Тары с I в. до н.э. – I в. н.э. до XVIII в. (I в. до н.э. – I в. н.э. – Бешаул-2, к. 3 п. 3; X–XI вв. н.э. – Усть-Ишим-1, к. 13 п. 1; Чертлы-1, Бергамак-3 до XVIII в. н.э. [Богомолов, 1997, с. 65–67].

В Новосибирской области сосуда этого типа встречены в двух случаях, на территории Барабы. По предварительным данным, это сосуд из одновременного с Саратовкой курганного могильника Камыши-1 (к. 3. п. 1) VIII–IX вв. н.э. и сосуд из могильника Абрамово-10 (п. 39), XVII–XVII вв. н.э. [Молодин, 1990, с. 89–90; 2000, с. 219–225]. А по данным этнографии данная традиция доживает у барабинских татар до рубежа XIX–XX вв. [Богомолов, 1997, с. 135].

Таким образом, мы установили, что традиция бытования берестяных туесов этого типа, в эпоху средневековья характерна не только для западной и центральной частей Обь-Иртышского междуречья, но и для Кузнецкой котловины в эпоху раннего средневековья.

Библиографический список

Богомолов В.Б. Изделия из бересты барабинских татар // Проблемы происхождения и этнической истории тюркских народов Сибири. Томск, 1987. С. 113–135.

Илюшин А.М. Могильник Саратовка: публикация материалов об опыте этноархеологического исследования. Кемерово, 1999. 160 с.

Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьев А.И. Бараба в эпоху позднего средневековья. Новосибирск, 1990. 262 с.

Молодин В.И., Мороз М.В., Гришин А.Е., Гаркуша Ю.Н. Средневековый памятник Камыши-1 в Центральной Барабе // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая: сб. науч.-исслед. ст. Барнаул, 2000. Вып. XL. С. 219–225.

С.А. Пилипенко

*Новосибирский государственный университет
экономики и управления, Новосибирск, Россия*

РЕКОНСТРУКЦИЯ СРЕДНЕВЕКОВЫХ БЕРЕСТЯНЫХ НОЖЕЙ ИЗ ТОПОВСКИХ КУРГАНОВ, КОЛЫВАНСКОГО РАЙОНА НСО

Береста – это один из самых эластичных природных материалов, обладающий рядом уникальных свойств, обеспечивших себе широкое применение в быту средневекового населения Западной Сибири. Так, например, для предохранения от влаги орудий труда применялись деревянные и берестяные ножны, остатки которых часто фиксируются на ножах в погребениях. Однако это не дает нам представление об их форме и конструкции. Частично заполнить пробел позволяют материалы, полученные при изучении Топовских курганов в НСО.

Данная работа посвящена реконструкции раннесредневековых берестяных ножен с территории Новосибирской области и восстановлению одного из малоизвестных эпизодов научно-исследовательской деятельности В.А. Дрёмова. *На сегодняшний день это единственная хорошо сохранившаяся находка, позволяющая получить адекватное представление о конструкции и процессе изготовления берестяных ножен этого типа.*

Топовские курганы были найдены В.А. Дрёмовым в 1961 г. в ходе разведки на территории Колыванского НСО. Могильник расположен у края левого берега р. Уень в 4 км к юго-востоку от с. Крутоборка, возле бывшего с. Топовское. Курганная группа состояла из двух насыпей, находящихся у края террасы. Диаметр курганов составляет 5 м, высота 20 см. Насыпи имеют следы ограбления [Троицкая и др., 1980, с. 66] (рис. 1.-1).

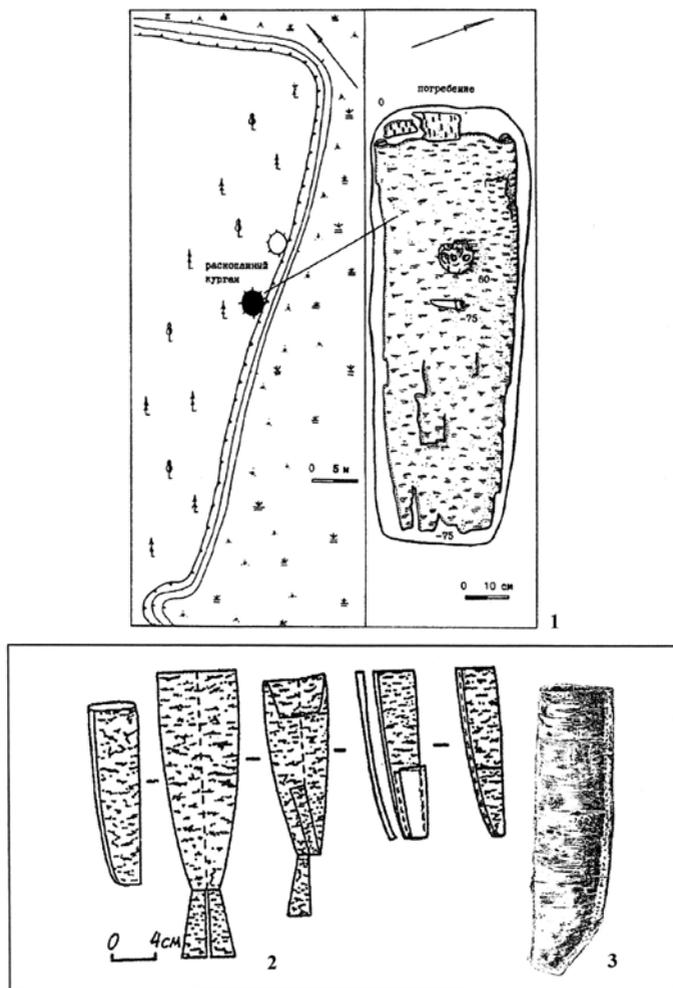

Рис. 1. 1 – план Топовских курганов и кургана №1 п. 1 (по: Молодин В.И., Бородовский А.П., Троицкая Т.Н., 1996); 2 – раскрой берестяных ножен; рисунок В.А. Дрёмова 1961 г. (из архива Т.Н. Троицкой); 3 – берестяные ножны из курганного могильника Басандайка

В этом же году один из двух курганов был исследован Т.Н. Троицкой. При исследовании насыпи кургана была встречена верхнеобская керамика. На уровне материка выявлена могильная яма, ориентированная по линии СЗ–ЮЮВ, погребение было потревожено грабителями. Захоронение совершено в берестяной погребальной конструкции, возможно чехле, от которой сохранилась нижняя часть полотнища, состоящая из отдельных берестяных листов, расположенных рисунком коры поперек могилы. В центре могильной ямы находились череп и железный нож в берестяных ножнах [Молодин и др., 1996, с. 109; Троицкая, Новиков, 1998, с. 22, 99]. По мнению Т.Н. Троицкой, могильник относится к юртакбалыкскому этапу верхнеобской культуры в Новосибирском Приобье и датируется VIII–IX вв. н.э. [Троицкая, Новиков, 1998, с. 22].

В экспедиции 1961 г. также принимал участие В.А. Дрёмов. При исследовании погребения найдены череп человека и железный нож в берестяных ножнах. Это была единственная находка артефакта в погребении, которая не заинтересовала грабителей. После извлечения из погребения черепа и ножа первичную камеральную обработку находок проводил В.А. Дрёмов, так как череп его интересовал профессионально как антрополога. Сохранность берестяных ножен привлекла его внимание. Береста начала быстро пересыхать и могла разрушиться. В.А. Дрёмов, заметив это, аккуратно очистил детали ножен, фиксируя графически особенности края ножен. Он выполнил графическую реконструкцию ножен с поэтапной схемой края и монтажа (рис. 1.–2). Берестяные ножны были сданы в Областной краеведческий музей [Троицкая, Молодин, Соболев, 1980, с. 66]. В.А. Дрёмов больше не возвращался к своей реконструкции, которая сохранилась в научном архиве его наставника и научного руководителя д.и.н. Т.Н. Троицкой и спустя 37 лет была опубликована с кратким комментарием в 1996 г. [Троицкая, Новиков, 1998, с. 25].

Учитывая особенности песчаных грунтов Новосибирского Приобья, такой материал, как береста, обычно плохо сохраняется, а чаще и вовсе истлеивает. Берестяные ножны из первого Топовского кургана и по сей день являются единственными сохранившимися предметами эпохи раннего средневековья на территории НСО. При изучении графической реконструкции, в силу необычной формы раскроя ножен, возник ряд вопросов, относящихся к особенностям конструкции и функциональности ножен. Для ответа на них нами был проведен эксперимент, в ходе которого была изготовлена физическая реплика берестяных ножен в натуральную величину, позволившая уточнить особенности технологии изготовления ножен в раннем средневековье на территории НСО.

Описание эксперимента. Для проведения эксперимента был заготовлен лист бересты нужного размера, немного превышающий размер находки, – 26х9 см. После чего фрагмент был расслоен и подогнан по картонному шаблону раскроя. Конечно, мы отдаем себе отчет, что мастер, делавший ножны, вряд ли пользовался шаблоном. Но это было

единственное отступление от эксперимента. Все подготовительные работы по снятию, расслоению и подгонке заготовки под шаблон производились железным ножом, все операции по сшиванию – иглой и нитью. Поскольку для нас были важны вариации и последовательность сшивания деталей заготовки, то нити использовали современные. Выбрана суровая нить черного цвета. По толщине она подходила средней толщине крапивной нити. Лист бересты был снят в весенне-летний период в березняке в 4 км к югу от г. Бердск, на территории к.м. Санаторный-1. Интересно отметить, что мастер делал ножны однослойными, но с усилением устья и нижней части. Лист березы был изогнут по волокнам вдвое, после чего ножом начинали придавать ему форму ножен. Однослойность ножен не добавляла прочности. И поэтому мастер предусмотрел частичное усиление конструкции за счет подворота верха ножен на 3 см вовнутрь, а для укрепления нижней части были загнуты полосы-уплотнители к внешней стороне ножен. После чего ножны последовательно прошивались сначала поперечным швом, закрепляющим нижние лопасти ножен на лицевой стороне изделия, и только после этой операции ножны прошивались снизу вверх, швом в строчку, соединяя оба края заготовки в единое целое. Наши эксперименты показали, что прошивка в обратной последовательности не позволила повысить качество прочности ножен, по причине выпячивания нижних деталей ножен. В первом же случае при одинаковом качестве швов детали прилегали более плотно к изделию и не мешали при эксплуатации ножен. А первичный поперечный шов не только укреплял ножны, но и к моменту второго сшивания уже являлся частью конструкции, позволяя повторно закрепить нижние детали, но в горизонтальной плоскости. Усиление конструкции позволяло использовать ножны длительное время. В 2010 г. нами была выполнена реплика ножен, в которые был помещен современный нож с деревянной ручкой, при использовании которого ножны «вели» себя положительно, за счет эластичности ножен они не подвергались ломке, даже при небольшой деформации. Прямых аналогий в раннесредневековых памятниках юга Западной Сибири мы не находим. Относительно формы ножен есть аналоги среди берестяных ножен в Томской области в курганном могильнике Басандайка (рис. 1.-3) в погребениях 1-й половины II тыс. н.э. [Басандайка, 1947, табл. 92].

Несмотря на отсутствие самого артефакта, благодаря профессионализму и вниманию В.А. Дрёмова в 1961 г. им было проведено **первое научное изучение берестяного артефакта эпохи средневековья на территории Новосибирской области**. В результате до нас дошла не только информация о факте находки берестяных ножен, но и их графическая реконструкция.

Я приношу благодарность д.и.н., профессору Т.Н. Троицкой за ее комментарии к опубликованной реконструкции ножен из Топовских

курганов, так как ей удалось заполнить пробел в истории исследования берестяных артефактов на юге Западной Сибири и роли В.А. Дрёмова в этих исследованиях.

Библиографический список

Басандайка. Сборник материалов и исследований по археологии Томской области // Труды ТГУ им. В.В. Куйбышева. ТГПИ. Томск, 1947. Т. 98. С. 218–219.

Молодин В.И., Бородовский А.П., Троицкая Т.Н. Археологические памятники Кольванского района Новосибирской области. Новосибирск, 1996. 109 с.

Троицкая Т.Н., Молодин В.И., Соболев В.И. Археологическая карта Новосибирской области. Новосибирск, 1980. 66 с.

Троицкая Т.Н., Новиков А.В. Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск, 1998. 99 с.

Н.Н. Серегин

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

ОХРАННЫЕ РАСКОПКИ ПОГРЕБАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСОВ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ ТЮРОК НА ТЕРРИТОРИИ АЛТАЯ (историографический аспект)

Работа выполнена при поддержке гранта Министерства образования и науки РФ (постановление №220), полученного ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет» (проект №2013-220-04-129 «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии»)

В последние годы все более очевидной тенденцией становится сокращение объема полевых исследований, финансируемых по научным программам. Соответственно, увеличивается (до 70 и более процентов) доля разведок и раскопок, осуществляемых в рамках так называемой охранной археологии [Энговатова, 2013, рис. 4]. Тем большее значение имеет осмысление накопленного опыта проведения охранных работ, определение наиболее эффективных методов реализации такого рода исследований.

История археологических раскопок в России, проводимых с целью спасения памятников, по разным причинам находившихся под угрозой уничтожения, имеет давнюю историю [Энговатова, 2012, с. 141]. В ходе активных охранных полевых исследований, наиболее интенсивно осуществляемых в 1930–1980-е гг., в период господства плановой экономики и активного строительства крупных хозяйственных объектов, получен огромный объем материалов. Не стала исключением и азиатская часть страны. Именно в процессе реализации охранных работ была сформирована значительная часть источниковой базы по археологической культуре раннесредневековых тюрок Алтая. Детализация истории

охранных исследований погребальных комплексов кочевников данной общности представляет не только историографический интерес. В последнее десятилетие в рассматриваемом регионе осуществлялся ряд крупных проектов, связанных со строительством разного рода объектов и предвараемых масштабными археологическими обследованиями и раскопками. Нет сомнений, что хозяйственное освоение региона и развитие его инфраструктуры будут продолжаться. Обобщение имеющегося опыта охранных исследований погребальных комплексов раннесредневековых тюрок Алтая позволит оптимизировать выявление и раскопки таких объектов в ходе подобных работ.

Важным этапом хозяйственного освоения Алтая являлось строительство важнейшей транспортной артерии региона – Чуйского тракта. Наиболее интенсивные работы осуществлялись в 1920–1930-х гг. [Бородовский и др., 2005, с. 5–6]. В зону строительства дороги попало огромное количество археологических памятников различных хронологических периодов, и лишь некоторая их часть была исследована. По сообщению С.В. Киселева [1936, с. 282], руководителя Саяно-Алтайской экспедиции, в ходе предварительного обследования по трассе было выявлено свыше 500 комплексов. Очевидно, за короткий период исследовать все объекты было невозможно. Раскопки, осуществленные Саяно-Алтайской экспедицией в зоне строительства Чуйского тракта в 1935 г., были проведены только на «наиболее замечательных памятниках», находившихся в местах интенсивных хозяйственных работ [Евтюхова, Киселев, 1941, с. 75].

В 1935 г. в зоне строительства Чуйского тракта археологические исследования проводились двумя отрядами Саяно-Алтайской экспедиции. Первый отряд, в составе которого был С.В. Киселев, производил раскопки памятников в районе с. Курай (Кош-Агачский район Республики Алтай). Второй отряд под руководством С.М. Сергеева занимался исследованием объектов у с. Туекта (Онгудайский район). К сожалению, результаты раскопок были введены в научный оборот лишь частично. Судя по имеющимся сведениям, в ходе работ Саяно-Алтайской экспедиции в 1935 г. исследовано 18 погребений раннесредневековых тюрок, отнесенных авторами публикации к «эпохе рунического письма» [Евтюхова, Киселев, 1941, с. 93]. Между тем среди исследованных объектов оказалось немало весьма показательных памятников. Так, к раннему средневековью относится серия «элитных» комплексов, включавших «престижные» элементы материальной культуры кочевников 2-й половины I тыс. н.э., в том числе предметы торовтики из драгоценных металлов. Большой интерес представляют погребения в каменных ящиках на могильнике Туекта, отнесенные С.В. Киселевым [1949, с. 299–300] к тому же времени. Публикация этих и других материалов, полученных Саяно-Алтайской экспедицией, остается весьма актуальной и по сей день.

Представительная серия погребальных комплексов раннесредневековых тюрок Алтая исследована в ходе охранных работ в зоне проек-

тируемых мелиоративных сооружений (каналов). Значительная часть таких раскопок реализована экспедициями Алтайского государственного университета в 1983–1986 гг. в Онгудайском, Усть-Канском и Усть-Коксинском районах Республики Алтай. В 1983 г. охранные исследования проводились на памятнике Кырлык-II. Материалы раскопок трех курганов раннесредневековых тюрок (№2–4), зафиксированных к западу от цепочки объектов скифо-сакского времени, полностью опубликованы [Бородаев, Мамадаков, 1985, с. 62–64, рис. 7–13]. Десять погребений 2-й половины I тыс. н.э. (курганы №1–7, 11, 16, 21), а также «ритуальный» курган без могилы (№22) исследованы в ходе охранных работ археологической экспедицией АлтГУ в 1984 г. на курганном могильнике Катанда-3. Результаты раскопок также введены в научный оборот [Мамадаков, 1995; Мамадаков, Горбунов, 1997, с. 115–129, рис. 1–10]. В 1986 г. аварийные работы, связанные со строительством мелиоративных сооружений, проводились на некрополе Шибе-II в Центральном Алтае. Судя по приведенному авторами раскопок краткому описанию [Мамадаков, Цыб, 1993, с. 203, 205], исследованы раннесредневековые погребения в сопровождении лошади, «одиночные» погребения людей, а также отдельные захоронения лошадей. Общими показателями являются ориентировка умершего в восточный сектор горизонта, противоположное направление лошади, а также дополнительные конструкции, характерные для обрядовой практики раннесредневековых тюрок (каменная перегородка, отделявшая умершего человека от лошади, земляная приступка и др.). Материалы раскопок остались не опубликованными, лишь отдельные предметы из погребений введены в научный оборот [Тишкин, Серегин, 2011, табл. XXXIII–XXXIV].

В 1990 г. такого же рода спасательные работы проводились экспедицией ГАНИИИЯЛ на комплексе Ябоган-I близ с. Усть-Кан. Памятник представлял собой одиночный курган, под насыпью которого находилось погребение воина с лошастью и представительным инвентарем. Материалы раскопок опубликованы [Кочеев, Суразаков, 1994, с. 70–75, рис. 1–7].

Большое значение для формирования фонда археологических источников по древней и средневековой истории Алтая имели масштабные обследования и охранные раскопки в зоне проектируемого строительства Катунской ГЭС, осуществлявшиеся в 1980-х гг. В этих работах принимали участие многие научные центры, основными из которых стали АлтГУ, ИАиЭ СО РАН (тогда ИИФиФ СО АН СССР) и ГАНИИИЯЛ [Кубарев, 1990, с. 13–20]. Погребальные комплексы раннесредневековых тюрок были раскопаны на могильниках Бике-I, III [Кубарев, Киреев, Черемисин, 1990, с. 54–57, рис. 16–19; Кубарев, 2005, с. 383, табл. 147–151]; Верх-Еланда-I [Кирюшин, Неверов, Степанова, 1990, с. 233, рис. 1, 8–10]; Дялян [Митько, Тетерин, 1992, с. 85–86, рис. 1, 2]; Ороктой [Худяков, Скобелев, Мороз, 1990, с. 95–99, рис. 1–5]; Тыткескень-VI [Кирюшин,

Горбунов, Степанова, Тишкин, 1998, с. 165–175, рис. 1–8]; Тянгыс-Тыт [Худяков, Борисенко, 1998, с. 369–373, рис. 1, 2]; Усть-Ороктой [Тетерин, 1991, с. 152–153]; Усть-Чоба-I [Соловьев, 1999, с. 123–125, рис. 1–5, 8]; Чобурак [Бородовский, 1994, с. 75–86, рис. 1–5].

В 1980-е гг. на территории Алтая археологами проводились и более локальные охранные работы, связанные с необходимостью оперативного исследования аварийных памятников. В 1988 г. на окраине г. Горно-Алтайска С.М. Киреевым раскопано разрушенное погребение человека с лошадьо. Судя по информации, захоронение было совершено под курганом, насыпь которого не сохранилась. Материалы раскопок погребения, относящегося, судя по зафиксированному обряду и обнаруженному предметному комплексу, к археологической культуре раннесредневековых тюрок, опубликованы [Киреев, 1993, с. 230–235, рис. 1].

В 1990-х гг. объем археологических исследований на Алтае, и в том числе охранных полевых работ, значительно сократился. В определенной степени это было связано с общим экономическим кризисом в стране. Другой серьезной причиной, затруднившей проведение раскопок на территории Республики Алтай, стала сложная этносоциальная обстановка, сохраняющаяся до настоящего времени. Поэтому количество погребений раннесредневековых тюрок, исследованных в это время, незначительно, по сравнению с масштабами работ прошлых лет. Весьма интересный аварийный объект, относящийся ко 2-й половине I тыс., обследован сотрудником Республиканского краеведческого музея В.А. Кочеевым. В 1991 г. у с. Жана-Аул (Кош-Агачский район) им были проведены охранные раскопки погребения, разрушенного в ходе хозяйственных работ. Проведенные исследования позволили выяснить, что в могиле находилось мумифицированное в силу естественных причин захоронение женщины, уложенной в каменный ящик из вертикально установленных плит, в сопровождении лошади. Инвентарь погребения представлен многочисленными элементами конского снаряжения, остатками шелковой одежды, украшениями, деревянной посудой. Вещевой комплекс захоронения полностью опубликован [Худяков, Кочеев, 1997, с. 10–18, рис. 1–6; 2000, с. 109–115]. В 1997 г. отрядом АлтГУ под руководством А.А. Тишкина исследован ряд объектов могильника Усть-Бийке-III, находившегося в аварийном состоянии в связи с расположением в непосредственной зоне разработки карьера для добычи гравия. Среди комплексов различных хронологических периодов на памятнике раскопано два погребения тюркской культуры (курганы №5, 6), давших весьма показательные материалы [Тишкин, Горбунов, 1998, с. 521–522; 2005, с. 58–70, рис. 22–31]. В 2007 г. в ходе реализации аварийных работ в зоне створа предполагаемой Алтайской ГЭС Катунской археологической экспедицией АлтГУ исследовался памятник Бике-IV. На этом комплексе раскопано одно ограбленное погребение тюркской культуры [Семибратов, Матренин, 2008, с. 55, рис. 1, 2].

Таким образом, в ходе охранных археологических работ, осуществляемых с 1930-х гг. и по настоящее время в различных районах Алтая, исследовано более 60 погребений раннесредневековых тюрок, что составляет около 30% от всех известных комплексов данной общности кочевников на рассматриваемой территории. К сожалению, далеко не все результаты раскопок опубликованы. Следует признать, что такая ситуация не является исключительной. Она связана не только со значительными масштабами работ, но также с тем, что охранные раскопки проводятся не с целью получения и обработки материалов по конкретному периоду, и научный интерес к ним со стороны исследователя далеко не всегда высок. Поэтому результаты охранных раскопок нередко вводятся в научный оборот спустя длительное время и далеко не в полном объеме.

Несмотря на сохраняющуюся непростую ситуацию, охранные раскопки в Республике Алтай продолжаются. Недавним примером масштабных обследований являются разведочные работы в зоне газопровода «Алтай», осуществленные специалистами из ряда научных центров [Бородовский, Горохов, 2011; Кубарев, Слюсаренко, 2011; Соенов, 2012; и др.]. Учет опыта охранных исследований прошлых лет позволит обеспечить эффективную организацию будущих охранных работ, имеющих большое значение не только для спасения памятников археологии, но также для получения информации по древней и средневековой истории региона.

Библиографический список

Бородаев В.Б., Мамадаков Ю.Т. Могильники Кырлык-I и Кырлык-II в Горном Алтае // Проблемы охраны археологических памятников Сибири. Новосибирск, 1985. С. 51–88.

Бородовский А.П. Исследование одного из погребально-поминальных комплексов древнетюркского времени на Средней Катунь // Археология Горного Алтая. Барнаул, 1994. С. 75–82.

Бородовский А.П., Горохов С.В. Результаты археологических изысканий по трассе магистрального газопровода «Алтай» в 2011 году (Алтайский Край и Республика Алтай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2011. Т. XVII. С. 373–377.

Бородовский А.П., Ойношев В.П., Соенов В.И., Суразаков А.С., Танкова М.В. Древности Чуйского тракта. Горно-Алтайск, 2005. 103 с.

Евтюхова Л.А., Киселев С.В. Отчет о работах Саяно-Алтайской археологической экспедиции в 1935 г. // Труды ГИМ. 1941. Вып 16. С. 75–117.

Киреев С.М. Погребение тюркского воина из Горно-Алтайска // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул, 1993. Ч.II. С. 230–235.

Кирюшин Ю.Ф., Горбунов В.В., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А. Древнетюркские курганы могильника Тыткескень-VI // Древности Алтая. Горно-Алтайск, 1998. №3. С. 165–175.

Кирюшин Ю.Ф., Неверов С.В., Степанова Н.Ф. Курганный могильник Верх-Еланда-I в Горном Алтае // Археологические исследования на Катунь. Новосибирск, 1990. С. 224–242.

Киселев С.В. Саяно-Алтайская археологическая экспедиция 1935 г. // Советская археология. 1936. Т. I. С. 282–284.

Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М.; Л., 1949. 364 с. (МИА №9).

Кочеев В.А., Суразаков А.С. Курганы могильников Ябоган I и II // Археологические и фольклорные источники по истории Алтая. Горно-Алтайск, 1994. С. 70–81.

Кубарев В.Д. История изучения археологических памятников Средней Катуни // Археологические исследования на Катуни. Новосибирск, 1990. С. 7–22.

Кубарев В.Д., Киреев С.М., Черемисин Д.В. Курганы урочища Бике // Археологические исследования на Катуни. Новосибирск, 1990. С. 43–95.

Кубарев Г.В. Культура древних тюрок Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск, 2005. 400 с.

Кубарев Г.В., Слюсаренко И.Ю. Археологическая разведка в долине реки Чуи на Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2011. Т. XVII. С. 409–414.

Мамадаков Ю.Т. Аварийные раскопки могильника Катанда-3 // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая. Барнаул, 1995. С. 125–131.

Мамадаков Ю.Т., Горбунов В.В. Древнетюркские курганы могильника Катанда-III // Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 1997. С. 115–129.

Мамадаков Ю.Т., Цыб С.В. Аварийные археологические раскопки у с. Шибе // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул, 1993. Ч. II. С. 202–205.

Митько О.А., Тетерин Ю.В. Древнетюркское погребение могильника Дяляя // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. Горно-Алтайск, 1992. С. 85–86.

Семибратов В.П., Матренин С.С. Исследование погребальных и поминальных памятников тюркской культуры в зоне строительства Алтайской ГЭС в 2007 г. // Теория и практика археологических исследований. Барнаул, 2008. Вып. 4. С. 54–66.

Соенов В.И. Полевые работы научно-исследовательской лаборатории по изучению древностей Сибири и Центральной Азии ГАГУ в 2011 г. // Древности Сибири и Центральной Азии. 2012. №4(16). С. 3–8.

Соловьев А.И. Исследования на могильнике Усть-Чоба-I на Средней Катуни // Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 1999. №4. С. 123–133.

Тетерин Ю.В. Средневековые памятники у р. Ороктой в долине средней Катуни // Охрана и исследования археологических памятников Алтая. Барнаул, 1991. С. 151–153.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Материалы исследования памятника Усть-Бийке-III в Горном Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 1998. Т. V. С. 520–526.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Комплекс археологических памятников в долине р. Бийке (Горный Алтай). Барнаул, 2005. 200 с.

Тишкин А.А., Серегин Н.Н. Металлические зеркала как источник по древней и средневековой истории Алтая (по материалам Музея археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета). Барнаул, 2011. 144 с.

Худяков Ю.С., Борисенко А.Ю. Своеобразное впускное погребение древнетюркского времени на могильнике Тянгыс-Тыт // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 1997. Т. IV. С. 369–373.

Худяков Ю.С., Кочеев В.А. Древнетюркское мумифицированное захоронение в местности Чатыр у с. Жана-Аул в Горном Алтае // Гуманитарные науки в Сибири. 1997. №3. С. 10–18.

Худяков Ю.С., Кочеев В.А. Чатырская мумия // Археология, антропология и этнография Евразии. 2000. №3(3). С. 109–115.

Худяков Ю.С., Скобелев С.Г., Мороз М.В. Археологические исследования в долинах рек Ороктой и Эдиган в 1988 г. // Археологические исследования на Катуни. Новосибирск, 1990. С. 95–150.

Энговатова А.В. Спасательная археология в России (к 40-летию отдела охранных раскопок Института археологии РАН) // Российская археология. 2012. №4. С. 141–150.

Энговатова А.В. Сохранение археологического наследия в России. Современное состояние // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология. Т. 12. Вып. 3: Археология и этнография. 2013. С. 32–47.

С.М. Ситников

*Алтайская государственная педагогическая академия,
Лаборатория исторического краеведения, Барнаул, Россия*

К АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТЕ ХАБАРСКОГО РАЙОНА

Работа выполнена при финансировании РФНФ
(проект №14-11-22002 «Древние поселенческие комплексы
Северной Кулунды (культурно-исторический аспект)»)

Кулундинская степь является одной из самых интересных культурно-исторических провинций. Наличие речных артерий, системы озер, ленточных боров привлекло человека еще в глубокой древности. В настоящее время на территории Хабаровского района насчитывается около 70 археологических памятников. Большинство из них представлены курганными могильниками, однако довольно часто встречаются и поселения. В целом хронологическая шкала известных археологических объектов позволяет констатировать, что человек на территории Хабаровского района появился еще в каменном веке.

1. **Аэродром.** Курганный могильник. Расположен на восточной окраине с. Хабары, в 0,3 км к западу от трассы Хабары – Мартовка. Памятник датируется эпохой раннего железа – средневековья и открыт в 1982 г. В.С. Удодовым.

2. **Березка.** Курганный могильник. Расположен в в 0,5 км к северу от свертка с трассы Хабары – Новоильинка на пионерлалерь «Березка» на высокой гриве. Дата не ясна. Памятник открыт в 1983 г. В.С. Удодовым.

3. **Березка-1.** Курганный могильник. Расположен в 4 км от свертка с трассы Хабары – Славгород на Новоильинку и в 0,3 км к югу от трассы. Дата не ясна. Памятник открыт в 1991 г. В.С. Удодовым.

4. **Бурла-1.** Поселение. Расположено в 0,8 км от с. Хабары по трассе Хабары – Усть-Курья и в 30 м к северу от моста через р. Бурла. Памятник датируется эпохой поздней бронзы и открыт В.С. Удодовым в 1982 г.

5. **Бурла-2.** Одиночный курган. Расположен в 3,2 км от с. Хабары и в 0,64 км к северу от трассы Хабары – Усть-Курья на высокой надпойменной террасе р. Бурла. Дата не ясна. Памятник открыт в 1982 г. В.С. Удодовым.

6. **Бурла-3.** Поселение. Расположено 3,2 км к северо-востоку от с. Хабары и в 0,64 км к северу от трассы Хабары – Усть-Курья. Памятник датируется эпохой поздней бронзы и открыт В.С. Удодовым в 1982 г.

7. **Гридино.** Поселение. Расположено на территории ПМК 28 рядом с трассой Хабары – Коротояк на берегу небольшого водоема. Памятник открыт в 1987 г. В.С. Удодовым и датируется эпохой поздней бронзы.

8. **Кайгородок-1.** Курганный могильник. Расположен в 0,7 км к северо-востоку от Хабаровской районной больницы и в 0,4 км к востоку от трассы Хабары – Мартовка. Дата не ясна. Памятник открыт в 1983 г. В.С. Удодовым.

9. **Кайгородка-2.** Курганный могильник. Расположен на южном берегу озера Кайгородское и в 0,4 км к югу от с. Кайгородка. Дата не ясна. Памятник открыт в 1983 г. В.С. Удодовым.

10. **Кайгородка-3.** Поселение. Расположено в 1,3 км к юго-востоку от с. Хабары на высокой надпойменной террасе р. Бурла. Памятник датируется эпохой поздней бронзы и открыт В.С. Удодовым в 1984 г.

11. **Кайгородка-4.** Стоянка. Расположена в 1,3 км к юго-востоку от с. Хабары на высокой надпойменной террасе р. Бурла. Памятник датируется эпохой энеолита и открыт В.С. Удодовым в 1984 г.

12. **Кайгородка-5.** Курганный могильник. Расположен в 1,3 км к юго-востоку от с. Хабары на высокой надпойменной террасе р. Бурла. Памятник датируется эпохой средневековья и открыт В.С. Удодовым в 1984 г.

13. **Переезд.** Поселение. Расположено в 2,5 км юго-восточнее с. Хабары на берегу р. Бурла. Памятник относится к эпохе средней бронзы и открыт в 1991 г. В.С. Удодовым.

14. **Рига-3.** Курганный могильник. Расположен на высоком берегу озерной террасы в 9 км к северо-востоку от с. Хабары по трассе Хабары – Усть-Курья, в 0,5 км к югу от озера Рига. Дата не ясна. Памятник открыт в 1982 г. В.С. Удодовым.

15. **Сверток.** Курганный могильник. Расположен на высокой гриве в 1,4 км от свертки с трассы Хабары – Славгород на Новоильинку. Дата не ясна. Памятник открыт в 1983 г. В.С. Удодовым.

16. **Сельхозтехника.** Курганный могильник. Расположен в 0,6 км к юго-западу от трассы Хабары – Славгород по обе стороны дороги. Дата не ясна. Памятник открыт в 1983 г. В.С. Удодовым.

17. **Староутянская дорога.** Курганный могильник. Расположен в 3 км от с. Хабары по трассе Хабары – Мартовка и в 0,6 км к западу от трассы. Дата не ясна. Памятник открыт в 1983 г. В.С. Удодовым.

18. **Хабары-1.** Курганный могильник. Расположен в 1,2 км к востоку – северо-востоку от с. Хабары. Дата не ясна. Памятник открыт в 1974 г. В.А. Могильниковым.

19. **Шайдарова Усадьба.** Местонахождение. Расположено в с. Хабары на пересечении ул. Лермонтова и Калинина. Местонахождение обследовано в 1991 г. В.С. Удодовым и датируется эпохой поздней бронзы.

20. **Алексеевка-1.** Одиночный курган. Расположен в 0,5 км от одноименного села, в 150 м к северу от дороги Алексеевка – Хабары. Дата не ясна. Памятник открыт в 1991 г. В.С. Удодовым.

21. **Алексеевка-2.** Поселение. Расположено в 0,5 км к востоку от одноименного села, в 0,5 км к югу от дороги Алексеевка – Хабары, на невысоком елбане в пойме реки. Памятник датируется ранним железным веком и открыт в 1991 г. В.С. Удодовым.

22. **Калиновка.** Курганный могильник. Расположен в 1 км к югу от одноименного села. Дата не ясна. Памятник открыт в 1984 г. В.С. Удодовым.

23. **Новоильинка.** Поселение. Расположено в 1,7 км к юго-западу от с. Новоильинка и в 0,5 км к югу от моста через р. Бурла. Памятник датируется эпохой поздней бронзы и открыт в 1974 г. В.А. Могильниковым.

24. **Новоильинка-1.** Поселение. Расположено в 1,2 км к юго-западу от с. Новоильинка и в 0,15 км к югу от моста через р. Бурла. Памятник датируется эпохой средней бронзы и открыт в 1974 г. В.А. Могильниковым.

25. **Новоильинка-2.** Курганный могильник. Расположен в 1,6 км к юго-западу от с. Новоильинка и в 0,3 км к югу от моста через р. Бурла. Памятник датируется эпохой средневековья и открыт в 1974 г. В.А. Могильниковым.

26. **Новоильинский Пляж.** Стоянка. Расположена на береговой террасе левого берега р. Бурла, в 0,6 км от с. Новоильинка, по дороге Новоильинка – Пионер Труда. Памятник датируется эпохой энеолита и поздней бронзы. Открыт в 1974 г. В.А. Могильниковым.

27. **Межевка.** Курганный могильник. Расположен на высокой гряде в 5 км от с. Новоильинка по трассе Новоильинка – Хабары, на границе совхозов «Новоильинский» и «им. Анатолия» в 0,25 км к северу от трассы. Дата не ясна. Памятник открыт в 1983 г. В.С. Удодовым.

28. **Плесики.** Поселение. Расположено на высоком правом берегу р. Бурла вдоль кромки бора, в 0,5 км к северо-востоку от пионерского

лагеря «Дружный», на месте одноименного села, существовавшего до начала 60-х гг. XX в. Памятник датируется эпохами энеолита, поздней бронзы, раннего железного века и открыт В.С. Удодовым в 1983 г.

29. **Плесо-Курья-1.** Курганный могильник. Расположен в 3 км к северо-востоку от одноименного села, на берегу оз. Рыбачье. Дата не ясна. Памятник открыт в 1983 г. В.С. Удодовым.

30. **Плесо-Курья-2.** Курганный могильник. Расположен в 1,6 км к северо-востоку от одноименного села, на высокой береговой террасе оз. Рыбачье. Дата не ясна. Памятник открыт в 1983 г. В.С. Удодовым.

31. **Пионер Труда-1.** Курганный могильник. Расположен в 0,8 км к востоку от одноименного села, по дороге Пионер Труда – Новоильинка, через заброшенное село Земленуха, в 0,2 км от мхтока. Дата не ясна. Памятник открыт в 1983 г. В.С. Удодовым.

32. **Пионер Труда-2.** Курганный могильник. Расположен в 0,45 км к востоку от мхтока и в 0,18 км в югу от дороги Пионер Труда – Новоильинка. Дата не ясна. Памятник открыт в 1983 г. В.С. Удодовым.

33. **Пионер Труда-3.** Курганный могильник. Расположен в 0,4 км к северо-западу от одноименного села, по дороге Пионер Труда – Топольное. Дата не ясна. Памятник открыт в 1983 г. В.С. Удодовым.

34. **Пионер Труда-4.** Курганный могильник. Расположен в 0,6–0,7 км к северо-западу от одноименного села и в 0,2 км к северо-западу от курганного могильника пионер Труда-3. Дата не ясна. Памятник открыт в 1983 г. В.С. Удодовым.

35. **Пионер Труда-5.** Поселение. Расположено в 0,5 км к юго-западу от курганного могильника Пионер Труда-4 и в 0,2 км к западу от плотины. Памятник датируется эпохой поздней бронзы и открыт В.С. Удодовым в 1983 г.

36. **Рига-1.** Курганный могильник. Расположен в 3 км к западу от с. Серп и Молот (точное местоположение памятника не известно). Дата не ясна. Памятник открыт в 1980 г. А.Б. Шамшиным.

37. **Рига-3.** Курганный могильник. Расположен в 0,3 км к востоку от с. Серп и Молот (точное местоположение памятника не известно). Дата не ясна. Памятник открыт в 1980 г. А.Б. Шамшиным.

38. (50) **Курьешка.** Стоянка. Расположена на левой высокой береговой террасе р. Курья, в 0,7 км к востоку от с. Усть-Курья. Памятник датируется эпохой камня и открыт в 1983 г. В.С. Удодовым.

39. **Пограничный-1.** Курганный могильник. Расположен в 5 км к северо-востоку от с. Серп и Молот. Дата не ясна. Памятник открыт в 1980 г. А.Б. Шамшиным.

40. **Пограничный-2.** Курганный могильник. Расположен в 3,5 км к востоку от с. Серп и Молот. Дата не ясна. Памятник открыт в 1972 г. М.А. Деминым.

41. **Шайдарова Заимка.** Курганный могильник. Расположен в 6 км от с. Серп и Молот по трассе Серп и Молот – Панкрушиха, в 0,35 км к

югу от трассы, на невысокой гриве. Датировка не ясна. Памятник открыт в 1982 г. В.С. Удодовым.

42. **Топольное-1.** Курганный могильник. Расположен в 0,5 км к западу от с. Топольное (точное местоположение памятника не известно). Дата не ясна. Памятник открыт в 1974 г. В.А. Могильниковым.

43. **Топольное-2.** Курганный могильник. Расположен в 4,5 км к северу – северо-востоку с. Топольное по трассе Пионер Труда, не доезжая 0,5 км до фермы. Дата не ясна. Памятник открыт в 1974 г. В.А. Могильниковым.

44. **Топольное-3.** Курганный могильник. Расположен в 3 км по трассе Пионер Труда, в 0,4 км к югу от трассы. Дата не ясна. Памятник открыт в 1974 г. В.А. Могильниковым.

45. **Топольное-4.** Курганный могильник. Расположен на высокой гриве, вблизи заброшенного поселка Екатериновка, по трассе Топольное – Пионер Труда, в 100 м к северу от нее. Дата не ясна. Памятник открыт в 1974 г. В.А. Могильниковым.

46. **Топольное-5.** Курганный могильник. Расположен в 14 км от с. Топольное, по трассе Пионер Труда (точное месторасположение памятника не известно). Дата не ясна. Памятник открыт в 1974 г. В.А. Могильниковым.

47. **Топольное-6.** Курганный могильник. Расположен в 14,5 км от с. Топольное, по трассе Пионер Труда (точное месторасположение памятника не известно). Дата не ясна. Памятник открыт в 1974 г. В.А. Могильниковым.

48. **Топольное-7.** Местонахождение. Расположено на берегу оз. Топольное, вблизи одноименного села. Памятник датируется эпохой позднего средневековья и открыт в 1974 г. В.А. Могильниковым. Местонахождение открыто в 1974 г. В.А. Могильниковым.

49. **Курья.** Поселение. Расположено на правом, высоком берегу р. Курьешка, в 0,45 км к юго-востоку от с. Усть-Курья и в 0,32 км к востоку от моста через р. Курьешка. Памятник датируется эпохой поздней бронзы и открыт в 1982 г. В.С. Удодовым.

50. **Курья-1 (Курьешка).** Смотрите №38.

51. **Курья-2.** Курганный могильник. Расположен в 1,2 км к югу от с. Усть-Курья, на левой береговой террасе р. Курья. Дата не ясна. Памятник открыт в 1983 г. В.С. Удодовым.

52. **Усть-Курья-1.** Курганный могильник. Расположен в 5 км от с. Усть-Курья, в 1,5 км к востоку от трассы Усть-Курья – Коротояк, на невысокой надпойменной террасе р. Бурла. Дата не ясна. Памятник открыт в 1982 г. В.С. Удодовым.

53. **Усть-Курья-2.** Курганный могильник. Расположен в 5 км от с. Усть-Курья, в 2,4 км к востоку от трассы Усть-Курья – Коротояк, на невысокой надпойменной террасе р. Бурла. Дата не ясна. Памятник открыт в 1982 г. В.С. Удодовым.

54. **Усть-Курья-3.** Курганный могильник. Расположен вблизи с. Усть-Курья, в 100 м к югу от скотного двора и водонапорной башни. Дата не ясна. Памятник открыт в 1991 г. В.С. Удодовым.

55. **Утянка.** Курганный могильник. Расположен в 0,5 км к востоку от мельницы с. Утянка и в 0,3 км к югу от трассы Утянка – Славгород. Дата не ясна. Памятник открыт в 1974 г. В.А. Могильниковым.

56. **Утянский мехток.** Курганный могильник. Расположен в 3,8 км к югу от с. Утянка и в 0,65 км к юго-востоку от мехтока. Памятник открыт в 1983 г. В.С. Удодовым.

57. **Широкое.** Поселение. Расположено на левом берегу р. Бурла, в 5,7 км к северо-востоку от с. Хабары и в 1,1 км к северу от трассы Хабары – Усть-Курья. Памятник датируется эпохой бронзы и открыт в 1995 г. В.С. Удодовым.

58. **Плесики-2.** Поселение. Расположено на левом берегу р. Бурла, в 0,75 км к северо-западу от пионерлагеря «Дружный». Предварительно памятник датируется эпохой средневековья и открыт В.С. Удодовым в 1995 г.

59. **Плесики-3.** Курганный могильник. Расположен на высоком левом берегу р. Бурла, в 0,5–0,7 км к югу – юго-востоку от пионерлагеря «Дружный» и в 4 км к югу – юго-западу от с. Утянка. Дата не ясна. Памятник открыт в 1995 г. В.С. Удодовым.

60. **Копанец.** Курганный могильник. Расположен в 2 км к западу – юго-западу от с. Пионер Труда, на восточном берегу озера Копанец. Дата не ясна. Памятник открыт в 1995 г. В.С. Удодовым.

61. **Новоильинка-3.** Курганный могильник. Расположен на левом берегу р. Бурла, в 3,3 км к юго-западу от Кирпичного завода с. Новоильинка. Дата не ясна. Памятник открыт в 1995 г. В.С. Удодовым.

62. **Новоильинка-4.** Одиночный курган. Расположен в 0,7 км к югу – юго-западу от курганного могильника Новоильинка-3. Дата не ясна. Памятник открыт в 1995 г. В.С. Удодовым.

63. **Бурла-4.** Стоянка. Расположена в 3,5 км к востоку – северо-востоку от с. Хабары и в 0,8 км к северу от трассы Хабары – Усть-Курья. Памятник датируется эпохой камня и открыт в.С. Удодовым в 1979 г.

64. **Новоильинка-3 (3А).** Поселение. Расположено на небольшой возвышенности, образованной старицей р. Бурла, в 4–4,3 км к западу – юго-западу от с. Новоильинка, в 0,15 км к югу от трассы Новоильинка – Пионер Труда, через бывшее с. Земленуха. Памятник датируется эпохой камня и открыт С.М. Ситниковым в 2004 г.

65. **Новоильинка-4 (4А).** Поселение. Расположено в 3 км к юго-западу от с. Новоильинка. Памятник датируется эпохой раннего железа и открыт С.М. Ситниковым в 2005 г.

66. **Новоильинка-5.** Поселение. Расположено в 2 км к юго-западу от с. Новоильинка, на правом берегу р. Бурла. Памятник датируется эпохами средней и поздней бронзы и открыт С.М. Ситниковым в 2009 г.

67. **Урочище Герасимов Бор-1.** Поселение. Расположено в 1–1,2 км к западу от с. Хабары, в южной части урочища Герасимов бор. Памятник датируется эпохой раннего железа и открыт С.М. Ситниковым в 2001 г.

68. **Кораблик-1.** Поселение. Расположено на небольшой возвышенности старицы р. Бурла в 1,3 км к северо-востоку от с. Хабары и в 1,2 км к востоку от трассы Хабары – Коротояк. Памятник датируется ранним железным веком и открыт С.М. Ситниковым в 2000 г.

69. **Гусиная Ляга-1.** Поселение. Расположено в 4–4,5 км к северо-востоку от с. Хабары и в 1,2 км от трассы Хабары – Коротояк, на небольшой возвышенности, окруженной старицей р. Бурла. Памятник датируется эпохой поздней бронзы и открыт С.М. Ситниковым в 1993 г.

70. **Утянка-1.** Поселение. Расположено на небольшой возвышенности, образованной старицей р. Бурла, приблизительно в 2 км северо-западнее с. Утянка. Памятник относится к эпохе поздней бронзы и открыт С.М. Ситниковым в 2005 г.

В общей сложности на территории Хабаровского района зафиксировано около 70 памятников археологии. Здесь широко представлены поселенческие и погребальные комплексы, относящиеся к различным культурно-историческим эпохам.

Наиболее древние памятники Хабаровского района относятся к каменному веку. Находки этого времени зафиксированы в пяти пунктах. Наиболее значительная серия археологического материала эпохи камня была получена в результате рекогносцировочного исследования поселения Новоильинка-3.

По костям животных с поселения Новоильинка-III получена радиоуглеродная дата 4270 ± 170 л. т.н. (Ле-7534), что позволяет датировать материалы памятника 2-й половиной III тыс. до н.э.

Эпоха бронзы на территории Хабаровского района представлена двенадцатью поселениями и отдельными «случайными» находками, которые различаются как хронологически, так и в культурном плане.

Материалы андроновской культуры зафиксированы на четырех поселениях – Переезд, Широкое, Новоильинка-1, Новоильинка-5 и датируются XV–XIII вв. до н.э. Основной категорией находок с памятников являются керамика и кости животных.

Эпоха поздней бронзы, в культурном плане, представлена разнообразными комплексами. Поселения Бурла-1, Бурла-3, Кайгородка-3, Гридино относятся к «бурлинскому типу памятников» (XIII–IX вв. до н.э.). Посуда данных поселений имеет горшковидную форму и орнаментировалась геометрическими узорами. Помимо лепной, здесь же широко встречается керамика, выполненная на гончарном круге.

Саргаринско-алексеевская культура на территории Хабаровского района представлена шестью памятниками. Это поселения, Новоильинка, Новоильинка-5, Плесики, Пионер Труда, Курья, Утянка-1.

Помимо керамики в Хабаровском районе зафиксированы и отдельные бронзовые орудия. В окрестностях с. Хабары (Шайдарова Усадьба) обнаружено тесло с уступом, а в районе с. Новоильинка желобчатое долото с валиком в верхней части и выгнутообушковый нож с выделенной полкой рукоятью обнаружен в районе с. Новоильинка.

Ирменская культура представлена поселением Гусиная Ляга-1. В ходе раскопок вскрытая площадь составила около 1000 кв. м.

Основу комплекса составляет керамический материал, который в культурном плане делится на несколько групп. Первую группу составляет керамика ирменского [Ситников, Гельмель, 2000, с. 161]. Вторая группа представлена саргаринско-алексеевской керамикой. По ряду декоративных признаков данная керамика весьма близка к поздним, донгальским, материалам Казахстана [Ломан, 1987, Евдокимов, 1987]. Третью немногочисленную группу составляет бегазыдандыбаевская посуда. В четвертую группу входит станковая керамика. Нахождение всех четырех групп керамики в заполнении и на дне жилища свидетельствует об их одновременности [Ситников, Гельмель, 2000, с. 161].

К эпохе раннего железа относятся поселения Алексеевка-2, Урочище Герасимов Бор-1, Караблик-1, Новоильинка 4 (4А) и курганный могильник Аэродром. Особенности керамики и инвентаря данных памятников позволяют отнести их к каменной культуре и датировать V–III вв. до н.э.

Наиболее интересные находки эпохи средневековья были получены в результате раскопок кургана №2 могильника Кайгородка-5. Вероятно, на основе имеющегося инвентаря, курганную группу Кайгородка-5 следует датировать 2-й половиной X – 1-й половиной XI вв. н.э. и отнести к шадринцевскому этапу сrostкинской культуры Лесостепного Алтая. В кургане №2 был захоронен знатный мужчина-воин, о чем свидетельствуют богатые украшения узды и оружие [Горбунов, Ситников, 2001, с. 18].

Библиографический список

Горбунов В.В., Ситников С.М. Исследование аварийного кургана сrostкинской культуры // Алтай и сопредельные территории в эпоху средневековья. Барнаул, 2001. С. 9–16.

Евдокимов В.В. Заключительный этап эпохи бронзы Кустанайского Притобольшья // Вопросы периодизации археологических памятников Северного Казахстана. Караганда, 1987. С. 68–79.

Ломан В.Г. Донгальский тип керамики // Вопросы периодизации археологических памятников Центрального и Северного Казахстана. Караганда, 1987. С. 116–129.

Ситников С.М., Гельмель Ю.И. Новые материалы финальной бронзы Северной Кулунды // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул, 2000. С. 158–161.

А.А. Тишкин, С.С. Матренин

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

**КЕРАМИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ
ИЗ РАСКОПОК НА АЛТАЕ КУРГАННОЙ ГРУППЫ
СЯНЬБИЙСКО-ЖУЖАНСКОГО ВРЕМЕНИ СТЕПУШКА-I**

Работа выполнена при поддержке гранта
Министерства образования и науки РФ (постановление №220),
полученного ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет»
(проект №2013-220-04-129 «Древнейшее заселение Сибири:
формирование и динамика культур на территории Северной Азии»)

Керамическое производство населения Алтая сяньбийско-жужанского времени (II–V вв. н.э.) является одной из слабо изученных сторон системы жизнеобеспечения носителей булан-кобинской культуры. Сложившаяся ситуация в определенной мере обусловлена дефицитом опубликованных вещественных материалов по развитию гончарства обозначенного периода. Данное обстоятельство затрудняет целостное понимание эволюционных и инновационных процессов в ремесленном деле кочевых народов Алтая от аржано-майэмирского до монгольского времени, а также создает проблему для достоверного выявления поселений булан-кобинской общности. В этой связи источниковедческую ценность имеет введение в научный оборот керамических коллекций сяньбийско-жужанского времени из всех раскопанных погребальных памятников рассматриваемого региона. Небольшое собрание таких артефактов было получено в процессе аварийных раскопок курганной группы Степушка-I в 2010 г. [Кирюшин, Шмидт, Тишкин, Матренин, 2011; Тишкин, Матренин, 2013а–в; Тишкин, Матренин, Шмидт, 2011; 2012а–б; 2013а–б]. Названный памятник находился в окрестностях одноименного (ныне нежилого) селения в Онгудайском районе Республики Алтай, на третьей надпойменной террасе правого берега Урсула. Погребально-поминальный комплекс попадал в зону строительства автодороги, идущей от 651 км Чуйского тракта по речной долине к Катунь. В составе полностью изученного некрополя четыре кургана содержали образцы посуды разной степени сохранности.

Курган №1. Обломки лепного плоскодонного керамического сосуда без орнамента выявлены у южного края могильной ямы на уровне древнего горизонта. Сильная фрагментарность изделия, прежде всего верхней части, не позволяет определить его форму (рис. 1.-1) и подобрать адекватные для сравнения аналогии. Сопроводительный инвентарь из кургана №1 датируется в рамках II–V вв. н.э.

Курган №5а. Фрагментированный плоскодонный керамический сосуд обнаружен в захоронении ребенка 5–6 лет возле правого локтя умершего. Внешний облик изделия восстанавливается практически

полностью. Это миниатюрный плоскодонный сосуд баночной формы (высота – 8,5 см, диаметр тулова – 10 см) с отогнутым наружу венчиком диаметром около 10 см (рис. 1.-3). В археологических материалах Алтая II–V вв. н.э. точные аналоги данному сосуду не найдены. Курган №5а вплотную примыкал к кургану №5, образуя с ним сплошной каменный «панцирь». Данная планиграфическая ситуация свидетельствует об их хронологической близости. Археологический возраст кургана №5 определен в рамках 1-й половины IV в. н.э. [Тишкин, Матренин, 2013в; Тишкин, Матренин, Шмидт, 2012а; 2013б].

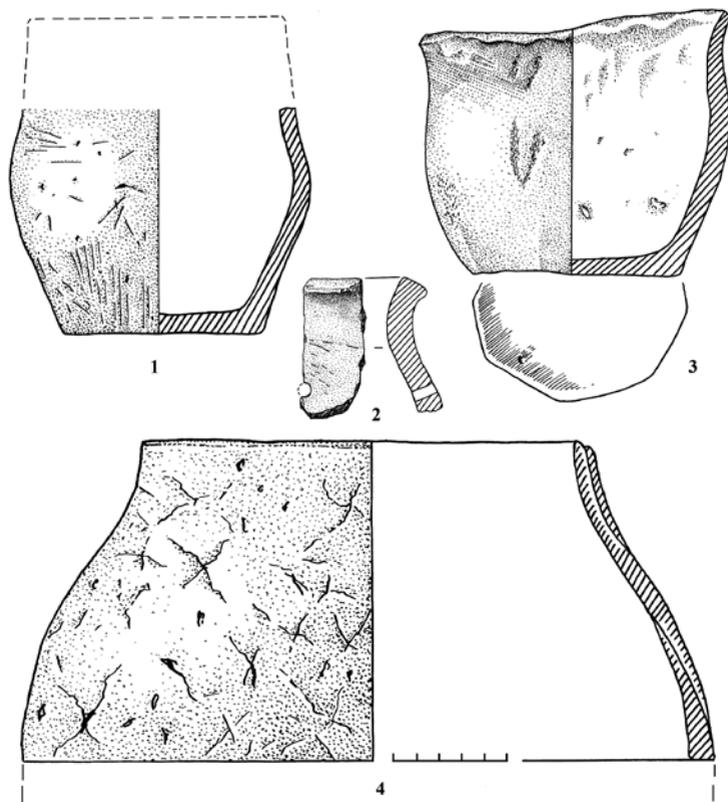

Рис. 1. Керамические материалы из раскопок могильника Степушка-I: 1 – курган №1; 2 – курган №10; 3 – курган №5а; 4 – курган №19

Курган №10. В процессе зачистки насыпи зафиксирован небольшой обломок венчика неорнаментированного керамического сосуда (рис. 1.-2). Данный экземпляр не информативен в плане археологического сравнения (рис. 1.-2). Сопроводительный инвентарь в кургане №10 отсутствовал.

Курган №19. В юго-западной поле насыпи на разной глубине был обнаружен развал верхней половины керамического горшка. Данный сосуд имел невысокую шейку, прямой венчик диаметром около 19,5 см и раздутое тулово диаметром 30 см (рис. 1.-4). Две близкие по форме емкости происходят из неопубликованных погребальных комплексов Улита и Булан-Кобы-IV, относящихся к бело-бомскому этапу (II – 1-я половина IV вв. н.э.) булан-кобинской культуры (раскопки Ю.Т. Мамадакова, материалы хранятся в АлтГУ). Основываясь на взаимной встречаемости хронологически значимых категорий инвентаря, прежде всего снаряжения человека и верхового коня, курган №19 датирован 2-й половиной IV – началом V вв. н.э. [Матренин, 2011; 2013; Тишкин, Матренин, 2013а–б]. Такая относительная хронология согласуется с показателями радиоуглеродного исследования [Тишкин, Матренин, 2013в].

Таким образом, керамическая посуда, обнаруженная в ходе раскопок памятника Степушка-I, представлена обломками четырех лепных неорнаментированных сосудов, которые находились в насыпях и околomoгильном пространстве, а также в составе сопроводительного инвентаря. Плохое качество теста может свидетельствовать о том, что она была сделана специально для реализации погребально-поминальной практики.

Полученный материал демонстрирует существование у населения Алтая в сяньбийско-жужанское время традиции производства лепной керамики, лишенной орнаментации. Последняя черта существенно отличает данные экземпляры от изделий хуннского времени (III в. до н.э. – I в. н.э.). В погребальной практике кочевников Алтая II–V вв. н.э. фиксируется значительное сокращение случаев применения керамической посуды по сравнению с раннебулан-кобинским периодом [Худяков, 1998; Тишкин, 2005], что, вероятнее всего, обусловлено более широким применением металлической или деревянной утвари.

На сегодняшний день опубликованы керамические сосуды из немногих могильников Алтая сяньбийско-жужанского времени: Чендек, Бике-I, Кызыл, Курайка, Верх-Уймон, Кок-Паш, Бертек-3-4, Ябоган-III [Кубарев, Киреев, Черемисин, 1990, рис. 31.-1; Соенов, Эбель, 1992, рис. 9, с. 25; Савинов, 1994, с. 104; Соенов, Эбель, 1998, рис. 9.-2; Бобров, Васютин А.С., Васютин С.А., 2003, рис. 6.-10; Кочеев, Суразаков, 2003, с. 71; Могильников, Суразаков, 2003, с. 26–29, рис. 28]. Коллекция не изданных образцов керамической посуды более представительна. При этом среди них (в частности, в некрополях Айрыдаш-I и Улуг-Чолтух-I) имеются относительно хорошо сохранившиеся горшки и банки.

Керамические комплексы сяньбийско-жужанского времени с территории Алтая, несмотря на свою немногочисленность и недоступность в полном объеме для специалистов, являются достаточно перспективными для технико-морфологического анализа, что позволит расширить интерпретационные возможности данного вида археологических источников для проведения различного рода реконструкций. В заключение

стоит подчеркнуть, что производство глиняной посуды является важной составляющей домашнего ремесла кочевого населения Алтая II–V вв. н.э. и показателем уровня развития его материальной культуры.

Библиографический список

Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А. Восточный Алтай в эпоху Великого переселения народов (III–VII века). Новосибирск, 2003. 224 с.

Кирюшин Ю.Ф., Шмидт А.В., Тишкин А.А., Матренин С.С. Исследование погребальных комплексов эпохи «великого переселения народов» в Центральном Алтае (могильник Степушка-I) // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае. 2010 г. Барнаул, 2011. Вып. 7. С. 92–98.

Кочев В.А., Суразаков А.С. Археологические исследования в бассейне р. Коир // Древности Алтая. Горно-Алтайск, 2003. №10. С. 70–83.

Кубарев В.Д., Киреев С.М., Черемисин Д.В. Курганы урочища Бике // Археологические исследования на Катунь. Новосибирск, 1990. С. 43–95.

Матренин С.С. Колчаные крюки кочевников Алтая хуннуско-сяньбийско-жужанского времени (II в. до н.э. – V в. н.э.): классификация и типология // Известия Алтайского государственного университета. Сер.: История. Политология. 2011. №4/2 (72). С. 141–149.

Матренин С.С. Комплексный анализ поясных пряжек кочевников Алтая сяньбийско-жужанского времени (по материалам могильника Степушка-I) // Известия Алтайского государственного университета. Сер.: История. Политология. 2013. №4/1 (80). С. 228–237.

Могильников В.А., Суразаков А.С. Раскопки памятников Ябоган-III // Археология и этнография Алтая. Горно-Алтайск, 2003. Вып. 1. С. 26–63.

Савинов Д.Г. Гунно-сарматское время // Древние культуры Бертегской долины (Горный Алтай, плоскогорье Укок). Новосибирск, 1994. С.144–146.

Соенов В.И., Эбель А.В. Курганы гунно-сарматской эпохи на Верхней Катунь. Горно-Алтайск, 1992. 116 с.

Соенов В.И., Эбель А.В. Исследования на могильнике Курайка // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 1998. №3. С. 113–135.

Тишкин А.А. Керамические сосуды из курганов хуннуского времени могильника Яломан-II // Западная и Южная Сибирь в древности. Барнаул, 2005. С. 129–135.

Тишкин А.А., Матренин С.С. Воинское погребение раннежужанского времени на могильнике Степушка-I в Центральном Алтае // КСИА. 2013а. Вып. 231. С. 59–71.

Тишкин А.А., Матренин С.С. Поясные бляхи сяньбийско-жужанского времени из могильника Степушка-I в Центральном Алтае // Известия Алтайского государственного университета. Сер.: История. Политология. 2013б. №4/1 (80). С. 204–213.

Тишкин А.А., Матренин С.С. Новые данные по радиоуглеродному датированию погребальных комплексов булан-кобинской культуры Алтая (по материалам раскопок курганной группы Степушка-I) // Теория и практика археологических исследований. 2013в. №1 (7). С. 147–153.

Тишкин А.А., Матренин С.С., Шмидт А.В. Женские металлические украшения из погребений сяньбийского времени на Алтае (по материалам исследования памятника Степушка-I) // Вопросы археологии Казахстана. Алматы, 2011. Вып. 3. С. 420–431.

Тишкин А.А., Матренин С.С., Шмидт А.В. Боевые ножи кочевников Алтая эпохи «великого переселения народов» (по материалам могильника Степушка-1) // История и культура средневековых народов степной Евразии. Барнаул, 2012а. С. 59–65.

Тишкин А.А., Матренин С.С., Шмидт А.В. Наборный пояс сяньбийского времени из могильника Степушка-1 в Центральном Алтае // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Улан-Батор, 2012б. С. 116–120.

Тишкин А.А., Матренин С.С., Шмидт А.В. Кенотафы сяньбийско-жужанского времени могильника Степушка-1 // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Барнаул, 2013а. С. 232–238.

Тишкин А.А., Матренин С.С., Шмидт А.В. Степушка-1 – памятник кочевников Алтая сяньбийско-жужанского времени // Проблемы происхождения и идентификации культуры евразийских гуннов. Челябинск, 2013б. С. 258–279.

Худяков Ю.С. Керамика хуннского времени из долины р. Эдиган // Древние поселения Алтая. Барнаул, 1998. С. 206–211.

Я.В. Фролов

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

НОВЫЕ МОГИЛЬНИКИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА В БАРНАУЛЬСКОМ ПРИОБЬЕ

Работа выполнена при поддержке гранта Министерства образования и науки РФ (постановление №220), полученного ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет» (проект №2013-220-04-129 «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии»)

В ходе работ по мониторингу и нанесению памятников археологии на схемы территориального планирования и генеральные планы поселений на территории Алтайского края в последние годы были открыто более 10 новых курганных могильников.

В 2013 г. в ходе обследования памятников к северу от с. Шахи было обнаружено новое курганное поле, включающее 26 курганных насыпей, локализующихся в пять курганных групп, получивших названия Мельничихин Лог-3–7. Общая протяженность курганного поля более 3 км. Курганные могильники располагаются в центральной части гривы – водораздела между р. Харчиха и Мельничихиным Логом. Грива протянулась в направлении север–юг и северным концом примыкает к левому коренному берегу Оби (рис. 1.-3).

Все выявленные курганы распахиваются. Некоторые насыпи в ходе распашки почти сnivelированы. Наиболее крупный курган зафиксирован на могильнике Мельничихин Лог-3. Здесь курган №6 имеет диаметр 38 м и высоту 1 м (рис. 1.-4). Значительные размеры имеет курган №1 в северной группе – Мельничихин Лог-7, его диаметр 30 м и высота 1,5 м. Размеры остальных курганных насыпей могильников Мельничихин Лог-3–7 варьируют в пределах 12–25 м и имеют высоту 0,2–0,5 м.

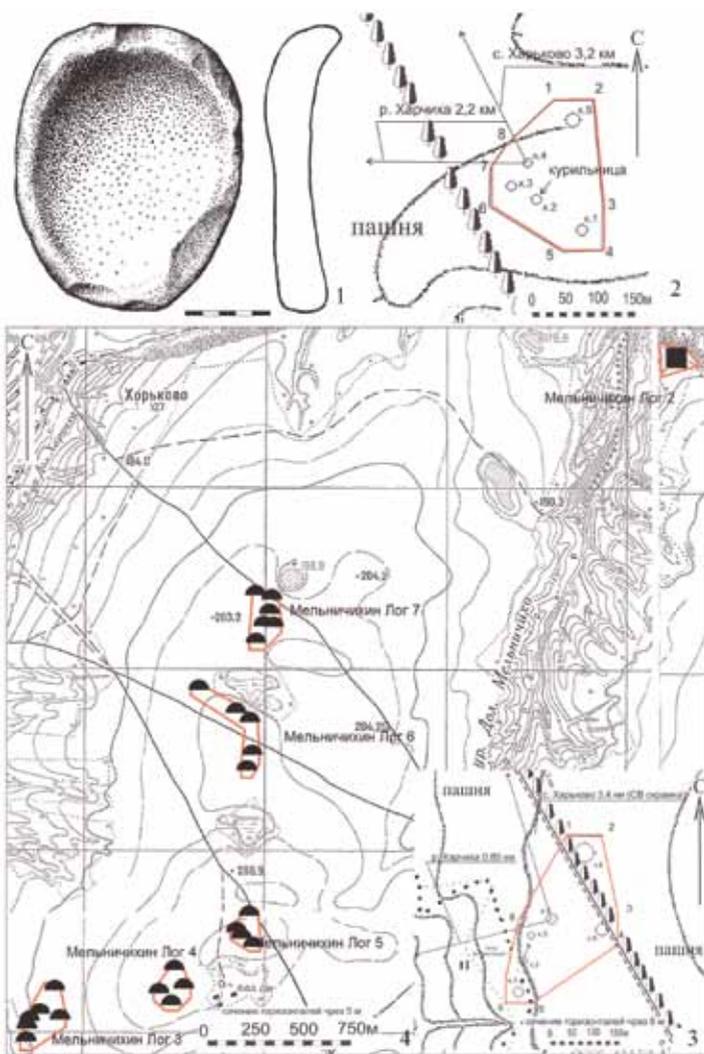

Рис. 1. 1 – каменная курильница из насыпи кургана №2 могильника Мельничихин Лог-5; 2 – план могильника Мельничихин Лог-5; 3 – ситуационный план расположения памятников Мельничихин Лог-2-7; 4 – план могильника Мельничихин Лог-3

На поверхности насыпи кургана №2 могильника Мельничихин Лог-5 обнаружена выпаханная плугом каменная курильница (рис. 1-2). Предмет имеет овальную в плане форму и плоское дно. Бортики слабо выражены

(рис. 1.-1). Курильница изготовлена из песчаника беловатого цвета. Предмет сильно пострадал в результате неоднократной распашки насыпи кургана. Он разбит на две половины, на поверхности имеются многочисленные крупные царапины и сколы. Курильницы данного типа – типичная находка для памятников скифского времени Лесостепного Алтая [Могильников, 1997, с. 88]. Подобные вещи встречаются в захоронениях как каменной, так и староалейской культур [Шульга, Уманский, Могильников, 2009, с. 177–178; Фролов, с. 93, рис. 68.-5; 88.-8; 89.-2; 91.-12; 108.-5; 112.-9]. Это одна из наиболее ранних разновидностей предметов подобного типа – в Лесостепном Алтае датируются в пределах VI–III вв. до н.э. [Могильников, 1997, с. 88].

Находки курильниц в насыпях курганов на территории Лесостепного Алтая довольно редки. Из наиболее близких аналогий можно привести курильницу из могильника Гоньба-2, найденную на площади памятника [Бородаев, Кирюшин, Кунгуров, 1983, с. 25–26].

Сейчас неясно, помещались предметы подобного типа в насыпь кургана специально или попали в нее после ограбления захоронения в более позднее время.

Расположение курганного поля Мельничихин Лог типично для памятников подобного типа вблизи левого берега Оби. Чаще всего здесь курганные могильники располагаются на высоких водораздельных гривах, на которых (или рядом с ними) существуют небольшие озера – возможно, использующиеся в древности как водопои.

В подавляющем большинстве приустьевых зон логов, прорезающих левый коренной берег Оби, зафиксированы поселения эпохи раннего железа, представляющие собой, в основном, скотоводческие стоянки с небольшой насыщенностью культурного слоя. Не исключением является и приустьевая зона Мельничихина Лога, здесь с юго-восточного борта лога обнаружено обширное поселение раннего железного века, имеющее площадь около 2,5 га. Памятник получил название Мельничихин Лог-2.

Возвышенность, на которой располагаются описанные выше курганные могильники, является северным ответвлением крупного водораздела между рр. Барнаулка и Касмала. В ходе обследования курганных могильников, расположенных по гребню этого водораздела, кроме уже известных памятников Шахи-1 и Жуковка-1, обнаружены еще пять новых курганных могильников: Озерное-1, Урожайное-1, Озеро Лебяжье, Поваренка-1, Фунтовка-1. Большинство из этих памятников (кроме могильника Озеро Лебяжье) являются одиночными курганами и располагаются на распаханых полях. Данные памятники сохранились только благодаря тому, что в центре их насыпей размещены триангуляционные пункты, вследствие чего курганы не были распашаны. Вероятнее всего, в районе этих курганов были и другие курганные насыпи.

В 2008 г. в ходе мониторинга памятников в Шелаболихинском районе было обследовано курганное поле к юго-западу от с. Шелаболиха, включающее три курганные группы: Шелаболиха-1, 3, 4. Курга-

ны этих могильников расположены в несколько цепочек в направлении юго-запад – северо-восток вдоль гребня гривы водораздела между р. Шелаболиха и логом Крутой, расстояние между крайними курганами могильников Шелаболиха-4 и Шелаболиха-3 превышает 2 км. При обследовании этих памятников в 2008 г. было зафиксировано еще несколько объектов к северу от этого курганного поля: одиночный курган Шелаболиха-8, поселение Шелаболиха-9 и могильник Шелаболиха-10.

Могильник Шелаболиха-10 был обнаружен благодаря информации от местных жителей. Весной 2008 г. школьники с. Шелаболиха обнаружили в овраге, прорезающем с севера коренной берег Оби, полуразрушенное захоронение. Школьниками были найдены кости человека, которые были преданы в милицию. Уже сотрудники милиции и прокуратуры раскопали оставшуюся часть могилы и извлекли из нее часть скелета и керамический сосуд. Спустя некоторое время сосуд из этой могилы был передан в НПЦ «Наследие». В ходе выезда археологов на место разрушенного захоронения было зафиксировано его точное местоположение и произведен визуальный осмотр разрушений и осыпей оврага. В связи с опасностью обрушения стенок оврага раскопки не проводились.

Могильник находится в 1 км к северо-западу от окраины с. Шелаболиха. Памятник располагается на левом коренном обрывистом берегу Оби, высота которого в этом месте превышает 20 м. Захоронения были обнаружены в стенке оврага, прорезающего с севера на юг кромку берега.

В ходе осмотра оврага в его стенках были обнаружены контуры трех ям, две из которых (могила 1 и могила 2) находились на расстоянии 1,4 м друг от друга.

Могила 1. Яма погребения имела глубину 1,75 м и ширину 1,6 м. Является, по-видимому, продольным разрезом погребения. Яма выбрана в склоне примерно на 0,5–0,7 м в ходе работ сотрудников прокуратуры. По их словам, именно из нее происходят большая часть человеческих костей и керамический сосуд. По дну ямы визуально прослежены остатки продольного деревянного перекрытия из плахи или горбыля.

Могила 2. Находилась в 1,4 м от первого погребения. Размеры ее – ширина 1,1 и глубина 2,1 м. Вероятно, это также продольный разрез могилы. Сотрудники прокуратуры в стенке этой ямы у дна сделали небольшой подкоп, из которого вынули несколько человеческих костей.

Над этими двумя погребениями прослеживались остатки от слабо читаемой курганной насыпи высотой около 0,2–0,3 м и шириной около 6 м. Вероятно, большая часть насыпи уже осыпалась в овраг и в его стенке виден только небольшой край полы кургана.

Третья яма была обнаружена на противоположной стороне оврага в 30–40 м к востоку от первых двух. По стенке оврага она имела размеры – глубину 2,2 м и ширину около 1 м. Характер ямы неясен. Возможно, она также является остатками обрушившегося захоронения.

В 1991–1992 гг. на памятнике Шелаболиха-3 были раскопаны несколько курганов, относящихся к раннему железному веку, и два кургана, датирующиеся эпохой средневековья [Горбунов, 1996 с. 162–166]. Последние насыпи находятся в северо-восточной части могильника Шелаболиха-3.

Наличие одиночного кургана Шелаболиха-8 и могильника Шелаболиха-10 позволяет предположить, что Шелаболихинское курганное поле продолжалось далее к северу вплоть до кромки коренного берега Оби. Об этом говорит и тот факт, что в 1991–1992 гг. к северу от крайних курганов могильника Шелаболиха-3 прослеживалось еще несколько всхолмлений, возможно, являющихся распаханными курганными насыпями.

Расположение поселения эпохи раннего железа Шелаболиха-9 в приустьевой зоне вдоль юго-восточного края лога, выходящего к Оби, также типично для поселений подобного типа.

В завершение следует отметить, что работы по обследованию гребней водоразделов между рр. Барнаулка, Касмала, Кучук, Кулунда позволили выявлять много новых памятников. Обнаруженные здесь курганные могильники располагаются по оси водоразделов через небольшие промежутки и тянутся по гривам на многие километры. Обнаружение новых поселений раннего железа в устьях логов, примыкающих к берегу Оби, подтверждает сделанные ранее выводы об особенностях расположения данного типа памятников.

Библиографический список

Бородаев В.Б., Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л. Археологические памятники на территории Барнаула // Памятники истории и культуры Барнаула. Барнаул, 1983. С. 8–30.

Горбунов В.В. Курганы сrostкинской культуры у с. Шелаболиха // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1996. С. 162–166. Могильников В.А. Население Верхнего Приобья в середине – второй половине I тысячелетия до н.э. М., 1997. 196 с.

Фролов Я.В. Погребальный обряд населения Барнаульского Приобья в VI в. до н.э. – II в. н.э. (по данным грунтовых могильников). Барнаул, 2008. 479 с.

Шульга П.И., Уманский А.П., Могильников В.А. Новотроицкий некрополь. Барнаул, 2009. 329 с.

Е.Г. Шалахов

*Государственное бюджетное учреждение культуры
Республики Марий Эл «Замок Шереметева», Юрино, Марий Эл, Россия*

КРЕМНЕВЫЙ КОМПЛЕКС УСТЬ-ВЕТЛУЖСКОГО МОГИЛЬНИКА СЕЙМИНСКО-ТУРБИНСКОГО ТИПА

Усть-Ветлужский (Юринский, Усть-Ветлуга) грунтовый могильник бронзового века открыт автором в ходе археологических разведок и сборов, предпринятых осенью 2000 г. в окрестностях несуществующей

ныне русской деревни Сутыри [Соловьев, 2001, с. 91–92; 2003, с. 188; Никитин, 2009, с. 230; Шалахов, 2012, с. 75]. Некрополь находится в 4 км к востоку от пос. Юрино – районного центра Республики Марий Эл, в 350 м к северо-западу от современного устья р. Ветлуги, на дюнах левого берега Чебоксарского водохранилища.

В 2001–2006 гг. погребальный памятник был раскопан Б.С. Соловьевым (Марийская археологическая экспедиция). В могилах собрано бронзовое оружие – наконечники копий, ножи, топоры-кельты, – принадлежавшее воинам древних сибирских и алтайских племенных группировок, мигрировавших в Восточную Европу [Соловьев, 2005, с. 103–109; Соловьев, Шалахов, 2006, с. 168–174]. Погребальные комплексы Усть-Ветлуги датируются XIX–XVII вв. до н.э. [Юнгнер, Карпелан, 2005, с. 112].

Почти весь металл из прослеженных в раскопе и разрушенных Чебоксарским водохранилищем захоронений подробно описан и проанализирован в статьях Б.С. Соловьева [2001, с. 92–93; 2005, с. 110–111; 2010, с. 56–69].

Настоящая работа предваряет будущую полную публикацию металлического оружия, собранного нами в 2000–2008 гг. на месте размытых погребений Усть-Ветлужского могильника сейминско-турбинского типа.

Из закрытых комплексов памятника происходят лишь 4 из 27 экз. кремневых наконечников для стрел: 2 экз. найдены в погребении №6 на нижней площадке могильника (раскоп 2003 г.); 2 экз. расчищены при исследовании статусного захоронения на вершине Сутырской дюны (погребение №15 в раскопе 2005 г.). Остальные кремневые наконечники (23 экз.) являются подъемным материалом с размытых участков некрополя эпохи бронзы. Наибольшая концентрация находок кремневых наконечников отмечена нами на берегу Чебоксарского водохранилища под раскопом 2003 г. (предположительно, остатки колчанного набора из несохранившегося погребения) [Шалахов, 2013, с. 83–84] и к северо-востоку от него – вблизи современной часовни святого Димитрия Солунского.

Кремневый комплекс Усть-Ветлуги представлен несколькими типами наконечников для стрел, которые различаются по оформлению насада или черешка (рис. 1.-1–12).

К *I типу* (основному) относятся наконечники стрел треугольной или подтреугольной формы с прямоусеченным основанием (найлены 22 экз.) (рис. 1.-1–8), которые имеют полные аналогии в погребальных комплексах Турбинского-I, Сейминского и Решенского могильников [Бадер, 1964, с. 97, рис. 90; 1970, с. 122, рис. 60.-4–7; Бадер, Черников, 1978, с. 130–131, рис. 1.-2–7]. О.Н. Бадер [1964, с. 97] называл их «турбинскими».

Ко *II типу* принадлежат наконечники треугольной формы с вогнутым основанием (всего 2 экз.) (рис. 1.-12), которые обнаруживают некоторое сходство с кремневыми стрелами из условного могильника сейминско-турбинского типа Бор-Лёнва [Денисов и др., 1988, с. 62, рис. 3.-6, 8]. В крупных могильниках Окского и Камского бассейнов –

в Сейме, Решном, Турбине, – они вообще отсутствуют. Любопытно, что серия кремневых наконечников для стрел с вогнутым основанием и намеченными шипами-жальцами имеется в опубликованных материалах раскопок святилища Шайтанское Озеро-II [Сериков и др., 2009, с. 74, рис. 13], вещевого комплекс которого сохранил, что немаловажно, следы сейминско-турбинских металлургических инноваций.

Определенный интерес вызывает *III тина* кремневых наконечников Усть-Ветлужского некрополя (2 экз.). Это крупные наконечники стрел с вытянуто-треугольным пером и широким черешком подпрямоугольной формы (рис. 1.-10, 11). Аналоги нашим наконечникам известны по находкам в погребениях Решенского могильника, где их собрана значительная серия [Черных, Кузьминых, 1989, с. 231, рис. 104.-8–11].

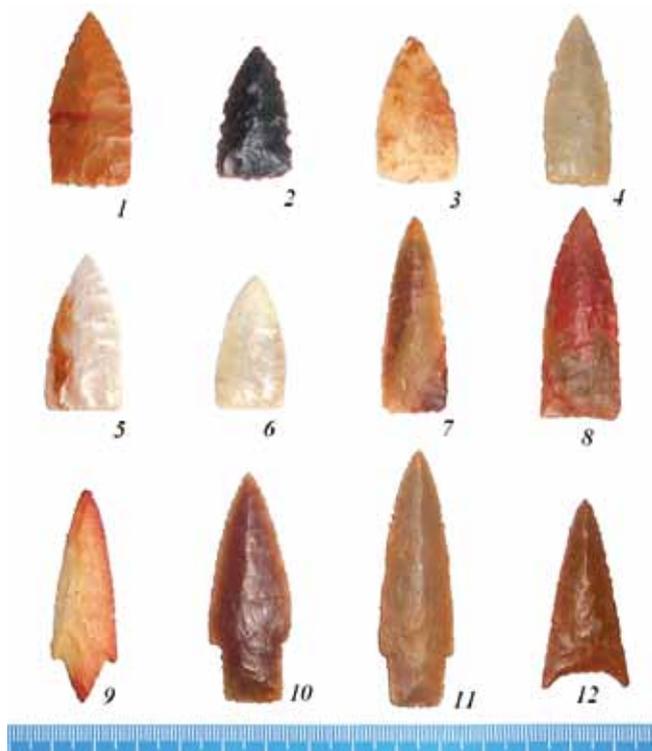

Рис. 1. Кремневый комплекс Усть-Ветлужского могильника: наконечники стрел. Подъемный материал 2000–2008 гг. *Фото автора*

И, наконец, к *IV тине* кремневых стрел Усть-Ветлужского погребального памятника относится наконечник с вытянуто-треугольным пером, коротким черешком треугольной формы и жальцами (рис. 1.-9).

По О.Н. Бадеру [1970, с. 121], это 2-й тип стрел Сеймы – «может быть назван сейминским». Действительно, по своим пропорциям и технике обработки широких граней находка 2004 г. имеет весьма близкие аналогии в вещевом комплексе Сейминского могильника [Бадер, 1970, с. 122, рис. 60.-1, 2].

В качестве заготовок для усть-ветлужских наконечников использовались довольно крупные (различного сечения) отщепы кремневого сырья высокого качества. Весь кремьень, вероятно, валунного происхождения. Сырьевой базой для сейминско-турбинских оружейников, оставивших Усть-Ветлужский могильник, могли служить Юльяльские выходы кремня на правом берегу Волги – на территории соседнего с Юринским Горномарийского района Республики Марий Эл [Никитин, 2009, с. 318–319]. Здесь, неподалеку от выходов валунного кремня, В.В. Никитиным [2009, с. 71] зафиксированы остатки Юльяльской кремнеобрабатывающей мастерской и собрана большая коллекция каменных и кремневых артефактов, среди которых присутствуют изделия сейминско-турбинского облика – наконечники стрел треугольной или треугольно-усеченной формы и обломок кремневого ножа-вкладыша [Соловьев, 2001, с. 90–91].

Абсолютное большинство наконечников обработано аккуратной уплощающей ретушью, нанесенной с двух сторон. Некоторые экземпляры кремневых стрел имеют выраженную продольную грань в верхней части пера, предназначавшуюся, по всей вероятности, для увеличения пробивной мощности оружия.

Таким образом, кремневые наконечники стрел из Усть-Ветлужского могильника, сопоставимые с метательными орудиями других базовых памятников сейминско-турбинского типа, являются не только самой распространенной категорией погребального инвентаря у носителей древних сибирских и приуральских бронз, но и ценнейшим источником в кремнеобработке эпохи палеометалла Северной Евразии.

В заключение отметим, что кремневый комплекс из погребений Усть-Ветлужского могильника наглядно подтверждает мнение исследователей сейминско-турбинского транскультурного феномена об агрессивном характере «социальных объединений» (популяций) воинов-мигрантов бронзового века, «сыгравших выдающуюся роль» в формировании системы Евразийской металлургической провинции [Черных, Кузьминых, 1989, с. 271; Черных, 2007, с. 75, 86].

Библиографический список

- Бадер О.Н. Бассейн Оки в эпоху бронзы. М., 1970. 176 с.
Бадер О.Н. Древнейшие металлурги Приуралья. М., 1964. 176 с.
Бадер О.Н., Черников В.Ф. Новые находки сейменского типа у с. Решное на Оке // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М., 1978. С. 130–132.

Денисов В.П., Кузьминых С.В., Черных Е.Н. Могильники сейминско-турбинского типа в Волго-Камье // Памятники первобытной эпохи в Волго-Камье. Казань, 1988. С. 46–69.

Никитин В.В. Археологическая карта Республики Марий Эл. Йошкар-Ола, 2009. 416 с.

Сериков Ю.Б., Корочкова О.Н., Кузьминых С.В., Стефанов В.И. Шайтанское Озеро-II: новые сюжеты в изучении бронзового века Урала // Археология, этнография и антропология Евразии. 2009. №2 (38). С. 67–78.

Соловьев Б.С. К вопросу о социально-значимых захоронениях сейминско-турбинского типа // Материалы и исследования по археологии Поволжья. Йошкар-Ола, 2010. Вып. 5. С. 56–69.

Соловьев Б.С. Находки сейминско-турбинского времени в Марийском Поволжье // Древности Поволжья и Прикамья. Йошкар-Ола, 2001. С. 90–96.

Соловьев Б.С. Об абашевском компоненте Юринского могильника // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие: мат. междунар. науч. конф. Чебоксары, 2003. С. 188–192.

Соловьев Б.С. Юринский (Усть-Ветлужский) могильник (итоги раскопок 2001–2004 гг.) // Российская археология. 2005. №4. С. 103–111.

Соловьев Б.С., Шалахов Е.Г. Воинское погребение Юринского могильника // Исследования по древней и средневековой археологии Поволжья. Чебоксары, 2006. С. 168–174.

Черных Е.Н. Каргалы: феномен и парадоксы развития; Каргалы в системе металлургических провинций; Потаенная (сакральная) жизнь архаичных горняков и металлургов. М., 2007. 200 с.: ил. (Каргалы. Т. V).

Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). М., 1989. 320 с.: ил.

Шалахов Е.Г. Колчаный набор из разрушенного (размытого) комплекса лучника на сейминско-турбинском Юринском могильнике // Вопросы исторической науки: мат. II междунар. науч. конф. Челябинск, 2013. С. 83–85.

Шалахов Е.Г. Погребальный инвентарь Юринского (Усть-Ветлужского) могильника сейминско-турбинского типа: кремьень и нефрит // История и археология: мат. междунар. науч. конф. СПб., 2012. С. 75–77.

Юнгнер Х., Карпелан К. О радиоуглеродных датах Усть-Ветлужского могильника // Российская археология. 2005. №4. С. 112.

РАЗДЕЛ 3. ИЗУЧЕНИЕ ПАМЯТНИКОВ ИСТОРИИ, АРХИТЕКТУРЫ И ЭТНОГРАФИИ

Е.А. Бельгибаев

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ КАК ИСТОЧНИК ПО ЭТНОДЕМОГРАФИИ, ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЮ И ХОЗЯЙСТВУ КОРЕННОГО ТЮРКОЯЗЫЧНОГО НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРНЫХ ПРЕДГОРИЙ АЛТАЯ (о результатах архивной работы в 20011–2013 гг.)

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РФФИ (проект 13-06-00821 А «Оценка человеческого потенциала и социальной мобильности коренных народов Западной Сибири в контексте модернизационных процессов (XX – начало XXI в.)»)

В настоящее время значимость архивных материалов в исследовании традиционных и, так сказать, «посттрадиционных» культур коренных народов юга Сибири трудно переоценить. Не секрет, что в последние десятилетия многие лакуны, связанные с изучением традиционных культур, «закрываются» для исследователей, что в принципе подтолкнуло большинство из них к новым методологическим поискам, в частности, они развиваются в рамках концепций и подходов, связанных с изучением локальных культурных комплексов [Селезнев, 1998, с. 57–62]. Перспективной, однако стоящей особняком от этнографии, является устная история. В этом плане особую значимость для этнографа приобретают архивные материалы. Со сменой поколений ушли в прошлое значительные пласты традиционной культуры, элементы которых фиксировались специалистами в конце XIX – 2-й половине XX в.

Между тем огромный этнографический материал имеется в архивах Алтайского края, Республики Алтай и др. Конечно, при написании любого рода работ по этнографии народов каждый специалист вводит в научный оборот архивные сведения. Однако, на наш взгляд, не достаточно цельно и объемно. Возможно, это связано со спецификой этнографии как науки, где важную роль в исследовании отводилось именно полевому материалу исследователя.

В плане изучения этнодемографии, хозяйства и природопользования северных алтайцев (этнические кумандинцы, челканцы, тубалары) начала XX в. особую ценность для этнографа приобретают материалы сельскохозяйственной переписи 1917 г. Они являются одним из немногих высокоструктурированных исторических источников по этнографии северных алтайцев. Конечно, к ним обращались многие исследователи, однако

в силу массового статистического характера материала и трудности его обработки затронуты они были лишь частично. Тем не менее в последние десятилетия с появлением высокотехнологической компьютерной техники и соответствующих программ, способных обрабатывать огромный массив статистического материала, постепенно ситуация меняется. Примером может служить работа сотрудников кафедр архивоведения и исторической информатики и отечественной истории АлтГУ (г. Барнаул), создавших Приложение для накопления и обработки данных сельскохозяйственной переписи 1917 г. [Разгон, Колдаков, Пожарская, 2002, с. 22–66]. Данное Приложение использовалось повторно, но уже для формирования базы данных по этнографии северных алтайцев. Переписные карточки по интересующимся нас группам населения хранятся в Государственном архиве Алтайского края [Ф. 233. Оп. 1а]. Они сгруппированы в более чем 90 дел и охватывают статистический материал по Нижне-Кумандинской, Лебедской, Тайнинской, Сузопской, Паспаульской, Озеро-Куреевской, Карабинской, Успенской, Верх-Бийской, Макарьевской, Троицкой волостям Бийского уезда Томской губернии [Краевое государственное казенное учреждение «Государственный архив Алтайского края (КГКУ ГААК). Ф. 233. Оп. 1. Д. 29; Оп. 1а, 1б. Д. 139, 141, 142, 146 и др.]

Кроме Ф. 233. Оп. 1а нами обработан и обрабатывается обширный материал по землеустроительным работам 1910–1913 гг. В Государственном архиве Алтайского края это Ф. 233. Оп. 1. Д. 29, Ф. 164. Оп. 2. Д. 57, Ф. 29. Оп. 1. Д. 572. В процессе обработки находится материал, полученный нами в Государственном архиве Республики Алтай и личном архиве К.Т. Кандаракова, который также непосредственно связан с землеустроительными работами на территории северных предгорий Алтая – Ф. Д.-5. Оп. 2. Д. 30, 33, 34, 36 и др. (всего – 24 дела). В стадии разработки находится также материал по похозяйственным книгам Солтонского, Красногорского, Турочакского районов 1935–2012 гг. Один из значительных таких архивов, в частности, хранится в Кебезеньской сельской администрации. В архиве находятся похозяйственные книги с 30-х гг. XX в. и до начала XXI в.

В ходе работ с книгами было отснято свыше 1000 фотографий. Они являются частью аналогичного обширного материала, который нами был получен в ряде архивов сельских администраций Солтонского, Красногорского районов Алтайского края, Турочакского района Республики Алтай в 2012 г. Это районы традиционного проживания кумандинцев и челканцев. В архиве Кебезеньской сельской администрации нами был отснят материал за 1940–1950-е гг. по следующим населенным пунктам: Кебезень, Кооно, Ново-Троицк, Кла, Нижний и Верхний Изувеч, Караса, Тулой, Кундара, Эдербес, Сюра и Салганак. Именно в указанный период, как известно, происходили глубокие трансформационные изменения, которые оказали влияние на все стороны жизни тубаларов, на их исторические судьбы.

Всесторонний анализ данных похозяйственных книг позволит приблизиться к пониманию основных проблем и динамики социально-экономических, этнодемографических, экологических и иных порядков в течение нескольких поколений. Современную ситуацию в этом плане мы можем получить из отснятых нами похозяйственных книг с Кебезень за 2007–2011 гг. Анализ данного материала, в частности, позволит выявить уровень социальной мобильности и конкурентоспособности тубаларов по сравнению с иноэтничным населением, что позволит выявить специфичность факторов, которые затрудняют их адаптации к новым социально-экономическим реалиям.

Разноплановый материал по интересующей нас теме (хозяйству и природопользованию) был получен в Государственном архиве Республики Алтай (ГАРА, г. Горно-Алтайск) [Государственный архив Республики Алтай (ГАРА). Ф. Д.-5. Оп. 2. Д. 29, 30, 33, 34, 36, 39 и др.; Ф. 42. Оп. 4. 48, 14, 246 и др.; Ф. 178. Оп. 1. Д. 4]. Нами почти полностью было отснято 27 дел. В основном они включают в себя материалы землеустроительных работ (1911–1913 гг.) – протоколы заседаний, планы земельных и лесных наделов, съемочные планшеты, карты и т.д. Кроме того, получены годовые производственно-финансовые планы сельскохозяйственных артелей 1930–1940-х гг. и часть материалов, касающихся хозяйственной деятельности местного населения Северного Алтая.

Таким образом, приведенные в настоящем сообщении результаты работы в течение лишь года свидетельствуют о высоком потенциале архивных материалов в этнографическом аспекте. Конечно, в своей основе он касается XX – начала XXI в. Однако это время важно с точки зрения модернизации традиционных обществ, важной стороной которой являются динамика и направление их развития. К тому же сопоставление данных рассматриваемого периода с уже известными хрестоматийными материалами позволит более полно охарактеризовать культуру, в том числе экологическую, и ее место в жизнедеятельности коренного тюркоязычного населения северных предгорий Алтая.

Библиографический список

Архивный отдел администрации Красногорского района. Ф. 88. Оп. 1. Ф. 25. Оп. 1. Ф. 4.

Архивный отдел администрации Солтонского района. Ф. Р-43. Оп. 2д. Ф. Р-24. Оп. 1д.

Архивный отдел администрации Турочакского района. Ф. 14. Оп. 1д.

Государственный архив Республики Алтай (ГАРА). Ф. Д.-5. Оп. 2. Д. 29, 30, 33, 34, 36, 39 и др.; Ф. 42. Оп. 4. 48, 14, 246 и др.; Ф. 178. Оп. 1. Д. 4.

Краевое государственное казенное учреждение «Государственный архив Алтайского края» (КГКУ ГААК). Ф. 233. Оп. 1. Д. 29; Оп. 1а, 1б. Д. 139, 141, 142, 146 и др.

Селезнев А.Г. Локальные (ареальные) культурные комплексы как форма существования традиционной культуры (к постановке проблемы) // Интеграция археологических и этнографических исследований. Омск, 1998. Ч. 2. С. 57–62.

Разгон В.Н., Колдаков Д.В., Пожарская К.А. Демографическое и хозяйственное развитие западных волостей Алтайской губернии в начале XX в. (анализ базы данных крестьянских хозяйств по сельскохозяйственной переписи 1917 г.) // Демографическое и хозяйственное развитие алтайской деревни во второй половине XIX – начале XX в. Барнаул, 2002. С. 22–66.

Н.В. Воробьева

Алтайская краевая универсальная научная библиотека им. В.Я. Шишкова, Барнаул, Россия

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАБОТЫ С КНИЖНЫМИ ПАМЯТНИКАМИ В АЛТАЙСКОМ КРАЕ

В Российской Федерации к книжным памятникам относятся книги ручной печати, т.е. издания, вышедшие по 1830 г. включительно (для картографических и нотных изданий – граница 1850 г.); для более позднего периода показателями ценности выступают выдающаяся значимость книги как единства духовной и материальной культуры, а также функциональные признаки (этапность, уникальность, приоритетность, мемориальность, коллекционность).

Работа с книжными памятниками ведется в рамках программы «Основные направления деятельности по сохранению библиотечных фондов Российской Федерации на 2011–2020 гг.» (раздел «Книжные памятники Российской Федерации») при финансовой поддержке из средств Федеральной целевой программы «Культура России» (2012–2018 гг.).

В 2009 г. в Алтайской краевой универсальной научной библиотеке им. В.Я. Шишкова создан Центр по работе с книжными памятниками Алтайского края, который ведет работу по выявлению, изучению, описанию, а также занимается вопросами сохранения и популяризации редких и ценных изданий как наиболее значимой части книжных собраний края.

За эти годы сотрудники Центра обследовали книжные фонды библиотек и музеев семи районов Алтайского края, а также городов Барнаула, Бийска, Алейска, Змеиногорска, Рубцовска. Учреждения, имеющие в своих фондах книжные памятники, зарегистрированы на сайте «Книжные памятники Алтайского края»¹.

Необходимо отметить, что в книжных фондах учреждений Алтайского края хранятся уникальные экземпляры, являющиеся книжными памятниками федерального уровня. Так, в АКУНБ им. В.Я. Шишкова находится одиннадцать листов рукописи беседы Василия Великого «Разорю житница моя», датированных серединой XVI в.; напечатанная на Московском Печатном дворе «Миня общая» (1609 г.); напечатанная гражданским шрифтом книга российского дипломата П.П. Шафировова «Рассужде-

¹ Книжные памятники Алтайского края [Электронный ресурс]. URL: <http://akunb.altlib.ru/knizhnye-pamyatniki-altajskogo-kрая.html>.

ние какие законные причины его величество Петр Великий император и самодержец всероссийский, и прочая, и прочая, и прочая; к начатию войны против короля Карола 12, шведского 1700 году имел» (1722 г.) и др.

В фондах Музея истории развития горного производства Алтай им. Акинфия Демидова (г. Змеиногорск) хранится напечатанная на Московском Печатном дворе «Псалтырь» (1654 г.); «Библия» («Елизаветинская Библия») ([1751] г.); уникальный гравированный «Новый атлас или собрание карт всех частей земнаго шара» (1793 г.) и др.

Несколько учреждений, а именно Алтайская краевая универсальная научная библиотека им. В.Я. Шишкова, Государственный архив Алтайского края, Алтайский государственный краеведческий музей, Алтайская краевая научная медицинская библиотека хранят книги из первой в Сибири научно-технической библиотеки – библиотеки Колывано-Воскресенских заводов – около 300 экземпляров.

Выявлены другие крупные держатели книжных памятников федерального и регионального уровня, среди них Бийский краеведческий музей, Центральная городская библиотека им. В.М. Шукшина (г. Бийск), научная библиотека Алтайского государственного университета, научно-педагогическая библиотека Алтайской государственной педагогической академии, Государственный музей истории литературы, искусства и культуры Алтай и др. имеют в своих фондах уникальные экземпляры изданий, которые до сих пор не введены в научный оборот.

Центр по работе с книжными памятниками Алтайского края ставит перед собой задачу – формирование и реализация единой политики сохранения особо ценной части книжного культурного наследия страны, обеспечение централизованного учета и государственной регистрации книжных памятников, находящихся на территории Алтайского края.

В связи с этим возникает ряд проблем:

1) организация государственной регистрации и учета книжных памятников. В настоящее время осуществляется подготовка к регистрации. Так, в соответствии с приказом №429 Министерства культуры РФ «Об утверждении порядков отнесения документов к книжным памятникам, регистрации книжных памятников, ведения реестра книжных памятников» [Об утверждении порядков..., 2011] регистрирующим органом определено Министерство культуры РФ. Но для того, чтобы приступить к регистрации, необходимо описать каждый экземпляр и ввести его в Общероссийский свод книжных памятников (ОСКП). С 2012 г. Центр создает машиночитаемые записи на книжные памятники в электронной базе данных ОСКП. На сегодняшний день введено 45 записей на экземпляры, принадлежащие АКУНБ;

2) организация сохранности выявленных и зарегистрированных книжных памятников. Ученные и зарегистрированные книжные памятники подлежат постоянному хранению, для чего необходимо обеспечить оптимальные условия для их хранения.

В своей деятельности Центр по работе с книжными памятниками Алтайского края видит следующие перспективы: разработать региональные нормативные документы по вопросам работы с книжными памятниками Алтайского края; продолжить работу по привлечению учреждений всех ведомств, имеющих книжные памятники к участию в Общероссийском своде книжных памятников и Региональном своде книжных памятников; продолжить обучение и повышение квалификации сотрудников учреждений и организаций региона, владеющих книжными памятниками для последующей самостоятельной работы; продолжить ведение сводного электронного каталога «Книжные памятники Алтайского края»; осуществлять мероприятия, направленные на популяризацию книжной культуры в обществе.

Библиографический список

Об утверждении порядков отнесения документов к книжным памятникам, регистрации книжных памятников, ведение реестра книжных памятников: Приказ Министерства культуры Российской Федерации от 3 мая 2011 г. №429 // Российская газета. 2011. №184 (22 авг.).

О.С. Мамонтова

Алтайский государственный краеведческий музей, Барнаул, Россия

ПРЕДМЕТЫ КУЛЬТУРЫ И БЫТА ТЕЛЕУТОВ В СОБРАНИИ АЛТАЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ

Алтайский государственный краеведческий музей является одним из крупных центров Алтайского края по сохранению и изучению культурного наследия. Одна из интереснейших коллекций, которая хранится, изучается и презентуется музеем, – этнографическая. Особое внимание привлекает к себе раздел, посвященный культуре и быту коренных народов Алтая. Комплектование вещественных материалов по данной тематике началось в Алтайском государственном краеведческом музее с момента его основания в 1823 г. Ядро данной коллекции составило личное собрание основателя музея П.К. Фролова, которое включало одежду, предметы быта народов Сибири, в том числе и коренных народов Алтая. В 1907 г. в связи с неудовлетворительными условиями хранения этнографическая коллекция была передана в музей археологии и этнографии Томского университета, где находится и по сей день [Фролов, 2001, с. 57–66]. В 1911 г. коллекции Барнаульского музея были переданы Алтайскому подотделу ЗСО ИРГО. В этот период времени этнографическое собрание подотдела включало одежду, предметы быта, культу алтайцев, большая часть которых на сегодняшний день утрачена. Фактически начало формирования новой ал-

тайской коллекции связано с деятельностью сотрудников Алтайского центрального музея в 1920-х гг.

Если в конце XIX – начале XX в. поступления этнографических материалов были немногочисленными и носили бессистемный характер, то к 1920 г. созрела острая необходимость целенаправленного формирования коллекции. Так, в марте 1920 г. на заседании коллегии Алтайского центрального советского музея было принято решение о необходимости проведения специальных этнографических экспедиций с целью пополнения этнографического собрания и его популяризации. В этот период основное внимание уделялось традиционной культуре коренных народов Алтая, что было связано с общими тенденциями изучения Сибири. В результате деятельности сотрудников музея П.А. Киршевского и А.Н. Макеева в 1920 г. на территории Горного Алтая были собраны образцы материальной и духовной культуры алтайцев. В том же году сотрудником М.Н. Палкиным из Чемальского училища были доставлены бубны и колотушки, костюм кама. В 1939 г. сотрудником Н.Г. Васиным на территории Горного Алтая был собран небольшой комплекс из предметов быта и музыкальных инструментов алтайцев. К сожалению, при поступлении в музей не указывалась принадлежность экспонатов к той или иной этнографической группе алтайцев. В 1950-х гг. часть экспонатов из этих сборов из-за плохой сохранности была списана. Последующее комплектование коллекции по коренным народам Алтая продолжилось лишь в 1963 г., когда по заказу музея были приобретены элементы алтайского женского костюма. В дальнейшем поступления были очень редкими и бессистемными. Восстановление системного формирования данной коллекции и маркирования принадлежности к той или иной этнографической группе алтайцев связаны с именем старшего научного сотрудника отдела фондов музея Н.А. Бородаевой. В начале 1990-х гг. ею были организованы экспедиции в районы компактного проживания тубалар и телеутов. Появлению в музее предметов материальной культуры кумандинцев послужили экспедиции сотрудников музея в Красногорский (1994) и Солтонский (2001) районы. На сегодняшний день коллекция по коренным народам Алтая в музее насчитывает около 300 единиц хранения, которая отражает традиционный костюм, занятия, быт и духовную культуру различных этнографических групп алтайцев конца XIX – XX в. [Мамонтова, 2013, с. 266–271].

Весомую часть данной коллекции составляют экспонаты, характеризующие культуру и быт телеутов Алтая. Первые сборы, которые маркировались как телеутские, поступили в музей в 1929 г. от А.Г. Данилина, научного сотрудника Музея антропологии и этнографии (г. Ленинград). Совместно с ленинградским этнографом-сибиреведом Л.Э. Каруновской Андрей Григорьевич посетил улус Крутой в Чумышском районе Барнаульского округа (ныне Заринский район, село не существует). В документе «Книга экспонатов историко-географического отдела Барнаульского музея

со сведениями о поступлении экспонатов за 1903–1931 гг.» указано, что от «сотрудника Академии наук СССР и Русского государственного географического общества А.Г. Данилина» переданы следующие предметы:

«Чулук», чулки женские, праздничные, суконные. Сшиты 25 лет назад, канты называются «искыт». Типичны для телеут.

«Чулук», чулки женские у телеут, вязаные полосатые (черн., желт., фиолет.) обычные, будничные.

«Чампар» штаны женские у телеут, обычные. Носят с 4-летнего возраста. Тесьма называется «ычкор».

«Кур», женский пояс у телеут, орнаментированный, 10-летней давности.

«Чотобуш», подвязки женские у телеут, обычные, подвязывают чулки под коленями.

«Пасма», кусок старой набойки у телеутов.

«Кунайка», женская верхняя одежда у телеут, безрукавка, 30-летней давности. Праздничная, в настоящее время встречается редко.

«Пуш», украшение девичьих кос у телеутов, сделано из волос с навешенными раковинами.

«И-астык-бат», подушка декоративная у телеутов, кладется между обычными подушками, украшением наружу.

«Срга», серьги женские старинные у телеутов.

Начатый тканый пояс с принадлежностями.

«Чарык», женские кожаные туфли у телеутов, обычные.

Шляпа мужская у телеутов, войлочная, обыкновенная.

Мешочек для женского рукоделия у телеутов.

Обычная обеденная ложка у телеутов.

«Суску» – большая ложка, употребляемая на камлании у телеутов.

«Чара» – большой сосуд у телеутов для наливания жертвенного угощения при камлании» [АГКМ. ОФ 16115/70]. На сегодняшний день в музее из сборов 1929 г. сохранилось лишь девять предметов: подушка, женский чулок, безрукавка, штаны, чашка для чаепития, черпак для разлива жертвенной «обтырки», детский стульчик «оттургыш», плиса для зерна, сундук, окованный железом.

Дальнейшее формирование данного направления в коллекции продолжилось лишь в 1963 г. Заведующий отделом дореволюционной истории Алтая Т.А. Полухин получил от М.С. Кучигашевой, жительницы г. Горно-Алтайска элементы телеутского женского костюма. В книге поступлений основного фонда указано: «1. Шуба – тон женская из мерлушки, крытая черным сукном. Сшита лет 60–70 назад матерью Марии Семеновны. 2. Платок – плат черный кашемировый. 3. Платье – кунёк из зеленой шелковой китайской ткани с красной подбойкой. Платье шила сама Мария Семеновна 20–30 лет назад по старым образцам. 4. Опояска – кур к женской шубе или платью. Старинная опояска. 5. Чулки – чулок из овечьей шерсти. 6. Чарки – чарык кожаные. Носили без подвязок.

7. Серьги – сырга. Одна пара. Принадлежали матери Марии Семеновны. 8. Кольцо – түстүк. 9. Кольцо – перстенок. 10. Пуговицы – тонси [АГКМ. ОФ 11711]. На сегодняшний день сборы 1963 г. сохранились почти полностью. В связи с плохой сохранностью были списаны лишь шерстяные чулки.

Огромный вклад в последующее формирование материалов по телеутам внесла сотрудник отдела фондов музея Н.А. Бородаева. С 1991 по 1995 г. она вела работу среди телеутов Заринского района Алтайского края и Кемеровской области (с. Белово). В результате ею было получено около 150 предметов, характеризующих традиционный женский костюм и верования телеутов [АГКМ. ОФ 15644, 15645, 15647, 15656, 15657, 15658, 156659, 15660, 15661, 15701, 15720, 15739, 15773, 15774, 15968, 16577, 16582, 16585]. Костюм представлен такими элементами, как халаты – «сырмал», «чепкен», «телен», платье – «кунёк», пояс – «кур», пуговицы – «топчи», воротник к платью – «чака», свадебный нагрудник на платье – «тошток», тесьма для отделки платьев и халатов – «теек», летняя женская обувь – «чарык», суконные чулки – «чепкен чулук». Элементы костюма выполнены в 1910–1970-х гг. Несмотря на позднее время изготовления некоторых экспонатов, они выполнены в соответствии с традицией по старым образцам. Женский костюм дополнен украшениями из металла и серебра различного типа: девичье накосное украшение – «ччак», женское накосное украшение – «тана», серьги – «сырга». Н.А. Бородаева отмечала, что традиционная одежда бережно хранилась в телеутских семьях, надевалась на свадьбы – «той» или использовалась в погребальном обряде. Так, на женщин при погребении одевали платье – «кунёк», халат – «телен», пояс – «кур». На голове повязывали платок традиционным способом – концами назад, закрывая лоб [Бородаева, 1991, л. 1об.].

Предметный ряд бытовых вещей немногочисленный: трубка – «канза», волосная веревка для хозяйственных нужд, половичок – «курган», текстильные элементы декора кровати «орун-тябы» (орын јабу), лоскутное одеяло.

Верования телеутов представлены предметами, использовавшимися во время обрядов и домашними духами. Так, Н.А. Бородаевой были получены пластина из бересты для крепления к банке с жертвенной брагой – «тогустши» (девять зубов), мешалка для ее разлива «тастакай». Особый интерес вызывают изображения домашних духов начала XX в.: «эмегендер» и «канату» (канатулар). «Эмегендер» представляет собой антропоморфные холщовые фигурки без обозначения конечностей. Область лица ограничена лоскутом ткани, глаза – бисеринки. Куколки сшиты по две–три штуки вместе. У некоторых головы украшены перьями. Н.А. Бородаева писала о том, что при переезде из с. Улус Крутой телеутки по обычаю спускали «эмегендер» по реке или закапывали в землю [Бородаева, 1991, л. 2]. «Канату» представляли собой естественную развилку ветви с тряпочкой посредине, вдоль верхнего края тряпочки прикреплялись птичьи перья.

Последние материалы, связанные с телеутами, поступили в музей в 2008 г. В ходе историко-этнографической экспедиции сотрудников музея в Заринский район было приобретено платье – «кунек» 1-й половины XX в. у представительницы рода Иркин.

Таким образом, вещественный ряд по телеутам насчитывает около 180 единиц хранения. Можно констатировать, что в настоящее время данные материалы в музейном собрании в той или иной степени представляют некоторые стороны традиционной материальной и духовной культуры телеутов, при этом выявляются лакуны, которые будут заполняться в ходе дальнейшего комплектования.

Библиографический список

Бородаева Н.А. Отчет старшего научного сотрудника фондов Н.А. Бородаевой о командировке в Заринский и Кытмановский районы 18.06.1991 – 23.06.1991 г. // Научный архив АГКМ. 1991. 5 л.

Мамонтова О.С. История формирования коллекции по коренным народам Алтая в АГКМ // Этнографические коллекции в музеях: культурные стратегии и практики: сборник материалов XII Санкт-Петербургских этнографических чтений. СПб., 2013. С. 266–271.

Фролов Я.В. Археологическая и этнографическая коллекции Барнаульского музея в XIX в. // Краеведческие записки / Комитет адм. Алтайского края по культуре и туризму; Алт. гос. краевед. музей. Барнаул, 2001. Вып. 4. С. 57–66.

Е.В. Мардасова

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

СОХРАНЕНИЕ И ИЗУЧЕНИЕ СПОРТИВНОГО НАСЛЕДИЯ НА ПРИМЕРЕ СОЗДАНИЯ МУЗЕЯ ИСТОРИИ АЛЬПИНИЗМА НА АЛТАЕ

Спортивное наследие является частью всемирного культурного наследия и представляет собой несомненную ценность как социокультурное явление. Тема спорта, физической культуры и воспитания всегда оставалась актуальной в России и необходимо сохранять память о выдающихся спортсменах, накопленные знания, опыт для поддержания устойчивой и неразрывной связи между поколениями. Альпинизм – уникальный вид спорта, который помимо спортивных достижений подразумевает интеллектуальное и духовное развитие человека. Тысячи отечественных альпинистов каждый год совершали и совершают восхождения на вершины и пики в различных регионах мира, благодаря им Россия стала известной в мире альпинизма и остается спортивным и идеологическим лидером в развитии этого вида спорта на пространстве СНГ. Тем не менее сохранить школу спортивного альпинизма в полной мере не удалось и наблюдается разрыв связей между поколениями, утрачены некоторые традиции.

В настоящее время в различных регионах России ведут свою деятельность секции, клубы и федерации альпинизма. Особенно активное развитие альпинизма наблюдается в Красноярском крае, на Кавказе, Урале, в Москве и Санкт-Петербурге. В целях сохранения и продолжения традиций альпинизма, укрепления связи поколений силами общественных спортивных организаций ведется различная деятельность: проведение спортивных сборов, альпиниад, соревнований, международных и всероссийских форумов по проблемам развития альпинизма, расширение международных спортивных связей, организация выставок, фестивалей, конкурсов и др.

Первые организованные походы алтайских альпинистов в горы отмечены в начале 50-х гг. прошлого века. Но, к сожалению, современникам доступно лишь незначительное количество информации о развитии данного вида спорта на Алтае. И эта информация находится в разрозненном виде – отдельные статьи в СМИ, упоминания в научных и публицистических изданиях, личные фотоархивы альпинистов и т.д. Годом рождения Федерации альпинизма на Алтае можно считать 1967, а первым ее председателем стал спортсмен из ДСО «Локомотив» Юрий Ачкасов. В разное время председателями Алтайской федерации альпинизма были Борис Лужецкий, Николай Шевченко, Николай Бондарчук [Буняева, 2011]. Мало кому известно, что алтайские альпинисты в составе команды Сибирского военного округа, осуществили восхождение на высочайшую вершину мира г. Эверест в 1997 г.

Поэтому с целью сохранения историко-спортивного и культурного наследия Алтая, популяризации альпинизма среди населения, патриотического воспитания и привлечения молодежи к занятиям спортом существует необходимость создания музея «История альпинизма на Алтае». Подобных музеев в России и во всем мире насчитываются лишь единицы. В начале XX в. во Франции был создан Альпийский музей, расположенный на территории известного горнолыжного курорта Шамони, исторического центра зарождения и развития мирового альпинизма у подножия высочайшей вершины Европы Монблан (4807 м). В 1924 г. в Шамони проводились самые первые Зимние Олимпийские игры [Шамони-Мон, 2010]. Этим событиям, а также всему, что связано с альпинизмом, посвящена экспозиция Альпийского музея: предметы экипировки первых скалолазов, карты, фотографии, старинные литографии Мон-Блана и Шамони, коллекция минералов и лыж.

В 1905 г. был открыт Швейцарский альпийский музей в Берне, посвященный теме Альп, в том числе и альпинистским восхождениям в этой горной системе. В Церматте (Швейцария) работает подземный музей альпинизма (Музей Маттерхорна), где посетители знакомятся с историей альпинизма и покорением вершины Маттерхорн. В городе Кампле (Австрия) расположен уникальный музей альпинизма «Eispickel». Действует Музей альпинизма в г. Мюнхене (Германия), экспозиции которого

го посвящены деятельности Немецкого альпийского союза, научному и спортивному освоению гор [Музей альпинизма в Мюнхене].

В Непале с 1995 г. началось создание Международного музея альпинизма в г. Покхаре, который был окончательно открыт лишь в 2004 г. [Международный музей альпинизма, 2013]. Отдельные экспонаты и тематические выставки представлены в музее Отаго (Новая Зеландия), планируется создание музея альпинизма в Шотландии.

Что касается пространства СНГ, то, несмотря на огромные достижения в альпинизме и богатую историю его развития, на данной территории действуют всего лишь несколько музеев альпинизма. В 30-х гг. XX в. был открыт Музей альпинизма Грузии в Тбилиси; в Украине более 30 лет существует Народный музей истории альпинизма при клубе «Абалаковец»; в 1985 г. начал свою деятельность Центральный музей альпинизма в Москве; в 1987 г. открылся музей истории туризма и альпинизма города-курорта Теберда; в 1997 г. в деревне Тегенкли Тырныаузского района Кабардино-Балкарии открылся альпинистско-охотничий музей им. В. Высоцкого; в 2011 г. в Узбекистане в поселке Таваксай Бостанлыкского района Ташкентской области был открыт дом-музей альпинизма имени основоположника горного спорта в регионе В. Рацка; в 2013 г. на родине отечественного туризма – в городе Пятигорске, открылся Музей истории альпинизма и туризма в России. В настоящее время музей альпинизма в Москве ликвидирован, а музейные экспонаты переданы во владение Центральному музею спорта и физкультуры, где создан отдел альпинизма. Таким образом, на территории России действуют несколько музеев в районе Кавказа, планируется открытие Музея альпинизма в заповеднике «Столбы» в Красноярском крае.

Создание музея «История альпинизма на Алтае» в г. Барнауле позволит привлечь внимание молодежи к занятиям спортом, популяризировать альпинизм, пропагандировать здоровый образ жизни. Сбор информации позволит объединить усилия в исследовании истории алтайского альпинизма представителей различных организаций и структур – Алтайского государственного университета, Барнаульского клуба альпинистов, секции скалолазания, Алтайской краевой Федерации альпинизма, Поисково-спасательного отряда Алтайского края, Западно-Сибирского поисково-спасательного отряда МЧС России и др.

Основная задача деятельности музея – накопление, сохранение и экспонирование свидетельств истории алтайского альпинизма, донесение до будущих поколений имен и биографий людей, которые, посвятив себя спорту, прославили Алтай.

Работа по разработке концепции и формированию экспозиции музея ведется с 2011 г. В рамках мероприятия «Люди и горы», проводимого Барнаульским клубом альпинистов, ежегодно организуются встречи с альпинистами Алтая, осуществляется сбор документов, материалов и экспонатов, представляющих историческую ценность. Экспона-

ты временно хранятся в помещении Барнаульского клуба альпинистов. В дальнейшем планируется создание дизайн-проекта экспозиции музея, подготовка печатного издания, посвященного истории алтайского альпинизма, открытие экспозиции.

При выполнении работы планируется создание каталога музейных экспонатов и материалов; выполнение систематизации и выделение этапов развития альпинизма на Алтае; экспонирование альпинистского снаряжения разных лет; экспонирование фотоматериалов, отчетов, альпинистской документации прошлых лет и других материалов; подготовка макета печатного издания, посвященного истории алтайского альпинизма, информационных буклетов, пригласительных билетов и др.; проведение экскурсии в рамках открытия музея и последующих экскурсий для учащихся и студентов образовательных учреждений Алтайского края.

Дальнейшая деятельность музея «История альпинизма на Алтае» может развиваться в нескольких направлениях: комплектование и хранение музейных предметов, обработка информации по истории альпинизма в регионе; использование музейных материалов и данной информации для удовлетворения запросов преподавателей и учащихся детско-юношеских спортивных школ, школ олимпийского резерва, студентов, учащихся общеобразовательных школ, журналистов, любителей спорта; подготовка и публикация научных статей сотрудниками музея; проведение круглых столов по вопросам развития альпинизма на Алтае.

Кроме этого, музей «История альпинизма на Алтае» возможно использовать в качестве туристского ресурса, что позволит привлекать дополнительные туристские потоки в г. Барнаул. Учитывая, что подобных музеев в России насчитывается единицы, вклад Алтайского края в развитие этого направления является новаторским и актуальным. Уникальный музей «История альпинизма на Алтае» предоставит возможность всем желающим, независимо от возраста, знакомиться с малоизвестными страницами истории альпинизма на Алтае, реализуя просветительскую и научно-исследовательскую деятельность.

Библиографический список

Буняева В. Хроники алтайского альпинизма: Барнаульский клуб альпинистов, 2011 [Электронный ресурс]. URL: <http://baka.hounds.ru/index.php?action=show&show=221>. Загл. с экрана.

Шамони-Мон-Блан [Электронный ресурс]: Горнолыжные курорты Франции, 2010 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bestofski.ru/catalog/397.htm>. Загл. с экрана.

Международный Музей альпинизма (Непал, Покхара). 2013 [Электронный ресурс]. URL: http://www.russianclimb.com/russian/mount_museum.html. Загл. с экрана.

Швейцарский Альпийский музей. 2012 [Электронный ресурс]. URL: <http://gooddays.ru/post/71522>. Загл. с экрана.

Музей альпинизма в Мюнхене: Журнал сайта REIBERT.info [Электронный ресурс]. URL: <http://reibert.livejournal.com/124295.html>. Загл. с экрана.

Музей Маттерхорна [Электронный ресурс]. URL: <http://www.wday.ru/stilzhizny/vibor-redakcii/id-7678/>. Загл. с экрана.

Музей истории альпинизма при альпклубе «Абалаковец»: Портал активного отдыха и спортивного туризма [Электронный ресурс]. URL: <http://www.brodyaga.org/content/369/744/>. Загл. с экрана.

Музей альпинизма «Eispickel» в Кампле. 2014 [Электронный ресурс]. URL: <http://zlatatravel.com/neustift-im-stubaital/s-eispickel.html>. Загл. с экрана.

Д. Мунхбат

АГАО им. В.Шукушина, МНУ, Улан-Батор

ВЕРБЛЮЖИЙ КАРАВАН, ДОЕХАВШИЙ ИЗ ЗАПАДНОЙ МОНГОЛИИ ДО БИЙСКА

Внезапным нападением гитлеровской Германии на Советский Союз утром 22 июня 1941 г. началась Великая Отечественная война. В этот день, 22 июня 1941 г., в Улан-Баторе состоялось экстренное совместное заседание с участием Президиума ЦК МНРП, Президиума Малого Государственного хурала и Президиума Совета Народных министров, которое «...выражало решительный протест действий фашистской Германии» и вынесло решение «оказывать помощь братскому Советскому Союзу всеми возможными на основе исполнения обязанностей, утвержденных Протоколом в 1936 г. между Монголией и Советским Союзом» [Газета «Унэн». 1941.06.23].

В договоре о сотрудничестве и взаимопомощи Советского Союза и МНР, заключенном в 1936 г., указано, что «договаривающиеся стороны будут оказывать друг другу материальную и нематериальную помощь в случае нападения третьей стороны на одну из двух сторон» [Монголын туух, 2003, с. 62], это стало для МНР дипломатическим фактором оказания всесторонней помощи Советскому Союзу в годы Отечественной войны. 23 июня 1941 г. в Улан-Баторе состоялся массовый митинг, стартовала кампания по оказанию помощи советскому народу, Красной Армии, в сентябре при правительстве страны была создана «Центральная комиссия по оказанию помощи». В этом же месяце ее отделы были организованы во всех сомонах, аймаках, предприятиях и учреждениях.

В главных документах историографии XX в. было написано: «В 1941–1945 гг. монгольский народ развернул по всей стране движение по оказанию помощи и работал под девизом: «Все для Красной Армии», «Все для Победы», «Все для фронта». Таким образом, МНР стала глубоким тылом фронта и советского народа, хотя не принимала непосредственного участия в войне» [Монголын туух, 2003, с. 109]. Сельские труженики посылали лучших коней на фронт, собирали валенки, шубы,

шапки, деньги, даже золото, серебро и драгоценные вещи для оказания помощи советскому народу. Согласно решению Совета Народных министров 1942 г. лучшие охотники добровольно объединились в Охотничью комиссию и добывали джейранов-антилоп, кабанов, оленей, уток, гусей и др. для отправки на фронт [БНМАУ, 1954, с. 79].

При ЦК МНРП действовал специальный отдел по переписке с фронтом. Малый хурал МНР, состоявшийся в январе 1942 г., поручил Совету Министров организовать дело по созданию танковой колонны «Революционная Монголия» и передать ее в качестве подарка. В танковую колонну вошли 53 новых танка «Т-34», «Т-70», и глава МНР Х. Чойбалсан 12 января 1943 г. передал ее составу бригады №112 под Москвой [Попель, 1977, с. 35]. 26-й Малый хурал МНР, состоявшийся в марте 1943 г., принял решение о создании авиаэскадрильи «Монгольский арат» в рамках помощи Красной Армии. Средства на нее были собраны за четыре месяца, и 25 сентября 1943 г. на полевом аэродроме вблизи железнодорожной станции Вязовой передали фронту авиаэскадрилью «Монгольский арат», состоявшую из 12 боевых самолетов «Ла-5» [БНМАУ, 1954, с. 86].

Совместное заседание ЦК МНРП и Совета Министров МНР приняло решение об оказании помощи советскому народу и районам, несшим большую потерю в войне, призвало народ добровольно подарить лошадям освобожденным колхозам в качестве тягловой силы. Было решено стимулировать скотоводов-аратов наравне с колхозниками, подарившими лошадям Красной Армии [БНМАУ, 1954, с. 88]. Совместное заседание ЦК МНРП и Совета Министров МНР от 28 апреля 1944 г. поручило Центральной комиссии, чтобы она организовала компанию по оказанию помощи осиротевшим детям, семьям воинов и командиров. В 1941–1945 гг. монгольским народом было подарено 32000 лошадей, около 300 кг золота и другие материалы, по оценке того времени все это стоило более 400 млн. тугриков [История..., 1970, с. 28]. Железнодорожный эшелон помощи и подарков монгольского народа прошел по маршруту Улан-Батор – Наушки – Улан-Удэ – Иркутск. Но мы рассмотрим эпизод о другом эшелоне – верблюжьем караване, дошедшем из Западной Монголии (Ховда) до Бийска. К сожалению, в официальных документах, связанных с историей Монголии времени Великой Отечественной войны, не сказано об этом подробно. Это событие было освещено в краеведческих историографических трудах, например, в книге об истории сомона Манхан «Манхан сум XX зуунд» [2000, х.х 8.-6], сборнике об истории с. Уенч Ховдского аймака «Сэтгэлээс уяатай Үенч нутаг» [2006, х.х 25.-5]. В этих изданиях написано о верблюжьем караване, доставившем материалы для помощи советскому народу и Красной Армии. Вышли художественные публикации писателя, лауреата госпремии З. Доржа «Легендарный верблюжий караван, переходивший Чикет-Аманский перевал» [Утга зохиол..., 2013, №27], писателя, лауреата Союза монгольских

писателей Ш. Ванчаарай «Фронтальной верблюжий караван» [Өдрийн сонин, 2010. 05.08. №109]. Российский журналист Анатолий Муравлев в своей книге «Неизвестный Алтай. Трансграничный маршрут» [2012] привел интересное интервью с 83-летним Б. Лувсаном – руководителем этого каравана, родом из сомона Манхан Ховдского аймака.

Обобщая известные факты, скажем, что «западные монголы, тем более приалтайские кочевники имеют богатые традиции по выращиванию пяти видов скота, особенно верблюдов» [Манхан сум ХХ зуунд, 2000, с. 51]. По сравнению с другими сомонами и народностями труженники сомонов Манхан, Уенч и Алтай Ховдского аймака накопили больше знаний и опыта по уходу за верблюдами, по обработке и применению продуктивности верблюда, по использованию верблюда для езды, перевозки груза и дальнего каравана. Судя по источникам, задание довести материалы для помощи Красной Армии из Хобда до Бийска, наверное, поручила администрация аймака Хобд администрации с. Манхан в августе 1942 г. Бывший председатель с. Манхан Д. Даваа долго изучал людей: кому доверять это ответственное и нелегкое дело. Наконец его выбор пал на девятнадцатилетнего Б. Лувсана, секретаря ревсомольской ячейки. Этот выбор был неслучайным: его отличали трудолюбие и справедливость, терпеливость и выдержка, личная ответственность и дисциплинированность, а также и грамотность. Приняв такое сверхответственное задание от руководства аймака и сомона, Б. Лувсан за неполный месяц подготовил 1200 в основном молодых кастрированных верблюдов и 110 человек-караванщиков.

Итак, в тяжелое военное время, 17 сентября 1942 г. верблюжий караван, нагруженный грузами помощи от народов Западной Монголии, тронулся из города Хобда в направлении на север. Это был рекордный караван, состоящий из 1200 верблюдов и 108 караванщиков. Цель каравана, возглавляемого 19-летним Б. Лувсаном, – доставить грузы-сборы для помощи Красной Армии до Бийска по Чуйскому тракту. Груз в основном состоял из мяса джейрана, кабана и различной дичи, а также везли шубы и сапоги из овчины, валенки, шапки, рукавицы. Были и сушеные баранина и говядина. Караван переехал знаменитый Чикет-Аманский перевал, переправился через горные быстрые реки в Чуйской долине и доехал до Бийска лишь в начале февраля 1943 г.

«...Караван шел в абсолютно трудных условиях, где развернулась борьба между человеком и природой, жители, старики, дети и женщины придорожных сел, многие из которых имели монгольские названия, тепло встречали нас, держа в руках горячий чай и пищу, для разбитой ступни верблюдов женщины сшили калоши, что не забываются...», «... при трескучем морозе декабря и января, среди Алтайских гор, в течение двух месяцев караванчики не снимали одежду, утром и вечером загружали и разгружали верблюдов, проходили в среднем 20–30 км в день, ночью между параллельно лежащими двумя верблюдами отсыпа-

лись, и все-таки мы доехали до назначенного места», – говорил Лувсан, ныне старожил [Манхан сум XX зуунд, 2000, с. 54]. «...в ходе переезда через Чикет-Аманский перевал были случаи падения верблюда вниз в ущелье. С наступлением зимы почти у всех верблюдов ступни были разбиты о камни и ледяные торосы, некоторые даже прокалывались, из-за чего следы их были красными, что вызывало жалость в сердце, душа как будто разрывалась...» [Ванчаарай Ш., 2010. 05.08. №109]. Эти факты и цитаты из воспоминаний Б. Лувсана являются только частью этой трудной поездки. Таким образом, караван с честью выполнил долг в трудных природно-климатических и дорожных условиях. Когда караван дошел до Бийска, офицеры и начальники Советской Армии с дружелюбием встретили караванщиков, отдали честь Б. Лувсану и через переводчика представились, что они члены комиссии по принятию подарков для фронта из Монголии. Русские товарищи слушали рассказ о приключенческой и рискованной поездке, восхищались силой и волей монгольских мужчин и монгольских верблюдов. Особенно их удивил рассказ о черном верблюде, у которого горбы были согнуты в разные стороны (по-монгольски: «солбио хар»), тут же зашла речь об увековечении памяти легендарного черного верблюда где-нибудь на Чуйском тракте. На него перекладывали груз с погибших и других верблюдов, которые не смогли продолжать путь. Черный верблюд с двойным грузом не лежал, потому что при подъеме с таким тяжелым грузом он мог получить повреждение, так что как стоял он на четвереньках, так и закончил дорогу. Об этом караванщики говорили до глубины души, что осталась как легенда. Когда караванщики добрались до Бийска, груз с черного верблюда сняли и погрузили сразу в кузов грузовика ЗИС-5. Несколько дней караванщики отдыхали в Бийске.

Несмотря на военное время, русские вновь загрузили верблюдов пшеницей, пшеном, мукой, сахаром и тканью, которые обратно двинулись в Монголию. Прибыли караванщики в Ховд 5 мая 1943 г. Так закончилась почти восьмимесячная поездка, ставшая уже легендой. Из среды караванщиков сегодня в живых почти никого не осталось. А.Б. Лувсан, возглавивший караван, ныне Герой Труда МНР, ветеран Халхингольской битвы, живет в родном сомоне Манхан Ховдского аймака. Ему около 90 лет.

В завершение мне хочется сказать, что необходимо выяснить по поводу верблюжьего каравана, во-первых, уточнить имена и фамилии организаторов и караванщиков, количество груза, его общую стоимость и наименование, что очень ценно в монгольской истории периода Великой Отечественной войны; во-вторых, установить маршрут каравана. Провести эту работу нужно на основе совместной деятельности с приграничными административно-общественными и научными организациями и учреждениями с помощью архивных материалов, чтобы увековечить память монгольских караванщиков, а также монгольского верблюда.

Выводы. По всей вероятности, возможно, что этот верблюжий караван окажется самым продолжительным по времени (около 8 месяцев), с участием многочисленных верблюдов (1200), перенесших самые трудные природно-климатические и дорожные условия не только в Азии, но и в мире. Монгольские кочевники Центральной Азии богаты традициями и культурой по выращиванию верблюда и уходу за ним. Для них это обычное явление – перевозка грузов караваном до Пекина, Хуххота, Долнура и т.д. Однако караван, доставивший подарки для Красной Армии из Ховда (Западная Монголия) до Бийска, не имеет себе равных по количеству верблюдов, сроку и природно-климатическим условиям. С другой стороны, есть основания говорить о том, что в Западной Монголии и Алтайском регионе существовал крупнейший очаг культуры кочевников – традиционная технология по уходу за верблюдами – «ко-раблями пустыни», применению их в хозяйстве наряду с центральным и южным регионами Монголии.

Библиографический список

- Ариун тансаг Алтай нутаг / под ред. Д. Найдан. УБ, 2001.
БНМАУ, ЗХУ-ын Эх орны их дайны үед. УБ, 1954.
Ванчаарай Ш. Фронтын жингийн цуваа. Удрийн сонин. 2010. 05.08. №109.
История Коммунистической партии Советского Союза. М., 1970. Т. 5, кн. первая. С. 328.
Манхан сум XX зуунд / под ред. А. Батгур. УБ, 2000.
Монголын туух. V боть. 5-р боть. УБ, 2003.
Муравлев А. Неизвестный Алтай. Трансграничный маршрут. Барнаул, 2012.
Попель Н.К. Бригада «Революционная Монголия». М., 1977. С. 35.
Сэтгэлээс уяатай Уенч нутаг / под ред. Н. Бухдамбий. УБ, 2006.

А.Н. Тадина, Т.С. Ябыштаев

*Горно-Алтайский государственный университет;
Республиканский институт повышения квалификации
работников образования, Горно-Алтайск, Россия*

СЪЕЗД-«КУРУЛТАЙ» НА ПУТИ ТРАНСФОРМАЦИИ РОДОВОЙ ПОТЕСТАРНОСТИ АЛТАЙЦЕВ

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ
(проект №13-11-04005a(p) «Символы и атрибуты
родовой потестарности алтайцев»)

Через каждые три года в г. Горно-Алтайске проводится республиканский съезд «Курултай алтайского народа». 15 марта 2014 г. в большом зале Национального театра состоялся IX Курултай алтайцев, на который собрались зайсаны, делегаты районов, большинство из которых мужчины, прибывшие внести свой вклад в наболевшие проблемы. На повестке

дня звучали актуальные вопросы о статусе алтайского языка, экологии Алтая, сохранении авторитета старших, актуализации норм морали и этики, сокращении сватовских расходов и другие проблемы села. Поднимаемый комплекс родовых проблем приобрел новое звучание на общероссийском фоне безработицы, занятости молодежи, низкого уровня жизни населения. Казалось бы, нет ничего необычного в постановке назревших тем, но попытки их решения с позиций традиционного управления родовым обществом алтайцев вызывают исследовательский интерес.

С целью изучения практики проведения собраний «курултаев» мы организовали сбор сведений не только на республиканском съезде, но и во время подготовительных районных курултаев, собравшихся в с. Шашикман Онгудайского района (16 ноября 2013 г.) и с. Шебалино Шебалинского района (22 февраля 2014 г.). Нами были использованы методы этнографической работы – включенного наблюдения и опроса информантов о формах и путях родового управления в современных условиях. Одним из апробированных способов сбора материала является метод сбора на языке изучаемого этноса, поэтому беседа с информантом на алтайском языке позволяет глубже понять и интерпретировать сведения.

Развернувшееся в постсоветский период родовое движение алтайцев позволило прийти к идее о возрождении обычаев родовой потестарности на основе должности зайсана и совета зайсаната. Своим возрождением зайсаны актуализируют значимость соблюдения родовых обычаев взаимопомощи, экзогамии, авункулата, считавшихся пережитками в советское время. В идеале они призваны решать внутриэтнические проблемы, как, например, урегулирование сватовских расходов, случаи нарушения родовой экзогамии. Возрожденный зайсанат функционирует уже на протяжении двух десятков лет, однако споры относительно его необходимости и эффективности продолжаются. Многие критики этого социального института указывают на то, что он является анахронизмом и не может отвечать требованиям современной социально-политической жизни. Сторонники зайсаната, в свою очередь, настаивают на том, что только при помощи восстановления авторитета родового главы и принципов традиционного управления можно решить имеющиеся внутриэтнические проблемы. Возрождение обычаев потестарности позволит родовым традициям выйти из семейно-бытовой и родственной среды на более широкий уровень, в чем состоит одна из форм самоутверждения алтайцев.

Для рядом живущих русских, этнического большинства Республики Алтай, проблемы родового движения алтайцев остаются во многом неясными. В региональных СМИ в большей степени обращается внимание на противостояние «народного» и «чиновничьего» курултаев. В них входят южные алтайцы из числа «истинных», говорящих на родном языке. Созданная в 1997 г. организация «Курултай алтайского народа» стала заметным этнополитическим объектом в общественной жизни

республики. С разных позиций освещается роль зайсанов на сайтах Интернета: то как борцов за льготы малочисленных народов, то как этнических символов на празднике Эл Ойын. Каждая новая районная власть, к примеру, Кош-Агачского района, стремится поменять зайсанов, ища в них поддержку. Зайсан, избранный на родовом собрании сёока-рода, поддержан социально активным большинством алтайцев. У истоков возрождения потестарности пересеклись различные проблемы – этнические, политические, социальные, родовые.

Подготовка и проведение собрания-«курултая» построены на основных патриархальных принципах родового общества алтайцев. Курултай является делом мужчин, на него собираются мужчины, они сидят в президиуме, ведут собрание, берут слово и выступают, принимают решение. Их не назначают сверху, они представляют свое село, свой сёок-род и участвуют по собственной инициативе, выражая чаяния народа. В редких случаях выступает женщина, по этическим нормам извиняясь за то, что она, «человек с длинными полами», считает нужным сказать свое ценное мнение и ее терпеливо выслушивают мужчины. В этом гендерном правле прослеживается функционирование одного из принципов потестарности. Другой особенностью является проведение курултая на алтайском языке, остающегося языком внутриэтнического общения.

Отклонение от устоявшихся норм проведения курултая наблюдается со стороны северных алтайцев (тубаларов, челканцев, кумандинцев), которых обычно представляют женщины, выступающие на русском языке. Дело в том, что североалтайское сообщество первым встало на путь неизбежной модернизации в виде русификации и европеизации, усвоения этнически нейтральных ценностей и стандартов поведения. В своем этническом возрождении они пошли административным путем – путем создания общественных организаций, в которых не берется во внимание родовая принадлежность ее членов. Их социальные акторы движения возрождения (этнические лидеры, Ассоциация коренных малочисленных народов Республики Алтай) актуализируют приобретение статуса отдельных «этносов» и получение льгот. Невысокая численность северных алтайцев, утрата ими основных черт традиционной культуры, рост числа смешанных браков способствуют их этническому размыванию. Делегаты северных алтайцев приняли активное участие в работе прошедшего съезда-курултая, заслушивали доклады с помощью друзей-переводчиков, поднимали вопрос о сохранении кедра, охотничьих угодий, необходимости социальной поддержки на селе.

Возрожденный зайсанат и собрание-курултай являются южноалтайским явлением в этнополитической жизни республики. На алтайском языке не только проводится курултай, на нем написаны объявления, рекламные щиты перед входом в Национальный театр, оформлен большой зал, в котором над трибуной возвышается лозунг, оповещающий об основной теме курултая – объединение с «чиновничьей» оппо-

зицией, единение южных и северных алтайцев. При проведении курултая южные алтайцы придерживаются сакральной стороны ритуала. Тот, кто соблюдает обрядовую символику, является этнически состоявшимся и принадлежит к числу «истинных» алтайцев, называемых «су алтай». Ранним утром в день проведения курултая несколько зайсанов совершают ритуал почитания Алтая у подножия горы Тугая в г. Горно-Алтайске. На определенном месте в сопровождении благословения Алтая старший из зайсанов повязывает на березу две белые ленты «кыйра» (или в сочетании с желтой/голубой). Считается что от правильного соблюдения обрядовой символики (период новолуния, восточная сторона, четное количество, светлые тона), утвержденной бурханизмом, зависит не только существование этнической культуры, но и своего рода спасение от интенсивной ассимиляции и урбанизации в современных условиях.

Разрабатывая концепцию этнополитической символизации родовой потестарности на примере зайсаната и практик проведения им собраний-курултаев, мы пришли к выводу о том, что этот социальный институт необходим не только для консолидации родового общества алтайцев, но и должен стать аналогом Общественной палаты в регионе. Один из путей трансформации традиционной структуры управления алтайцев состоит в сочетании родового и административно-территориального принципов руководства, отчего наравне с должностью зайсана утвердились должности районного главы «аймак башчы», сельского главы «юрт башчы», главы народа «Эл башчы» республиканского масштаба.

В.И. Терентьев

*Горно-Алтайский государственный университет,
Горно-Алтайск, Россия*

ТРАНСФОРМАЦИЯ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ «МОНГОЛЬСКИХ ОЙРАТОВ» В НАЧАЛЕ XXI в.

Используя в публикациях обобщающий этноним «ойраты» по отношению к нескольким западномонгольским этническим группам, в ряде случаев авторы не конкретизируют, насколько термин, обозначающий средневековую этнополитическую общность, соотносится с действительностью: как этноним «ойрат» вплетается в сложную и не всегда различимую с первого взгляда иерархию идентичностей современных западных монголов?

Ко времени образования в 1635 г. Джунгарского ханства ойраты, впервые упоминаемые в «Сокровенном сказании монголов» и «Сборнике летописей» Рашид ад-Дина, состояли из четырех «племен»: чоросы, дербеты, хошоуты и торгоуты. В результате откочевки последних на Волгу их место заняли хойты. Численность средневековых ойратов существенно сократилась после поражения ханства от маньчжуров и гибели более половины его

миллионного населения. Переселение части оставшихся ойратов на территорию современной Западной Монголии, их последующая аккультурация и разворачивающиеся в постойратском обществе на протяжении последних двух с половиной столетий этнокультурные процессы повлияли на современную самоидентификацию «монгольских ойратов».

Мы неоднократно приводили два различных взгляда на проблему состава современных ойратов. Так, по мнению С.К. Хойта, к ним относятся не только все потомки средневековой этнополитической общности, расселенные по всему миру, и западномонгольские народы, но и тюркоязычные хотоны и цэнгэльские тувинцы, а также алтайцы и шорцы. Иную точку зрения предлагает Н.В. Екеев, включающий в ойратскую «культурно-языковую общность» алтайских урянхайцев, мингатов, олетов, захчинов, торгоутов, баятов и дербетов [Терентьев, 2013, с. 203]. По-прежнему иных мотивированных мнений по данной проблеме в этнологии не сформировалось.

Не рассматривая «ойратскость» современных алтайцев и шорцев и зная, что тюркоязычные хотоны, как и тувинцы Цэнгэл сомона Баян-Ульгийского аймака, имеют достаточно высокий уровень самоидентификации, мы считаем, что представителей этих народов безосновательно включать в состав современных ойратов. Ситуация с мингатами, проживающими сегодня на территории Мянгад сомона Ховд аймака, также неоднозначна, для выстраивания детальной картины их идентичности необходимо проведение опроса, запланированного на лето 2014 г. Пока что широкоизвестным продолжает оставаться факт родственной связи мингатов с дербетами, хотогойтами и урянхайцами. Если современные мингаты будут чувствовать большую близость к дербетам, то, возможно, в структуре их самоидентификации ойраты будут занимать не последнее место. В целом корректировки имеющейся в этнографии информации требует ситуация по самоидентификации захчинов, получивших свой этноним от джунгаров и названных так последними по причине несения пограничной службы.

Крупнейшими по численности группами – потомками ойратов – сегодня являются дербеты и баяты, компактно проживающие со второй половины XVIII в. в районе озера Увс – на территории одноименного аймака. Известно, что большинство хошунов баятов входило в состав аймака дербетского далай-хана, но дербеты никогда не считали этот народ родственным себе.

К традиционной территории расселения дербетов и баятов в начале XXI в., как и для многих других этнических групп страны, прибавились центральные районы и столица. Всплеск миграции в центр – это следствие тяжелой социально-экономической ситуации в регионах и одна из характерных черт новейшей истории Монголии. Так, население Увс аймака с 2000 по 2010 г. сократилось с 90 до 73,3 тыс. чел. Причем численность каждого из народов – дербетов и баятов – увеличилась в

среднем на 6 тыс. чел. [Хүн ам, орон сууцны 2010 оны...]. По словам наших информантов, сегодня в сомоне Сант Сэлэнгэ аймака проживает 170 семей: 70 в центре, 100 кочуют. Из всего населения – 80 семей – это уроженцы Увс аймака, дербеты и баяты. Часть семей откочевала сюда еще в конце 1980-х гг., а часть в 1990-е гг. Среди причин переселения отмечались высокая плодородность пастбищ и близость столицы и других крупных городов – Эрдэнэта и Дархана – с доступными учреждениями здравоохранения и образования.

В результате переезда выходцы из Увс аймака оказываются преимущественно в халхаском окружении. По словам опрошенных нами дербетов, именно этот факт влияет на их отказ от этнонима «ойрат» в пользу манифестации региональной идентичности – «западные монголы», потому что «в Халхе не любят, когда говоришь, что ты “ойрат”» [ПМА, 2013].

Рассматривая современный ойрато-халхаский антагонизм, стоит отметить некоторые бытовые стороны «конфликта». Используя в качестве аргумента факт отсутствия в «Сокровенном сказании монголов» слова «халх», обозначающего народ, и упоминание там же топонима «Халха» лишь в самом конце источника (в §191), современные ойраты легитимизируют древность своего происхождения. Из качественных характеристик трудолюбие ойратов постоянно отмечалось нашими собеседниками. Также широкое распространение получил миф о том, что «халхаские историки перевирают историю, а монголы всегда старались, чтобы правителями, начальниками были ойраты: так, после Ю. Цэдэнбала Ж. Батмунх тоже был ойратом (дербетом), и Ц. Элбэгдорж (нынешний президент Монголии) тоже из ойратов. Ойратов всегда стараются взять на работу потому, что они максимально приспособлены к условиям Монголии» [ПМА, 2013].

Помимо подобных «ойратских неомифов» и переселения ойратских групп на территорию халхаских аймаков, укрепляющего региональную идентичность, необходимо обратить внимание на современные этнопроцессуальные государственные практики и механизмы консолидации монголов. В демократической Монголии в качестве одного из фундаментов формирования новой общегражданской идентичности выбран образ Чингисхана. В результате государственной политики по внедрению данного образа во все сферы жизни монгольского общества происходит складывание новой «бесплеменной» общегражданской идентичности, построенной на едином этнониме – монгол.

Интересным остается то, что если в Монголии происходит отказ (в условиях халхаского окружения) от этнонима «ойрат» в пользу манифестации региональной идентичности, то в Калмыкии радикально настроенные национальные активисты предлагают заменить данным этнонимом наименование титульного народа республики. Но это уже сюжет для другого разговора.

Библиографический список

Полевые материалы автора. Сэлэнгэ аймак, город Улан-Батор. Сентябрь–декабрь 2013 г.

Терентьев В.И. Ойраты: этнокультурная составляющая политонима и контуры современной этноисторической общности // Вестник Томского государственного университета. История. №3(23). 2013. С. 202–205.

Хүн ам, орон сууцны 2010 оны улсын тооллогын ур дун (Результаты переписи населения и жилья Монголии 2010 г.). URL: <http://www.toollogo2010.mn>

Т.В. Тишкина, М.В. Гусельникова

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СОТРУДНИКА АЛТАЙСКОГО КРАЕВОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ Т.А. ПОЛУХИНА

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ
(проект №14-11-22001 «Энциклопедия музеев Алтайского края»)

Тимофей Афанасьевич Полухин родился 30 августа 1917 г. в селе Большая Шелковка, ныне Рубцовского района Алтайского края [Леонова, 2000, с. 238]. С 1937 по 1942 г. он обучался в Новосибирском институте сельского хозяйства по специальности агроном-полевод. По окончании вуза в Т.А. Полухин месяц проработал старшим агрономом Пригородной машинно-тракторной станции Барнаула. В июне 1942 г. Тимофей Афанасьевич добровольцем ушел на фронт, первоначально служил рядовым, затем сержантом, а с 1944 г. – офицером-политработником. По завершении Великой Отечественной войны он был оставлен в рядах Советской Армии в должности заместителя командира батальона по политчасти. В 1954 г. Тимофей Афанасьевич заочно окончил Военно-политическую академию им. В.И. Ленина. В связи с сокращением Вооруженных сил СССР в 1959 г. Т.А. Полухин был уволен в запас и в марте 1960 г. поступил на работу в Алтайский краевой краеведческий музей в Барнауле.

С 1960 г. сотрудники Алтайского краевого краеведческого музея занимались многолетней кропотливой работой по формированию новых экспозиций отделов природы, истории досоветского и советского периодов [Анисимова, 1974, с. 4]. Для осуществления данной деятельности велись экспедиционные и архивные изыскания, занятия в музейном фонде. С 1960 по 1977 г. Тимофей Афанасьевич Полухин заведовал отделом истории досоветского периода Алтайского краевого краеведческого музея (рис.). Его коллегами являлись Т.И. Анисимова (директор музея), Н.А. Камбалов (заведующий отделом природы), Э.М. Медникова (сотрудник отдела истории досоветского периода), А.П. Хрулева (сотрудник отдела сельского хозяйства) и др.

В музее Т.А. Полухин вел значительную исследовательскую работу по проблемам дореволюционной истории края. Со временем он полностью переработал экспозицию отдела, представив в ней материалы от периода первобытнообщинного строя и заканчивая событиями Февральской революции 1917 г. К 1964 г. была завершена работа над разделом «Первобытнообщинный строй на Алтае». По данной тематике демонстрировалось более 300 экспонатов [Гусельникова, Попова, 2007, с. 136]. В 1966 г. посетителям музея была предложена экспозиция «Наука и культура Алтая в XIX веке». На двух больших стендах демонстрировались книги, документы, фотографии, отражавшие деятельность сотрудников Общества любителей исследования Алтая, Общества попечения о народном образовании, архитекторов, художников, писателей, изобретателей, работавших в Алтайском горном округе. Кроме того, в четырех витринах были размещены модель построенной в 1809 г. П.К. Фроловым чугунно-рельсовой дороги, сохранившиеся колесо от вагонетки и рельсы; элементы резных карнизов деревянных домов; предметы художественного литья и другие экспонаты.

Т.А. Полухин проводит экскурсию по залам музея министру культуры РСФСР А.И. Попову. 1964 г. АГКМ. нф. 525

На протяжении ряда последующих лет Т.А. Полухин занимался исследовательской и собирательской деятельностью по разработке и оформлению экспозиции «Алтай в эпоху империализма». В 1971 г. состоялось ее торжественное открытие. Экспозиционные материалы, посвященные периоду с конца XIX в. по февраль 1917 г., были сгруппированы в витринах и на нескольких стендах. На первом из них демонстрировались фотодокументы, дающие представление об экономическом состоянии Алтайского округа на рубеже XIX–XX вв.: работа в поле

крестьян с. Шилова Барнаульского уезда; виды пароходов и пристаней; строительство в Барнауле железнодорожного вокзала, моста через Обь и других объектов. Здесь же были помещены копии договоров на аренду собственности Кабинета иностранными фирмами. Материалы следующего стенда освещали культуру Алтая начала XX в. и объединяли информацию о творчестве И.И. Тачалова, краеведе Н.С. Гуляеве, памятниках архитектуры, общественной жизни населения округа. На стендах «Новый революционный подъем», «Назревание революционного кризиса. Февральская революция 1917 г.» демонстрировались фотоснимки (членов РСДРП, явочных квартир, мобилизации в 1914 г. из с. Коробейникова запасных солдат и др.), подлинные документы (большевистские листовки, факсимильное издание первого номера газет «Правда» и т.д.), характеризующие революционные события. В витринах были размещены музейные экспонаты (шрифт подпольной типографии, вещи солдат Первой мировой войны и т.д.). В сборе материалов для экспозиции Т.А. Полухину оказывали помощь краеведы А.Г. Полянин, Д.Ф. Шабунина, И.И. Курдюмов, В.Т. Пилюгина, В.И. Коромыслов, к оформлению стендов привлекался художник Г.Ф. Бурков [Полухин, 1971 с. 4].

Помимо указанных экспозиций, под руководством Т.А. Полухина был подготовлен и осуществлен ряд выставочных проектов: памятных и юбилейных медалей, выпущенных в СССР с 1959 по 1964 г. (1964 г.); к 150-летию восстания декабристов (1975 г.); 165-летию Бородинской битвы и участия жителей Алтая в Отечественной войне 1812 г. (1977 г.), к 60-летию событий, предшествующих Октябрьской революции в России и др. С 1969 г. посетителям музея предлагались аудиозаписи речи В.И. Ленина, воспоминаний Н.К. Крупской, деятелей революции.

Появление в средствах массовой информации публикаций о деятельности музея, исследованиях сотрудников, открытии новых экспозиций, поступлениях разнообразных предметов способствовало привлечению посетителей. Если в 1960 г. в Алтайском краевом краеведческом музее побывало 60 тысяч человек [Полухин, 1961а, с. 4], то впоследствии экспозиции ежегодно осматривали более 100 тысяч человек [Анисимова, 1974, с. 4]. Как правило, заметки для газеты «Алтайская правда» о популярности музея среди посетителей подготавливал Тимофей Афанасьевич [Полухин, 1964, с. 4; 1966, с. 4].

Активно участвуя в развитии Алтайского краевого краеведческого музея, Тимофей Афанасьевич уделял большое внимание комплектованию его фондов. С этой целью он совершил ряд экспедиций по Алтаю. В июле 1960 г. экспедиция в составе Т.А. Полухина, А.И. Бобровиковой (библиотекарь), М.И. Буренина (заведующий отделом истории советского периода), А.И. Ушакова (водитель), передвигаясь на автомобиле, в течение 20 дней посетила 21 населенный пункт в Косихинском, Кытмановском и Тогульском районах, выполнила записи фольклорного материала и сбор предметов для музея. Кроме этого, Т.А. Полухин за-

фиксировал 50 воспоминаний старожилов. В июле 1964 г. Тимофей Афанасьевич выезжал в Ново-Егорьевский район, Змеиногорск, Колывань, где осуществлял записи воспоминаний старейших рабочих горного и камнерезного производств, сборы предметов оборудования бывшего Змеиногорского рудника. В 1965 г. краевед обследовал в Змеиногорске обнаруженные при вскрытии рудника части гидросиловой установки с водоотводящей штольной, сооруженные изобретателем К.Д. Фроловым [Гусельникова, Попова, 2007, с. 132, 136].

Благодаря деятельности сотрудников в 1967 г. в фондах музея насчитывалось 46 тысяч экспонатов [Кобяков, 1967, с. 4], а к 1974 г. – около 60 тысяч [Анисимова, 1974, с. 4]. Следует упомянуть о работе Тимофея Афанасьевича в составе экспертно-фондовой комиссии Алтайского краевого краеведческого музея.

Регулярно Т.А. Полухин выезжал в районы края с передвижными выставками Алтайского краевого краеведческого музея. Впервые это было осуществлено в 1961 г. в населенных пунктах Шелаболихинского района: Шелаболиха, Новообинцево, Кучук, Омутская, Киприно, Крутишка. Целью мероприятия являлось ознакомление сельских жителей с «...экспонатами передвижного музея, характеризующими богатую историю края, его неисчислимые природные богатства, бурное развитие промышленности и сельского хозяйства...» [Полухин, 1961б, с. 2]. Музейная выставка состояла из девяти стендов с фотографиями, дающих общее представление об экспозициях Алтайского краевого краеведческого музея и примерно сотни экспонатов: археологических предметов, старинного оружия, чучел птиц, зверей и т.д. Вниманию посетителей предлагались лекции по истории Алтая. На передвижной выставке музея побывало около двух тысяч жителей Шелаболихинского района. На мероприятии в с. Новообинцево присутствовал М. Исаков. Во время Гражданской войны он смастерил для красного партизанского отряда пушку, которая впоследствии стала музейным экспонатом. При участии местных краеведов Т.А. Полухиным был собран значительный материал по истории сел Шелаболихинского района. В июле 1965 г. Тимофей Афанасьевич побывал в селах Чарышского района, где выступал с лекциями по истории горного производства и революционного движения на Алтае.

Результатами краеведческих изысканий, изучения архивных материалов стали многочисленные публикации Тимофея Афанасьевича Полухина. За годы работы в музее им было подготовлено несколько десяткой статей для периодической печати, выполнены издания «По историческим местам Барнаула» (1969, 1972), в соавторстве с Н.А. Камбаловым и Н.Е. Скуповым – «Барнаул» (1969, 1972). В 1983 г. осуществилась публикация книги «Памятники истории и культуры Барнаула», ранее составленной Т.А. Полухиным, Н.Я. Савельевым, Н.А. Камбаловым. В течение ряда лет Тимофей Афанасьевич Полухин являлся председателем

Барнаульского городского совета общества охраны памятников истории и культуры [Леонова, 2000, с. 238].

Как один из ведущих историков края, Т.А. Полухин оказывал значительную методическую помощь в работе музеев, организованных на общественных началах в различных районах Алтайского края. Он участвовал в работе семинаров, на которых руководителям таких музеев предлагались лекции о сборе экспонатов и принципах их размещения, осуществлялось знакомство с фондами и библиотекой Алтайского краевого краеведческого музея. Т.А. Полухин неоднократно бывал в с. Полковниково Косихинского района для устройства музея космонавта Г.С. Титова и подготовки экскурсоводов-школьников, выезжал в р.п. Павловск и Благовещенка для оказания помощи сотрудникам местных музеев [Гусельникова, Попова, 2007, с. 134, 136, 137, 139, 141].

Свои профессиональные знания и навыки Тимофей Афанасьевич совершенствовал, принимая участие в работе различных Всероссийских и республиканских мероприятий: семинара «Проблемы экспозиции истории периода империализма в России» на базе Государственного исторического музея (Москва, 1963 г.); стажировки в Государственном музее Татарской АССР по теме «Показ в экспозиции музеев раздела «Империализм – канун социалистической революции»» (Казань, 1966 г.); научно-практической конференции по вопросам изучения и реставрации памятников промышленной архитектуры Сибири и Урала XVIII–XIX вв. (Свердловск, 1970 г.); совещания-семинара «Экспозиция по истории дореволюционного прошлого как средство формирования марксистско-ленинского мировоззрения» (Иваново, 1976 г.) [Гусельникова, Попова, 2007, с. 134, 137, 140, 145].

Тимофей Афанасьевич вел активную работу по военно-патриотическому воспитанию молодежи, читал лекции по краеведению молодым воинам и допризывникам, в залах музея выступал перед молодежью с воспоминаниями о Великой Отечественной войне, боевом пути 56-й гвардейской стрелковой дивизии.

За трудовую деятельность и активную общественную работу Т.А. Полухин неоднократно награждался Почетными грамотами крайкома КПСС, крайисполкома, крайсовпрофа, Министерства культуры СССР, краевого Совета общества охраны памятников истории и культуры. В 1974 г. за активную пропаганду краеведения Т.А. Полухину был вручен знак «За отличную работу» Министерства культуры СССР.

Тимофей Афанасьевич Полухин скончался в 1978 г.

Библиографический список

Анисимова Т. Все об Алтае. Алтайскому краевому музею – 150 лет // Алтайская правда. 1974. 16 янв. С. 4.

Гусельникова М.В., Попова И.В. Музейный хронограф Алтайского государственного краеведческого музея 1946–1990 годы // Краеведческие записки. Барнаул, 2007. Вып. 7. С. 122–154.

Кобяков Д. Встает история сама... Заметки о Барнаульском краеведческом музее // Алтайская правда. 1967. 7 сент. С. 4.

Леонова Л.Н. Полухин // Барнаул: энциклопедия. Барнаул, 2000. С. 238.

Полухин Т. В краевом музее // Алтайская правда. 1961а. 19 авг. С. 4.

Полухин Т. В село приехал музей // Алтайская правда. 1961б. 29 авг. С. 2.

Полухин Т. Сто тысяч посетителей // Алтайская правда. 1964. 13 окт. С. 4.

Полухин Т. Стотысячный посетитель // Алтайская правда. 1966. 14 дек. С. 4.

Полухин Т. Новая экспозиция // Алтайская правда. 1971. 29 авг. С. 4.

М.А. Целищева

НПЦ «Наследие», Барнаул, Россия

ИСТОРИЯ ЗДАНИЯ-ПАМЯТНИКА АРХИТЕКТУРЫ «ДОМ КУПЦА ПОСКОТИНОВА» В г. БАРНАУЛЕ

Город Барнаул знаменит многими местными достопримечательностями. В том числе и своим положением на берегу одной из крупнейших рек мира – Оби. Такое расположение, конечно же, не могло не сыграть большой роли в градостроительстве и развитии транспорта города.

В 1890-х гг. начался массовый вывоз хлеба с Алтая, связанный с голодом с Европейской России, на Урале и в Тобольской губернии. В связи с развитием паромства, строительством пристаней, скупкой и вывозом за пределы Алтайской губернии сливочного масла, продажей принадлежностей молочного хозяйства, сельхозмашин связано развитие прибрежных улиц Барнаула, таких как М. Олонская (Набережная реки Барнаулки), Б. Олонская, 1-я Луговая (ул. Прибрежная), 2-я Луговая, (ул. Чехова), 3-я Луговая (современное название ул. Луговая), ул. Набережная р. Оби и др.

Со второй половины XIX – начала XX в. строились дома, которые в дальнейшем стали сдавать в аренду под трактирные заведения, постоянные дворы, меблированные комнаты, чайные столовые, частные небольшие магазины для хлебно-бакалейной торговли, а также торговли шубами и валяной обувью.

В начале XX в. барнаульский купец 2-й гильдии Василий Иванович Поскотинов на берегу реки Барнаулки построил трехэтажное из красного кирпича здание, предназначенное для торговли. Это было обусловлено близостью Базарной площади и увеличением торговли сельхозпродуктами крестьянами из близлежащих деревень, а также массовой скупкой и вывозом иностранными фирмами за пределы Алтайской губернии сливочного масла, продажей принадлежностей молочного хозяйства, сельхозмашин.

В списках владельцев торговых предприятий от 21 декабря 1904 г. у купца В.И. Поскотинова по адресу: ул. Набережная реки Барнаулки

находилась мануфактурная лавка [ГААК. Ф. 52. Оп. 2. Д. 9. Л. 17]. 9 декабря 1909 г. барнаульская городская Дума рассмотрела заявление купца Поскотинова о выдаче ему разрешения на открытие в 1910 г. двух трактирных заведений по Знаменскому проулку и Гоголевской улице. В своем заявлении купец просил выдать ему разрешительные свидетельства на право содержания в городе Барнауле, в принадлежащих ему домах, в текущем и в 1910 г. следующие заведения: 1 – по береговой улице реки Барнаулки и Знаменскому проулку в каменном и деревянных домах номера для приезжих с продажей крепких напитков; 2 – по берегу реки между домами Смирнова и Асановой постоянный двор с ноября 1909 г.; 3 – по Гоголевской улице между первым и вторым Прудскими переулками трактирное заведение третьего разряда с продажей крепких напитков. Городская Управа доложила гласным Думы, что в числе местностей, ограниченных местным обязательным постановлением 1896 г. (Томс. губ. вед. 1896. №5) для открытия заведения трактирного промысла, находится вся Подгорная заречная часть города, а следовательно и Знаменский проулок, где купец Поскотинов желал открыть номера для приезжих с продажей крепких напитков, поэтому ходатайство его не может быть удовлетворено. Открытие же купцом постоянного двора на берегу Барнаулки и трактирного заведения 3 разряда с продажей крепких напитков по Гоголевской улице, по мнению Управы, вполне допустимо. Барнаульская городская Дума, заслушав все мнения, постановила в удовлетворении ходатайства купца В.И. Поскотинова выдать ему разрешение на открытие постоянного двора в доме на берегу Барнаулки и трактирного заведения по Гоголевской улице [ГААК. Ф. 51. Оп. 1. Д. 8. Л. 530].

9 сентября 1912 г. в податную инспекцию 1 участка Барнаульского уезда поступили сведения о переходе имущества наследникам в день смерти купца В.И. Поскотинова. В документе числилось следующее недвижимое имущество, находящееся в г. Барнауле: ул. Б. Олонская, 24 и 36, ул. Пушкинская, 1 и 31, ул. М. Олонская, 7 и 9, ул. Гоголевская, 101, ул. Берская, 106, ул. Набережная реки Барнаулки, 21 [ГААК. Ф. 52. Оп. 1. Д. 20. Л. 277, 284].

Из документа по раскладу трактирного сбора на 1914 г. мы можем узнать, что в доме наследников В.И. Поскотинова по ул. Набережная реки Барнаулки П.В. Хромовым был открыт постоянный двор с оплатой 25 руб. в год [ГААК. Ф. 51. Оп. 1. Д. 13. Л. 263об.].

26 ноября 1914 г. на очередном собрании барнаульской городской Думы №236 рассматривался вопрос об утверждении раскладки трактирного сбора на 1915 г. В документе указан М.Ф. Пестов, который в доме Поскотинова открыл постоянный двор с оплатой 38,5 руб. в год [ГААК. Ф. 51. Оп. 1. Д. 16. Л. 155]. В то же время с 1914 г., с началом Первой мировой войны, часть помещений в доме наследников В.И. Поскотинова сдавалась в аренду под постой воинских частей. Так, с августа 1914 г.

по февраль 1915 г. часть помещений на втором этаже в доме Поскотинова была отведена под постой нижних чинов 710-й пешей Томской дружины в количестве 250 человек, а затем в нем находилось на постое 800 ратников 626-й пешей Томской дружины [ГААК. Ф. 219. Оп. 1. Д. 43. Л. 37]. 17 февраля 1915 г., на основании приказа по Гарнизону за №58/3 Комиссия под председательством командира 709-й пешей Томской дружины подполковника Филимонова и членов комиссии: зауряд подполковника 710-й пешей Томской дружины Любимова, комендантского адъютанта прапорщика Самохвалова, старшего врача 709-й пешей Томской дружины Давыдова, Мартынова, квартирмейстера той же дружины зауряд военного чиновника Сурина, в присутствии бывшего начальника хозяйственной части 626-й пешей Томской дружины подполковника Старикова, представителя от города члена Управы Т.П. Гончарова, техника городской Управы и представителя от городского Полицейского управления полицейского надзирателя Евсеева, составила Акт по осмотру предоставленных городом к занятию 709-й пешей Томской дружиной арендованные городом и освобожденные от поста 626-й пешей Томской дружины дома – каменный дом Сухова по ул. Л. Толстого, каменный дом Поскотинова по ул. Набережная реки Барнаулки и каменный дом Кульмаметьева по Петропавловской улице с принадлежащими к ним дворами, кухнями и отхожими местами и нашла их совершенно непригодными для расквартирования в них 709-й пешей Томской дружины. Так, в доме Поскотинова был занят только средний этаж в более сухой западной половине. Комиссия отметила, что по наружной стене имеется сырость в рост человека, штукатурка потолка в нескольких местах обвалилась, под одним подоконником стена дала большую трещину, штукатурка стены сильно побита. Восточная половина этого этажа была совершенно сырая, причем сырость распространялась не только по стенам, но и по потолку. От сырости в одной комнате, где была помещена канцелярия 626-й дружины, спасала только железная печь. Отопление комнат было водяное, но из-за неисправности оно неделями не работало. Кухня была устроена во дворе в каменном помещении. Все стены и потолки кухни и кладовой сырые, на стенах был грибок. Вследствие всего вышеизложенного, комиссия признала дом Поскотинова небезопасным в санитарном отношении и не удовлетворяющим требованиям Устава о земской повинности [ГААК. Ф. 219. Оп. 1. Д. 43. Л. 2–3].

В марте 1915 г. вновь был осмотрен дом, принадлежащий наследникам Поскотинова. В акте было отмечено, что каменный дом (средний этаж), где размещались ратники 626-й дружины (800 человек) и которые в день осмотра здания вышли в поход, при 314,41 куб. саж. воздуха – на каждого ратника приходилось по 0,39 куб. саж. воздуха. Далее отметили, что западная часть здания сухая, а восточная сырая из-за неотапливаемого помещения в конце коридора, предназначавшегося для

установки подъемной машины, и отчасти от большого числа людей в помещениях, а также вследствие того, что рамы окон не были заделаны замазкой. Отопление комнат было паровым, вентиляция осуществлялась посредством форточек и одного большого вентилятора в стене коридора. В помещениях были устроены двухъярусные нары. Во дворе в каменном помещении 10,89 кв. саж. была устроена кухня, в которой находился котел для горячей пищи на 80 ведер, котел для каши на 18 ведер, котелок для сала на 2 ведра и куб для кипятка на 35 ведер. Труба для вытяжки пара была отведена в окно, но отсутствовала надлежащая тяга, отчего все стены и потолок кухни были мокрыми. Имелась одна входная дверь без тамбура [ГААК. Ф. 219. Оп. 1. Д. 43. Л. 37].

1 июля 1915 г. барнаульская городская Управа приняла постановление №313 «Об аренде оборудования помещений для размещения воинских частей в 1915–1916 гг.», в котором предлагалось арендовать для расквартирования нижних воинских чинов дом наследников Поскотинова на Набережной р. Барнаулки [ГААК. Ф. 219. Оп. 1. Д. 56. Л. 11]. В октябре 1917 г. барнаульский уездный земельный комитет и барнаульский уездный исполнительный комитет Алтайской губернии сообщили, что находятся по адресу: угол М. Олонской улицы и Знаменского переулка в доме Поскотинова [ГААК. Ф. 51. Оп. 2. Д. 114. Л. 7, 29]. 14 декабря 1917 г. уездный исполком просил городскую Управу делегировать к 9-00 ч. 17 декабря в квартиру комитета (дом Поскотинова за Барнаулкой) своего представителя для обсуждения вопроса о текущем моменте и делах [ГААК. П.Р. 1061. Оп. 1. Д. 1. Л. 120].

В августе 1918 г. городская Управа приняла решение №6419 о предоставлении зданий в г. Барнауле для расквартирования воинских частей. О занятии помещений солдатами, прибывающими в город, необходимо было написать наследникам Поскотинова, поставив их в известность, что помещения в здании по ул. М. Олонской, занимаемые уездной Земельной управой, отводятся для этих целей. А Земельной управе необходимо было переехать в помещения по ул. Пушкинской, принадлежащие Управлению земледелия и государственных имуществ [ГААК. Ф. 51. Оп. 2. Д. 195. Л. 4].

На основании приказа №54 от 17 декабря 1918 г. по Барнаульскому военному району, Санитарная комиссия по осмотру частей войск и учреждений, расположенных в г. Барнауле, в составе председателя Гарнизона врача Курашкевича и членов комиссии – капитана 3-го Кадрового стрелкового полка 1-й Кадровой дивизии Винча и поручика 3-го Барнаульского кадрового стрелкового полка Острожникова осмотрели здания, в которых располагались воинские части. На момент осмотра в здании на втором этаже были размещены канцелярия и команда писарей трех полков 1-й Кадровой дивизии. В составленном акте комиссия отметила, что в помещениях холодно, требуется ремонт приборов парового ото-

пления, нет вентиляции, для чего необходимо сделать форточки в окнах, ретирады переполнены – требуется немедленная их очистка. В январе 1919 г. акт был передан в городскую Управу для устранения в кратчайшие сроки дефектов ввиду эпидемии тифа. Городская Управа отписала в Техничко-Строительный отдел устранить выявленные замечания. По дому наследников Поскотинова потребовали только устроить в окнах форточки [ГААК. Ф. 51. Оп. 2. Д. 195. Л. 53, Ф. 51. Оп. 2. Д. 307. Л. 158].

В перечне счетов по городским и частным зданиям, занятым военным ведомством, к финансовому отчету Техничко-Строительного отдела барнаульской городской Управы за февраль 1919 г. значится сумма расходов по приспособлению дома Поскотинова в размере 1866,06 руб. [ГААК. Ф. 233. Оп. 1в. Д. 12. Л. 87].

В 1919 г. в доме располагалось общежитие офицеров 1-го Омского кадрового артиллерийского дивизиона, которое занимало 15 комнат [ГААК. Ф. 51. Оп. 2. Д. 307. Л. 199; Ф. 51. Оп. 2. Д. 195. Л. 46]. Кроме воинского поста в здании находились меблированные комнаты, которые содержал Н.Р. Митасов [ГААК. Ф.Р. 166. Оп. 1. Д. 14. Л. 2]. В 1920 г. здание было национализировано. На момент национализации на усадьбе находился трехэтажный дом, флигель, конюшня, навес, уборная [ГААК. Ф.Р. 10. Оп. 2. Д. 8. Л. 30].

В январе 1920 г. был составлен список адресов воинских частей, расквартированных в г. Барнауле. Бывшее здание купца В.И. Поскотинова занимала Особо-Продовольственная комиссия, которая снабжала три бригады. Кроме продовольственной комиссии в доме Поскотинова в 1920 г. находились и другие воинские части, такие как 1-й Лег. Ар. Морск. Стр. полк, занимавший 160 куб. саж. помещений [ГААК. Ф.Р. 593. Оп. 6. Д. 2. Л. 16; Ф.Р. 14. Оп. 1. Д. 4. Л. 3, 90]. Из газеты «Красный Алтай» от 13 мая 1921 г. мы можем узнать, что помещения в бывшем доме Поскотинова (за Барнаулкой) занимал 445-й полковой запасной госпиталь.

На основании Постановления ЦК от 12.03.1920 г. «Об организации Крестьянских домов» в г. Барнауле в 1920–1922 гг. было отведено несколько зданий под «Дом крестьянина». Так, в целях концентрации Крестьянских домов межведомственная комиссия в мае 1921 г. отвела здания в одном районе, а именно по ул. М. Олонской, 23, и ул. Б. Олонской, 36, 38, 40, ул. Л. Толстого, 27, ул. Петропавловской, 40 [ГААК. Ф.Р. 14. Оп. 1. Д. 34. Л. 5, 6]. Из сводного листка о всех советских учреждениях, предприятиях и организациях, находившихся в г. Барнауле в 1921 г., следует, что бывший дом Поскотинова, находившийся в ведении отдела коммунального хозяйства, в дальнейшем также был отдан под Дом крестьянина. Количество отпускаемой воды коммунальным данным учреждению составляло 40 ведер в неделю. При Доме крестьянина находилась изба-читальня [ГААК. Ф.Р. 12. Оп. 2. Д. 202. Л. 93, 100; Ф.Р. 14. Оп. 1. Д. 74. Л. 244; Ф.Р. 166. Оп. 1. Д. 140. Л. 13об.].

По архивным данным, изначально «Дом крестьянина» №1 находился по адресу: ул. М. Олонская, 12 (быв. Гостиница «Империял») в деревянном двухэтажном доме с подвалом и «Дом крестьянина» №2 – в двухэтажном доме с каменным жилым подвалом (быв. ТД «Наследников Поскотинова») по адресу Набережная реки Барнаулки – средний этаж – 3 комнаты, 2 кухни, 1 прихожая, подвал – 4 комнаты, верх – 3 комнаты и 1 кухня, в здании было проведено электроосвещение, на территории находился флигель, сарай, сеновал [Ф.Р. 14. Оп. 1. Д. 34. Л. 5; Ф.Р. 14. Оп. 1. Д. 105. Л. 1, 3]. Из отчета о деятельности технико-строительного подотдела за март 1922 г. следует, что в этот период была составлена смета на отстройку дома бывшего Поскотинова [ГААК. Ф.Р. 14. Оп. 1. Д. 165. Л. 14]. В 1922 г. на усадьбе находился продуктовый склад конторы «Хлебопродукт» [Ф.Р. 12. Оп. 2. Д. 520. Л. 124]. По архивным данным за 1924 г. и на карте г. Барнаула за 1925 г. отмечено, что в здании в этот период находился губернский отдел Госполитуправления. В июне 1925 г. всем заведующим отделов Алтайского губисполкома направили решение о распределении помещений. Так, Дому крестьянина передавалось здание, ранее занимаемое ОГПУ, по ул. М. Олонской [ГААК. Ф.Р. 16. Оп. 3. Д. 42. Л. 90; Ф.Р. 16. Оп. 3. Д. 33. Л. 20].

Бывшая усадьба купца Поскотинова, отведенная под Дом крестьянина, удовлетворяла необходимые нужды данного учреждения. Так, двор с пригораживаемым участком возле церкви позволял при наличии конюшен на 100 лошадей дополнительно построить три поднавеса на 120 лошадей. Кроме того, имелась завозня для более ценных грузов и амбар для ссыпки хлеба крестьянами, не сбывшими его на рынке из-за отсутствия спроса. Жилой дом имел три этажа. Нижний отводился под столовую и зрительный зал. Столовая с кухней находилась в левой половине первого этажа. На втором и третьем этажах размещались отдельные и общие номера и спальные комнаты. Отдельные номера находились в левой половине третьего этажа в количестве 12 штук, всего на 50 коек. Весь второй этаж и часть третьего этажа (правая половина), за исключением низких и темных комнат, были отведены под общие номера и спальные комнаты, всего площадью 1200 кв. м на 250 коек, что составляло по 5,0 кв. м на койку или по 20,0 куб. м воздуха на каждого ночующего. Такая свобода позволяла в дальнейшем расширить номера до 350 мест. Расположение комнат было коридорное, для общежития удобное. Дом имел три выхода: один во двор и два на улицы – один на улицу М. Олонскую, другой на переулок. В здании необходимо было отремонтировать отопление, оборудовать кухню, исправить уборные и произвести побелку. По смете на ремонт помещений выделялась сумма в 2187,57 руб. Дополнительно была составлена смета на установку забора и двух ворот с калитками, а также устройства тротуара вдоль проулка и постройки наружной уборной. Забор должен был быть высотой 2,5 м из досок, длиной 20 м. В то же время необходимо

было разобрать поднавесы, баню, амбары и завозню [ГААК. Ф.Р. 29. Оп. 1. Д. 63. Л. 51–52, 56].

В мае 1926 г. Комиссия под председательством окружного инженера Филатова произвела осмотр здания, занимаемого «Домом крестьянина» по ул. М. Олонской, и нашла, что потолки третьего этажа в большинстве помещений главного корпуса провисли, балки были уложены крайне редко при 4-саженном пролете, сверху обуглены, внутри до 1–1,5 вершка сгнили, имели прогиб до 4–5 вершков (с чердака), часть их была подвешена к стропилам особыми железными хомутами или болтами. Взамен наката по балкам была сделана подшивка снизу балок досками, часть подшивок сгнила. Штукатурка потолка внизу имела трещины и местами отваливалась. Одна наружная стена здания в ограду имела неравномерную осадку, имелась трещина и одна перемычка над окном верхнего этажа вывалилась. Внутренняя капитальная стена вследствие того, что в ней по имеющемуся каналу от парового котла пропускался пар, на расстоянии до трех метров по всей высоте отсырела, штукатурка отвалилась и сырость распространилась на потолки. Комиссия постановила, что необходимо произвести полный капитальный ремонт потолков верхнего этажа с заменой сгнивших балок и наката, произвести освидетельствование через вскрытие пола балок и наката второго этажа, переложить перемычку над окном третьего этажа, а для отхода пара от котла устроить в канале пароотводную трубу [ГААК. Ф.Р. 29. Оп. 1. Д. 63. Л. 48]. 25 мая 1926 г. на заседании Президиума барнаульского окружного исполкома был рассмотрен вопрос о финансовом положении Дома крестьянина (б. Поскотинова) [ГААК. Ф.Р. 29. Оп. 1. Д. 63. Л. 45].

В июне 1926 г. повторно составили акт по осмотру помещений занимаемых Домом крестьянина. В акте было отмечено, что здание, по своему расположению помещений, их площади и площади двора, имея помещения для клуба и будучи расположено в центре двух базарных площадей, вполне должно удовлетворить все требования, предъявляемые к Дому крестьянина. Указанный в акте от 25.05.1926 г. ремонт необходимо было произвести. При более тщательном осмотре комиссия обнаружила крайне опасное состояние потолка в помещении станции защиты растений – помещение это необходимо было освободить, а затем укрепить потолок. Заново отремонтировать отопление, оборудовать кухню, исправить уборную и произвести побелку. Сумма по смете на данные виды работ составила 2388,72 руб. [ГААК. Ф.Р. 29. Оп. 1. Д. 63. Л. 47].

В 1927 г. в здании был проведен капитальный ремонт. 4 октября 1927 г. комиссией во главе с окружным инженером Гусевым был составлен акт приемки выполненных работ. По смете в 12,0 тыс. руб. необходимо было выполнить ремонт и новую установку парового отопления на сумму 6338,57 руб., ремонт водопровода на сумму 500 руб., текущий ремонт помещений на сумму 6585,37 руб., при этом главное внимание было обращено на ремонт пароотопления и водопровода, а текущий ре-

монтаж финансировался по остаточному принципу. Комиссия ознакомилась с ходом ремонта отопления и водопровода и установила, что ремонт начат в августе и за этот период паровой котел был опущен на 60 сантиметров и продвинут несколько вперед, была переделана топка, с таким расчетом, чтобы создать во время эксплуатации больший коэффициент полезного действия и экономии в топливе. Для перевода котла на каменный уголь решено было вывести на высоту 7 метров кирпичную трубу, а поверх нарастить старую металлическую (для тяги). Для необходимого давления и надлежащего действия паровой системы нижнего этажа по всему первому этажу, за исключением столовой (она была расположена выше других), подняли отопительные приборы. Чтобы регулировать давление в котле, была установлена атмосферная труба, а для использования конденсационной воды были устроены мешки, через которые вода шла обратно в котел, что улучшало и создавало экономичность в работе паросистемы. Ремонт водопровода был закончен. Ответственным за ремонт паропотопления и водопровода являлся Алтметаллзавод, который взял эти работы по договору. Во время ремонта в здании были заделаны местами слабая штукатурка и частично оштукатурены вновь в разных местах стены и потолок, на два раза произведена побелка стен и потолков известью, произведен самый необходимый ремонт окон и дверей, местами произведена перестилка полов, заменены ступени большой лестницы, была убрана старая веранда, затемнявшая свет в помещениях, и взамен ее сделаны два крыльца с площадками, оборудована во дворе уборная, установлены железные сливы у окон, предохраняющие кирпичную кладку и окна от порчи дождем. Были установлены водосточные трубы, частично отремонтирована кровля, покрашены крыша и водосточные трубы, окна и двери на третьем этаже и частично на втором, покрашены на один раз (отгрунтованы) полы в номерах третьего этажа, а также коридоры и лестничные клетки второго и третьего этажей. Покрасили полы в конторе, была окрашена обшивка крылец и перила лестниц в главном корпусе. Застеклены окна, выбитые местами по всему главному корпусу, разобраны ненужные печи и очаги, выполнен необходимый ремонт печей и очагов, подлежащих дальнейшему использованию, в частности в кухне и кипяильнике.

Комиссия в акте записала, что все работы, предусмотренные сметой, были выполнены. Как неблагоприятные условия для ремонта Комиссия отметила следующие обстоятельства: для ремонта одного главного корпуса требовалось примерно 20,0 тыс. руб., поэтому ввиду ограничения в средствах, в ходе работ было сделано самое необходимое. По этой же причине была отложена замена сгнивших почти во всем третьем этаже полов.

В акте было отражено, что здание Дома крестьянина стоит на болоте и теперь в осеннее время нижние части стен первого этажа настолько восприняли сырость, что не принимают покраску. Аналогично и в столовой, так как под ней в подвале стоит вода.

Вода в подвале была обнаружена при уборке веранды, а в средствах на соответствующий ремонт в подвале Окружным финотделом Дому крестьянина было отказано. По их мнению, Дому крестьянина подвал не был нужен, поэтому необходимо было составить акт и передать его в городской коммунальный отдел. Во время ремонта в Доме крестьянина продолжали функционировать молочная и семенная лаборатории [ГААК. Ф.Р. 529. Оп. 1. Д. 112. Л. 88–90].

1 июня 1928 г. городской отдел коммунального хозяйства составил список неплательщиков за электроэнергию и воду. Так, Дом крестьянина по ул. М. Олонской имел задолженность за электроэнергию в сумме 168,78 руб. [ГААК. Ф.Р. 166. Оп. 1. Д. 178. Л. 22об.]. По оценке Горкомхоза, на 1 октября 1928 г. здание стоило 5660 руб. [ГААК. Ф.Р. 166. Оп. 1. Д. 174. Л. 91]. В декабре 1928 г. была составлена предварительная смета на ремонт дома жилищно-строительного кооперативного Товарищества «Деревоотделочник», расположенного по адресу: ул. М. Олонская, 21 [ГААК. Ф.Р. 166. Оп. 1. Д. 108. Л. 2].

С июня 1941 по декабрь 1944 г. в здании размещался госпиталь Великой Отечественной войны №1511. В дальнейшем в нем размещались различные организации, общежитие мединститута. В 1975 г. на фасаде здания была укреплена мемориальная доска с текстом следующего содержания: «В этом здании размещался госпиталь раненых на фронтах Великой Отечественной войны в 1941–1945 гг.».

В 1980 г. на здание составили Паспорт памятника истории и культуры, где было отмечено плохое техническое состояние конструкций стен, покрытий, потолков, пола, декора фасадов и интерьеров. На период составления Паспорта здание не эксплуатировалось. В 1980-х – начале 1990-х гг. его передали в ведение производственного жилищно-эксплуатационного треста Центрального района г. Барнаула. В этот период на первом этаже располагалась столовая, а второй и третий этажи занимала контора под кабинеты.

Распоряжением комитета по управлению государственным имуществом по Алтайскому краю от 25.03.1994 №297 здание по адресу: г. Барнаул, ул. М. Олонская, 21 было передано с баланса АООТ «Наследник» на баланс налоговой инспекции по Алтайскому краю. А затем приказом краевой налоговой инспекции от 06.04.1994 г. здание передано на баланс Государственной налоговой инспекции по Центральному району г. Барнаула.

В 2001 г. Государственная налоговая инспекция по Центральному району г. Барнаула обратилась в государственное унитарное предприятие проектный институт «Алтайкоммунпроект» с просьбой выполнить проектно-сметную документацию на выборочный капитальный ремонт строительных конструкций административного здания, занимаемого инспекцией по адресу: ул. М. Олонская, 21. На момент подготовки документации общая площадь здания составляла 2558 м², строительный объем – 12031 м³. Предполагалось проведение таких работ, как усиление

ние перемычек и наружных стен, устройство горизонтальной гидроизоляции стен, установка оконных и дверных коробок, подоконных досок, монтаж металлических балок, устройство монолитного железобетонного перекрытия по металлическим балкам, утепление чердачного перекрытия, устройство деревянных полов, замена, ремонт и устройство вновь перегородок, ремонт фасадов и др. В январе 2002 г. данная документация была направлена на экспертизу в НПЦ «Наследие».

В ноябре 2002 г. от возгорания огнем по всему объему были повреждены чердачное и междуэтажные деревянные перекрытия, стропильная система конструкция крыши, оконное и дверное заполнение, внутренняя отделка помещений. На сегодняшний день объект находится в аварийном состоянии, не эксплуатируется, частично руинирован. В 2012 г. здание передано в пользование Федеральному государственному унитарному предприятию «КРИСТАЛЛ».

Здание, расположенное по адресу: Алтайский край, г. Барнаул, ул. Мало-Олонская, 21 / пер. Знаменский, 3, является объектом культурного наследия регионального значения – памятником архитектуры «Дом купца Поскоотинова. 1910-е гг.» и памятником истории «Здание, где размещался госпиталь раненых на фронтах Великой Отечественной войны». 1941–1945 гг.» согласно Постановлению Алтайского краевого Законодательного Собрания от 28.12.1994 №169.

М.А. Целищева

НПЦ «Наследие», Барнаул, Россия

ИСТОРИЯ ЗДАНИЯ-ПАМЯТНИКА АРХИТЕКТУРЫ ПО УЛ. ПУШКИНА, 58 / УЛ. ГОГОЛЯ, 57 В Г. БАРНАУЛЕ

Предпринимательская благотворительность на Алтае существовала с давних времен. Ее традиционной сферой были церковные пожертвования, и многие храмы в городах и селах Алтая являлись результатом купеческого попечения.

С именем семьи Пуртовых связано возведение в г. Барнауле каменного здания – богадельни, которая была построена в 1811 г. на углу Иркутской (ул. Пушкина) улицы и Соборного (пр. Социалистический) переулка.

В 1807 г. купец Варфоломей Пуртов начал строить против Петропавловского собора на свои средства каменную богадельню.

Из энциклопедического словаря Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона мы можем узнать, что богадельня (от слов *Бога дела*, т.е. *для Бога*) – это богоугодное заведение для призрения лиц, почему бы то ни было неспособных к труду, как то: престарелых, немощных, увечных и выздоравливающих (но не временно больных и умопомешанных, для которых

существуют специальные учреждения). Существенным признаком богадельни является полное содержание, даваемое призреваемым.

В прошении от 25 сентября 1807 г. на имя начальника Колывановоскресенских заводов К.Х. Берга купец В. Пуртов объяснил, что он пожелал выстроить вместо обветшалой деревянной богадельни каменную. Каменная богадельня была открыта 24 сентября 1811 г. [Няшин, 1991, с. 102]. Богадельня была рассчитана на 20 человек. Варфоломей Пуртов, построив ее, обратился в Кабинет с ходатайством пропечатать об этом в столичных газетах, назвать ее «Варфоломеевским домом призрения» и «вставить в стену каменную доску с приличной надписью» [Барнаул. Летопись города, 1994, с. 46].

На картах г. Барнаула за 1856 и 1877 гг. здание богадельни отображено квадратом. На карте г. Барнаула за 1894 г. рядом со зданием богадельни по Соборному переулку находился дом П.Д. Сухова.

Современное здание-памятник архитектуры состоит из двух зданий – бывшей богадельни Пуртова по ул. Пушкинской (принадлежавшего барнаульскому купцу П.Д. Сухову) и жилого дома П.Д. Сухова по ул. Гоголевской, которые в 1937 г. были соединены в одно здание.

В 1899 г. здание по ул. Пушкинской (бывшая богадельня) по документам уже принадлежало барнаульскому купцу П.Д. Сухову, который сдавал помещения в аренду. В 1907 г. в здании размещалось Коммерческое собрание – своего рода клуб купцов и предпринимателей. Это отражено на карте г. Барнаула за этот год [ГААК. Ф. 52. Оп. 2. Д. 5. Л. 8]. 27 марта 1907 г. городская Управа на своем заседании разрешила купцу П.Д. Сухову постройку одноэтажного каменного торгового помещения на углу ул. Гоголевской и Соборного переулка [ГААК. Ф. 219. Оп. 1. Д. 4. Л. 16].

В 1909 г. здание купца Сухова, на пересечении ул. Пушкинской и Соборного переулка, арендовала канцелярия заведующего переселенческого дела Томской губернии [ГААК. Ф. 52. Оп. 2. Д. 18. Л. 79]. Здесь же в подвальной помещении в начале XX в. находилась фруктовая лавка с вывеской «Продажа верненских яблок» [Метельницкий, 2004, с. 89–90].

По данным Т.М. Степанской [1990, с. 14], бывшее здание богадельни было перестроено в 1911 г. Так, в 1911 г. барнаульская городская Управа разрешила Павлу Дмитриевичу Сухову на ул. Пушкинской построить каменный одноэтажный магазин [ГААК. Ф. 52. Оп. 1. Д. 15. Л. 168]. Возможно, тогда же у здания на углу Пушкинской улицы и Соборного переулка появился эркер. В дальнейшем купец Сухов помещения сдал в аренду Госбанку. Это отражено в адресном указателе, опубликованном в газете «Жизнь Алтая» от 1 сентября 1911 г. На карте г. Барнаула за 1912 г. под №37 по данному адресу также указан Госбанк.

В ведомости разрешений на постройки, выданных барнаульской городской Управой в 1911 г., П.Д. Сухову на ул. Гоголевской разрешили произвести постройки на сумму 1860 руб. [ГААК. Ф. 51. Оп. 1. Д. 121. Л. 28]. В 1913 г. купец П.Д. Сухов получил разрешение городской Упра-

вы сделать пристройку к дому по ул. Гоголевской (2 уч.) [ГААК. Ф. 52. Оп. 1. Д. 27. Л. 263]. Из составленных городской Управой в 1911 г. списков купцов г. Барнаула следует, что П.Д. Сухову было 39 лет, его жена Марии Ивановне – 32 года, у них было 4 детей [ГААК. Ф. 219. Оп. 1. Д. 86. Л. 8]. Из списков торгово-промышленных предприятий 1-го участка Барнаульского уезда, подлежащих ревизии по гербовому сбору в 1913 г., мы можем узнать, что Сухов Павел Дмитриевич вел оптово-розничную торговлю железно-скобяными, кожевенными и шорными товарами [ГААК. Ф. 52. Оп. 1. Д. 20. Л. 166].

В 1913 г. городская Управа разрешила П.Д. Сухову по ул. Пушкинской дополнительно построить одноэтажный каменный магазин [ГААК. Ф. 52. Оп. 1. Д. 35. Л. 236].

В декабре 1914 г. Сухов подал заявление в городскую Управу о том, что сам живет по адресу: ул. Гоголевская, 57 и имеет на базарной площади лавку с кожевенными и шорными товарами – 1 комната и один вход, а также кожевенный завод на Б. Глядене. Кроме этого, ведет торговлю на углу ул. М. Тобольской и базарной площади в доме своего брата В.Д. Сухова: магазин железно-скобяных товаров, оптом и в розницу – 2 покоя и 3 входа [ГААК. Ф. 52. Оп. 1. Д. 1863. Л. 123, 126, 127].

Часть дома у купца Сухова на углу ул. Гоголевской и Соборного переулка арендовало Товарищество «А.С. Лукин и М. Елизаров», которое торговало галантерейными, бакалейными, гастрономическими, музыкальными и табачными товарами – имело 2 покоя и 2 входа, годовой оборот магазина составлял 300,0 тыс. руб. (20). В 1916 г. имущество П.Д. Сухова было оценено в 154 856,0 тыс. руб. [ГААК. Ф. 219. Оп. 1. Д. 50. Л. 103].

В 1917 г. барнаульский купец П.Д. Сухов продал Товариществу «Алтайский Союз кооперативов» деревянный в два этажа кожевенный завод, с вновь выстроенным зданием в два этажа, находящийся в 5-м участке г. Барнаула под Б. Гляденем. Предприятие находилось на арендованной земле у Главного управления Алтайского округа по договору от 5 сентября 1900 г., а сейчас принадлежало барнаульскому городскому обществу. Завод был продан за 52,5 тыс. руб. В акте от 22 августа 1917 г. было указано, что П.Д. Сухов проживает по ул. Гоголевской, 57 [ГААК. Ф.Р. 216. Оп. 1. Д. 1724. Л. 4].

Из списков владельцев недвижимым имуществом за 1917–1919 гг. следует, что здание П.Д. Сухова по ул. Пушкинской, 48 имело доходность 3827 руб. и облагаемый налог – 306,16 руб., а дом по адресу: ул. Пушкинская, 48/1, (ул. Гоголевская, 57) соответственно – 10 479 руб. и облагаемый налог 838,32 руб. [ГААК. Ф. 51. Оп. 2. Д. 61. Л. 67. Д. 358. Л. 219].

По данным инвентарной книги недвижимого городского имущества, составленной в 1918 г., дом по ул. Пушкинской, 48/1 был каменным двухэтажным, рядом, по адресу: ул. Пушкина, 48/2 находилась каменная лавка, принадлежавшая А.А. Лесневскому [ГААК. Ф. 51. Оп. 2. Д. 358. Л. 214].

27 августа 1918 г. городская Управа направила владельцам магазина Товарищества «А.С. Лукин и М. Елизаров» на углу ул. Гоголевской и Соборного переулка предписание о том, что им необходимо очистить помещения, арендованные у Сухова от товаров для занятия постой воинский постой [ГААК. Ф. 51. Оп. 2. Д. 348. Л. 71]. В августе 1918 г. дом П.Д. Сухова отдал под губернскую продовольственную Управу [ГААК. Ф. 51. Оп. 2. Д. 195. Л. 4. Д. 307, 546].

Одно время магазин Сухова по Соборному переулку занимал 2-й эвакуационный госпиталь. В акте санитарной комиссии от 18 декабря 1918 г. было отмечено, что в магазине Елизарова необходимо отремонтировать двери, в помещениях холодно [ГААК. Ф.Р. 14. Оп. 1. Д. 4. Л. 90, Ф. 51. Оп. 2. Д. 307. Л. 158]. Затем в здании разместили 3-й кадровый барнаульский полк [ГААК. Ф. 51. Оп. 2. Д. 195. Л. 46].

В апреле 1919 г. в городскую Управу по квартирному налогу поступило заявление от барнаульского отделения Государственного банка о том, что банк арендует здание по ул. Пушкинской, 48 у Павла Дмитриевича Сухова. В доме было шесть квартир с отоплением, но без мебели [ГААК. Ф. 51. Оп. 2. Д. 242. Л. 6].

В мае 1919 г. на углу ул. Гоголевской и Соборного переулка находился гастрономический магазин Михаила Сергеевича Елизарова, здесь же был ренсковый погреб [ГААК. Ф. 235. Оп. 1. Д. 33. Л. 115].

В июне 1919 г. часть здания по ул. Гоголевской, 57 занимал Петроградский международный банк, дворовые помещения отдал под воинский постой 13-й Сибирской стрелковой артиллерийской дивизии. Затем разместили Казанский парковый артиллерийский дивизион. В своем отчете на имя помощника начальника административной части штабс-капитана Потемкина, городская Управа сообщила о работах, проводимых ею для воинского поста. На усадьбе Сухова по ул. Гоголевской был выполнен ремонт конюшен, устройство добавочных навесов для кормушек, амуничников и коновязей [ГААК. Ф. 52. Оп. 1. Д. 161. Л. 2; Ф. 51. Оп. 2. Д. 307. Л. 29, 199].

В феврале 1919 г. сумма расхода за приспособление магазина Елизарова под воинский постой составила – 599,12 руб., а в июле – 652,02 руб. [ГААК. Ф. 233. Оп. 1в. Д. 12. Л. 9, 87].

В июле 1919 г. комиссия под председательством главного врача 2-го Сводного эвакуационного госпиталя статского советника Игнатъева и членов комиссии: старшего ординатора коллежского асессора Руковского, смотрителя госпиталя чиновника Васянина, госпитального надзирателя техника Шалахова и заведующего барнаульской военно-инженерной дистанции инженера Кузьмина провели осмотр помещения, отведенного для отделения госпиталя в доме Сухова по ул. Гоголевской и Соборному переулку. Комиссия отметила, что помещение раньше занималось войсками, оборудованное, светлое и вполне пригодное для размещения 100 больничных кроватей госпиталя. Отапливается двумя

печами, которых в зимний период будет недостаточно. Комиссия постановила просить городскую Управу дополнительно оборудовать помещение двумя ультермаковскими печами, произвести побелку, сделать соответствующую вентиляцию, выполнить другие работы, которые потребуются для оборудования помещения по указанию главного врача госпиталя [ГААК. Ф. 51. Оп. 2. Д. 307. Л. 545–546].

В дальнейшем барнаульский купец П.Д. Сухов свой дом по ул. Гоголевской, 57 продал Полякову. Так, в списках национализированных домов за 1920 г. владельцем недвижимого имущества по данному адресу числится именно Поляков: двухэтажный каменный дом с подвалом и пристройками, кладовая, уборная. По ул. Пушкинской, 48 усадьбу также национализировали. На день национализации здесь находилось следующее имущество: дом каменный с подвалом, флигель каменный, лавка, конюшня, завозня и караулка [ГААК. Ф.Р. 10. Оп. 2. Д. 8. Л. 36].

С приходом советской власти частные банки были ликвидированы и в декабре 1919 г. был создан губернский финансовый отдел, на который возложили финансово-кредитные функции, его разместили в доме по ул. Пушкинской, 48.

А дом на пересечении ул. Гоголевской и пр. Социалистического теперь занимали губернский продовольственный комитет (Губпродком), отдел управделами и финансово-счетный отдел [ГААК. Ф.Р. 207. Оп. 1. Д. 16. Л. 79]. Из отчета о деятельности технико-строительной части жилищного подотдела губернского коммунального отдела за 1920 г. следует, что для Губпродкома в доме Сухова проведен ремонт калориферов и печей [ГААК. Ф.Р. 14. Оп. 1. Д. 93. Л. 93]. По данным справочного бюро за 1921 г., в здании находился кабинет председателя Губпродкома, общий кабинет и финансово-счетный отдел [ГААК. Ф.Р. 14. Оп. 1. Д. 331. Л. 7; Ф.Р. 10. Оп. 5. Д. 9. Л. 94; Ф.Р. 141. Оп. 1л. Д. 35. Л. 1; Ф.Р. 9. Оп. 1. Д. 224. Л. 169; Ф.Р. 207. Оп. 1. Д. 16. Л. 77]. Кроме этих организаций в здании находился магазин №4 конторы ЦРК (Центральный рабочий кооператив), который торговал мукой и бакалеей. Годовой доход магазина составлял 334 652,4 руб. [ГААК. Ф.Р. 212. Оп. 1. Д. 1235. Л. 1].

Из списка советских учреждений, находящихся в г. Барнауле, составленном в 1921 г., следует что, здание по ул. Пушкинская, 48 занимал финансовый отдел Губисполкома Комиссариата финансов. А в здании по ул. Гоголевской, 57 находился губернский продовольственный комитет Комиссариата продовольствия, в том числе его подразделения: кабинет Губпродкома, управделами, губернская заготовительная контора, губернский распределительный отдел, транспортный отдел, военный отдел и финансово-счетный отдел [ГААК. Ф.Р. 77. Оп. 2. Д. 42. Л. 99; Ф.Р. 12. Оп. 2. Д. 202. Л. 97, 99]. В 1922 г. губернский финотдел принял на себя содержание детского дома №13 на 40 детей и 10 человек обслуживающего персонала, соглашение действовало на период с 15 декабря 1922 г. по 15 марта 1923 г. [ГААК. Ф.Р. 141. Оп. 1. Д. 120. Л. 29].

В 1923 г. Алтайский губернский финансовый отдел предоставил своим сотрудникам квартиры в доме по ул. Пушкина, 48, там же находились кабинеты заведующего ГубФО и управления. В финансовом отделе в 1923 г. работало 253 человека. Здание по ул. Гоголевской, 57 в этот период занимала контора Госбанка, в 9 комнатах работало 23 человека [ГААК. Ф.Р. 12. Оп. 2. Д. 520. Л. 19. Д. 127. Л. 7; Ф.Р. 14. Оп. 1. Д. 338. Л. 7, 8, 67, 69]. В 1924 г. в здании по ул. Пушкинской, 48 отдел коммунального хозяйства провел текущий ремонт для предоставления губернскому комитету РКП(б). В отчете значится, что здание каменное, одноэтажное с полуподвальным этажом, работы проводились с 18 июня по 15 августа 1924 г. [ГААК. Ф.Р. 16. Оп. 3. Д. 54. Л. 141].

6 февраля 1925 г. в ревизионном акте №20/37 инспектор труда А.В. Ивлев, обследовавший Госбанк по ул. Гоголевской, 57, отметил, что основной деятельностью банка является проведение банковских операций, рабочих и служащих в учреждении числится 36 человек, из них 6 женщин. На момент проверки отсутствовали следующие документы: Правила внутреннего распорядка и книга свержучных работ [ГААК. Ф.Р. 333. Оп. 1. Д. 1. Л. 48; Ф.Р. 174. Оп. 2. Д. 4].

В 1925 г. Губфинотдел занял здание, бывший Яковлевский корпус, на углу Московского пр. и ул. Петропавловской, а здание по ул. Пушкинской отдали другим организациям [ГААК. Ф.Р. 16. Оп. 3. Д. 33. Л. 3, 12; Ф.Р. 29. Оп. 1. Д. 96. Л. 64–65]. Так, на плане г. Барнаула за 1925 г. отмечено, что в этот период здание (ул. Пушкинская) занимали губернский отдел народного образования, рабоче-крестьянская инспекция и отдел внутренней торговли, а в бывшем доме Сухова (ул. Гоголевская) находился Госбанк. По этому же адресу у барнаульского ЦРК в 1926–1927 гг. находился магазин №2, помещения которого он арендовал у отдела местного хозяйства. Магазин торговал мануфактурными, галантерейными и бакалейными товарами. Среднемесячный оборот магазина составлял 63,0 тыс. руб. В ноябре 1927 г. санинспектор обследовал контору и магазины Центрального рабочего кооператива. В магазине №2 он отметил отсутствие посуды для кипяченой воды, а также не было шкафа для посуды в столовой [Ф.Р. 102. Оп. 1. Д. 155. Л. 4; Ф.Р. 174. Оп. 2. Д. 15. Л. 3; Ф.Р. 312. Оп. 3. Д. 179. Л. 300; Ф.Р. 333. Оп. 1. Д. 1. Л. 258].

3 ноября 1927 г. в инспекцию труда обратилось барнаульское отделение Сибирского акционерного общества розничной торговли «Акорт» с просьбой проверить помещения, предоставляемые ей для открытия районной торговли, в том числе и помещение на углу Соборного переулка и ул. Пушкинской, находящееся под Горсоветом.

В акте от 9 октября 1927 г., составленном инспектором труда И.И. Метелицей и санитарным инспектором В.В. Вергуновым было отмечено, что в здании на пересечении ул. Пушкинской и пер. Социалистического находился магазин-погреб «Акорт». В ходе проверки было обнаружено следующее: в помещении для торговли овощами в некото-

рых местах на потолке и стенах отвалилась штукатурка, на месте расположения прилавков отсутствовал деревянный настил. В заключении комиссия разрешила использовать обследованное помещение для торговли овощами и прочим товаром при условии устройства деревянного настила за прилавками, штукатурки и побелки стен и потолка в тех местах, где штукатурка отвалилась [ГААК. Ф.Р. 333. Оп. 1. Д. 1. Л. 48, 251–252; Ф.Р. 166. Оп. 1. Д. 142. Л. 8].

В 1927–1928 гг. по данным списков домовладений, облагаемых местными налогами, часть здания по ул. Гоголевской принадлежала отделу местного хозяйства, которому была начислена сумма основной ренты в 135,84 руб., другая часть здания значилась за Госбанком с суммой в 514,26 руб. основной ренты [ГААК. Ф.Р. 105. Оп. 1. Д. 217. Л. 34].

В 1928 г. барнаульский городской отдел коммунального хозяйства оценил строения по ул. Пушкинской в сумму 70 002,5 руб., а по ул. Гоголевской – 68 581,0 руб. [ГААК. Ф.Р. 166. Оп. 1. Д. 174. Л. 92]. В этом же году в бывшем помещении Госбанка по ул. Гоголевской отдел местного хозяйства провел ремонт, в том числе отремонтировал двери на общую сумму 177,34 руб. [ГААК. Ф.Р. 166. Оп. 1. Д. 84. Л. 184. Д. 182. Л. 2. Д. 85. Л. 7].

В 1929–1930 гг. здание по ул. Гоголевской сдавалось в аренду Центральному рабочему кооперативу под магазин, площадь которого составляла 465,2 м² за плату 5760 руб. в год и складские помещения общей площадью 69,15 м² за плату 399,36 руб. в год [ГААК. Ф.Р. 166. Оп. 1. Д. 183. Л. 24; Ф.Р. 312. Оп. 3. Д. 397. Л. 213]. Из Списков избирателей за 1930 г. мы можем узнать, что в этот период в здании по ул. Пушкинской находился барнаульский финансово-экономический техникум. В феврале 1930 г. было обследовано 66 торговых предприятий г. Барнаула, в том числе и магазин №2 ЦРК по ул. Гоголевской. При обследовании под прилавком была найдена пуховая оренбургская шаль, которая в продаже отсутствовала, затем комиссия обнаружила ½ куска шифона, который также отсутствовал в продаже. В бакалейном отделении, в запаске небрежно хранился мешок перловой крупы, в которой нашли крысиный помет [ГААК. Ф.Р. 312. Оп. 3. Д. 179. Л. 199. Д. 397. Л. 521–522].

На плане г. Барнаула за 1930 г. показано два отдельно стоящих здания по ул. Пушкинской, угол пр. Социалистический и ул. Гоголевской. В 1937 г. два здания соединили, дополнительно над частью здания со стороны ул. Гоголевской / пр. Социалистический надстроили второй этаж. Это отражено на фотоснимке данного периода.

В 1940 г. в здании по адресу: ул. Пушкинская / Социалистический пр. / ул. Гоголевская находился бакалейно-галантерейный магазин «Баргторгсина», который работал с 8-00 ч. до 20-00 ч., выходным была суббота [ГААК. Ф.Р. 312. Оп. 1а. Д. 55. Л. 439. Л. 423].

Во время Великой Отечественной войны в части здания на углу ул. Гоголя и пр. Социалистического размещался госпиталь №3500. В другой части здания, со стороны ул. Пушкина находился штаб 87-й

кавалерийской дивизии. В настоящее время на фасаде по ул. Пушкина имеется мемориальная доска из металла с надписью: «На этой улице в доме №54 размещался штаб 87-й кавалерийской дивизии, сформированной на Алтае в 1941 г. Преобразованная впоследствии в 56-ю гвардейскую Красносельскую Краснознаменную стрелковую дивизию она участвовала в прорыве блокады Ленинграда».

В мае 1943 г. решением исполкома барнаульского Горсовета №245 на предприятиях г. Барнаула вводился штат дворников. В здании по пр. Социалистическому, где размещался госпиталь №3500, был закреплен один дворник [ГААК. Ф.Р. 312. Оп. 1а. Д. 75. Л. 294]. В 1946 г. на сессии барнаульского Горсовета был утвержден список каменных домов, подлежащих наружному архитектурному оформлению и благоустройству. В здании по ул. Пушкина, 58, где находилась физиолечебница, необходимо было провести штукатурку и окраску фасада [ГААК. Ф.Р. 312. Оп. 1а. Д. 75. Л. 294].

В 1976 г. на заседании горисполкома (протокол №22 от 13 октября, вопрос №567/27) были рассмотрены просьба краевой больницы и предложения проектной конторы «Алтайкоммунпроект» о разрешении больнице провести реконструкцию существующей части здания поликлиники под котельную и строительство пристройки склада угля и золы по ул. Пушкина, 58 (кв. 42). Горисполком обязал заказчика составить рабочий проект на реконструкцию существующего здания поликлиники под котельную и согласовать его с управлением главного архитектора города и ГорСЭС, а также получить разрешение на строительство в ГАСКе. К строительству склада решено было принять индивидуальный проект.

На этом же заседании отменили решение горисполкома от 7 июля 1976 г. №402/14 «О реконструкции производственных помещений по ул. Гоголя, 57 под котельную поликлиники крайздравоотдела», в котором разрешалось крайздравоотделу провести реконструкцию производственного здания мебельной фабрики по ул. Гоголя, 57 под котельную для теплоснабжения проектируемого и существующего здания поликлиники [ГААК. Ф.Р. 312. Оп. 7. Д. 589. Л. 43. Д. 587. Л. 258]. В 1980 г. над зданием по ул. Пушкина, угол пр. Социалистический был надстроен второй этаж и в нем разместилась краевая поликлиника.

В настоящее время здание передано Федеральному казенному учреждению «Главное бюро медико-социальной экспертизы по Алтайскому краю».

Здание имеет ценность как городской особняк середины XIX в., выполненный в стиле эклектики. Решением исполнительного комитета Алтайского краевого Совета народных депутатов от 21.08.1990 №327 здание по адресу г. Барнаул, ул. Пушкина, 58/пр. Социалистический, 20 было поставлено на государственную охрану как памятник архитектуры регионального значения «Богадельня купца В. Пуртова», 1807–1811 гг. и постановлением Алтайского краевого Законодательного Собрания от

28.12.1994 №169 как памятник истории, связанный с событиями Великой Отечественной войны: «Здание, где размещался госпиталь раненых на фронтах Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.».

А также постановлением Алтайского краевого Законодательного Собрания от 11.03.1998 №83 здание поставлено на государственную охрану как памятник архитектуры регионального значения «Дом жилой», середина XIX в. (г. Барнаул, ул. Гоголя, 57/пр. Социалистический, 20 (ул. Пушкина, 58)).

Библиографический список

- Няшин Г.Д. Некоторые моменты истории Барнаула. Барнаул, 1929. С. 14.
Степанская Т.М. Культурное зодчество Алтая // Алтайский сборник. Барнаул, 1991. Вып. XIV. С. 102.
Барнаул. Летопись города. 1994. Ч. I. С. 46.
Метельницкий К.Н. Прогулка по улице Пушкинской // Избранные страницы: Клубу любителей алтайской старины 15 лет (сборник) Алт. краев. универс. науч. б-ка им. В.Я. Шишкова. Барнаул, 2004. С. 89–90.
Степанская Т.М. Памятники градостроительства и архитектуры Алтайского края: (каталог). Барнаул, 1990. С. 14.
Целищева М.А. История Соборной площади г. Барнаула // Краеведческие записки / Управление Алтайского края по культуре и архивному делу, Алт. гос. краеведческий музей. Барнаул, 2011. Вып. 9. С. 209–214.

Х. Цэдэв Наваанзоч

Монгольский национальный университет, Улан-Батор, Монголия

ОТНОШЕНИЕ МОНГОЛОВ К СТАРШИМ

(на примере пословиц и поговорок)

Из богатого культурного наследия монголов отмечается уважительное отношение монголов к старшим. Это великое чувство и традиция, это и нравственно-культурная ценность, они унаследуются монголами, что нашло свое отражение в устном народном творчестве. Однако в годы перехода страны на рыночно-экономические отношения произошли некоторые изменения в связи с глобализацией и западной идеологией. В результате осуществления совместного российско-монгольского научно-исследовательского проекта «Цивилизационные константы Внутренней Евразии: ценностные системы и мировоззренческие ориентиры» (07-03-92203а/G) был выявлен некоторый упадок авторитета старшего поколения [Попков, 2007]. Это вызвано рядом социально-культурных причин.

В настоящей статье мы будем кратко рассматривать их на примере пословиц и поговорок – неиссякаемом источнике устного народного творчества.

«Арц занданы үнэр сайхан
Ахмад хүний сургаал сайхан» [Монгол ардын зүйр..., 2011, с. 35].

**Прекрасен аромат можжевельника и сандала,
Прекрасно наставление старшего** (Пер. автора).

Недаром в монгольских сказках часто говорится о том, что перед дорогой старик-мудрец наставляет молодого. Такой же смысл выражает следующая поговорка:

«Увгун хунд ургумж хэрэгтэй
Залуу хүнд сургамж хэрэгтэй» [Монгол ардын зүйр..., 2011, с. 36].

Для старших нужна забота

Для молодых и нужно поучение. Тут еще и показана преемственность поколений. Старшее поколение обязано передать молодому весь жизненный опыт и знания о природе, ее закономерностях, отношениях ко всему живому на свете.

«Увгудийн уг ув,
Хуучны үг хууль» [Шагдарсүрэн, 2012, с. 138].

Слова стариков – наследие,

Старинные слова – закон. В данной пословице проявляется высокая оценка относительно слов и наставлений старых людей. В устах стариков часто можно услышать слова, как неписанные законы, переданные из поколения в поколение.

«Болсноос ам хүр

Буурлаас үг сонс» [Монгол ардын зүйр..., 2011, с. 34]. Дословно звучит так:

Попробуйте еду или кушанье,

Послушайте слова из уст старика. Когда заходишь в юрту или приедешь в гости, обязательно хозяйка подает приезжему или гостю сначала чай с молоком, потом преподносит тарелку с угощениями. Тут следует попробовать угощения. И самое главное – слушать старика большое счастье для молодых. В нынешнее сложное время молодежь предпочитает слушать известных стариков – ученых, академиков, часть молодежи оказывается в заблуждении: с кого брать пример, следовать ли глобализации. На формирование их мировоззрения серьезно влияют различные ТВ-каналы, Интернет и другие средства массовой информации.

«Залуу хүнд нас сайхан
Хугшин хунд хувцас сайхан» [Монгол ардын зүйр..., 2011, с. 35].

Для молодых возраст хорош,

Для старших одежда хороша. Безусловно, тут речь идет о национальной одежде. Другим словом, молодого украшает возраст, старшего – одежда. Существуют и другие параллели.

«Ундур уулын нумур сайхан
Увгун хүний тушиг сайхан» [Монгол ардын зүйр..., 2011, с. 36].

Высокая гора хороша укрытиями,

Старый человек хорош в качестве опоры. С древних времен кочевники-монголы приспособились к погодно-климатическим усло-

виям горной среды. Бесспорно, что для ведения скотоводства гористая местность, горы занимали особое место, для выращивания мелкого скота удобна гористая местность, в частности для коз. Овцы и козы, выращенные в горах, отличаются от других живым весом, выносливостью, переносимостью холода и жары.

Люди старшего возраста, старики-мудрецы – надежная опора для молодых. Они учат молодых, исправляют их ошибку, одним словом, они выполняли роль учителя, воспитывают молодых в духе кочевника-евразийца, патриота.

«Увгудуу ургуж хундэл

Нялхасаа асарч хундэл» [Монгол ардын зүйр..., 2011, с. 36].

Старших уважай, ухаживая за ними,

Младших уважай, заботясь о них. Уход за старшими среди монголов высоко ценится, считают, что это доброе дело, благодеяние. Уход за старым и престарелым отцом и матерью тоже является для их сыновей и дочерей не только долгом и обязанностью, но и большой честью. Недаром в Монголии до сих пор отмечают тех, кто хорошо ухаживает за своими родителями. Таких молодых людей считают добродетелями.

«Увгун хүнд ургумж хэрэгтэй

Залуу хүнд сургаж хэрэгтэй» [Монгол ардын зүйр..., 2011, с. 36].

Для старших нужна забота,

Для молодых и нужно поучение. Смысл данной пословицы повторяется.

«Утлухийн цагт уг цуунтэй

Ухэхийн цагт ёо цуунтэй» [2.36].

При старении мало говорить,

При смерти мало стонать. Тут смысл ясен. Напоминает, чтобы быть не говорливым в старческом возрасте и терпеливым в самом конце жизни на Земле.

«Утулсун болохоос

Ухсэн биш» [Монгол ардын зүйр..., 2011, с. 36].

Постарел, а не помер. Выражается участие старшего человека в каком-нибудь деле. Так и говорят тогда.

«Бие утлуувч

Санаа утлухгуй» [Монгол ардын зүйр..., 2011, с. 35].

Организм стареет,

А душа не стареет. Ведь старение – это закономерный процесс. Часто говорят о людях «душой молоды». До конца жизни ум человека бывает светлым, мыслит по-молодецки.

«Хугшин хун суун жаргаж

Залуу хүн яван жаргана» [Монгол ардын зүйр..., 2011, с. 37].

Старый наслаждается, когда сидит,

Молодой наслаждается, когда идет. Тут речь идет о различии в движении старого и молодого. Один сидит, другой идет, однако оба счастливы.

«Увгуд унгурсуну дурсаж амьдрах
Залуус ирээдүйгээ зугнуж амьдрах» [Шагдарсүрэн, 2012, с. 138].

Старые живут, вспоминая прошлое,

Молодые живут, мечтая о будущем. Смысл действительно ясен и понятен. Вспоминая прошлое, старые люди критически относятся к пройденной жизни, оценивают свою жизнь, выявляют ее минусы и плюсы. Молодых ведет мечта или фантазия. Без мечты и фантазии нет и жизни лучшей.

Выводы

Значительная часть рассмотренных пословиц посвящена роли и функции старшего поколения: их наставлениям и поучениям для молодежи, воспитанию молодого поколения, формированию его мировоззрения. Другая часть – заботе и уходу за старшими, это и есть долг и обязанность их детей, внуков и правнуков. Малая часть пословиц и поговорок – нормам поведения старших. Частое обращение молодежи, особенно студентов и рабочих, даже школьников к устному народному творчеству имеет большое значение в их правильном выборе жизненных путей, в укреплении у них активных жизненных позиций, в формировании патриотизма и любви к Родине и родному языку и культуре.

Библиографический список

Попков Ю.В. Современные ценности монгольской и русской студенческой молодежи Большого Алтая: доклад на V междунар. летней школе студентов. Ховд, 2007.

Монгол ардын зүйр цэцэн угийн зүйл хуваасан бэсрэг толь / сост. Минь Ньми. Улаанбаатар, 2011.

Шагдарсүрэн А. Монгол ардын зүйр цэцэн угсийн хоймсон хураангуй. Улаанбаатар, 2012.

А.В. Шмидт, В.В. Пермяков

МБУ «Шурышкарский районный музейный комплекс», Мужы, Россия

ИЗУЧЕНИЕ ОБЪЕКТОВ ДЕРЕВЯННОГО ЗОДЧЕСТВА НА ЯМАЛЕ

Шурышкарский административный район расположен в приполярной зоне, на юге Ямало-Ненецкого автономного округа. Почти всю его территорию занимает тайга, рассеченная на части дельтой Оби и ее притоками (рис. 1). Эта область уже много веков является зоной проживания северных хантов.

Населенные пункты района, расположенные преимущественно по берегам рек и проток, можно разделить на три основных группы.

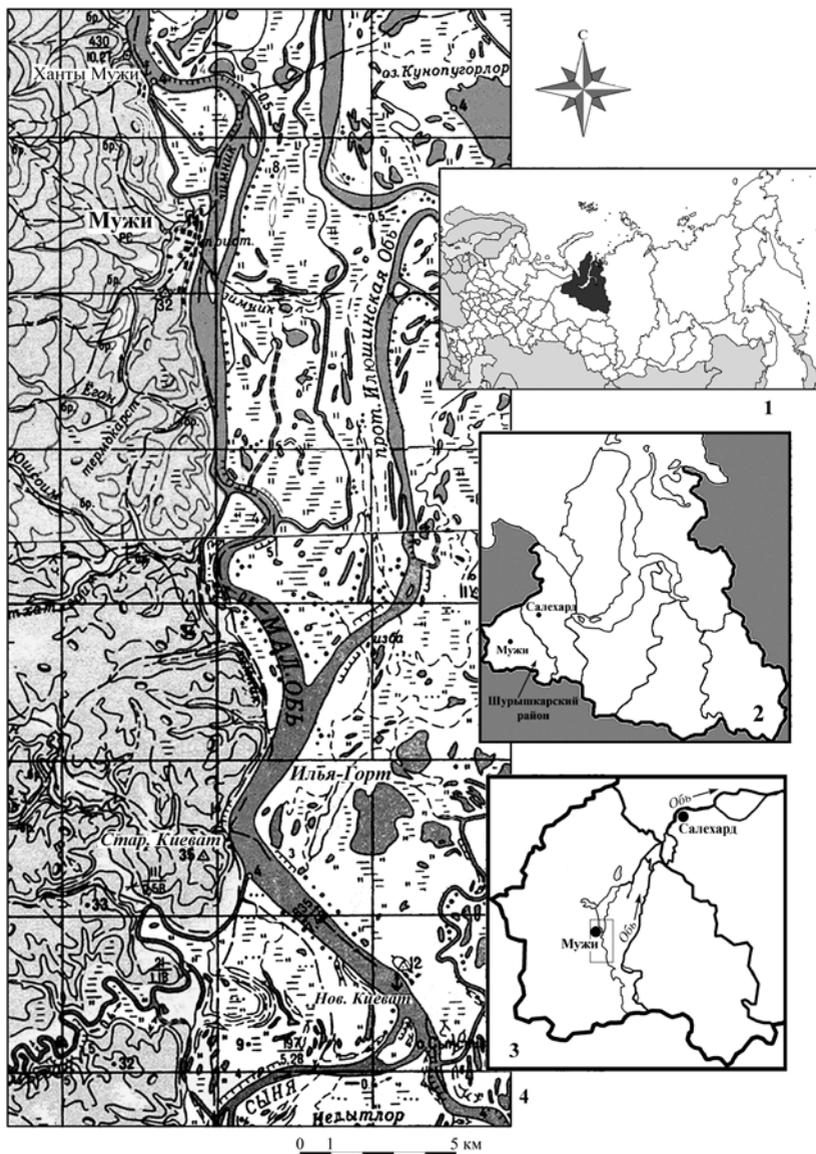

Рис. 1. 1 – расположение Ямало-Ненецкого автономного округа на карте России; 2 – расположение Шурышкарского района на карте Ямало-Ненецкого автономного округа; 3 – план-схема Шурышкарского района; 4 – расположение с. Мужи, Ханты-Мужи, Илья-Горт

К первой относятся деревни и села, где постоянно (круглогодично) проживает от нескольких десятков человек до нескольких тысяч. Многие здания здесь построены по современным технологиям без учета национальных традиций коренного населения.

Ко второй группе мы отнесли населенные пункты, имеющие сезонную хозяйственную направленность и посещаемые, как правило, в промысловый период (охота, рыбалка, сбор дикоросов). Здесь присутствуют преимущественно старые постройки, выдержанные в национальном стиле.

К третьей группе отнесены поселки, окончательно покинутые местными жителями. Порядок в них уже не поддерживается, в связи с чем жилые дома и хозяйственные постройки медленно разрушаются под воздействием природных сил, а территория зарастает густым бурьяном. Строения на таких покинутых населенных пунктах возведены в соответствии с национальными традициями и сейчас являются уникальными источниками информации о деревянном зодчестве народа ханты.

В начале лета 2013 г. авторы данной статьи, сотрудники МБУ «Шурьшкарский районный музейный комплекс» в рамках реализации МДЦП «Развитие природно-этнографического парка-музея «Живун» на 2011–2015 годы» провели детальное обследование трех населенных пунктов: Нянингорт, Шомапугор-горт, Илья-Горт. Основная цель экспедиции – выявление, обмер, описание памятников деревянного зодчества народа ханты, чтобы в дальнейшем иметь возможность воссоздать их на территории парка-музея.

Первые два поселения отнесены нами ко второй группе. Они регулярно посещаются аборигенным населением. Дома ремонтируют и по необходимости перестраивают. Оба комплекса расположены к северо-северо-востоку от с. Мужы на обской протоке Шомапосл. Их детальное описание станет предметом будущих публикаций. Данную статью авторы посвятили заброшенному уже более 30 лет поселению Илья-Горт, отнесенному к третьей группе.

Илья-Горт – небольшое старинное зимнее селение народа ханты, расположенное в правобережье р. Малая Обь на протоке Илья-Гортпосл, в 17 км к юго-юго-востоку от с. Мужы [Самсонова, 2012]. Место, где расположен поселок, представляет собой пугор (останец) внутри обской поймы, вытянутый по линии ССВ–ЮЮЗ, с абсолютной высотой 15,5 м (на плане выделен темным; рис. 2.-1). Размеры останца, почти целиком покрытого лесом, составляют 3,2x0,3 км. Его со всех сторон окружают протоки, сора, озера и болота. Само поселение расположено на северной оконечности пугора на северо-западном четырехметровом обрывистом берегу.

Традиционно ханты предпочитали селиться так, чтобы с запада и севера поселок прикрывал лесной массив. Однако Илья-Горт наоборот, обращен в северо-западный сектор. То есть в то направление, откуда зимой приходят наиболее суровые и холодные ветра. Это принципиально отличает его от большинства других поселений региона. Такое расположение

компенсировалось уникальными природными условиями, которые позволяли в одном районе аккумулироваться богатым пищевым ресурсам.

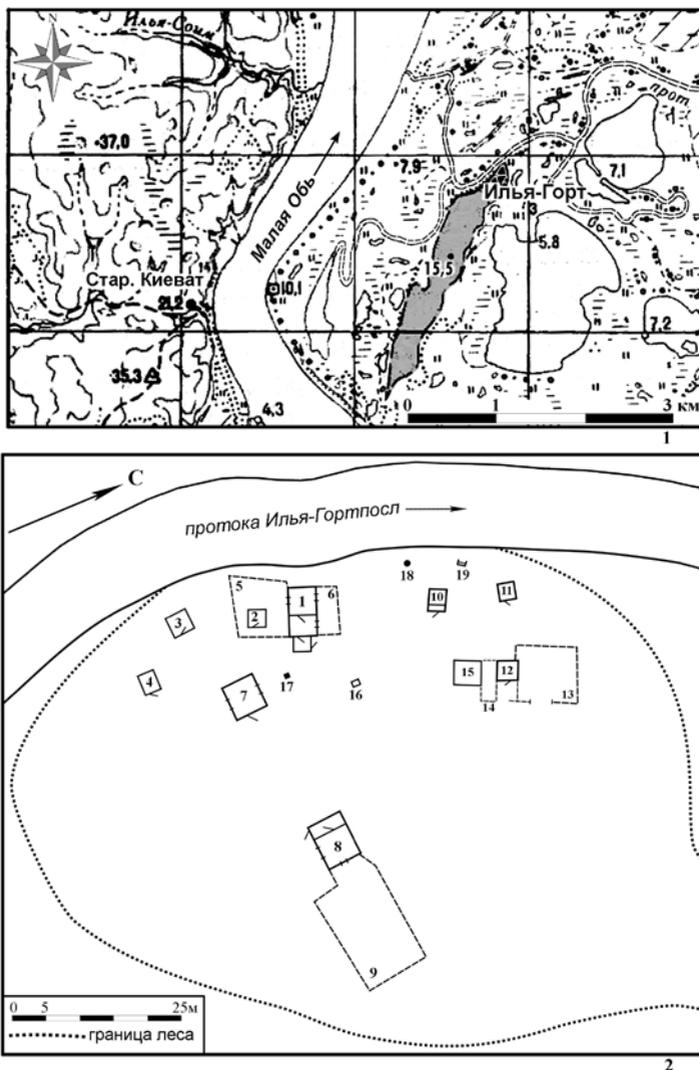

Рис. 2. 1 – место расположения д. Илья-Горт; 2 – план-схема д. Илья-Горт

В начале июня 2013 г. авторами на территории поселения зафиксировано три зимних жилых дома, культовые и хозяйственные постройки (всего пять строений), загоны для скота, обвалившаяся землянка, а так-

же различные приспособления хозяйственного назначения (рис. 2.-2). В первую очередь обращает на себя внимание многообразие архитектурных вариантов, зафиксированных в деревянном зодчестве деревни.

Объект №1. Зимний двухкамерный дом, выполненный из «кругляка», с соединением венцов стен в углу «в обло» (в чашу) (рис. 2.-2; на плане №1). Концы венцов неотторцованы. Длина строения без пристроя 8,4 м, ширина 4,3 м. Окна расположены на боковых сторонах дома: два на северной стене, по одному в каждой камере, одно на южной стене – в жилой комнате. Выход располагается в торцовой стороне дома, ориентирован на юго-восток – от реки. Ханты традиционно выход из дома обращают к реке. Однако в данной ситуации такое отступление обусловлено местом расположения поселения. Вход в дом «спрятан» от наиболее суровых ветров, дующих из северо-западного сектора в зимнее время. Дверь выполнена из досок, открывается наружу. Дом имеет бревенчатый пристрой с плоской покатой крышей, выполненной из колотой плахи и горбыля. Выход из него обращен на северную сторону. Кровля выполнена из досок в два ряда, между которыми проложена толь. Видимо, осуществлялся ремонт.

В конструкции камер существуют принципиальные отличия. В жилой комнате верхние фронтальные бревна (самцы) стесаны под скат крыши. Двускатная кровля крепится на 11 слегах. Крыша двойная, дощатая. Внутри кровли в качестве теплоизоляции насыпан песок, поверх которого уложено сено (земляная крыша).

В нежилой, передней комнате, чердачное помещение отсутствует. Крыша дощатая одинарная, без песчаной прослойки. Кровля крепится на пяти потолочных балках. Фронтон, обращенный на улицу, выполнен из досок.

С внешней стороны, возле входа, гвоздями прибита металлическая табличка, на которой написано: «Здесь живет участник Великой Отечественной войны Сухарин Михаил Гаврилович». Вдоль боковых стен с обеих сторон дома прослеживаются остатки ограды (объекты №5 и 6). Возможно, это был загон для скота.

В 3-х м к югу от дома Сухарина, внутри загона расположен священный лабаз на четырех ножках (объект №2). Сруб имеет почти квадратную форму – 2,5х2,7 м, высота ножек 0,65 м. Он выполнен из колотой плахи, соединением стен «в охряпку». Концы венцов отторцованы. Задняя стенка раньше была укреплена по центру стяжкой. Верхние фронтальные доски (самцы) стесаны под скат крыши. Крыша двускатная дощатая, крепится на семи слегах. Вход расположен в восточной стенке лабаза, смотрит от реки. Дверь навесная, выполнена из досок, открывается вовнутрь.

В 7,5 м к юго-юго-западу от лабаза на ножках расположен наземный священный лабаз (на плане №3). Его размеры 2,85х2,85 м. Строение выполнено из колотой плахи, соединение стен в углах «в охряпку». Концы венцов отторцованы. Объект стоит на фундаменте в виде окладника

в один венец. Задняя стенка раньше крепилась по центру стяжкой. Верхние фронтальные доски (самцы) стесаны под скат крыши. Двускатная дощатая кровля сейчас полностью провалилась. Вход в лабаз обращен от реки. Дверь навесная, выполнена из досок, открывается вовнутрь.

В 5,5 м к юго-востоку от объекта №3 расположен наземный священный лабаз, сложенный из «кругляка» (№4). Его размеры 2,85x2,4 м, углы стен соединены «в обло». Венцы неотторцованы. Сруб поставлен на окладник, высотой – в два венца. Верхние фронтальные бревна стесаны под скат крыши. Крыша двускатная, самцовая, сейчас (после ремонта) крепится на 4-х слегах. Кровля выполнена из досок. Крыша в настоящий момент частично провалилась. Вход располагается в торцовой стене, ориентирован от реки. В семи метрах к юго-западу от лабаза начинается лесной массив.

Еще один зимний жилой дом 4,7x4,7 м (объект №7) расположен в 8 м к юго-юго-востоку от двухкамерного строения. Он выполнен из бревен, концы венцов отторцованы. Бревна в углах сруба соединены двумя способами – «в чашу» и «в охряпку». Какой-либо последовательности в чередовании обоих способов не прослеживается. Окна расположены на боковых сторонах дома, по одному на каждой стене. Выход из дома находится в торце строения. Он ориентирован на восток, от реки. Дверь выполнена из досок, открывается наружу. Кровля двухскатная, дощатая, уложена на стропила. Конёк закрывает охлупень. Фронтон оформлен вертикально приколоченными досками. В качестве теплоизолятора между чердаком и жилой комнатой использовался песок.

Третий зимний жилой дом (объект №8) расположен в 18 м к востоку от объекта №7. Размеры строения 4,7x4,5 м. Он выполнен из бревен, углы отторцованы. Здесь также прослеживаются две традиции крепления бревен. Нижние семь венцов соединены «в обло», остальные восемь – «в лапу». Выход из дома обращен на запад, к реке. Но, чтобы «спрятать» его от зимних холодных ветров, перед дверью сооружен дощатый пристрой, выход из которого ориентирован на юг. Длина от входа в сени до задней стенки 4,2 м, ширина пристроя 2,3 м.

Строение имеет два окна, одно в боковой, второе в задней стене. Подобное расположение является отступлением от традиций деревянного зодчества народа ханты. Задняя стена дома считается священной. Здесь могут храниться вещи, на которые женщинам смотреть нежелательно. Соответственно сооружать в этой стене окно считается неправильным действием. Видимо, такое расположение оконного проема было подчинено практическим соображениям. За домом находился загон для скота (объект №9) и окно в задней стене позволяло следить за животными. Крыша двухскатная из досок, уложена на стропила. Фронтон оформлен из вертикально приколоченных досок. Вход на чердак расположен с тыльной стороны дома. На перекрытие между чердаком и жилым помещением уложен современный синтетический теплоизолятор.

В 16 м к северу от дома №1 расположена землянка (объект №10) размерами 3,3х2,3 м. Сооружение имеет предвходовую часть в виде тамбура шириной 2,3 м, длиной 1,0, высотой приблизительно 1,3 м, сложенного из «кругляка». Соединение венцов «в обло», бревна не отторцованы. Дверь выполнена из досок, открывается наружу. Крыша у тамбура плоская, сложена из горбыля и колотой плахи. Жилое помещение имеет квадратные очертания 2,3х2,3 м. Крыша двухскатная дощатая, перекрытая поверх толью. Высота конька от уровня земли, до того как кровля упала, составляла примерно 0,6 м.

В 8 м к северу от землянки расположен наземный священный лабаз (на плане №11). Его размеры 2,45х2,5 м. Строение выполнено из колотой плахи, соединение стен в углах «в охряпку». Концы венцов отторцованы. Объект стоит на фундаменте в виде окладника в три венца. Верхние фронтальные доски (самцы) стесаны под скат крыши. Двускатная дощатая кровля базируется на семи слегах. В качестве водоизолирующего материала крышу подстилает прошенная береста. Конёк строения венчает охлупень. Вход в лабаз обращен от реки. Дверь навесная, выполнена из досок, крепится на деревянных шарнирах, открывается наружу.

Целый комплекс хозяйственных сооружений расположен в 9 м к востоку от объекта №11. Центральное место в нем занимает двухэтажный амбар (№12), к сожалению, на данный момент сильно разрушенный. Строение выполнено из бревен, соединенных преимущественно «в обло». Хотя некоторые из них имеют крепление «в охряпку». Концы венцов не отторцованы. Размеры амбара 2,7х3,0 м. Высоту строения сейчас определить сложно. Она составляла 17 венцов, плюс двухскатная крыша, выполненная из досок. По нашим оценкам, общая высота сооружения была примерно 4,6 м. Фронтон сложен из колотой плахи. Вход, как на первый, так и на второй этаж, располагался в восточной стене, т.е. от реки. Дощатое перекрытие между ярусами было просыпано песком, поверх которого уложили солому. Под полом первого этажа, по всей видимости, находился ледник. С севера к амбару примыкает загон для скота (объект №13), а с южной стороны расположены остатки предположительно стойла (№14) и фундамент (бревенчатый окладник) от еще одного строения (объект №15).

Возле задней стенки амбара обнаружено четыре рыбацких ящика, заполненных пустыми бутылками. Это свидетельствует о высоком сакральном статусе строения.

На сегодняшний момент Илья-Горт всего второй поселок Шурышкарского района, в котором обнаружен двухэтажный амбар. Три похожих строения есть в деревне Вершина Войкар [Этническая..., 2008, с. 81], аналог одного из них воссоздан в природно-этнографическом парке-музее «Живун».

Помимо вышеперечисленных объектов, на территории деревни находятся летняя печь, сделанная из расколотых печных чугунных плит (№16); летний холодильник 0,6х0,4 м, исполненный из листов плоского шифера

(№17); коптильня, сделанная из бочки (№18); скамья из колотой плахи с видом на протоку (№19). Последний объект имеет спинку и подлокотники.

Предварительный анализ деревянных построек деревни Илья-Горт показал, что наиболее старые объекты расположены вдоль береговой линии. Зимние дома 2 и 3 (объекты №7 и 8) появились здесь в более позднее время и воздвигнуты со значительными отклонениями от традиций деревянного зодчества народа ханты.

В настоящий момент берег, на котором расположился Илья-Горт, постепенно осыпается. До ближайшего дома (объект №1) осталось не более трех метров, и, как следствие, постройка своей задней стенкой сильно накренилась в сторону обрыва. Попытки подпереть ее являются временными мерами.

В связи с угрозой утраты уникальных сооружений деревянного зодчества народа ханты авторы данной статьи выступили с инициативой воссоздать на территории Природно-этнографического парка-музея «Живун» наиболее интересные строения: двухкамерный дом, лабаз на четырех ножках, священный наземный лабаз из «кругляка», землянку, двухэтажный амбар.

Говоря в целом, интенсивная эрозийная деятельность Оби, ее проток и притоков – не единственная угроза для поселений второй и третьей группы. В августе 2013 г. в результате лесного пожара полностью уничтожен Нянингорт. Это произошло спустя всего два месяца, как авторы данной статьи детально обследовали данный поселок. Эти события свидетельствуют о том, что работу по изучению покинутых деревень необходимо продолжать.

Библиографический список

Самсонова О.Г. Илья-Горт. Деревня на дивном пугоре // Северная панорама. 05.05.2012. №18.

Этническая архитектура и традиционное природопользование в проекте музейной экспозиции под открытым небом. Концепция Природно-этнографического парка-музея «Живун». Мужж; Екатеринбург, 2008. 100 с.

РАЗДЕЛ 4. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ОБЪЕКТОВ НАСЛЕДИЯ В СФЕРЕ КУЛЬТУРНОГО ТУРИЗМА

В.М. Кимеев

Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия

ПЕРСПЕКТИВЫ СОЗДАНИЯ МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА «СТАН-БЕХТЕМИР» В БИЙСКОМ РАЙОНЕ АЛТАЙСКОГО КРАЯ

В окрестностях села Стан-Бехтемир, санатория «Рассветы над Бией» и турбазы «Крутые Горки» Бийского района Алтайского края еще в 1929 г. сотрудником Бийского краеведческого музея С.М. Сергеевым были произведены случайные сборы керамики и каменных орудий в обсыпающей боровой террасе р. Бия. Позднее в 1960–1980-х гг. фонды Бийского краеведческого музея пополнились сборами А.М. Маркова, Б.Х. Кадикова, А.И. Скопинцева с дном этой же боровой террасы реки Бия предметов эпохи неолита, бронзы, раннего железа и средневековья. В результате в список памятников Бийского района вошло многослойное **поселение «Стан-Бертемир»** площадью 8,5 тыс. кв. м с пятью округлыми западинами до 8 м в диаметре. На поселении археологами была найдена керамика VI–II вв. до н.э. и I тыс. н.э., а также керамика и каменные орудия IV–III тыс. до н.э. В настоящее время материалы частично хранятся в Бийском краеведческом музее, в музее АГУ и НПЦ «Наследие» [Кунгурова, 2006, с. 20]. Часть поселения в непосредственной близости от западин без всякого проекта и согласования с органами охраны в 1910 г. была занята так называемой «экспозицией музея санатория» в виде двух бетонных фигур казаков-землепроходцев сомнительного художественного исполнения и дозорной башней с забором-чastoколом в память о существовавшем в XVIII в. Бехтемирского станца, от которого и пошло современное название села – Стан-Бехтемир.

Второй археологический памятник был зафиксирован на возвышенной золовой гряде береговой террасы р. Бия у сельского кладбища – **городище «Стан-Бехтемир»** (или Енисейское-5) овальной формы площадью 65х43 м и состоящее из 11 западин диаметром от 5 до 8 м и рва шириной 0,2–0,3 м. Датируется городище I тыс. н.э. В настоящее время городище, окруженное заметным рвом, рассечено асфальтовой дорогой в санаторий. Материалы находок на городище хранятся в НПО «Наследие» (Барнаул) и в фондах Бийского краеведческого музея [Кунгурова, 2006, с. 18].

Третий археологический памятник – **поселение «Енисейское-3»** эпохи раннего железа I тыс. н.э. расположен на мысовидной оконечности боровой левобережной террасе высотой 10–15 м устья ручья Бехтимирка, впадающего в заболоченную старицу в 0,5 км к северо-западу от

санатория. Поселение было обследовано в 1990 г. М.Т. Абдулганеевым [Кунгурова, 2006, с. 16].

За пределами соснового бора на правобережной террасе в устье ручья Бехтемирка в 1990 г. М.Т. Абдулганеевым было открыт четвертый археологический памятник – **поселение «Енисейское-2»**, состоящее из 4-х жилищных западин 8x8 м эпохи неолита VI–V вв. до н.э. [Кунгурова, 2005, с. 16]. Часть террасы при строительстве дороги к горнолыжному комплексу санатория была варварски срыта бульдозером.

В 2,5 км от санатория на возвышенной второй надпойменной террасе р. Бии в 1920-х гг. сотрудником Бийского краеведческого музея М.Д. Копытовым был открыт, а в 1990 г. М.Т. Абдулганеевым нанесен на план пятый памятник – **курганная группа «Енисейское-4»** (15 земляных насыпей диаметром 7–15 м, тянувшихся двумя цепочками на 180 м) эпохи бронзы IV–III в. до н.э. При аварийных раскопках в 1991 г. пяти курганов было выяснено, что могилы имели деревянные обкладки, настилы и перекрытия с останками костяков человека и коня в подбое. В могилах найдены сосуды с узкой горловиной и кувшинами, украшенными налепными валиками, а также бронзовые и костяные пряжки [Кунгурова, 2005, с. 16].

В 3 км к западу от санатория в 1960 г. С.Ф. Дубининым в стенке лога, прорезавшего высокую террасу Бии у современной турбазы «Крутые горки», случайно был обнаружен шестой археологический памятник – **палеолитическая стоянка Стан-Бехтемир**. В устья безымянного ручья этого лога на мысе найдены два десятка каменных изделий: крупные скребла, скребки, острие, нуклеусы, кости лошади. Место хранения находок неизвестно.

В 2006 г. на небольшой поляне в сосновом бору недалеко от лестничной площадки художественный руководитель санатория А.Н. Шерпаев по инициативе директора соорудил жилище кумандинцев в виде алтайского жердяного конического чума – *аланчик*, а рядом были установлены деревянная скульптура «Темир Бека – хранителя железа» и беседка для отдыхающих. На другом краю дюнной поляны соорудили без какого-либо эскизного проекта два жертвенника *тайелга*, каждый из которых представляет собой прикрепленную к сосновому стволу жердь с накинутаой лошадиной шкурой и черепом. Между жердями сооружен жердяной стол для жертвоприношений, куда отдыхающие санатория выкладывают кости животных. Между жертвенниками сложена невысокая куча камней с воткнутыми в вершину кучи прутьями, напоминающая монгольское *обо*. Между двух сосен у одного из *тайелга* на высоте около 2 м укреплен жердяной навес неясного назначения с жердяной лестницей. В распадке у лестничного схода в санаторий в 2011–2012 г. в развитие «музейной экспозиции» санатория установлены деревянные идолы, символизирующие славянских языческих богов с пояснительными текстами [Кимеев, Шерпаев, 2011, с. 165].

В 2012 г. в устье притока Бийской старицы – р. Бехтемирки в результате визуального осмотра террасы с сохранившимися остатками

фортификационных сооружений и сопоставления с чертежом станца 1756 г. А.В. Шерпаевым и В.М. Кимеевым было определено местонахождение Бехтемирского станца XVIII в. В настоящее время эта площадка на несколько возвышенной террасе площадью 120x80 м частично заросла кустарником. С напольной стороны прослеживается вал с углублением в месте ворот. Внутри станца – фундаменты казарм; дома офицеров, провиантского магазина – в восточном углу станца и конюшни – у северной стороны (рис.). В непосредственной близости к площадке станца проложена грунтовая дорога от санатория «Рассветы над Бией» до горно-лыжного комплекса, обустраиваемого зимой на крутом склоне террасы реки Бия [Кимеев, 2012, с. 26; Огурцов, 2011, с. 199].

Раскопки площадки стана на первой надпойменной террасе реки Бия позволили бы в дальнейшем произвести графическую, а затем натуральную реконструкцию оборонительного комплекса и служебных построек (казарм, офицерского дома, конюшни). В некоторых постройках возможно восстановление интерьера и размещение тематических фотодисплеев. Однако, по странной традиции, в Бийском районе в 2013 г., как обычно, без всякого согласования с органом охраны и без отвода земли часть площадки станца была захвачена и застроена хозяйственными постройками турбазы «Крутые горки», что привело к полному уничтожению памятника.

В непосредственной близости к памятнику по правому берегу реки Бия располагаются села Стан-Бехтемир и Ново-Ильинское, имеющие богатую историю начиная с XVIII в. Есть памятники, связанные с Гражданской войной 1918–1921 г., и обелиски погибшим односельчанам в Великую Отечественную войну. Население поселений отчасти сохранило фольклорные традиции и положительно относится к созданию музея-заповедника как способу сохранения природного окружения и открытия новых рабочих

мест за счет развития регионального туризма [Беззубов, 2005, с. 393]. В зонах охраны будущего музея-заповедника мог бы войти комплекс археологических памятников от палеолита до средневековья, а также редкие виды растительности и животного мира, что спасло бы их от верной гибели. Заниматься этим должны органы охраны наследия Алтайского края и сотрудники Бийского краеведческого музея, но им, видимо, не до этого.

Нахождение в непосредственном соседстве памятников наследия с санаторием «Рассветы над Бией», а также туристической базой «Крутые горки» и минерального священного источника позволило бы значительно расширить и обогатить сложившуюся рекреационную территорию в непосредственной близости к Бийску. После ремонта имеющийся дороги по правобережью реки Бия до Телецкого озера могла появиться возможность замкнуть существующий туристический маршрут от Горной Шории.

Библиографический список

Беззубов П.Н. Село Стан-Бехтемир // Бийский район. История и современность / отв. ред. Т.К. Щеглова. Барнаул, 2005. Т. 2. С. 392–396.

Кимеев В.М. Проблемы музеефикации памятников историко-культурного наследия долины реки Бии // Борис Хатмиевич Кадиков – археолог, историк, краевед: мат. межрегион. науч.-практ. конф. Бийск, 2012. С. 20–27.

Кимеев В.М., Шерпаев А.Н. Экомузей-заповедник «Стан-Бехтемир» (история создания, архитектура и функции) // Музей и наука: к 35-летию музея «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского государственного университета: мат. Междунар. науч. конф. (10–12 ноября 2011 г., г. Кемерово). Кемерово, 2011. С. 164–167.

Кунгурова Н.Ю. Древнейшее прошлое района. Археологические памятники Бийского района // Бийский район. История и современность / отв. ред. Т.К. Щеглова: в 2 т. Барнаул, 2005. Т. 1. С. 10–39.

Огурцов А.Ю. Бехтемирский укрепленный линейный опорный пункт (УЛОП) как объект структурно-функционального анализа // Музей и наука: к 35-летию музея «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского государственного университета: мат. Междунар. науч. конф. (10–12 ноября 2011 г., г. Кемерово). Кемерово, 2011. С. 194–200.

М.Ю. Кузеванова, Т.Г. Гребенникова

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

РОЛЬ РЕГИОНАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТСКОГО МУЗЕЯ В АКТУАЛИЗАЦИИ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (региональный конкурс, проект №14-11-22001 «Энциклопедия музеев Алтайского края»)

Университетские музеи представляют собой группу специализированных учебных музеев различного профиля, которые создаются для повышения эффективности учебного процесса, обеспечения его

наглядности и предметности. Одновременно такие музеи выступают научно-исследовательскими подразделениями. Университетские музеи появляются в процессе развития отечественной науки и системы преподавания [Российская музейная энциклопедия, 2001, с. 283–284]. Музей, возникший в 1683 г. в Оксфордском университете, создал первый прецедент использования музейных коллекций в обучении. На протяжении XVIII – первой половины XIX в. учебный музей существовал в единственном – университетском – варианте [Сотникова, 2004, с. 70–78]. За это время университетскими музеями был накоплен огромный опыт, направленный не только на научное исследование коллекций, но и на оптимизацию обучения в высшей школе, обеспечивая связь теории и практики.

Первые университетские музеи в Европе и России по составу коллекций были преимущественно естественно-историческими. В России университетские музеи создавались в соответствии с университетскими Уставами, а также по инициативе частных лиц, ученых, меценатов, в результате выставочной деятельности (Российская музейная энциклопедия, 2001, с. 283–284). В 30–40-е гг. XIX в. университетским уставом предусматривались в качестве обязательных ботанические, минералогические, зоологические, сельскохозяйственные, анатомические музеи, музеи изящных искусств и древностей. Выделению многообразия профильных групп университетских музеев в России способствовала дифференциация научного знания, развитие новых научных дисциплин [Таран, 2005]. XX век еще больше расширил профилизацию университетских музеев.

Появление вузовских музеев в Сибирском регионе было определено основанием первого высшего учебного заведения в азиатской России – Томского государственного университета (ТГУ), учрежденного в 1878 г. Университет был создан и развивался как центр образования и науки [Труды музея..., 2002, с. 3]. Не случайно одновременно с ТГУ были открыты в 1888 г. музеи: зоологический, археологии и этнографии Сибири, минералогический, анатомический, ботанический (кабинеты), ботанический сад. Следует отметить, что музейный комплекс ТГУ сформировался в основном в конце XIX в. и до сих пор является важной составляющей учебного и научного процесса [Олейник, 2009, с. 143].

История музеев высших учебных заведений Алтайского края начинается с середины 1950-х гг. Первый вузовский музей в Алтайском крае был основан в 1954 г. Это был музей кафедры анатомии человека Алтайского государственного медицинского университета (до 1994 г. – института), основанный одновременно с самим учебным заведением и кафедрой анатомии человека АлтГМУ. Музей был организован как учебный с целью обеспечения наглядности в учебном процессе, для проведения практических занятий [Олейник, 2009, с. 144].

Примером вузовского музея, функционирующего на Алтае уже более 25 лет, является Музей археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета в Барнауле. Первым этапом формирова-

ния музея стало развертывание (открытие) археологической экспозиции к приезду члена ЦК КПСС Гейдара Алиевича Алиева. Экспозиция и первичное фондохранилище Музея археологии Алтайского государственного университета были созданы в феврале 1985 г. Это была первоначальная экспозиция музея, приуроченная к приезду Г.А. Алиева и завершенная в течение двух недель. Несмотря на то, что работа велась быстрыми темпами, археологами был отобран и размещен в соответствии с систематическим принципом экспонирования уникальный материал, охвативший все известные в регионе археологические эпохи и культуры.

Появление Музея археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета и его фондового собрания не было бы возможным без развития археологической науки в Алтайском государственном университете. Ю.Ф. Кирюшин стал основателем, вдохновителем, организатором и исполнителем одного из самых мощных сегодня в университете научно-исследовательских направлений, фактически создал региональную археологическую научную школу [Нехведавичюс, 1990; Горбунов, 2009; Кунгуров, 2013]. В 1978 г. была создана Лаборатория археологии в Алтайском государственном университете, деятельность которой способствовала накоплению материалов и, в конечном итоге, появлению уникального по своему собранию вузовского музейного центра.

Собрание Музея археологии и этнографии Алтая ежегодно пополнялось, данный процесс традиционно проходил две стадии – комплектование коллекции во время археологических полевых работ (разведок или раскопок) и ее оформление при передаче коллекции на хранение. За год коллекция пополнялась на 1–40 тысяч единиц хранения. Собрание музея делится на отдельные коллекции, соответствующие исследованным археологическим памятникам, и хранится в соответствии с инвентарными книгами и описями. Действует в Музее археологии и этнографии Алтая АлтГУ и другая форма комплектования фондов музея: передача предметов от частных лиц. Так, например, имеется коллекция С.М. Кобзева (№187), переданная в марте 2002 г. Она включает в себя восемь железных предметов. Еще одним источником комплектования фондов музея является передача находок и коллекций из других музеев. Например, в 2002 г. была передана коллекция из районного музея с. Победа. Всего в этой коллекции насчитывается 22 предмета.

Фонды Музея археологии и этнографии Алтая делятся на несколько блоков. Первый и самый многочисленный – основной фонд археологических коллекций. Содержание этого фонда отражено в «Главной инвентарной книге основного фонда (Книга поступлений музейных предметов (основного фонда) на постоянное хранение)». Кроме того, на каждую коллекцию составлена инвентарная опись. Данная часть собрания насчитывает 656 археологических коллекций, представленных материалами с территории Алтая от эпохи палеолита до эпохи средневековья включительно.

На материалах фондов музея подготовлено и издано значительное количество научных статей, монографий, учебных пособий, что в значительной степени способствует актуализации объектов региональной археологии и распространению сведений о древнейших этапах истории Алтая (например, учебное пособие с грифом УМО «Алтай в эпоху средневековья: иллюстрированный исторический атлас», подготовлен и издан авторским коллективом в составе А.А. Тишкина, В.В. Горбунова, Т.Г. Горбуновой). Абсолютное большинство работ, опубликованных преподавателями и сотрудниками кафедры и лаборатории археологии начиная с 1980-х гг., написаны на местных материалах по Алтайскому краю и Республике Алтай, хранящихся в фондах музея. Особо хотелось бы отметить традиционно большое количество публикаций у специализирующихся по археологии и музеологии студентов и магистрантов, причем как в соавторстве с преподавателями и сотрудниками, так и самостоятельно подготовленных. По этому показателю кафедра археологии, этнографии и музеологии уже много лет является лидирующей на историческом факультете Алтайского государственного университета. Тесная связь преподаваемого теоретического знания и практических материалов музея способствует активному развитию молодежной науки.

Музей предоставляет многочисленные материалы для исследовательской работы студентов. На основе изучения фондов музея студенты пишут курсовые и дипломные работы. На основе материалов музея проводятся археологическая, музейно-технологическая, фондовая студенческие практики, а также практические занятия для студентов, обучающихся по специальности «музеология» и направлению «Музеология и охрана культурного и природного наследия». Студенты учатся работе с фондами, особенностям экспозиционной деятельности, познают тонкости консервации и реставрации археологических находок, осваивают азы музейного проектирования, дизайна и экскурсионной работы. За последние пять лет материалы архива и фондов Музея археологии и этнографии Алтая для выполнения работ по УИРС привлекались 21 студентом по специальности «музеология», 3 – по специальности «искусствоведение» и 32 – по специальности «история» [Перспективный план..., 2014].

Археологические фонды музея становятся основой для написания кандидатских и докторских диссертаций. С фондами музея археологии Алтая ежегодно работают не только сотрудники кафедры и лаборатории археологии, но и специалисты-археологи из многих городов России (более 50 специалистов разных вузов страны). Работали с материалами музея и иностранные специалисты, среди которых особо выделим наших японских коллег, а также американских ученых Роберта Нибуона и Александра Долицкого. Хотелось бы особо отметить расширяющееся международное сотрудничество коллектива алтайских археологов, которое, в частности, увеличивает интерес зарубежных специалистов к

фондам музея и в целом к алтайской археологии. В 1984, 1988, 1990 гг. Алтайским госуниверситетом совместно с Институтом археологии и этнографии СО РАН на территории края проводились экспедиции, в которых участвовали крупнейшие ученые-археологи из различных университетов Японии: Като Кюдзо, Като Симпей, Татцуо Кобаяши, Серидзава и др. Все эти специалисты знакомились с экспозицией музея, работали с его коллекциями [Жирюшин, Шамшин, Нехведавичус, 1994].

Лицом и центром коммуникации музея является его экспозиция, содержание которой отражено в инвентарной книге №3 «Инвентарная книга экспозиционного фонда музея археологии». Также в Музее археологии и этнографии Алтая имеется научный архив (инвентарная книга №2: «Инвентарная книга научного архива Музея археологии Алтая»). В архиве представлено два вида отчетов: по результатам археологических раскопок и по результатам археологических разведок. Они различаются по содержанию, что определяется характером работ. Общее количество отчетов на данный момент – 280, нумерация присваивается в порядке поступления. В целом современное состояние всего собрания университетского археологического музея можно характеризовать как организованное хранение материалов в соответствии с существующими требованиями. На коллекции составлена документация, все упаковочные материалы подписаны. Решен вопрос безопасности музея. Остается открытой проблема организации фондохранилища, площадь и оборудование которого оставляют желать лучшего.

В музее стала регулярной выставочная деятельность. Кафедра археологии, этнографии и музеологии приобщает музей к международным конференциям во многом благодаря стараниям д.и.н., профессора кафедры археологии, этнографии и музеологии А.А. Тишкина. Так, в августе 2011 г. кафедра выступала организатором Международной научной конференции «Древняя и средневековая торевтика Алтая», к которой была приурочена одноименная выставка. К этому же событию на основе материалов музея был издан календарь «Древняя и средневековая торевтика Алтая». В октябре 2011 г. в рамках IV Всероссийского студенческого форума в Музее археологии и этнографии Алтая была подготовлена тематическая выставка «Алтай археологический. Вооружение и снаряжение кочевников Алтая (IX в. до н.э. – XIV в. н.э.)». В сентябре 2012 г. в рамках II Международного конгресса средневековой археологии Евразийских степей проводилась выставка «Алтай средневековый», что позволило музею выпустить буклет. В сентябре 2013 г. была организована выставка «Оружие бронзового века в Сибири». Наряду с ней в начале сентября 2013 г. открылась выставка «Лицом к лицу с древностью», которая была посвящена 25-летию кафедры археологии, этнографии и музеологии исторического факультета. Здесь демонстрировалось оружие бронзового века Сибири, а также портретная галерея антропоморфных изображений [Лицом к лицу с древностью, 2013].

Музеем археологии АлтГУ ведется активная профориентационная экскурсионная работа. Сотрудники проводят научно-образовательные лекции-экскурсии для школьников города и края по теме «Древняя история Алтая». Музей посещают от 2000 до 3000 человек в год. Также сотрудниками музея проводятся следующие лекции-экскурсии: «Алтай в эпоху каменного века (история антропогенеза, палеофауна Алтая)», «Алтай в эпоху бронзы», «Алтай в период поздней древности и раннего средневековья», «Доспех и оружие кочевников в эпоху средневековья» и др. Музейные экскурсии позволяют более широко популяризировать памятники древней истории Алтая, активизируют познавательную деятельность школьников, абитуриентов и студентов, увеличивают круг людей, знающих свою региональную историю [Перспективный план..., 2014].

Открыт сайт университетского музея (<http://altarcheomuseum.wix.com/altai-archeology>), являющийся неотъемлемой частью коммуникации любого современного музейного учреждения. Он отражает его профильное содержание и виды деятельности, что значительно расширяет информационные границы археологических коллекций из памятников Алтая для различных групп аудитории, актуализируя наследие региона.

Библиографический список

Горбунов В.В. 25 лет со времени основания музея археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета // Алтайский край, 2010 г.: календарь знаменат. и памят. дат. Барнаул, 2009. С. 28–30.

Кирюшин Ю.Ф., Шамшин А.Б., Нехведавичюс Г.Л. Музей археологии Алтая как учебно-научное и культурно-просветительное подразделение Алтайского государственного университета // Культурное наследие Сибири: сб. науч. ст. Барнаул, 1994. С. 99–114.

Кунгуров А.Л. Начальные этапы организации Музея археологии и этнографии Алтая при Алтайском государственном университете // Исторический факультет Алтайского государственного университета. 1973–2013: очерки истории / под ред. Е.В. Демчик, Ю.М. Гончарова. Барнаул, 2013. С. 188–190.

Музей археологии и этнографии Алтая [Электронный ресурс]. URL: <http://altarcheomuseum.wix.com/altai-archeology>

Лицом к лицу с древностью // Вечерний Барнаул. 2013. 14 сент. №13. С. 8.

Нехведавичюс Г.Л. Музей археологии Алтая // Охрана и использование археологических памятников Алтая. Барнаул, 1990. С. 136–138.

Олейник Т.Е. История музеев высших учебных заведений Алтайского края // Известия Алтайского государственного университета. 2009. №4–2(64). С. 143–147.

Перспективный план развития Музея археологии и этнографии Алтая. Барнаул, 2014. 40 с.

Российская музейная энциклопедия: в 2 т. М., 2001. Т. 2. 436 с.: ил.

Сотникова С.И. Музеология: пособие для вузов. М., 2004. 192 с.

Таран А.В. Университетские музеи России: прошлое, настоящее, будущее // Обсерватория культуры. 2005. №2. С. 65–77.

Труды Музея археологии и этнографии Сибири им. В.М. Флоринского Томского государственного университета / отв. ред. Э.И. Черняк. Томск, 2002. Т. 1. 398 с.

**О ВОЗМОЖНОСТЯХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ
МУЗЕЕФИЦИРОВАННЫХ ПАМЯТНИКОВ АРХЕОЛОГИИ
В ПОЗНАВАТЕЛЬНОМ ТУРИЗМЕ (Казахстан)**

Подготовлено при финансовой поддержке МОН РК
(проект №0332 ГФ «Истоки степной цивилизации:
комплексные исследования памятников эпохи камня,
бронзы и раннего железного века»)

Сохранение историко-культурного наследия – актуальная необходимость современного общества, основной причиной которого становится стремительная глобализация и, как следствие, разрушение индивидуального культурного облика государства и народа. Историко-культурное наследие является фактором самоидентификации человека, его связи с историческим прошлым. Археологическое наследие, как составная часть историко-культурного наследия, – важнейший источник познания истории, материальное свидетельство прошлого. Результаты археологических изысканий представляют большую ценность для реконструкции некоторых вопросов отечественной истории.

Необходимо отметить, что широкой общественности достаточно тяжело воспринять многие археологические объекты ввиду их внешней непрезентабельности. Большинство археологических памятников остаются лишь объектами научного изыскания, результаты которых освещаются только в научных статьях, отчетах и редко на страницах учебников.

Наиболее оптимальным решением по сохранению и популяризации памятников археологии является их музеефикация. Под музеефикацией в данном случае подразумевается визуальное представление памятников археологии [Мусаева, 2012, с. 28].

На территории Казахстана имеются примеры применения данного метода по отношению к памятникам археологии, в частности это петроглифы Ешкиольмес, Национальный историко-культурный заповедник «Ордабасы», Национальный парк «Алтын-Эмель», Национальный историко-культурный и природный заповедник-музей «Улытау», Национальный историко-культурный заповедник-музей «Азрет-Султан», «Отрарский государственный археологический музей-заповедник», Государственный историко-культурный заповедник-музей «Памятники древнего Тараза», Государственный историко-культурный и природный заповедник «Тамгалы». Среди долгосрочных планов необходимо отметить создание музеев под открытым небом «Боролдайские курганы» на территории Алматинской области, «Берельские курганы» в Катон-Карагайском районе, «Музей ботайской культуры» в Северо-Казахстанской области [Ассонова, 2013, с. 1], музея-заповедника

«Кызыларай-Бегазы» в Карагандинской области [Бейсенов, Мусаева, Жамбулатов, 2012, с. 259]. Однако данные музеи охватывают, к сожалению, не весь объем имеющихся памятников археологии в стране. Многие из них остаются порой без должной защиты в виду своей удаленности от мест проживания населения, что делает их уязвимыми для разграбления и несанкционированных раскопок [Мусаева, 2013, с. 217]. В результате многие памятники теряют свой физический вид и историческую ценность.

Вышеуказанные проблемы могут быть решены в ходе музеефикации археологического наследия. В данной ситуации возможно использование следующих уровней музеефикации:

- музейное экспонирование археологического объекта в закрытом помещении, возводимом над раскопанным объектом [Дробышев, 2011, с. 6]. Преимущество данного метода заключается в возможности дальнейшего изучения памятника, а также в разработанности реставрационной и консервационной методики;

- метод натуральной консервации без внесения значимых изменений в окружающую обстановку памятника;

- культурно-ландшафтный, при котором используется весь комплекс историко-культурного и природного наследия региона;

- территориально-ансамблевый, объектами для музеефикации являются выделенные музейно-экспозиционные участки, которые образуют основной каркас туристического маршрута;

- акцентный, при котором музеефицируются отдельные археологические памятники и археологизированные объекты [Медведев, 2004, с. 25], являющиеся акцентным звеном в общей цепи объектов музейного показа и несущие особую смысловую нагрузку в составе всей экспозиции под открытым небом;

- метод, при котором реконструируемый по сохранившимся деталям памятник восстанавливается на своем месте [Калугина, 2012, с. 19]. Данный метод позволяет воссоздать разрушенный объект и презентовать его широкой общественности.

Таким образом, мы решаем первую задачу – сохраняем памятник археологии для будущих поколений. Обращение к данным памятникам способствует сближению и лучшему пониманию исторического прошлого, использованию исторически важных элементов культурного прошлого.

Вторая задача – создать условия для популяризации памятника и привлекательности его для туристов. В данном случае возможным вариантом является познавательный туризм. Необходимо отметить, что выделение познавательного туризма связано с познавательно-образовательной функцией, в рамках которой человек получает новые и пополняет имеющиеся знания, знакомится с культурой, природой, историей региона и всего государства, а также пополняет свой культурный уровень.

Наиболее успешными вариантами включения музеефицированных памятников археологии в туристические маршруты является создание музеев под открытым небом. Основная цель данных учреждений – разработка новой концепции знакомства и тесного общения человека с материальными свидетельствами истории, с богатством природного и животного мира региона. Такие объекты способствуют улучшению пропаганды и популяризации археологического наследия.

Необходимо также отметить, что обнаруженные археологические находки ежегодно сдаются в фонды региональных и государственных музеев, однако имеющиеся экспозиции в данных музеях не изменяются на протяжении долгих лет. Несомненно, что это негативно сказывается не только на работе самих музеев, но и на отношении населения к истории и культуре государства. Люди теряют интерес, им хочется видеть новое.

Создание же музеев под открытым небом позволит оставить находки, выявленные в ходе исследования данного археологического памятника, и они не будут «спрятаны» в богатейших фондах музеев.

К созданию подобных музеев необходимо подходить по всем правилам маркетинга. В концепциях многих музеев под открытым небом не продумана сфера обслуживания населения и отдыхающих. Создание выставочных залов, презентация музеефицированного археологического памятника в тандеме с развитой сферой отдыха и развлечений является залогом популярности среди населения и соответственно посещаемости.

Кроме того, в рамках музеев под открытым небом возможно создание ярмарок, ремесленных мастерских, что даст возможность возрождению и укреплению позиций традиционных ремесел. Также возможна и демонстрация обычаев и традиций народа с привлечением к театрализованной постановке самих туристов [Бейсенов, Мусаева, Жамбулатов, 2012, с. 273]. Подобные действия вызовут заинтересованность среди общественности, что также благоприятно скажется на развитии музея под открытым небом.

Подводя итог вышесказанному, необходимо помнить, что развитие туризма можно использовать в деле сохранения природного и историко-культурного наследия наших стран. Туризм способен генерировать финансовые ресурсы, которые могут впоследствии использоваться для возмещения расходов на сохранение их же самих.

Таким образом, активное вовлечение музеефицированных археологических памятников в туристскую деятельность, а именно создание музейно-туристских комплексов на базе археологических заповедников, организация научно-туристических программ как фактора, способствующего сохранению и популяризации археологического наследия, соответствующая образовательная и издательская деятельность, все это, наряду с другими не менее важными задачами, остается актуальным и сегодня и в перспективе.

Библиографический список

Ассонова А. Сохранить и приумножить // *Континент*. 2009. №8 [Электронный ресурс]. URL: www.continent.kz/asia_11/15.htm.

Бейсенов А.З., Мусаева Р.С., Жамбулатов К.А. О создании естественно-научного обоснования (ЕНО) проектируемого заповедника-музея «Кызыларай-Бегазы» // *Археология и история Сарыарки*: сб. науч. ст. Караганда, 2012. С. 259–275.

Дробышев А.Н. Музейный парк как форма презентации археологического наследия: автореф. дис. ... канд. культурологии. Тюмень, 2011. 22 с. [Электронный ресурс]. URL: www.kemguki.ru/images/stories/nauka/avtoreferat/drobishev1.pdf.

Калугина С.В. Проблема выбора метода музеефикации археологических памятников // *Археология, этнология и антропология Евразии: исследования и гипотезы*: мат. докл. ЛП Регион. (VIII Всерос. с междунар. участием) археол.-этнограф. конф. студентов и молодых ученых, посвящ. 50-летию гуманитарного фак-та Новосиб. гос. ун-та. Новосибирск, 2012. С. 18–20.

Медведев А.Н. Музеефикация памятников археологии в России. М., 2004. [Электронный ресурс]. URL: <http://restoreforum.ru/biblioteka-restavatora/knigi-o-restavracii/stati-o-restavratsii/278-osobennosti-muzeefikatsii>.

Мусаева Р.С. Реставрация и музеефикация недвижимых памятников как залог сохранения историко-культурного наследия // *Археология, этнология и антропология Евразии: исследования и гипотезы*: мат. докл. ЛП Регион. (VIII Всерос. с междунар. участием) археол.-этнограф. конф. студентов и молодых ученых, посвящ. 50-летию гуманитарного фак-та Новосиб. гос. ун-та. Новосибирск, 2012. С. 28–30.

Мусаева Р.С. К вопросу об определении охранной зоны археологических памятников в Республике Казахстан: сравнительный анализ // *Археологические исследования степной Евразии*: сб. науч. ст. Караганда, 2013. С. 217–225.

И.Н. Роганова, В.С. Тикун

*Алтайский государственный университет, Барнаул;
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
Москва, Россия*

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ АЛТАЙСКОГО РЕГИОНА В АТЛАСЕ «БОЛЬШОЙ АЛТАЙ: ПРИРОДА, ИСТОРИЯ, КУЛЬТУРА»

«Атлас Большого Алтая: природа, история, культура» разрабатывается как междисциплинарная картографическая модель, создание которой осуществляется международным коллективом исполнителей [Rotanova и др., 2014, с. 99–108]. Основная цель Атласа состоит в обеспечении доступа международного сообщества к достоверной пространственной информации о трансграничном регионе Большого Алтая, особенностях его природных условий и историко-культурных ценностей.

Термин «Большой Алтай» символизирует общность и взаимосвязи на обширном географическом пространстве четырех государств – России, Казахстана, Монголии и Китая – многочисленных населяющих его народов. Международное приграничное сотрудничество по Алтае названных государств обусловлено историческими предпосылками. В течение многих веков гигантское горное пространство соединялось культурными, этническими, торгово-экономическими, политическими, миграционными связями. В настоящее время здесь расположено шесть субъектов административно-территориального деления: Алтайский край и Республика Алтай (Россия), Восточно-Казахстанская область (Казахстан), Синьцзян-Уйгурский автономный район (Китай), Баян-Ульгийский и Ховдский аймаки (Монголия). В 1993 г. в целях развития сотрудничества приграничными субъектами был создан Международный координационный совет «Наш общий дом – Алтай», играющий важную роль в укреплении международных связей в регионе [Ротанова, Иванов, 2013, с. 211–214].

Большой Алтай богат археологическими и историко-культурными ценностями, этнокультурным разнообразием, дошедшим до наших дней традиционным жизненным укладом и бытом населяющих его народов. Алтай сегодня – это своеобразный центр евразийской этнокультурной консолидации.

Названные выше факты и факторы объясняют повышенный интерес к Большому Алтаю с позиции многих сфер деятельности, и в первую очередь, как к весьма перспективному региону в плане развития туристско-рекреационной деятельности, в том числе международного приграничного и трансграничного туризма. Идея разработки Атласа возникла на основе имеющихся результатов многолетних работ различных коллективов исследователей, в том числе воплощенных в тематических картах.

Атлас создается на основе современных научно-методических и технологических достижений комплекса наук – географии, биологии, экологии, истории, культурологии, геоинформатики и др., а также веб- и компьютерного и картографирования при сохранении преемственности лучших образцов фундаментальных российских и зарубежных картографических произведений. Новизна и уникальность «Атласа Большого Алтая» предопределяются, исходя из концептуальных положений, лежащих в его основе, и оригинальной тематической структуры. Внутреннее единство Атласа обеспечивается сопоставимостью, взаимодополняемостью и увязкой разделов и отдельных карт, целесообразным выбором проекций и масштабов, едиными установками картографической генерализации, согласованной системой условных знаков и единым дизайном [Ротанова, Тикун, Тишкин, 2014, с. 59–63].

В 2013 г. выполнялся этап моделирования Атласа, формирования координирующей системы управления работами над Атласом в

странах-участницах международного проекта, согласования подходов к его созданию. Этап 2014 г. посвящен разработке программы атласа. При разработке содержания карт Атласа будут использованы современные научные подходы – системный, исторический, культурологический, динамический и др.

В атласе планируется использовать три модели представления информации. В качестве основной – аналитическая (сопоставительная) модель макрорегионального уровня с элементами сетевой (сводные карты территории Большого Алтая); радиальная, отчасти тема-рематическая с переходом от национального (государственного, макрорегионального) уровня к региональному и локальному. И, наконец, матричная, в соответствии с которой организуется блок карт уровня административно-территориального деления (локальный).

В поисках наиболее полной и выразительной подачи картографических сюжетов предполагается использовать несколько методических приемов, наработанных в практике атласного географического картографирования. Так, в пределах всего атласа планируется широко использовать многоуровневое отображение явлений и объектов – на национальном (государственном), региональном, локальном уровнях, соответственно, в разных масштабах. Сравнительный прием широко применим для показа особенностей территории Большого Алтая на фоне других субъектов Российской Федерации, Казахстана, Китая и Монголии.

Картографирование будет выполняться на трех уровнях обобщения информации – аналитическом, комплексном и синтетическом. Аналитические карты дадут возможность вычленения и показа отдельных, наиболее важных, свойств и/или характеристик объектов или явлений картографируемой территории из множества свойств. На комплексных картах не только будет отображена многосторонняя (политематическая) характеристика региона, но дана возможность анализа, изучения связей, взаимодействия, динамики картографируемых объектов и явлений. Синтетические карты в своей основе опираются на интеграцию множества частных показателей, позволяют получать интегральные характеристики картографируемых объектов, отражают типологическое районирование, выделение кластеров, результаты математико-картографического моделирования.

Поставленные задачи создания «Атласа Большого Алтая» требуют решения целого ряда вопросов различного исследовательского уровня: методологического (разработка концепции и понятийного аппарата, выбор приоритетов); научно-методического (разработка структуры, программы атласа и отдельных карт, разработка и создание ГИС и др.), информационного (однородность, доступность и достоверность картографируемых данных) и конструктивного (разработка и составление карт, формирование атласа) и т.д. [Ротанова, Репин, 2013, с. 150–162].

При разработке структуры, содержания и сюжетного наполнения применяется следующий подход – принцип деления атласа на основные (титульные) разделы соответствует названию атласа: Природа, История, Культура.

Названным разделам предворяется вводный раздел, содержащий географические сведения, границы стран и приграничных административно-территориальных единиц – субъектов Большого Алтая, а также изображение региона из космоса.

Раздел «Природа» отражает пространственно-временную информацию о природных условиях, хозяйственном воздействии на природную среду, о качестве окружающей среды в регионе Большого Алтая на начало XXI в. Качество окружающей среды рассматривается как следствие экономического, социального и культурного развития приграничных административно-территориальных субъектов четырех стран, расположенных в пределах горной системы Алтая.

Основная цель раздела «История» – последовательно раскрыть ход исторического процесса развития Большого Алтая с древности до настоящего времени, представить пространственно-временную информацию об историческом наследии региона. Исторический раздел будет включать серию взаимоувязанных карт, раскрывающих этапы заселения и освоения территории: размещение стоянок первобытных людей, ареалы проживания народов, появление государственности, изменение границ государств, изменения в структуре поселений и численности населения, объекты исторического наследия, археологические памятники, военные конфликты, маршруты походов первооткрывателей и экспедиций путешественников и ученых, а также другие сюжеты. Будут учтены и представлены в атласе известные дошедшие до нас картографические произведения прошлых веков [Тишкин, Горбунов, Горбунова, 2011]. Раздел «История» планируется завершить словарем терминов и хронологической таблицей важнейших дат и событий, связанных с территорией Большого Алтая.

Раздел «Культура» состоит из двух подразделов, один из которых посвящен богатому культурному наследию Большого Алтая, а другой – современной культуре. Культура рассматривается как общественное явление и как отрасль социальной сферы. Культурное наследие – один из важнейших современных ресурсов, определяющих социально-экономическое и социально-культурное развитие Большого Алтая на мировом уровне. Карты раздела будут создаваться на базе современной информации и знаний о закономерностях и особенностях распространения и развития региональных и национальных культур, этнографии и фольклора, существующих их взаимосвязях и перспективах взаимодействия в целях сохранения и восстановления культурной среды Большого Алтая. Основные направления сюжетов, отображаемых на картах современной культуры: народное просвещение, литература, театральное искусство, музыка, музейное дело, библиотечное дело, объекты культурного наследия, известные люди (уроженцы Алтая и работавшие на Алтае).

На картах найдут отражение памятники архитектуры и другие различные формы монументального искусства, распространение народных художественных промыслов и ремесел (обработка дерева, металла, камня, кости, стекла, ткачество, вязание и др.). Современная культура включает карты, отражающие сеть и деятельность различных учреждений культуры — театров, музеев, библиотек, архивов, клубных учреждений, высших учебных заведений в сфере культуры.

Планируется создание отдельного блока карт, посвященных познавательному туризму и экскурсиям, показывающих использование объектов культуры в сфере туризма. Так, сюжетом одной из карт будут систематизированные данные о перспективном международном туристском маршруте «Золотое кольцо Алтая», а также информация о придорожной инфраструктуре и сервисе.

Выбранные и согласованные сюжеты карт, а также тематика разделов и подразделов составят основу структуры атласа, компоновку карт, соблюдение логической взаимосвязи элементов содержания карт. Внутреннее единство атласа обеспечивается сопоставимостью, взаимодополняемостью и увязкой разделов и отдельных карт, целесообразным выбором проекций и масштабов, едиными установками картографической генерализации, согласованной системой условных знаков и единым дизайном.

Несмотря на то, что Атлас планируется в традиционном полиграфическом исполнении, при его создании будут использованы геоинформационные технологии. Системность Атласа, целостность его содержания и взаимосвязанность карт будут обеспечены созданием геоинформационной системы (ГИС) Атласа, т.е. его электронной версией.

Электронное атласное картографирование Большого Алтая планируется осуществлять на разных масштабных уровнях, соответствующих территориальному охвату: локальному – 1:10 000, 1:25 000, 1:50 000 (города); субрегиональному – 1:100 000, 1:200 000 (административные районы, сомоны); региональному – 1:1 000 000, 1:1 500 000, 1: 2000 000, 1:2 500 000, 1: 3000 000 (Республика Алтай, Алтайский край, Ховдский аймак и др.); межрегиональному или макрорегиональному – в масштабе 1: 1 000 000, 1: 2000 000, 1: 3000 000, 1: 5000 000, 1:8 000 000 (Большой Алтай в пределах приграничных территорий граничащих стран и др.).

«Атлас Большого Алтая: природа, история, культура» будет иметь важное значение для создания комплексного электронно-картографического образа одного из крупнейших территориальных образований Центральной Азии, внесет существенный вклад в развитие национальных информационных ресурсов России в области истории и культуры.

Библиографический список

Ротанова И.Н., Иванов А.В. Межгосударственное сотрудничество в Алтайском регионе – 10 лет деятельности Международного координационного

совета «Наш общий дом – Алтай» // Охрана окружающей среды и природных ресурсов стран Большого Алтая. Барнаул, 2013. С. 211–214.

Ротанова И.Н., Репин Н.В. Развитие комплексного атласного картографирования на примере двух новых атласов Алтая // География и природопользование Сибири. Барнаул, 2013. Вып. 16. С. 150–162.

Ротанова И.Н., Тикунов В.С., Тишкин А.А. Атлас Большого Алтая: природа, история, культура. Идея и подходы к созданию // Геодезия и картография. 2014. №1. С. 59–63.

Тишкин А.А., Горбунов В.В., Горбунова Т.Г. Алтай в эпоху средневековья: иллюстрированный исторический атлас. Барнаул, 2011. 136 с.

Irina N. Rotanova, Vladimir S. Tikunov, Guldjan M. Djanaleeva, Anar B. Murgazalieva, Chen Xi, Nyamdavaa Gendenjav, Merged Lkhagvasuren Choijinjav. International Mapping Project «The Atlas of Greater Altai: Nature, History, Culture» as the Foundation for Models of Sustainable Development. Geography, Environment, Sustainability, 2014. N1. V. 7. P. 99–108.

А.А. Тишкин

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

О НЕОБХОДИМОСТИ МУЗЕИФИКАЦИИ КУРГАННОЙ ГРУППЫ СРОСТКИ-I

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ
(проект №14-11-22605 «Комплексные археологические
исследования памятника Сrostки-I в предгорьях Алтая»)

Хорошо известный раннесредневековый памятник – курганная группа Сrostки-I – находится на окраине одноименного села в Бийском районе Алтайского края. В 1925 г. на нем были предприняты масштабные раскопки [Неверов, 1991; Савинов, 1996; Сергеев, 1998; и др.]. Сначала археолог-любитель, сотрудник Бийского музея М.Д. Копытов вскрыл более трех десятков могил, проникая в них путем шурфовки центра земляных насыпей. Затем археологический отряд под руководством М.Н. Комаровой в рамках деятельности экспедиции Русского музея исследовал погребения в 11 курганах¹ с помощью устройства раскопов в виде «колодцев» квадратных очертаний. Аналогичным способом работы в 1930 г. осуществлял заведующий Бийским музеем С.М. Сергеев, который составил глазомерный план памятника, обозначив на нем более 60 объектов, сгруппированных в несколько цепочек, вытянутых по преимуществу с юг на север [Горбунов, Ситдинов, Тишкин, 2013, с. 102].

Следует указать, что полная рекультивация раскопов в указанные годы не производилась. Поэтому до сих пор памятник имеет весьма не-

---

¹ С.М. Сергеевым [1998, с. 189] указаны 12 курганов, раскопанных экспедицией С.И. Руденко.

приглядный вид, хотя часть обширного комплекса плотно заросла облелихой, а также другими кустарниками и деревьями. Остальные курганы с обвалившимися ямами в центре располагаются на южном пологом склоне горы Пикет. Такое состояние привлекательной местности даже породило среди местных жителей легенду о том, что имеющиеся воронки – это следы от взорвавшихся снарядов после артиллерийского обстрела территории возвышенности, произведенного с противоположного берега Катуня во время Гражданской войны.

Кратко представленное состояние археологического памятника дополняют современные разрушения, появившиеся в ходе различной деятельности людей. В течение длительного времени опасность рассматриваемому комплексу представлял расширявшийся овраг. В настоящее время процесс активной эрозии прекратился, но в обширной аварийной зоне по-прежнему находятся не только курганы, но и известная палеолитическая стоянка. В данной ситуации они нуждаются в проведении охранных мероприятий. Что же касается курганов, частично раскопанных в довоенный период, то целесообразно осуществить их полные исследования по современной методике полевого изучения объектов археологии. Такой подход обеспечит формирование объективной информации о захоронениях на базовом средневековом памятнике юга Западной Сибири. После осуществления раскопок каждого кургана важной составляющей должна стать частичная их музеефикация, позволяющая восстановить прежний ландшафтный вид местности [Алтайский..., 2007, фото на с. 45] и обеспечить возможность проведения экскурсионно-туристической деятельности. Опыт подобных работ был уже неоднократно реализован под руководством автора статьи на территории Алтая, Верхнего Приобья и Западной Монголии [Тишкин, 2008].

В настоящее время в Сростках продуктивно работает созданный Всероссийский мемориальный музей-заповедник В.М. Шукшина. На наш взгляд, одним из направлений его дальнейшего перспективного развития может стать опора на памятники историко-культурного наследия, расположенные рядом с селом. Дело в том, что на горе Пикет, кроме средневековой курганной группы Сростки-I и Сросткинской палеолитической стоянки, есть и другие разновременные археологические объекты. Возможно, что специальное проведение сплошных обследований ближайших окрестностей дополнит имеющийся список и существенно расширит спектр музейной деятельности. Однако уже сейчас существующие сведения и материалы позволяют наметить программу реализации актуального для края проекта с участием музейных сотрудников и исследователей Алтайского государственного университета (АлтГУ), а также студентов, магистрантов и аспирантов, специализирующихся на кафедре археологии, этнографии и музеологии.

Для начала требуется проведение тщательных архивных и библиографических изысканий. Наиболее актуальной задачей является полно-

ценная обработка археологических коллекций, рукописных источников и фотоснимков, хранящихся в Бийском краеведческом музее им. В.В. Бианки, Государственном Эрмитаже, Институте истории материальной культуры РАН (Санкт-Петербург), в музейных и архивных учреждениях Барнаула, Новосибирска, Томска и, возможно, других городов страны. Особенно важным является развернутая публикация находок, полученных М.Д. Копытовым, который, к сожалению, в ходе своих раскопок не вел необходимой документации. Собрание таких предметов (колл. №849) хранится в фондах Бийского краеведческого музея. В описи указаны 242 наименования. Часть вещей опубликована [Горбунов, Ситдииков, Тишкин, 2013, с. 102–103]. Однако полное издание всех материалов до сих пор так и не состоялось, хотя научная значимость их велика. В отличие от находок М.Д. Копытова, результаты раскопок М.Н. Комаровой и С.М. Сергеева в значительной мере введены в научный оборот [Гаврилова, 1965; Савинов, 1998]. Однако требуется их дальнейшее детальное изучение. Особенно важным станет применение естественно-научных методов, Отдельно планируется проведение сопоставления всех сформированных сведений для возможной идентификации материалов из каждого кургана. Раскопки на рассматриваемом памятнике позволили М.П. Грязнову сначала наметить, а потом обосновать выделение стрончинской археологической культуры [Горбунов, 2012, с. 549–550].

Следующим шагом реализации обозначаемой программы должны стать планомерные археологические исследования, которые позволят не только создать возможность для разворачивания музеефицированных площадок, но обеспечат объективную информационную базу. Такая работа требует серьезных многолетних усилий и существенных финансовых вложений. Начало ее положено в 2012 г., когда были предприняты полные раскопки кургана, получившего обозначение №12. Исследования проводились экспедицией АлтГУ под руководством В.В. Горбунова. В них приняли участие сотрудники Казанского (Приволжского) федерального университета и Института истории им. Ш. Марджани АН РТ. Предварительные результаты опубликованы [Горбунов, Ситдииков, Тишкин, 2013]. Одной из задач осуществленных работ являлось восстановление внешнего вида кургана и окружающего ландшафта. Для этого был разработан специальный план и реализовывалась проверенная методика.

Перед реализацией исследований была осуществлена тахеометрическая съемка видимых курганов и деталей рельефа. Как уже было отмечено, часть объектов сейчас находится в густых зарослях облепихи и их фиксация оказалась невозможной. Все обследованные насыпи оказались земляными, округлой или овальной формы, диаметром от 5 до 18 м, высотой от 0,3 до 1 м. Вокруг некоторых из них просматривались ровики, о которых в свое время писал С.М. Сергеев [1998].

Выбранный курган №12 находился в центральной части памятника. Воронка от ранее произведенных раскопочных работ оказалась

глубиной до 1,1 м. Она была вытянута по линии запад–восток и имела размеры 4,5х2,8 м. Вокруг кургана размечался раскоп прямоугольной формы (11х10 м) с двумя бровками, ориентированными по сторонам света. По окончании бровок закладывались дополнительные траншеи размерами 2х2 м для поиска возможного рва (рис. 1)². Общая площадь вскрытия составила 126 кв. м. В ходе раскопок отдельно подпрямоугольными пластами снимался дерн, который складывался отдельно. Земля насыпи выносилась в другие места. Несмотря на то, что данная работа была трудоемкой, она обеспечивала возможность для восстановления прежнего ландшафтного вида. Снятие насыпи и выборка околочурганного пространства осуществлялись до уровня материка, что позволило выявить три могильных пятна. Их исследование дало возможность получить новые археологические материалы и в определенной мере сопоставить с имеющимися [Горбунов, Ситдилов, Тишкин, 2013].

По завершении работ раскоп кургана №12 подвергся рекультивации и частичной музеефикации (рис. 2). Дерновый слой плотно укладывался от краев раскопа к центру, а насыпь была восстановлена из имевшейся земли. Проведенная работа позволила представить объект как часть культурно-исторического ландшафта (рис. 3).

В 2013 г. намеченные работы на памятнике Сростки-I были продолжены. В результате полностью раскопан курган №8 (см. публикацию в данном сборнике). Вскрытая площадь составила 144 кв. м. Намеченный для раскопок курган №8 исследовался с учетом полного изучения земляной насыпи и прилегающего к ней пространства. Состоялась его частичная музеефикация.

Материалы, полученные при раскопках двух курганов, хорошо демонстрируют, что все выявленные показатели (планиграфия могил, способ погребения, положение и ориентация умерших, традиция сооружения околочурганного столба и др.) характерны для большинства погребальных памятников сросткинской археологической культуры. Обнаруженные находки подтвердили датировку памятника (2-й половина IX – 1-й половина X вв. н.э.), что отражает развитую стадию существования обширной этнокультурной общности на юге Западной Сибири [Горбунов, Ситдилов, Тишкин, 2013].

В 2014 г. запланировано продолжение исследований. При этом особое значение должны иметь намеченные геофизические исследования, в ходе которых будут получены сведения об особенностях оформления погребального комплекса, определена степень нарушенности отдельных объектов, изучено межкурганное пространство. Полученная магнитограмма позволит эффективно планировать раскопочные работы. Данная работа будет опираться на уже имеющийся опыт проведения таких изысканий на разных курганных могильниках юга Западной Сибири [Тишкин и др., 2007; Тишкин, 2013].

---

² Представленные в статье фотоснимки выполнены автором.

Рис. 1. Сротки-І. Курган №12 в процессе исследований
(раскопки В.В. Горбунова, 2012 г.)

Рис. 2. Сротки-І. Курган №12. Процесс рекультивации раскопа
и восстановления земляной насыпи

Рис. 3. Сротки-І. Восстановленный вид земляной насыпи кургана №12

В заключение важно отметить, что для получения существенных результатов нужна программа, в основу которой может быть положен аккумулированный задел. Она должна включать проект музеефикации всех археологических памятников, находящихся на горе Пикет, а также оформление их в музейный комплекс путем создания специальных площадок, оборудованных баннерами. Возможно, устройство павильона, где может демонстрироваться временная экспозиция и будет реализовываться сувенирная продукция, буклеты и др.

Отдельной стороной развития может стать подготовка научных и научно-популярных публикаций по результатам проведенных научных исследований. Планируется подготовка и издание буклета. Расширит обозначенную деятельность презентация результатов внедрения историко-культурного наследия в сферу экскурсионно-туристической деятельности на выставках, форумах и конференциях регионального, всероссийского и международного уровня.

Кратко представленный план создания музеефицированного комплекса будет органично вписываться в формирующийся проект создания туристического маршрута «Малое Золотое кольцо Алтая», активно поддерживаемого краевой администрацией и имеющего очевидные перспективы.

Библиографический список

- Алтайский благодатный край. М., 2007. 544 с.
- Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л., 1965. 146 с.
- Горбунов В.В. Сросткинская археологическая культура: итоги и перспективы изучения // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. СПб., 2012. Кн. 2. С. 549–554.
- Горбунов В.В., Ситдииков А.Г., Тишкин А.А. Новые результаты изучения курганного могильника Сростки-I в Бийском районе Алтайского края // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 2013. Вып. XVIII–XIX. С. 102–107.
- Неверов С.В. Материалы раскопок М.Д. Копытова у с. Сростки // Охрана и исследования археологических памятников Алтая. Барнаул, 1991. С. 125–128.
- Савинов Д.Г. Погребения Сросткинского могильника (по материалам раскопок Н.М. Комаровой, 1925 г.) // Археология, антропология и этнография Сибири. Барнаул, 1996. С. 192–206.
- Савинов Д.Г. Сросткинский могильник (раскопки Н.М. Комаровой в 1925 г. и С.М. Сергеева в 1930 г.) // Древности Алтая: Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 1998. №3. С. 175–190.
- Сергеев С.М. Курганные погребения близ с. Сростки Бийского округа. Краткая характеристика // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1998. Вып. IX. С. 187–190.
- Тишкин А.А. Практический опыт музеефикации археологических объектов на территории Алтая и Монголии // Проблемы сохранения, использования и охраны культурного и природного наследия при реализации проектов и программ развития Сибири и Дальнего Востока. Томск, 2008. С. 113–122.

Тишкин А.А. Кармацкий – базовый памятник монгольского времени в Барнаульском Приобье // V Международный Болгарский форум «Политическое и этнокультурное взаимодействие государств и народов в постзоологоордынском пространстве (XV–XVI вв.)». Симферополь, 2013. С. 119–122.

Тишкин А.А., Чугунов К.В., Чемякина М.А., Дядьков П.Г., Манштейн А.К., Позднякова О.А., Миненко М.И., Адайкин А.А. Геофизические исследования на памятнике Бугры в предгорьях Алтая // Алтае-Саянская горная страна и история освоения ее кочевниками. Барнаул, 2007. С. 215–220.

Т.Ж. Тулегенов

*Государственный историко-культурный
заповедник-музей «Иссык», Есик, Казахстан*

НАПРАВЛЕНИЕ РАЗВИТИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАБОТЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО ЗАПОВЕДНИКА-МУЗЕЯ «ИССЫК» В ДЕЛЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Комплексная программа развития Государственного историко-культурного заповедника-музея «Иссык» направлена на решение назревших проблем сегодняшнего дня и имеет виды на будущее. Исходит она из современного состояния музееведения и области практической музейной деятельности. Учитываются достижения фундаментальных направлений гуманитарных наук и предписания законов Республики Казахстан: «Об охране и использовании историко-культурного наследия», «Об охране окружающей природной среды».

Ключевую позицию среди наук гуманитарных направлений занимает археология. Именно она служит каркасом комплекса зданий заповедника-музея, которое уже существует четыре года. Следовательно, ядро Генерального плана развития заповедника-музея «Иссык» – это формирование и внедрение прикладных принципов археологии для осуществления государственной политики в области охраны и использования историко-культурного наследия. Памятники археологии составляют основной фонд заповедника-музея. Они же являются самым древним и самым многочисленным видом историко-культурного наследия Алмаатинской области. Скрытые обычно под землей и непонятные широкому кругу своих наследников, эти исторические источники уничтожаются как силами природы, так и в результате хозяйственной деятельности человека. Предпринимаемые преграды, призванные приостановить их уничтожение, недостаточно прочны и надежны. Не на должном уровне предусмотрены системы мер по защите памятников истории и культуры во вновь принятых законах: об охране окружающей среды, земле и землепользовании, об архитектуре и строительстве, а также в иных ведомственных нормативных документах. А самое прискорбное заключает-

ся в том, что законы, подзаконные акты и комплексы ведомственных инструктивных документов, предписывающие выполнение системы памятно-защитных мер, не действуют.

В Государственном историко-культурном заповеднике-музее «Иссык» по осуществлению государственной политики в области охраны и использовании по прямому назначению богатого многовекового культурного наследия работы ведутся по трем основным направлениям.

1-е направление: «Формирование и внедрение прикладных принципов археологии в области охраны историко-культурного наследия». Основной целью деятельности является сохранение в неприкосновенном виде археологических и природных памятников области с их охранной зоной. Осуществляется путем последовательного решения целого ряда задач, логически вытекающих одна из другой. Невыполнение или ненадлежащее выполнение лишь одной цепи этого звена отрицательно отразится на конечный результат замысла. Конкретные задачи ставятся и определяются в такой последовательности:

- составление полного перечня памятников истории, культуры и природы с территорией исторической или ландшафтной связанной с ними и включение их в состав музея;

- выезд на место отвода;

- выявление и фиксация памятников зоны нового освоения;

- разработка и выдача научно обоснованных рекомендаций по охранным мерам;

- каталогизация предметов историко-культурного наследия области;

- оказание помощи в организационном и методическом плане районным администрациям, ведомственным музеям и учреждениям, занимающимся вопросами охраны и использования историко-культурного наследия.

2-е направление: «Формирование и внедрение прикладных принципов археологии в области использования памятников». Поиски и решения, организация и проведение конкретных задач этого направления на использование и содержание памятников историко-культурного наследия, на возрождение и развитие духовных и культурных традиций народов, а также в научных, образовательных и воспитательных целях. В этот комплекс входят вопросы организации наиболее рационального изучения историко-культурного наследия тех из них, чью гибель невозможно предотвратить в результате стихийных явлений или строительной и хозяйственной деятельности. Использование памятников обеспечивает их доступность широкому кругу людей через сеть государственного историко-культурного наследия. Мероприятия для достижения поставленных задач предусматривают:

- организацию региональной комплексной научно-исследовательской экспедиции, оснащенной современным и оборудованием и техникой;

- проведение полевых комплексных экспедиций в зонах новостроек и на памятниках культуры и природы, разрушающихся в силу природных факторов;
- научная демонстрация уникальных археологических памятников и ценных природных ландшафтов области;
- разработка проектов научного экспонирования и музеефикации памятников археологии и природы;
- организация экспозиции на раскапываемых памятниках археологии;
- подготовка к публикации материалов охранных работ, научно обоснованных рекомендаций, инструкций и методических указаний по вопросам использования и содержания памятников культуры и природы;
- производство научно-популярных фильмов;
- разработка режима использования памятников культуры и природы и зон их охраны для последующего утверждения правительством;
- подготовка и чтение спецкурса в учебных заведениях по основам охраны, использования и содержания памятников культуры и природы.

3-е направление: «Формирование и внедрение в музейное дело гуманитарных и естественных наук». Цель: увязать научную и практическую деятельность заповедника-музея «Иссык» с достижениями других гуманитарных наук, естествознания и будничными потребностями. Ибо понятие «историко-культурное наследие» охватывает наряду с культурными объектами – природные ландшафты, редкостные геологические и физиогеографические образования и др. Следовательно, возможно рассчитывать на успех без учета основополагающих выводов смежных дисциплин (экологии, этнологии, геологии, географии и т.д.).

Музейная деятельность всецело связана с прошлым. Следовательно, необходимо найти связи и с самой жизненной повседневностью.

Наконец, в сфере сохранения, использования и содержания историко-культурного наследия тесно переплетены права и обязанности органов государственной власти, государственных органов охраны, научных учреждений, проектных и строительных организаций. Следует четко уяснить регламентированные законы их прав и обязанностей, учитывать разграниченные законом пределы их компетенции и, исходя из них, определить приоритетное направление своего дела. Таким образом, добиваться координации усилий всех заинтересованных физических и юридических лиц.

В рамках интеграции знаний в области охраны, использования и содержания историко-культурного наследия предполагается по следующим приоритетным направлениям сотрудничество:

- в сохранении многообразия экосистем и ландшафтов, уникальных природных объектов и связанного с ними культурного наследия;
- в укреплении законности и правопорядке в сфере охраны и использовании памятников природы и культуры;

– в организации социально-экологического воспитания и образования;
– в экологической и археологической экспертизе любых видов хозяйственной деятельности, оказывающих влияние на окружающую природную и культурную среду.

Такое вкратце основное содержание проводимых и планируемых работ. Они нацелены, прежде всего, на недвижимые памятники археологии. Создание Государственного историко-культурного заповедника-музея «Иссык» в рамках реализации Национального стратегического проекта «Культурное наследие» явилось следующим этапом в деле сохранения этого уникального объекта историко-культурного наследия страны. Музейное дело с движимым или вещественным археологическим материалом имеет удовлетворительный в целом опыт работ.

Основной задачей заповедника-музея «Иссык» является исследование и популяризация богатейшего наследия сакской культуры, организация научно-исследовательской, культурно-образовательной и туристической деятельности, связанной с систематическим изучением, популяризацией и хранением памятников.

Основные объекты исследования и охраны заповедника-музея – свыше 80 сакских курганов могильника Иссык (рис.), расположенных на северо-западной окраине г. Есик, и древние городища Рахат и Орикты, обнаруженные в Есик-Тургеньском междуречье. Эти поселения – своеобразная сельская округа при городах. На городище Рахат даже на непросвещенный взгляд четко видно несколько укрепленных дворцовых построек, они воспринимаются как резиденция сакских царей и храмы верховных жрецов. Городище Орикты – предположительно город сакской элиты. Таким образом, всемирно известный могильник Иссык обретает новый смысл, он воспринимается как некрополь сакских царей, военачальников и вождей – жителей этих городов. Вполне вероятно, что «Золотого человека» к месту его погребения вынесли оттуда.

Некрополь Иссык, левобережная часть, группа заповедника-музея «Иссык»

Расположенный на магистрали Великого Шелкового пути, заповедник-музей «Иссык» – стратегически важный объект развития культурного туризма республики для развития инфраструктуры.

Музейные комплексы, включающие недвижимые памятники, ныне рассматриваются специалистами как наиболее престижные учреждения культуры, как важный механизм трансляции и сохранения предшествующих этапов культурного развития. Археологический памятник может стать активным элементом процесса познания нашего прошлого только при соблюдении приоритета консервации с максимальным сохранением внешнего вида объекта на момент раскопок перед реставрацией и музеефикацией. При этом заповедник-музей выступает наилучшим «полем» взаимодействия археологов, музейных сотрудников, реставраторов.

Библиографический список

Акишев А.К. Семантика и функции искусства «звериного стиля» саков Семиречья // Ранние кочевники Средней Азии и Казахстана: краткие тезисы докладов / отв. ред. В.М. Массон. Л., 1975. С. 57–61.

Акишев К.А. Курган Иссык. Искусство саков Казахстана. М., 1978.

Байпаков К.М., Таймагамбетов Ж.К. Археология Казахстана. Алматы, 2006.

Бернштам А.Н. Памятники старины Алма-Атинской области (по материалам экспедиции 1939 г.) // Известия АН КазССР. Сер.: Археология. 1948. Вып. 1. С. 79–83.

Выписка из приказа №7 по Институту истории, археологии и этнографии АН КазССР // Архив АН КазССР. 1971. Р-11. №77.

Загородний А.С., Григорьев Ф.П. Вопросы археологии Казахстана. Алматы, 1998. Вып. 2.

Мухтарова Г.Р. Нурмуханбетов Б.Н., Тулегенов Т.Ж. Взаимодействие стратегии власти и общества в сохранении и использовании культурного наследия Казахстана // Археология Казахстана: итоги и перспективы: мат. междунар. науч.-практ. конф. Алматы, 2013. С. 74–78.

С.В. Харламов, Н.Ф. Харламова

*Алтайская государственная академия культуры и искусств;
Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия*

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-ТУРИСТИЧЕСКИЙ МАРШРУТ «ВЕЛИКИЙ ШЕЛКОВЫЙ ПУТЬ» В АЛТАЙСКОМ КРАЕ КАК ПРИМЕР ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ОБЪЕКТОВ НАСЛЕДИЯ В СФЕРЕ КУЛЬТУРНОГО ТУРИЗМА

В ряде административных субъектов Российской Федерации в последние годы среди приоритетных отраслей экономики считается туризм, предоставляющий возможность увеличения вклада в валовой региональный продукт от туристской деятельности до 5–10%. К числу таких регионов относится и Алтайский край.

Ежегодное увеличение потока туристов в Алтайский край стимулирует появление новых объектов размещения и питания, развитие дорожно-транспортной сети, расширение ассортимента и повышение качества всех видов услуг, связанных с обслуживанием туристов и отдыхающих. В этих условиях весьма актуальной является задача вовлечения в туристский оборот новых объектов природы, исторического и культурного наследия, а также социальных объектов, т.е. того комплекса, который, в соответствии с содержанием ФЗ РФ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» (1996), является туристскими ресурсами.

Для территории, не имеющей сложившихся традиций туристского освоения, данная задача особенно важна, поскольку качество туристских ресурсов территории лежит в основе принятия решения о поездке, т.е. в основе мотивации каждого путешествия. Активный процесс развития туризма в Алтайском крае был отмечен Правительством РФ и в настоящее время здесь реализуется несколько крупных федеральных проектов, обеспеченных инвестициями федерального, краевого и муниципальных бюджетов, а также частного капитала в рамках государственно-частного партнерства. Среди них – особая экономическая зона туристско-рекреационного типа «Бирюзовая Катунь», туристско-рекреационный кластер «Белокуриха-2» и автотуристский кластер «Золотые ворота» (г. Бийск). Одновременно в рамках долгосрочной целевой программы «Развитие туризма в Алтайском крае на 2011–2016 годы» продолжается формирование туристских кластеров в равнинной и горной частях региона, имеющих различную функциональную направленность [Туристские ресурсы, 2011].

В общем комплексе мероприятий по созданию современной конкурентоспособной туристской индустрии осуществляется активное продвижение как самого региона, так и его туристического продукта на внутреннем и зарубежных рынках туристских услуг. В связи с этим в Алтайском крае проводятся исследования, позволившие выделить из многообразия природных, исторических и социально-культурных туристских ресурсов наиболее значимые, которые в силу своей уникальности могут привлечь внимание любителей путешествий России и зарубежья.

Начиная с 2010 г. в концепцию продвижения турпродукта региона была добавлена практика его позиционирования через представление брендового маршрута «Малое Золотое кольцо Алтая». Удачно сформированный бренд позволяет, с одной стороны, используя популярность региона в целом либо отдельных его объектов, способствовать реализации производимой продукции; с другой стороны – продвигать регион посредством популярности у потребителей продукции, изготавливаемой здесь. Это в полной мере относится к туристскому продукту. Реальной формой туристского продукта является и маршрут путешествия, предлагаемый потребителю.

Разнообразие туристских ресурсов, расположенных по брендовому маршруту, создает возможность турфирмам формировать туры, отвечающие потребностям разных слоев потребительского рынка: детские и семейные, спортивно-оздоровительные, лечебно-оздоровительные, гастрономические, экологические, фито-туры и прочие. Широкий спектр средств размещения, действующих на маршруте, позволяет круглогодично удовлетворять потребности туристов от эконом-класса до VIP-туров. Преимущество формы продвижения региона не через популярность и уникальность отдельных объектов, а посредством объединения их в маршрут, представляется инновационным и более продуктивным.

Для молодого туристского региона, расположенного в центре континента, оптимальным является формирование и продвижение одного брендового маршрута, доведенного до максимально возможного уровня приема туристов. Необходимо дальнейшее совершенствование данного предложения с возможностью радиальных поездок к уникальным объектам, расположенным поблизости, но не вошедшим в состав маршрута, например, поездки в Денисову пещеру, к водопадам долины р. Шинок, в гости к потомкам горных казаков в с. Новопокровка и др.

Вместе с тем в регионе должны быть и другие маршруты, объединяющие туристские ресурсы, находящиеся на значительном удалении от данного брендового маршрута. Концепции этих маршрутов и особенности транспортной сети региона могут способствовать их совпадению на отдельных участках и пересечению друг с другом.

Так, в 2012 г. в Алтайском крае был разработан и стал продвигаться еще один брендовый маршрут – «Большое Золотое кольцо Алтай» – значительно большей протяженности. Однако в настоящее время с учетом качества автомобильных дорог, разнообразием и качеством предлагаемых средств размещения и питания данный маршрут «Большое Золотое кольцо Алтай» пока не отвечает статусу брендового. То же самое можно сказать и относительно нового маршрута «Казачья подкова Алтай», в основе которого лежит путешествие по местам расположения укрепительных сооружений исторической казачьей Колывано-Кузнецкой оборонительной линии.

Формирование брендовых маршрутов во внутриконтинентальных туристских регионах делает такой регион более конкурентоспособным на международном и внутреннем рынках туристских услуг, одновременно решая задачу сохранения историко-культурного наследия.

В начале третьего тысячелетия человечество столкнулось с необходимостью искать новые пути сотрудничества или восстанавливать забытые. Всеобъемлющее, комплексное изучение и восстановление Великого Шелкового пути, как «пути диалога», вполне соответствует такой необходимости. В мае 1993 г. в Брюсселе Европейской комиссией была организована встреча представителей государств Центральной Азии

и Кавказа, а также Европейского Союза, в ходе которой был рассмотрен вопрос создания ТРАСЕКА (TRASECA – Transport Corridor Europe Caucasus Asia) – транспортного коридора Европа – Кавказ – Азия. Эта встреча была первым практическим шагом в возрождении Великого Шелкового пути. В 1998 г. международная организация ЮНЕСКО объявила о начале десятилетнего проекта, названного «Интегральное изучение Шелкового пути – пути диалога».

В октябре 2013 г. в ходе состоявшегося в Санкт-Петербурге международного культурно-туристского Форума состоялось подписание протокола о намерениях в сфере межрегионального взаимодействия по вопросу реализации культурно-познавательного туристского проекта «Великий Шелковый путь», в котором приняли участие и представители Управления Алтайского края по развитию туристско-рекреационного и санаторно-курортного комплексов. Соответствующее поручение, касающееся вопросов сохранения, использования и популяризации историко-культурного наследия, развития культурно-познавательного туризма было дано Президентом Российской Федерации в 2012 г. Подписи под документом поставили представители ряда субъектов России – республик Дагестан, Калмыкия, Карачаево-Черкессия, Татарстан, Алтайского и Ставропольского краев, Астраханской области. Эти субъекты выразили свое намерение организовать межрегиональное взаимодействие по вопросу реализации межрегионального культурно-познавательного туристского проекта «Великий Шелковый путь».

Цель проекта – сохранение и популяризация историко-культурного наследия, развитие культурно-познавательного туризма посредством создания сети культурно-познавательных туристских маршрутов в историческом и географическом коридоре Великого Шелкового пути, развитие межрегионального сотрудничества в сферах культуры и туризма, укрепление партнерских связей. Предполагается формирование единого информационного туристского пространства и единого туристского бренда «Великий Шелковый путь» для повышения конкурентоспособности и продвижения проекта. Предусматривается разработка общих стандартов предоставления туристских услуг в рамках его реализации.

В 2012 г. Алтайский край начал взаимодействовать со Всемирной туристской организацией (UNWTO) и вошел в перечень перспективных туристских регионов-партнеров UNWTO по совместной реализации ряда международных брендовых проектов в области туризма и гостиничного менеджмента, в том числе по реализации проекта «Шелковый путь». Участие Алтайского края в этой инициативе под эгидой ЮНВТО, наряду с такими известными дестинациями Шелкового пути, как Китай, Греция, Турция и другие, служит повышению информированности об Алтайском крае и его турпродукте на международном уровне, а также демонстрации его лидирующих позиций среди других регионов России в проекте.

Управление Алтайского края по развитию туристско-рекреационного и санаторно-курортного комплексов и краевое государственное бюджетное учреждение «Туристский центр Алтайского края» (КГБУ «Алтайтурцентр») организовали выполнение научно-исследовательской работы «Разработка нового международного туристского маршрута «Шелковый путь» в пределах Алтайского края», результаты которой представлены здесь.

Великий Шелковый путь – в древности и средневековье – караванная дорога из Китая в страны Средней и Передней Азии [Советский..., 1980, с. 206]. Участки евразийского Торгового пути в 1877 г. с подачи немецкого географа и геолога Фердинанда фон Рихтгофена получили научный термин «Шелковый путь», поскольку основным экспортным товаром из Китая в страны Запада являлся шелк, ставший международной валютой.

Авторами разработан паспорт нового туристского маршрута «Шелковый путь» в пределах Алтайского края». Международный автобусный (автомобильный) туристский маршрут «Великий Шелковый путь» в пределах Алтайского края» включает путешествие продолжительностью 7 дней и протяженностью 1250 км по территории восьми районов и трех городов Алтайского края. В настоящее время рекомендуется для теплого периода года. При круглогодичном использовании требуется дополнительное исследование возможностей. Начало и конец обслуживания на маршруте: Змеиногорский район («Алтайский Куршавель», с. Новохарьковка) либо г. Барнаул.

Объекты туристского интереса проектируемого маршрута в пределах Алтайского края следует разделить на две большие группы:

- объекты, относящиеся ко времени, предшествующему возникновению Великого Шелкового пути и времени его активного действия;
- объекты, возникшие в другие времена и не связанные с историей Великого Шелкового пути, но представляющие интерес как объекты международного значения.

1 группа: объекты, относящиеся ко времени, предшествующему возникновению Великого Шелкового пути и времени его активного действия – это некоторые археологические объекты предгорной и горной областей на юге Алтайского края:

- поселение древних металлургов на Кольванском озере (Змеиногорский район);
- Царский курган в долине реки Сентелек (Чарышский район);
- археологический комплекс у Тавдинских пещер (ОЭЗ ТРТ «Бирюзовая Катунь», Алтайский район);
- городище «Пикет» юго-восточная окраина села Сростки, правый берег Катунь, гора Пикет (Бийский район);
- экспозиция Бийского краеведческого музея им. В.В. Бианки, повествующая об истории развития торговых путей, проходивших по горам Алтая (г. Бийск).

2 группа: объекты, возникшие в другие времена и не связанные с историей Великого Шелкового пути, но представляющие интерес как объекты международного значения, в том числе:

– Кольванский камнерезный завод им. И.И. Ползунова, где была создана «Царица ваз» (Курьинский район);

– музей М.Т. Калашникова – конструктора знаменитого стрелкового оружия – на его родине в с. Курья (Курьинский район);

– Денисова пещера – место обнаружения останков *человека алтайского* (*Homo sapiens altaensis*) или «денисовца» (Солонешенский район);

– курорт Белокуриха;

– мемориальный комплекс с. Сротки на родине актера, режиссера и писателя В.М. Шукшина (Бийский район);

– место образования Оби – крупнейшей реки России (г. Бийск).

Маршрут для туристов, прибывших со стороны Республики Казахстан, предлагается осуществлять следующим образом: г. Змеиногоorsk – с. Саввушка – с. Курья – с. Кольвань – с. Краснощеково – с. Чарышское – с. Солонешное – Денисова пещера – курорт Белокуриха – с. Алтайское – «Бирюзовая Катунь» – с. Сротки – г. Бийск – далее через аэропорт им. Г.С. Титова (г. Барнаул) в соответствии с планом путешествия.

Задачи данного проекта вполне соответствуют принципам *адекватного туризма* [Рекреационная география, 2005, с. 107], который способствует сохранению и рациональному использованию культурного, исторического и природного наследия территории, социальному и духовному развитию населения, совмещая две основные функции – воспитательную и культурную, с одной стороны, экономическую – с другой. Включение историко-культурных объектов в программу данного туристского маршрута, способствуя повышению их коммерческой ценности (привлекательности), может содействовать задаче сохранения многих уникальных объектов.

Библиографический список

Федеральный Закон «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» №132-ФЗ от 24.11.96.

Туристские ресурсы Алтайского края: монография / Н.Ф. Харламова, А.Н. Романов, Ю.И. Винокуров, С.В. Харламов. Барнаул, 2011. 178 с.

Советский энциклопедический словарь. М., 1980. 1600 с.: ил.

Рекреационная география: учеб.-метод. комплекс / А.С. Кусков, В.Л. Голубева, Т.Н. Одинцова. М., 2005. 496 с.

Научное издание

**СОХРАНЕНИЕ И ИЗУЧЕНИЕ
КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ АЛТАЙСКОГО КРАЯ**

Выпуск XX

СБОРНИК НАУЧНЫХ СТАТЕЙ

*На обложке – здание Музея истории развития горного производства
им. А. Демидова (г. Змеиногорск Змеиногорского района Алтайского края)
и бронзовый кинжал из его экспозиции (фотоснимки А.А. Тишкина)*

Редактор: Н.Я. Тырышкина
Подготовка оригинал-макета: М.Ю. Кузеванова

Подписано в печать 10.04.2014. Печать ризографическая.
Бумага офсетная. Формат 60x84/8. Усл. печ. л. 16,5.
Тираж 300 экз. Заказ 125.

Издательство Алтайского государственного университета:
656049, Барнаул, ул. Димитрова, 66

Отпечатано в типографии Алтайского государственного университета:
656049, Барнаул, ул. Димитрова, 66